

**Борис Громов
Это Моя Земля!**

Аннотация

Когда привычный нам всем мир внезапно сойдет с ума, когда реальностью обернутся самые жуткие и кровавые фантазии создателей фильмов ужасов, когда рухнут не готовые и неспособные противостоять совершенно невозможной с точки зрения любого здравомыслящего человека угрозе государства... Когда мертвые вдруг встанут чтобы кормиться от живых... У большинства тех, кто смог выжить, сразу появится много новых

дел: раздобыть оружие и подходящий транспорт, запастись продуктами, найти убежище. Но есть и другие. Они отлично подготовлены. Их базы — изначально маленькие крепости. В их распоряжении есть и оружие, и даже бронетехника. А еще они давали Присягу. Так что же они будут делать в новом, жестоком и кровавом мире? Данное произведение является фанфиком на цикл повестей Андрея Круза «Эпоха Мертвых».

Окончание первой части от 08.11.2012 г.

Борис Громов Это Моя Земля!

Фанфик к книге Андрея Круза «Эпоха мертвых». Время и условия действия — те же, место — неподалеку. Большая часть героев, несмотря на измененные имена и фамилии — абсолютно реальные люди, бойцы и офицеры ОМОН, мои друзья и сослуживцы, отважные и отчаянные парни, не боящиеся ни Бога, ни черта, коим эту повесть и посвящаю.

г. Пересвет, база подмосковного ОМОН. 20 марта, вторник, день

— Красный!¹ — ору я во всю глотку и падаю на одно колено, сокращая тем самым возможную площадь поражения своего брэнного тельца. Глядеть продолжаю вперед, на заваленный обломками кирпича и всяким мелким хламом коридор с отстающей от стен бежевой краской, лоскутами штукатурки, свисающими с потолка и темными дверными проемами без дверей. Из некоторых, оставшихся у меня за спиной, торчат выдвигающиеся щиты с простреленными мишенями. Ствол автомата не опускаю, не далее как пару минут назад сам это молодняку объяснял: куда глаза — туда и ствол, и сектор обстрела из внимания не выпускать ни на миг!левой рукой на ощупь выхватываю из «разгрузки» новый магазин. Подбивом² выщелкиваю старый и он, с пластиковым дребезгом, падает мне под ноги. Вставляю новый, и снова во всю глотку: «Зеленый!». Встаю с колена. Ставлю автомат на предохранитель. Подбираю лежащий на грязном бетонном полу магазин. В воздухе висит запах сгоревшего пороха. Зеленые гильзы в серой цементной пыли и грязи выглядят инородными яркими пятнами. Разворачиваюсь лицом к замершей в конце коридора короткой шеренге из шести новичков. Чистенькие и не обмятые еще «горки»³, ярко-черные бронежилеты и оливковые, без единой царапины шлемы с забралами, одинаковые «казенные» разгрузочные жилеты, довольно бестолковые, надо сказать, с неудобным расположением карманов. На мне, правда, сейчас такой же — сплавовский «Тарзан», но у меня есть и другой — куда лучше и намного дороже. Но я его ношу только на Кавказе, здесь, в Подмоскowie, и «Тарзана» — за глаза. Ничего, к следующей командировке закажем парням другие, вроде натовских, модульные.⁴ А пока, на «тактике» побегать, и эти пойдут.

¹ «Красный», «зеленый» — в спецподразделениях этими голосовыми командами обозначают неготовность или готовность к бою.

² Подбив — способ замены магазина в автомате, при котором старый магазин как бы выбивают новым, ударяя им по защелке магазина и самому старому магазину. Способ удобен быстротой, но при нем выбитый магазин падает на землю.

³ «Горка» — полевое обмундирование спецподразделений из грубого брезента, с дополнительными тканевыми накладками на локтях и коленях, для прочности.

⁴ Модульная «разгрузка» — «разгрузка» в виде жилета, либо ременно-плечевой системы, отличающаяся от обычного разгрузочного жилета возможностью произвольного расположения карманов и подсумков. Такую

Нет, есть все же и в командировках на Кавказ свои положительные стороны! Тренируемся-то мы постоянно, каждую смену, если не на выезде. Но нормальные, серьезные занятия у нас проводятся не так уж часто — вечно чего-то не хватает. Исключения — «редкие, но меткие» совместные занятия с группами «Вымпела» и период подготовки к очередной полугодовой «кавказской эпопее». Вот и теперь — до отъезда в Чечню всего десять дней. И родимый Главк, в кои-то веки расщедрившись, выделил нам на тренировки по боевому слаживанию целую грудку разной «имитации»⁵, да и боевых патронов на «пристрелку и приведение к нормальному бою» подкинул. Как не воспользоваться такой удачей и не погонять необстрелянный молодняк в условиях «близких к боевым»?! Вот и гоняем, пока в Чечню не укатили. А мОлодежь пускай пока на базе посидит, потренируется. Их командировка — в следующем году.

— Все понятно или вопросы есть какие-нибудь?

В начале строя вверх поднимается рука со сжатой в кулак ладонью. Молодцы, кое-что усвоили.

— Что, Сергей?

— А нас в Москву отправят, как думаешь?

Да, блин. В Москве с самого раннего утра какая-то чушь творится. Сперва, когда я собирался на работу под бормотание телевизора, вроде было тихо, а вот к обеду начались беспорядки. Причем какие-то странные. И не массовые вроде, на митинги начала 90-х не похожие. Но, видимо, серьезные. Потому что сотрудникам милиции несколько раз пришлось стрелять. Причем на поражение. Правда, в новостях об этом пока — ни слова, ни полслова. А нам из Главка в дежурную часть позвонили, объявили готовность к общему сбору и «радостными известиями» поделились. Ладно, если «Лебединое озеро»⁶ по всем каналам не пустили — жить будем.

— А фиг его знает. Вряд ли. В Москве своего ОМОНа — три с половиной тысячи рыл... Наверняка сами управятся. Не переживай, ежели случится какая-нибудь заварушка, навряд войны — ты ее не пропустишь. По теме занятия вопросы будут?

— Борь, ты после смены магазина патрон не дослал...

На лицах у молодых начинают проступать улыбки: как же — матерый прапор-«замок», да так прокололся.

— Да ты что?

Вскидываю «семьдесят четвертый» в сторону ближайшей мишени, снимая по ходу предохранитель. Бам! Звук одиночного выстрела бьет по ушам. У молодых вытягиваются лица. Они пока не поняли. Да, мелькает молодняк! То ли дело раньше, когда в Отряд брали только отслуживших в армии, да желательно — в «горячих точках». Таким почти ничего объяснять не надо было. Они и так все знали. Оставалось только боевое слаживание провести. Поверьте, уж я знаю, сам из таких.

— Вообще-то, — начинаю говорить я, — вам это пока рановато. Цель сегодняшнего занятия — наработка навыков работы в тройке при замене магазина. Пока один меняет, двое прикрывают. Плюс — азы перемещения при зачистке здания. Но раз уж заметили — поясняю. Умный и опытный боец всегда контролирует количество израсходованных патронов. До отсечки⁷ стреляют только новички и дилетанты. Лови!

«разгрузку» каждый боец подгоняет под себя, размещая ее элементы там, где это удобно ему.

⁵ «Имитация» — общее название холостых боеприпасов, взрывпакетов и имитационных мин.

⁶ «Лебединое озеро» — балет Петра Ильича Чайковского, отдельно известный тем, что именно его транслировали по всем телеканалам во время августовского путча в 1991 году.

⁷ Отсечка — характерный звук, раздающийся в тот момент, когда в магазине автомата закончились патроны.

Кидаю глазастому Сереге подобранный с пола магазин.

— Чего видишь?

— Там еще два патрона. Ты их считал что ли?

— Нет. Во время штурма все происходит быстро, реакция на любое событие должна быть мгновенной. Поэтому голова не должна быть занята всякой ересью, типа подсчета выстрелов. Я при снаряжении магазинов просто заряжаю после первых трех патронов три трассера. Потом, в бою, увидал, что трассера пошли — тут же смена магазина. А в патроннике — точно есть еще один патрон. А значит — если в момент замены на тебя неожиданно какой-нибудь «демон» из-за угла выпрыгнет, то ты его даже с непристегнутым магазином привалишь. Ясно?

Молодняк дружно закивал буйными головушками, закачались вверх-вниз поднятые забрала шлемов.

— Ну и отлично. А теперь по порядку номеров на две тройки рассчитались! И покажете старому дяде, чего вы там запомнили. Точно вопросов нет? Если чего не поняли, лучше сейчас спросите. Потом — поздно будет. Учтите, худшая тройка отжимается в полной сбруе полтинник...

Мою грозную тираду прерывает хрип радиостанции.

— Алтай-11, Алтаю-1.

Так, капитану Каменкову Роману Владимировичу, нашему доблестному ротному зачем-то срочно понадобился его верный замкомвзвод-один, то есть ваш покорный слуга.

— Алтай-11 на связи.

— Где находишься?

— В старой казарме. «Тактикой» с молодыми занимаюсь.

— Отставить «тактику», бойцов — в кубрик, а сам бегом в «дежурку».

— Понял тебя, Алтай-1.

Обвожу взглядом парней.

— Так, ноги в руки и бегом в расположение. Похоже, случилось что-то.

В голове промелькнула идиотская мысль: «Только б не государственный переворот! Вот только еще одного путча нам в довесок к поездке в Чечню и не хватает!»

В «дежурке» уже о чем-то спорят дежурный с помощником и ротный. Следом за мной вваливается потный и раскрасневшийся, огромный, словно медведь-гризли, взводный-один — лейтенант Антон Тисов. Дураку видно — опять в тренажерном зале штангу мучил: хорошо ему, свалил обучение молодых на бедного меня, а сам со всем остальным взводом потопал в тренажерку. А я и не в обиде: честно говоря, всякие железяки тягать — не мое это. А вот тактические занятия мне всегда нравились, еще со времен армейской службы. Да и получается у меня это хорошо, чего уж скромничать. И с новичками возиться люблю. Они мозгам закаменеть не дают: иногда такое спросят — голову сломаешь, пока ответ придумаешь. А вот Тисов «железо» нежно любит. И оно отвечает ему полной взаимностью. Я тоже не дите субтильное: рост — без трех сантиметров «двушка» и вес в сто десять кило. Но рядом с Антохой начинаю испытывать могучий комплекс неполноценности. Щедро одарила природа простого парня из Урюпинска. Да и сам он не плошал: с юности толкал ядро, жал штангу, тягал гири. Вот и вырос такой, что смотреть страшно.

Вопрошающе смотрим на Рому и пожилого усатого майора-дежурного, которого весь отряд с давних пор зовет просто Дядя Саня. Вид у обоих... Ну, скажем так, озадаченный.

— Что случилось?

— Фигня случилась! — вздыхает Дядя Саня, — Фабрику старую в Ивантеевке помните?

— Это ту швейную? На которой в прошлый раз полтыщи вьетнамцев-«гастеров» повязали? ФМСники⁸ бедные еще носились как угорелые, не знали, куда ж их всех девать.

⁸ ФМС — Федеральная миграционная служба, федеральный орган исполнительной власти, реализующий

Помним. А что, опять их отлавливать едем? Как раз, небось, хозяева новых набрали.

Отвечаю на вопрос, а у самого будто камень с души упал. Переворота не случилось, а значит можно малость расслабиться.

— Докладываю голосом: в 14 часов 50 минут в Ивантеевское УВД позвонили сотрудники ЧОПа, что там на воротах сидят. Их трое — старший смены и два охранника, дежурят «двое через двое». Внутри фабричного корпуса не лезут, их работа — ворота открывать, но тут заподозрили что-то неладное «Гастеры», оказывается, поутру чего-то бузили. Охранникам не слышно было толком, там стены толстые, но вроде орали. За помощью никто не прибежал, они поэтому и дергаться не стали. Там такое частенько бывает: «вьетконг» друг с другом отношения выясняет. Но до серьезных проблем дело не доходило. Повопят да и перестанут. А тут — дело к обеду, а в корпусе тишина, никто наружу не выходит, и даже оборудование не шумит. Вот их старший собрался, и пошел в корпус, проверить, все ли в порядке. А потом вдруг по рации начал кричать, что его убивают. Потом замолк. Но зато из здания были слышны выстрелы.

— У старшего было оружие?

— Да, служебный семьдесят первый «ижак»⁹. Что и как, непонятно. Короче говоря — полная хрень. Ивантеевские послали туда три экипажа ГНР¹⁰, оперов из «уголовки» и почти всю дежурную роту ППС. Они на место прибыли в 15 ровно. Оцепили местность, пытаются наладить контакт с теми, что в здании. Но внутрь не лезут, там же просто катакомбы какие-то, Шанхай в миниатюре...

— Шанхай, это вроде в Китае, — глубокомысленно говорю я.

— Ну, значит Сайгон! — рыкнул Рома, — Боря, ты знаешь, как я тебя люблю и уважаю, но помолчи малость, а то в лоб дам! Дослушай. Там все очень серьезно.

— Так вот, — продолжил Дядя Саня. — Короче, пришел нам приказ из Главка — экипировка полная боевая по «тяжелому» варианту, и ехать разобратся, что там случилось. Ивантеевские говорят: здания зачищать и заложников освобождать — не их специфика.

— Так и не наша, вроде... — говорю я. — Это ж вроде ОМСН¹¹ работа. Пусть «Булат» или «Рысь» вызывают.

— Слушай, кончай резину тянуть, умник! — взрывается спокойный обычно Дядя Саня. — Пытались. В «Рыси» ни одной свободной группы. Также как и в «Булате» и даже в «Альфе» или «Вымпеле»... Все в Москве. Там полный дурдом. Дежурный по главку говорит, ситуация ухудшилась. Какие-то психи на людей нападают. Судя по тому, что боли не чувствуют — наркоманы, наверное, или может секта какая. По ним из автомата палят, а они не падают.

— Дядя Саня, а у того дежурного фамилия, часом, не Андерсен? Скажи ему, что пить с вечера надо меньше, а закусывать — больше. Секта Дунканов МакЛаудов, убить можно, только оттяпав голову... Бред!

— Ладно, все! — прерывает нас Рома. — Что там, в Москве творится, нас сейчас не касается. Наша задача — выяснить, что в Ивантеевке приключилось. В гараж уже отзвонились, через пять минут ПАЗик будет тут. Старший — Тисов, боевая группа —

государственную политику в сфере миграции и осуществляющий контроль, надзор и оказание государственных услуг в сфере миграции.

⁹ Иж-71 — служебная модификация пистолета Макарова, в которой используется более слабый 9 мм патрон 9х17 мм «курц».

¹⁰ ГНР — группа немедленного реагирования, подразделение, состоящее из наиболее подготовленных сотрудников ОВД, выезжающее на самые серьезные преступления.

¹¹ ОМСН — отряд милиции специального назначения (в прошлом СОБР), подразделение спецназа МВД, занимающееся борьбой с терроризмом, освобождением заложников, задержанием особо опасных преступников.

двадцать человек. Только «бывалые», молодежь пускай базу сторожит, им пока рано. Даже базовый курс подготовки не прошли еще. Экипировка — «тяжелый» вариант. Оружие — пистолеты всем, на кого закреплены — «Штурмы»¹², остальным — АК-74, снайперы пусть СВДхи обязательно берут, мало ли чего и как. За светозумовыми гранатами старшины на склад уже умчались, так что, ящик «Зорек»¹³ будет. Все! Построение через пять минут перед «дежуркой». Время пошло!

— Шлемы какие брать? А то у ЗШ¹⁴ забрало уж слишком сильно потеет, а там еще видимость хреновая. Может «Маски»¹⁵ взять?

— Хорошо, берите «Маски». Но ты, Антон...

— Ясно, как обычно — в ТiGe. — не дает ему закончить мысль Тисов.

Да, вот такой вот он понтовый парень. Все люди — как люди, один Тисов не в нашем ЗШ, а в немецком. Купил в свое время, с больших чеченских командировочных, через Интернет, бундасовский шлем для антитеррористических подразделений. Хороший шлем оказался, хоть и дорогой. Немного похожий на наш «Алтын», в котором ребята из «Альфы» работают, но поменьше, полегче и поаккуратнее сделан. Немцы в экипировке толк знают, ТiG стоил каждой заплаченной за него копейки. А еще, на нем были отличные крепления для разных дополнительных «примочек», типа ПНВ... Или — видеокамеры. В том, что камера на захвате нужна — сомнений нет. Случись чего, а у нас «все ходы записаны». Но вот таскать ее в руках — это проблема серьезная. Человек с камерой не может эффективно действовать сам, а иногда просто мешает остальным. А тут такая удача. Миниатюрную камеру брали уже всем взводом, вскладчину. И теперь Антон у нас не только командир взвода, но и штатный видеооператор.

Ладно, пора собираться в путь-дорожку, а то пять минут, как в той песенке, это совсем немного, но вот успеть за них нужно столько... Есть правда и положительные моменты: «горка», «разгрузка», «Маска» и наколенники уже на мне, а значит переодеваться не надо. Tактический фонарь, опять же, уже к газоотводной трубке привинчен. Это штатовскому «СВАТу» хорошо — у них фонарики маленькие и крепятся на планку Пикатинни легким щелчком. Наши же фонари — изделие отечественное. Таким фонарем самим по себе вражину прибить можно. А к газоотводной трубке автомата он крепится при помощи четырех болтов и одной контргайки. Эстетика, конечно, на уровне пещерного века, зато не оторвешь, даже если очень постараться. Парни в Чечне экспериментировали: к автомату с прикрученным фонарем цепляли ГП-30¹⁶ и из него стреляли... И ничего! Даже не разболтался фонарик. Одним словом, осталось только скинуть легенькую «Кирасу-Универсал» второго класса защиты, в которой я по разрушенной казарме рысачил, а вместо нее влезть в тяжеленную «Кору-Кулон». А что делать? «Кора» хоть и весит одиннадцать с лишним килограммов, супротив трех «с копейками» у «Универсала», зато и пулю СВД удержит, при некоторой удачливости, конечно. Хотя, ребра при этом поломаются, как сухие ветки. Но тут уж, принцип простой: лучше лежать на больничной койке, чем в гробу. Так,

¹² «Штурм» (9А-91) — малогабаритный автомат под 9 мм спец. патроны СП-5, СП-6 и ПАБ-9, состоящий на вооружении спец. подразделений МО и МВД.

¹³ «Зорька» — сленговое название свето-шумовой гранаты «Заря-2М».

¹⁴ ЗШ (ЗШ-1.2) — шлем второго класса защиты с поликарбонатным прозрачным забралом. Входит в штатную экипировку спецподразделений МВД.

¹⁵ «Маска» — он же шлем ЗШ-1. Более ранняя версия боевого шлема для спецподразделений МВД. В отличие от ЗШ-1.2 не имеет забрала.

¹⁶ ГП-30 «Обувка» — 40-мм подствольный гранатомет.

что еще? Теперь — в оружейку. Получить сто двадцать патронов к «Тигре», «Старичка» и два магазина к нему. Да, господа, оружие у меня не простое, а именное. Точнее — имеющее имена. Я, правда, об этом никому не рассказываю, а то еще подумают чего не то и законопатят в заведение с мягкими стенами и ласковыми санитарями с комплекцией культуристов. Нет, не хочу! На самом деле все просто. «Старичок» — это мой ПМ. Он действительно старенький уже. Старше собственного хозяина, то бишь меня на целых десять лет. Мне в прошлом декабре тридцать один стукнуло... Вот и считайте. Но, несмотря на преклонный возраст, мой пистолет — почти новый. Я его получил со склада. И до меня из него если и стрелял кто, то только на оружейном заводе, для приведения к нормальному бою сразу после изготовления. А потом, залили моего «Старичка» толстым слоем солидола и отправили на консервацию. Где он и пролежал больше тридцати лет, меня дожидаясь. С автоматом тоже незамысловатая история вышла. Он тоже, мягко говоря, не новый, всего на год меня моложе. Что, кстати, меня не огорчает, а скорее радует. При Советской власти ко всему, что было связано с армией, относились очень серьезно, даже поговорка такая гуляла: «В СССР делают два вида вещей — одни для армии, а другие хреновые». Так что, преклонный возраст моих «стволов» говорит только об одном — о том, что сделаны они качественно. Так, ладно, что-то я отвлекся. Так вот, о «Тигре». Он, в отличие от ПМа, до меня уже побывал в чьих-то «цепких лапках». Возможно, даже повоевать успел. Но надо отдать должное предыдущему хозяину — следил он за автоматом на совесть. Вот только зачем-то вырезал на деревянном цевье слово «Тигр». Старательно так, ровными и глубокими буквами. Сначала я было хотел цевье заменить, но, как обычно — то лень, то не охота... А потом уже и привык. Так и стал самый обычный АКС-74 за номером 591627 «Тигрой».

Быстро, словно при сдаче норматива на время, снаряжаю все четыре магазина, три распахиваю по карманам разгрузки, четвертый сразу примыкаю к «Тигре», ИПП и жгут я и не вынимаю никогда, они в своих кармашках постоянно лежат. ПМ и запасной магазин «пакую» в тактическую кобуру на правом бедре, автомат закидываю на плечо, стволом вниз. Уже выходя из кубрика, выуживаю из тумбочки масленку, пенал и кусок старой простыни: пострелять-то я сегодня уже пострелял, а вот на чистку времени не было. Ничего, ехать сорок-пятьдесят минут, не меньше, вот в дороге и почищу. Через окно вижу, как перед входной дверью в казарму лихо тормозит ПАЗ, водитель жмет на клаксон, давая понять, что их светлость уже тута и изволят выказать недовольство тем, что им приходится нас ждать. Бежим, бежим, не надрывайся!

Ярославское шоссе. 20 марта, вторник, день

Да уж, нашему водителю Ване Пузанову надо было не в ОМОН работать идти, а пилотом «Формулы-1». ПАЗик под его «чутким руководством» летел так, что только дорожные знаки перед глазами мелькали. Хотя, чему удивляться? Сколько я Ваню знаю, а знаю, слава богу, уже не год, не два и даже не десять: одну школу заканчивали, два года за соседними партами просидели, он всегда был фанатом высоких скоростей. На мотоцикле, на машине — не важно. Главное — чтоб стрелка спидометра ложилась, ветер в ушах свистел, да адреналин в крови бурлил. Хорошо, что он в милицию пошел. Иначе — в лучшем случае давно бы прав лишился.

Сажу на переднем сидении, спиной к водителю, лицом к салону, дочищаю своего верного «Тигру». Оглядываюсь по сторонам. Да уж, ОМОН в пути, картина маслом... Антон, как обычно, заткнул уши наушниками айпода. Ему его любимая супруга на день рождения подарила. И все — пропал человек! Теперь и не поговорить с ним: накачал в Интернете аудиокниг и все свободное время фантастику слушает. Конкретно сейчас — «Ночной дозор» Лукьяненко. Откуда знаю? Дык, самолично ему вчера эти книжки из локальной сети скачивал. Да, блин, вот такие мы все подонки и нарушители авторских прав. Мало нас правозащитники клеймят!

С заднего сидения слышны приглушенные вопли.

— Да ты слон тупорылый!

— Сам ты, блин, слон тупорылый. И шуточки у тебя слонячьи!

Ясно, опять у братьев Уткиных, Сашки и Олега, носящих гордые прозвища Дубль-Один и Дубль-Два, семейные разборки. Уткины — живая легенда Отряда. Они братья-близнецы: довольно высокие, худощавые, но жилистые, с тонкими, словно у музыкантов, пальцами. Даже на вид откровенно приятные парни, улыбчивые и доброжелательные. Встретишь на улице таких и не скажешь, что в ОМОНе служат, больше похожи на скрипачей, поддерживающих хорошую физическую форму и регулярно посещающих спортзал. При всем при этом Уткины — не просто бойцы ОМОН, они вдобавок еще и снайперы. Отличные, кстати, снайперы. Работают вдвоем, как и положено, снайперской парой. Один стрелок, второй — корректировщик. До Отряда братья служили по контракту в 76-й Псковской дивизии ВДВ и были неизлечимыми фанатами своего дела. Нет, многие из нас за свой счет себе какую-то экипировку докупают, такую, что не выдадут никогда, ибо вроде как не положено, но которая весьма может пригодиться: того же Антона с его шлемом взять... Да и моя командировочная «разгрузка» мне далеко не в сто рублей обошлась. Но Дубли — это нечто! Они, похоже, все свободные деньги тратят на всякие свои снайперские «приблуды». Чего у них только нет. Финский «лохматый» камуфляж, навороченный лазерный дальномер, крутой до умопомрачения ПНВ, с какой-то фантастически чувствительной матрицей, портативная метеостанция, а в довершение всего — совсем уж необыкновенные американские прицелы «Льюпольд», которые они смогли закрепить на свои СВД, только прикупив специальные переходники с нашего крепления на планку Пикатинни. Дубли было пытались мне, темному, разъяснить всю прелесть «американцев» и степень их превосходства над родными посконными ПСО-1, но я запомнил только «просветленная оптика» и «сетка мил-дот». Вот еще вспомнить бы, что это значит... Да уж, серость я безлошадная, как точно подметил Саня, старший из близнецов, он же Дубль-Один. Ну и ладно. Серость, значит серость. Главное — что я им приказы отдаю, а не наоборот.

На том же самом сидении, не обращая ни малейшего внимания на перепалку братьев, дрыхнет, слегка приоткрыв рот и похрапывая еще одна «легендарная личность». Тимур Гумаров, среднего роста крепыш-татарин, единственный знакомый мне человек, которому не в состоянии помешать спать даже батарея «Градов», работающая всего в паре сотен метров. Если ему прямо сейчас не угрожает смертельная опасность, разбудить Тимура невозможно в принципе — проверено неоднократно. Можно включать музыку, орать у него над самым ухом, лить на него холодную воду. Все это бесполезно. В командировке ночной караул в паре с Гумаровым — это такая трагедия, что Софокл удавился бы от зависти! Пока удастся разбудить такого горе-сменщика, поднимешь не то что всю палатку, а весь базовый лагерь и примерно половину чеченских аулов в округе, совершенно расхочешь спать сам, а Тимур, скорее всего, так и не встанет. Такой вот уникум. Помимо этого — еще и отличный пулеметчик, и просто хороший парень.

Два закадычных друга Андрей Буров и Андрей Солоха слушают музыку с одного плеера, поделив по-братски наушники — по одному «уху» на каждого. Судя по доносящимся до меня звукам — опять какой-нибудь Ди Джей Тиесто, или еще какой видный деятель «клубного движения». Чудно, ей богу, взрослые мужики, оба старше меня, а слушают не пойми что, словно тинэйджеры прыщавые. Хотя, как говорится: на вкус и цвет — фломастеры разные. Одни рок любят, другие прогрессив транс. Не Кучин какой-нибудь, прости господи, и то хорошо! Внешне наши Андреи — живая иллюстрация теории о единстве противоположностей. Буров — высокий, почти болезненно худой, но при этом жилистый, будто сплетенный из канатов, с костистым лицом и запавшими ярко-голубыми глазами. Первое впечатление от него обычно не самое приятное. И в корне ошибочное. Человек он, несмотря на внешность, добрый и правильный, а главное — надежный. Такого поставь в драке спину прикрывать — и можешь быть спокоен: пока он жив, тебя сзади никто не ударит. Солоха — напротив, больше напоминает слегка похудевшего и где-то потерявшего свои штаны с моторчиком Карлсона. Маленький, кругленький, с добродушной,

но хитрой физиономией... Нормальный такой хитрющий хохол. Друзей в беде не бросит, но и выгоды своей не упустит. Вот такие совершенно разные внешне, но все равно чем-то неуловимо похожие. Оба служат в Отряде чуть ли не с момента его образования. Оба прошли огонь и воду обеих чеченских компаний. Оба семейные: у Бурова подрастает дочка, у Солохи детей вообще трое. Отец-герой, блин!

Прямо напротив меня задумался о чем-то приятном, судя по улыбке на лице, мой старый друг и, можно сказать, боевой брат Леша Взрывалкин, который на самом деле носит фамилию Рыбалкин. Его я знаю почти так же давно, как и Васю Пузанова: мы Лешкой познакомились в армии, в самый первый день службы, едва войдя в казарму. Вместе проходили КМБ¹⁷, вместе пошли служить в разведывательную роту. Правда, в роте нас слегка развело: я угодил в группу огневого обеспечения гранатометчиком, а Леха — в отделение инженерной разведки подрывником. Но в первую компанию в Чечне воевали бок обок. Правда, после окончания срочной Лешка сразу подался в ОМОН, куда спустя четыре года, уже во время второй чеченской перетянул и меня, все еще продолжавшего служить по контракту. В ОМОНе Лешка занял должность инструктора-взрывотехника. А об уровне его подготовки вполне можно судить по прозвищу: Леша способен сделать бомбу из чего угодно, даже из пачки поваренной соли. Да и в обратном направлении, в смысле, в разминировании он тоже хорош.

Остальные — кемарят, развалившись, насколько это возможно, на тесноватых дерматиновых сидениях. Вот такие мы странные люди. Там, понимаешь, человека в заложники взяли, а может и убили (не приведи боже). Возможно, придется освобождать силой. Может даже стрелять. А мы — спим. Хотя, если вдуматься — ничего в этом странного. Это молодые-неопытные перед боем мандражируют: суетятся, галдят. А тут у нас народ проверенный, служат все по многу лет, в чеченские командировки катались неоднократно. А там всякое бывало... Вон, те же Андреи выжили в печально известном бою 2 марта 2000-го, когда под Грозным погибли восемнадцать наших парней. После такого захват заложника кучкой вьетнамцев — детский лепет.

Да и остальной народ в автобусе, и впрямь, новичками назвать сложно. Прожженные волки, битые-перебитые, причем, что характерно, как чужими битые, так и своими. И если с чужими, в принципе, все ясно: с чего бы, действительно, чеченцам нас чаем с плюшками угощать, то вот ситуация со своими — куда хуже. Для большинства обычных граждан мы просто свора «тупорылых гоблинов», что обижают бедненьких детишек-фанатов на футболе. Мы к этому давно привыкли, хоть и удивляет в людях этот инфантилизм, если честно. Неужели так трудно спрогнозировать, чем закончится «встреча» фанатов двух соперничающих команд, если между ними стеной не встанут «гоблины»? Для прогноза достаточно хотя бы раз увидеть разнесенную в клочья этими самыми «неразумными детками» пригородную электричку. Которая больше похожа на вырвавшийся из под плотной бомбежки эшелон года так из 1941-го. Но зачем думать, когда и так все ясно: «менты — козлы» по определению. И мы с плевками в спину от сограждан давно смирились. Сложнее смириться, когда тебе в спину жирно харкает страна, интересы которой ты защищаешь, рискуя здоровьем, а иногда и жизнью. Сколько раз нас предало родимое государство — и не сосчитать сходу. Начало положила уже совсем древняя, забытая всеми, кроме нас, история с предательством рижского ОМОНа. Который виноват был лишь в том, что выполнил приказ. А потом это уже вошло в привычку: первая чеченская, когда у нас просто украли в Хасавюрте нашу победу, потом вторая, которая началась-то вроде бодренько, а закончилась просто пшиком. И везде одно и то же: сперва отдают распоряжение, а потом — по обстоятельствам. Если все прошло гладко — высокое командование вешает себе на грудь орден, а нас снисходительно треплет по холке, молодцы мол, так держать. А вот если что-то сорвалось и пошло не так — тут же выясняется, что никто никому никаких приказов не

¹⁷ КМБ — курс молодого бойца, первоначальный подготовительный этап армейской службы.

отдавал. И «стрелочниками», как обычно, назначаются рядовые исполнители.

Периодически я мысленно оглядываюсь на свое прошлое и сам себе поражаюсь, кой черт занес меня на эти галеры? Ну, казалось бы, сколько ж можно служить стране, которая тебя столько раз предала и смешала с грязью? Однако все еще служу, и все товарищи мои служат... Видимо, прав был мой первый ротный, навеки оставшийся где-то на забитых черно-рыжей, выгоревшей дотла, бронетехникой и заваленных трупами улицах Грозного: Родина и государство — не одно и то же! Государство наше, чего уж греха таить, подленькое и трусливое я терпеть не могу. А вот Родину свою я люблю. И если понадобится — готов за нее умереть. За нее, за семью свою, за друзей. Да даже за этих двух симпатичных молоденьких девчонок на автобусной остановке, что мне только что рукой помахали.

А наш автобус тем временем свернул с Ярославского шоссе и понесся мимо высокого серо-синего здания с загадочной вывеской Delfin Group и белыми силуэтами двух дельфинов на синем фоне. Рывкнув сиреной и сверкнув «люстрой», проскочил через вечную пробку перед эстакадой над Ярославкой, словно издеваясь, нарушая все правила скоростного режима, пролетел мимо Учебного центра ГИБДД и въехал в Ивантеевку. Еще раз пуганув сиреной зазевавшихся водителей, наш «реактивный» ПАЗик, взвизгнув тормозами, вписывается в поворот и, оставив по левому борту «Журавлей»¹⁸, подлетает к воротам Ивантеевской тонкосуконной фабрики.

г. Ивантеевка. 20 марта, вторник, вечер

Да уж, тот факт, что здесь что-то стряслось, виден невооруженным глазом. Улица Дзержинского, на которой расположена фабрика, и так шириной никогда не отличалась. А теперь проехать по ней стало вообще невозможно: она перекрыта в обоих направлениях «Субарами» ДПС, забита людьми и спецтранспортом. Возле будки-проходной из побуревшего, некогда ярко-красного кирпича и распахнутых настежь двухстворчатых железных ворот, толпятся человек двадцать-двадцать пять в серой милицейской форме с офицерскими звездами разного количества и размера на погонах и десяток человек в штатском, похоже — оперативники из уголовного розыска. Все при оружии. В основном — автоматы АКСУ, носящие «в рядах» либо ласковое прозвище «ксюхи», либо уж совсем неблагозвучное — «сУчки». По обстоятельствам, в зависимости от ситуации. Хотя, у нескольких висят на плече пистолеты-пулеметы «Кедр». Но тот факт, что подобное оружие этим людям откровенно непривычно, даже на первый взгляд сомнений не вызывает. Ясно, штабная братия... Как говорится — собрали всех, кого поймали, для массовки. А что ж девчонок из отдела кадров не прихватили? Прямо перед проходной стоит такой же ПАЗ, как и у нас, несколько «Жигулей» четырнадцатой и пятнадцатой модели в милицейском окрасе и две белых «Газели»: одна с синей полосой по борту и надписью «УВД г. Ивантеевка. Дежурная часть», вторая с красной — «Скорая помощь». Чуть в стороне, возле темно-синего «икс-третьего» БМВ вальяжно стоят два господина в почти одинаковых черных кожаных плащах, под которыми, несомненно, скрываются черные строгие костюмы и галстуки. В руках у господ — опять же черные кожаные папки, а на лицах — выражение этакой усталой брезгливости. М-да, прокурорских с кем-либо перепутать сложно. «Гвинпины», блин, опять приперлись недостатки выискивать. Вот для борьбы с такими, собственно, и завели мы во взводе штатную видеокамеру. Чем-нибудь помочь такие «люди в черном» даже и не подумают, а вот гадостей понаделать — это запросто.

— На выход, бегом! — зычным голосом командует Тисов.

Грохоча ботинками, оружием и «броней» мы выпрыгиваем на улицу через обе двери автобуса. Ну, сейчас начнется, сперва будем долго и нудно ползать вокруг, прикидывая, откуда бы поудобнее вломиться в здание. А представители УВД в это время будут по

¹⁸ «Журавли» — памятник жителям Ивантеевки, павшим в годы Великой Отечественной войны.

очереди в мегафон увещевать «вьетконговцев», предлагая им сдаться и вернуть по-хорошему захваченного ЧОПовца. А кто знает, может и получится? Был прецедент, когда после разговора «по душам» террорист отпустил заложника. Правда, «террористом» оказался упившийся до зеленых гномов слесарь, вооружившийся древней охотничьей «двутулкой», а заложником — его не менее пьяный, но в чем-то провинившийся, собутыльник. Но здесь, судя по тому, что охранник в кого-то стрелял, ситуация намного серьезнее. А поэтому Дубли сейчас ползут «осваивать» крышу или площадку верхнего этажа какой-нибудь высотной хибары неподалеку, хотя особого смысла в этом нет — трехэтажное здание фабрики мало того, что старое, еще дореволюционное (а это уже подразумевает наличие высоких потолков, не любил предки тесноты), так еще и промышленное. Высота каждого этажа — метров шесть, наверное. А узкие окна — наверху, почти под потолком. Да еще и всяким тряпьем занавешены или фанерой и картоном забиты. Это уже «гости из юго-восточной Азии» озаботились. Светомаскировка, блин! Увидеть через них точно ничего не получится. Но все равно, снайперская пара должна занять позицию. Положено. А нам, похоже, придется этот «Сайгон» зачищать. Причем всерьез, а не как в прошлый раз, с шутками-прибаутками.

Подходим к проходной. Среди серых милицейских бушлатов выделяются две фигуры в темно-зеленых комбинезонах с огромными аляпистыми шевронами на рукавах и сущеглупых черных восьмиугольных фуражках с огромными кокардами. Понятно, охранники, подчиненные того бедолаги, что в здании фабрики «завис». Начать надо бы с них, может чего важного расскажут.

Антон тем временем подходит к стоящему возле милицейской «Газели» подполковнику в дорогой даже на вид зимней куртке с каракулевым воротником и фуражке с высоченной, будто у офицера гестапо, тульей. Ну, конечно-конечно, куда уж нам, простым рабоче-крестьянским парням до их подполковничьей светлости: куртка у них индивидуального пошива, из ателье, не со склада ГУВДшного. Не удивлюсь, если бушлатик не синтепоновый, а на каком-нибудь гагачьем пуху, да и воротник на синтетический не больно похож, вполне может быть — натуральный ягненок. Пижон, блин! Лицо у него знакомое, кажется, один из замов начальника местного УВД. Вот только в какой области зам — убейте, не помню!

— Командир взвода ОМОН лейтенант Тисов. Что тут у вас?

— Долго ехали, лейтенант! — господин подполковник даже не удосужился представиться в ответ. Ой, блин, приехали. По физиономии видно — мало того, что дурак, так еще и «в образе». — Пока вы катались, мы сами почти справились, без ваших дуболомов!

— В смысле, почти? — нехорошо прищуривается Антон. Ему, похоже, выражение лица подполковника тоже не понравилось. — Поконкретнее нельзя?

— А чего уж конкретнее, — «подпол» прямо-таки лучится глупым самодовольством, — У нас в ГНР и покруче вас парни найдутся, сами разберутся!

По выражению лица взводного я понимаю, что сейчас ему больше всего на свете хочется высказаться на тему умственных способностей некоторых представителей командного состава, отправляющих своих подчиненных неизвестно куда, без должной подготовки и снаряжения. Кто знает, возможно, он даже кое-что из своих мыслей высказал бы вслух, в более-менее корректной форме...

Но тут из фабричного корпуса послышалась беспорядочная автоматная стрельба. Заполошная, длинными, чуть не на полмагазина, очередями. Немая сцена... Штабные у ворот, раскрыв от удивления рты, замирают библейскими соляными столбами. Вальяжные «прокурорские» шустро прячутся за своим джипом. Во, блин, могучий инстинкт самосохранения у крысюков тыловых!

А автоматы в здании лупят просто на расплав ствола. Ё... твою ж мать, похоже, наварались там мужики на что-то! Причем наварались конкретно. Как не крути, а парни в ивантеевском ГНР вполне нормальные: взрослые, толковые, да и подготовку имеют неплохую. Пересекались мы с ними в командировках в Чечне, когда нас сводным отрядом милиции, со всей области собранным, усиливали. А тут... Так стрелять могут только насмерть перепуганные люди. Именно так я сам палил когда-то, в белый свет как в копееку,

в своем первом в жизни бою. Подробностей которого даже вспомнить толком не смогу — до того было мне страшно. Да что ж там случилось такого, чтоб несколько матерых взрослых мужиков ТАК перепугались?! Мля! Что я там делать собирался? Ходить вокруг, да около, удобное место выискивать? Ага, щаз! Нашел уже! Теперь, похоже, придется ломиться наугад и в очень быстром темпе.

Взвонному, судя по всему, в голову приходят те же мысли, что и мне. Он бросает на подполковника такой взгляд, что у того голова просто проваливается в светло-серый кучерявый воротник пижонистой куртки.

— Ну?! — рычит на него Антон.

Господин подполковник, видимо, решил, что сейчас его будут бить, испугался, и еще сильнее втянул голову в плечи, окончательно став похожим на перепуганную черепаху.

— Слышь, клоун! — взрывается Антоха, — Командует тут кто?!

— Я... — все еще испуганно вякает голова, слегка приподнявшаяся над воротником.

— Так может, уже скомандуешь чего-нито?! Мы ж без приказа сами действовать не можем, нас прокурорские без соли схарчат потом!

— Лейтенант, сделайте что-нибудь... — растеряно блеет подполковник, еще недавно бывший таким уверенным и самодовольным. Еще бы, если что пойдет не так, погоны с его плеч как катапульты отстрелятся.

— Приказ ясен?! За мной!!! — рывкает Антон и вбегает сквозь гостеприимно распахнутые створки ворот во двор фабрики. Мы всей гурьбой, ломимся за ним таким бронированным стадом, на бегу разделяясь на тройки и перестраиваясь в боевой порядок. От ворот проходной до фабричного корпуса метров сто. Примерно на полпути, перегораживая широкую асфальтированную площадку и залезая на газоны, стоят боком пять милицейских УАЗов. На дверях двух написано ППС, остальные три — новенькие «Хантеры», видимо, экипажи ГНР. За ними прячутся десятка полтора вооруженных все теми же «ксюхами» растерянных «пепсов»¹⁹ в звании от младшего сержанта до старшины, с испугом уставившихся на грязное кирпичное здание фабрики.

— Сколько их туда вошло?! Давно?! — на бегу кричит им Тисов.

— Девять. Минут пятнадцать назад, — отвечает один из сержантов.

Подбегаем к входной двери.

— Ёп, эти уроды дверь заменили! — зло шипит Солоха.

И точно, вместо обычной деревянной двери, что была тут в прошлый наш приезд и которую мы сорвали с петель парой хороших пинков, путь нам преграждает сварная самодельная «железяка», покрашенная черной краской. Да еще и с электронным кодовым замком. Мля! Вот он «опыт — сын ошибок трудных»! Ай, какие шустрые и сообразительные работодатели у наших вьетнамских «братьев меньших» оказались! Исправили, блин, обнаруженные проверкой недостатки!

— Может, не заперто? — Гумаров со всей силы дергает за сваренную из уголка ручку.

Ага, хренушки! А в корпусе автоматы продолжают молотить, словно стайка свихнувшихся швейных машинок.

— Твою ж маму!!! Да что там творится?! — не выдерживает Буров.

— Какой код замка? — ору я во всю силу легких, оборачиваясь к толпе ошалело сгрудившихся у «Газели» штабных.

Однако, коллеги явно не в себе и, похоже, даже не понимают, чего я от них хочу. Только один из ЧОПовцев удивительно быстро соображает, что от него требуется и кричит в ответ четырехзначную комбинацию. Тыкаю пальцем по кнопкам. Парни за спиной щелкают флажками предохранителей и лязгают затворами автоматов, включают тактические фонари. Тисов, кроме того, поправляет камеру на шлеме и включает запись. Раздается тонкий противный писк — открыто. Распахиваю дверь и оглядываюсь на Антоху.

¹⁹ «Пепс» — милиционер из подразделения ППС (патрульно-постовой службы).

— Ну, тройками — пошли! — командует он, и мы врываемся на плохо освещенную тусклой лампочкой-«сороковкой» площадку лестницы, ведущей наверх, где автоматные очереди становятся все реже и уже начали хлопать одиночные выстрелы из ПМов.

Так, все, собрался! Все лишнее из головы — долой! Все глупые вопросы и домыслы по ситуации — тоже. Зачистка «задумчивых» и заторможенных не любит. Зачистка — дело рефлексов, навыков и быстрой реакции. Особенно если идешь первым. А я именно первым и иду. Позади, растопырив стволы автоматов «елкой» влево и вправо, не отставая, словно раздвоившаяся тень скользят неразлучные Буров и Солоха. На первом этаже не задерживаемся, тут нам смотреть особенно нечего, это я помню еще с прошлого визита сюда. Налево от основной лестницы — два здоровенных пустых зала, в которых раньше, видимо, тоже были цеха, а теперь — толстый слой грязи на бетонном полу и мелкий мусор по углам, только во втором стоят несколько бухт кабеля и свалены кучей в углу давно заржавевшие водопроводные трубы. Направо — «туалэт типа сортыр» как метко подметил некогда гениальный Папанов. Несет оттуда — соответственно. Нет, первый этаж нас сейчас не интересует, все происходит на втором. Хотя, это не значит, что мы его так и бросим без внимания. А на что нам тогда замыкающая тройка? Вот пусть тылы и страхует. А нам — выше. Вообще прохождение лестниц и углов — чуть ли не самые сложные моменты любой зачистки. В других обстоятельствах мы поднимались бы медленно и осторожно, каждый держал бы свой сектор наблюдения. Сейчас свои уже наверху, причем ведут бой. Это, разумеется, не значит, что можно ломиться вверх, не глядя по сторонам, но и в скрытном передвижении нужда тоже отпала. Поэтому на второй этаж поднимаемся хоть и с оглядкой, но бегом. Снова площадка. Лестницу, ведущую на третий этаж, сходу, без какой-либо команды берет под контроль четвертая тройка, ставшая замыкающей после того, как пятая осталась прикрывать наши тылы на первом этаже. Роли в этой «пьесе» давно расписаны, а все «актеры», то есть мы, знаем их наизусть.

На площадке второго этажа дверь только одна, за ней, ежели меня память не подводит — галерея из четырех здоровенных залов, бывших раньше заводскими цехами. Которые теперь превращены в гибрид швейной мастерской, общежития и улья. Почти вся свободная площадь занята здоровенными раскроечными столами и малюсенькими столиками со швейными машинками. Уместиться за таким может только ребенок... Ну, или вьетнамец. В узких проходах огромными грудami лежат тюки с тканями, нитками, тесьмой, стоят ящики с пуговицами, «кнопками», «молниями» и прочей фурнитурой. На небольшом пятачке возле входной двери — составлены огромной кучей клетчатые сумки «мечта оккупанта», так популярные среди «челноков»... В них — готовая продукция. Те самые «эксклюзивные товары из Европы», коими завалены прилавки Черкизовской, Коньковской и прочих вещевых ярмарок Москвы. А по стенам... О! Тут отдельная песня! Можно сказать — вьетнамское ноу-хау в области архитектуры! По, стенам, будто ласточкины гнезда, наклеплены «спальные места». Попробуйте представить себе штабель из больших ящиков (примерно полтора метра ширина-высота и два — длина). Составленных у стены, один на другой, в четыре яруса до самого потолка. Представили? А теперь добавьте сдвигающуюся вбок дверцу, как у шкафа-купе на лицевой стороне. А внутри — матрас, подушку и грудy тряпья, заменяющего постельное белье, маленькую лампочку в изголовье и сложенную в ногах стопку одежды. А на полу перед штабелем — стройные шеренги тапочек... Вот теперь вы знаете, как выглядят жилища вьетнамских гастарбайтеров. А еще там воняет. Нет, не так. Там ВОНЯЕТ. Все равно не то... Словами это «амбре» не опишешь. Вы служили в армии? Попробуйте представить огромную казарму, в которой живет мотопехотный батальон полного четырехротного состава. Живет, не выходя на улицу, не стирая одежду и белье, не моясь. И в этом же помещении готовит пищу. Не особо утруждая себя мытьем посуды и выносом мусора. И живет так уже не один месяц... А теперь представьте, как там пахнет. Ничего так картинка вырисовывается, правда?!

Входная дверь, кстати, тоже новая. И тоже стальная. К счастью, без панельки с кнопками, но, судя по размерам замочной скважины, механический замок тут вполне внушительный, вскрывать такой только «болгаркой» или пластиком взрывать. К счастью, до нас тут уже прошли и дверь вряд ли закрыта. На мгновение замираю, жду сигнала о готовности тройки, тут же получаю сзади легкий тычок в плечо — парни готовы. Ну, раз готовы, тогда, как сказал когда-то один великий человек: «Поехали!» Нажимаю на дверную ручку и, рванув дверь на себя, вламываюсь внутрь.

Удивительное все-таки животное — человек, как много оказывается можно увидеть, услышать, почувствовать и обдумать практически мгновенно, если в этом возникает острая необходимость. Не сталкивались с таким интересным явлением? Когда действительно очень надо, мозг начинает работать быстрее любого компьютера, но как-то однобоко, что ли. То, что важно в данный момент, фиксируется и анализируется мгновенно, а вот все остальное будто отфильтровывается, остальное ты даже не замечаешь. Вот и сейчас. Вроде как бодрой рысцой бегу через цех, освещенный ярким и холодным, будто в морге, светом люминесцентных ламп, лавируя между рабочими столами, баулами, мешками и кучами тряпья, а голова работает сама по себе. Пахнет здесь как-то странно. Нет, тут и раньше розами-фиалками не благоухало. Но теперь к обычной для подобного шалмана вони застарелого пота, нестиранного белья и носок, а так же любимейшего вьетнамского лакомства, той самой, ставшей уже притчей во языцех, поджаренной маринованной селедки прибавилось кое-что еще. Ну, во-первых, тут теперь сильно воняет сгоревшим порохом, а во-вторых... Вот тут сложно... Запах очень сильный, настолько, что забивает все остальные, даже пороховую вонь и «аромат» селедки. А вот опознать я его никак не могу: может ацетон, а может еще какая-то едкая химия. А еще тут очень сильно пахнет свежей кровью. Уж этот мерзкий, оставляющий во рту привкус меди, запах с чем-то спутать сложно. И мне это не нравится. Очень не нравится. Бегу вперед к выходу из цеха не останавливаясь и не оглядываясь. А что мне, собственно говоря, сзади высматривать? Сзади, как обычно: все три тройки, двигаясь веером, прочесывают цех. Наша — по центру, оставшиеся две — слева и справа от нас, вдоль стен.

Раньше проход из одного цеха в другой был вполне приличных размеров — грузовик в эту арку проехал бы «не пригибаясь». Теперь на ее месте стена из ДВП с обычной деревянной дверью. Замираю примерно в пяти метрах перед ней и, не сводя автомата с дверного проема, жду остальных. За спиной — негромкий топот нескольких пар ног: парни подтягиваются и выстраиваются позади меня и Андреев. Снова легкий тычок кулаком — готовы. Стартую с места и распахиваю дверь ударом ноги, как учили еще в армии, чуть ниже дверной ручки... Вернее — хотел распахнуть, да малость перестарался. Дверь оказалась несколько хлипче, чем ожидалось, и вместе с дверным косяком обрушилась на пол. Вбегаю в образовавшийся пролом.

Второй цех — точная копия первого: здоровый и отлично освещенный. И, прямо скажем, очень жаль, что освещенный, потому как сейчас этот огромный зал похож даже не на морг, а скорее на бойню. Тьфу, мля, гадость какая!!! Едва переступив через порог, я чуть не поскальзываюсь в гигантской луже крови, залившей все пространство перед входной дверью. Такое ощущение, что тут забили и разделали пару-тройку крупных свиней... Целое озеро кровищи...

В цеху — полный разгром: столы перевернуты, ящики со всякой мелочевкой опрокинуты, а их содержимое рассыпано по полу. И даже одна секция «спальных мест» оторвана от стены и завалена на пол. Можно подумать, что тут банда пьяных махновцев резвилась, ни в чем себе не отказывая. Спокойно и даже как-то отстраненно фиксирую подробности окружающего меня бреда: в луже плавают разодранная в клочья одежда, тапочки, еще какой-то хлам. А, кроме того — обрывки внутренностей, ошметья мяса и даже кисть руки, то ли оторванная, или даже отгрызенная. Стены покрыты кровавыми брызгами и потеками, в нескольких местах видны размазанные отпечатки ладоней, будто кто-то пытался встать, опираясь на стену окровавленными руками, но соскальзывал. Мля, миленько так!

Они тут что, живьем на части рвали кого-то?! За спиной слышу сдавленные матюги и звук, похожий на сдерживаемый рвотный позыв. Похоже, не только мне тут понравилось... Больше всего все вокруг похоже на декорации к дешевому фильму ужасов. Вот только успокаивать себя и пытаться не стоит — все равно не получится. Потому что все вокруг — реальность. Однако людей в зале нет, ни живых, ни мертвых. Только весь пол вокруг лужи истоптан следами десятков пар ног. Нахрена они все в этой луже топтались? Хороводы водили? Интересные, однако, обряды у них в Юго-Восточной Азии... Все следы, среди которых удалось различить и свежие, еще сырые отпечатки подошв армейских ботинок, ведут в следующий зал, за широкую двустворчатую дверь, свободно открывающуюся в обе стороны, похожую на двери салунов в вестернах, только полноценного размера. Обе створки двери тоже густо заляпаны кровавыми потеками и отпечатками ладоней. Стрельба слышна именно оттуда. Ну, значит нам туда!

Через второй зал по-тихому пробежать не получается: фанерные крышки перевернутых и разломанных столов грохочут под подошвами, мелкая фурнитура с бреньканьем разлетается из-под ног в разные стороны. Ох, не навернуться бы... О! Накаркал! Судя по смачному шлепку и тихому, шипящему: «Кутагы!»,²⁰ на пуговицах поскользнулся Гумаров. Он у нас вообще парень горячий и матерщинник редкий, но ругаться предпочитает на родном языке. Мол, ежели никто не понял, так я вроде, как и не выругался.

Дверь в третий цех гостеприимно распаивает перед нами свои створки. Что там, по общему мнению, должен кричать бравый боец ОМОН, вламываясь в помещение? Что-то типа «Всем лежать мордой в пол! Работает ОМОН!»? Вот даже если б хотел рывкнуть что-то подобное — не смог бы: слова в глотке застряли. А я думал, что второй цех выглядит неприятно... Да нет, оказывается со вторым все в полном порядке, подумаешь перевернутые столы, лужа крови и кучка требухи на полу. А неприятно на самом деле тут: кровью комната заляпана чуть не до середины стен, а среди руин разнесенной в щепки мебели лежат трупы. Много трупов. Не меньше полусотни. Я столько свежееубитых людей в одном месте и в одно время с первой чеченской не видал. Но там — все ясно: дворец Дудаева брали. А тут-то что? Да и выглядят покойные, мягко говоря, не очень: их будто собаки грызли. Как в том же Грозном, когда бродячие собаки трупы наших солдат до самой весны глодали. Проход в четвертый цех — примерно четырехметровой ширины и трехметровой высоты арку, перекрывает импровизированная баррикада: поставленный на бок железный раскроечный стол. Его крышка — толстый металлический оцинкованный лист, габаритами примерно пять на два, теперь перекрывает проход, словно забор. Для прочности конструкции стол подпирают несколько крупных деревянных ящиков и два крепко потрепанных молодых парняги в порванном и забрызганном кровью сине-сером городском камуфляже, в каком обычно ходят милиционеры ГНР, в серых «Кирасах» и с «ксюхами» в руках. Третий, широкоплечий выбритый наголо невысокий мужик лет сорока с погонами старшего прапорщика, широко расставив ноги, стоит на уцелевшем столике со швейной машинкой и лупит поперек баррикады одиночными из автомата куда-то вглубь четвертого цеха. Упершиеся спинами в стол пацаны, увидев нас, облегченно сползают вниз и садятся на пол. Один закрывает лицо ладонями, и плечи его начинают вздрагивать. Похоже, плачет. Все с ними ясно — мальчишки совсем. Или сразу после армии, или вообще не служили, «альтернатива», мля. Стоящий на столе стрелок опускает автомат и оборачивается к нам.

— Что тут? — слышу я у себя за спиной голос Тисова.

— Жопа! — коротко и как-то устало бросает лысый, — Патроны есть? У меня только один магазин остался.

— Я спрашиваю, что происходит? Где заложник?! Где твои люди?! Почему на связь не вышли?! С какого хера по гражданским палите?!!

— Заложник вон, — кивок в угол.

²⁰ Кутагы — грубое ругательство на татарском языке.

И точно в углу, сломав туловище в невообразимой для живого человека позе, словно марионетка с оборванными ниточками, лежит пожилой мужик в таком же комбезе с огромными шевронами на рукавах, что и у ЧОПовцев на проходной. Мертв как бревно. А вот с причиной смерти непонятно: грудь вся изодрана автоматной очередью, посреди лба — пулевая отметина размером побольше, явно от девятимиллиметровой пээмовской пули, а в довесок ко всему — прогрызенная чуть не до позвоночника шея. Это как понимать-то? Любая из этих ран — смертельна, так откуда все три разом?

— Связи нету, — продолжает мужик, — станции у троих были. Мою с «разгрузки» эти, — неопределенный взмах рукой за спину, — сорвали. А парней сожрали...

— Не понял, — в голосе Антохи слышна неуверенность.

— Мля, чего ты не понял?! — вскипает «прапор». — Гоблин ты, мля, тупорылый! Сожрали моих ребят! Живьем сожрали!! Голыми, млядь, зубами!!! Думаешь, я псих?! Сам погляди!!!

Прапорщик еще раз машет рукой в сторону завала у себя за спиной, резко отворачивается и, на ходу меняя магазин в своем АКСУ, возвращается назад к баррикаде, из-за которой слышен в наступившей тишине какой-то очень мерзкий, но знакомый звук. Где ж я его уже слышал? Мать твою! Точно! Сам ведь только что Грозный зимой 95-го вспоминал... Именно с этим звуком бродячие грозненские псы жрали трупы наших пацанов. Запрыгиваю на стол, с которого только что стрелял по кому-то лысый «прапор» и заглядываю через край столешницы... Не знаю, сколько я разглядывал открывшуюся мне картину, скорее всего несколько секунд, но показалось — что гораздо дольше. Спрыгиваю со стола и чуть не падаю на бок: ноги ватные. А я то, дурень, думал, что испугать чем-либо после Чечни меня уже не получится. Ошибочка вышла...

— Антоша, — каким-то уж слишком спокойным голосом зову я Тисова, — Сними это все, а то ведь нам снаружи хрен кто поверит.

Сам отхожу на пару шагов в сторону, и сильнейший рвотный спазм буквально скручивает меня в коромысло. Эх, тебя, герой двух чеченских войн, сплющило... Совсем растерявшийся от происходящего Антон, не споря, лезет на стол. Я вижу, как его отшатывает назад и как расширяются у него глаза. Что, командир, и на тебя впечатление произвело? Нервишки и желудок у взводного явно покрепче, чем у меня. Он отцепляет камеру от шлема и начинает съемку с рук. Все верно, картинка должна быть предельно четкой и крупной, иначе нам действительно никто не поверит. Потому что не сможет поверить нормальный человек в рассказ о том, что в самом центре Московской области, в здании самой обычной фабрики бродят по цеху несколько сотен оживших мертвецов. Почему я решил, что это мертвецы? Да потому что не может человек, с выпущенными наружу кишками, не спеша прогуливаться по комнате, периодически об эти самые кишки запинаясь. И разодранная сонная артерия тоже особо жизни не способствует. И при обглоданной до кости руке человек должен истечь кровью очень быстро, причем, судя по состоянию одежды, он ею и истек. Но это вовсе не помешало ему встать. И их глаза... Не может быть таких глаз у живого человека. Даже у обдолбанного самой сильной наркотой. Даже у пьяного, что называется, в мясо. Такими глазами может смотреть на окружающий мир какая-нибудь вырвавшаяся из ада потусторонняя тварь. Такими глазами может смотреть получившая тело смерть. И даже это не было самым страшным. Трупы не просто бродили по цеху. Они ЖРАЛИ. Сквозь толпу видно было плохо, но, тем не менее, можно было разглядеть «островки» согнутых спин и дергающихся в такт работе челюстей голов. И звук раздираемого зубами сырого мяса... Его ни с чем нельзя спутать.

Оглядываюсь по сторонам. Все наши уже успели залезть на обломки мебели и заглянуть за баррикаду. Кое-кто так и замер, словно замороженный жутким зрелищем, не в силах отвести от него глаз. Кто-то последовал моему примеру и выплеснул на пол остатки завтрака и обеда. Антон продолжает съемку. Я достаю из нагрудного кармана «разгрузки» «Кенвуд», и подхожу к прапорщику.

— На каком канале работаете?

— На третьем

— Ясно, — щелкаю настройкой частот, — На связи группа ОМОН. Заложник мертв. У ГНР шесть «двухсотых». Мы выходим. Конец связи.

Сказав все это, я снова переключаю станцию на нашу частоту. Сейчас начнется свистопляска в эфире: что, как, почему? А что тут скажешь? Тут показывать надо...

— Пятеро, — непонятно к чему говорит прапорщик.

— Что пятеро? — переспрашиваю я.

— «Двухсотых», говорю, пятеро. Ты как думаешь, какого рожна мы отсюда не свалили еще? У нас там, в цеху, человек остался. Их когда в сторону от двери толпой оттерло, он успел на стеллаж залезть. Надо его оттуда вытащить...

По глазам мужика вижу, что если мы откажемся помочь, он пойдет спасать своего подчиненного один. Прямо как есть, с единственным магазином в автомате.

Легонько толкаю кулаком в бедро Антона, все еще стоящего на столе и продолжающего снимающего на камеру упырей, задираю голову и вопросительно смотрю на него. Давай, товарищ лейтенант, решай. Кроме тебя тут приказы отдавать некому.

— Слышу, не глухой, — бурчит он, спрыгивая со стола и цепляя камеру назад на шлем. — Он вообще жив еще, боец твой?

— Гена, ты там как, живой?! — кричит прапорщик в сторону цеха.

— Да вроде дышу пока, — доносится оттуда тихий голос. Странный какой-то, будто с полным ртом непрожеванной еды говорит, или язык плохо ворочается, как после наркоза у стоматолога.

— А чувствуешь себя как? — это уже Тисов.

— Фигово чувствую... Они мне предплечье сильно погрызли, и кусок щеки откусили. Я на руку жгут наложил, а вот чего с рожей делать... Кровь не останавливается. И больно — звиздец.

— Ты, Гена, потерпи чутка, мы сейчас чего-нито придумаем, и вытаскивать тебя будем. Постарайся поверху поближе к двери перебраться. Только аккуратно, вниз не гробанись. Тебя как зовут? — это он уже лысому старшему прапорщику.

— Владимир.

— Антон. Ну, будем знакомы.

Диалог вдруг прерывается гулкими ударами с обратной стороны баррикады, будто кто-то там начал колотить кулаками в столешницу. Хотя, известно кто, упыри. Два молодых ГНРовца, как по команде, вскакивают с пола и всем телом наваливаются на стол. Наши, сообразив, что к чему, дружно бросаются на помощь. Понятное дело, никому не охота, чтоб эти твари стол отодвинули и к нам «на огонек» заглянули.

— Ожились, суки, — зло ощерился «прапор». — Они, похоже, совсем тупые: нападают только когда видят или слышат. Пока мы тихо за этой стенкой сидели, они на нас и не реагировали. Поначалу, когда мы только стол перевернули, поколотились, а потом затихли. А теперь вот голоса услышали и опять ломаются.

— Джаляб²¹, да задолбали вы уже, уроды! — не выдерживает Тимур и, вскочив на стол, всаживает за баррикаду три коротких очереди из своего «Штурма». — Не понял...

— Побереги патроны, парень, — говорит ему прапорщик Вова, — они только на попадание в башку реагируют, когда мозги на стенку, все остальное им пофигу. И стреляй лучше одиночными. Или у тебя боекомплект бесконечный?

Гумаров щелкает предохранителем переводя автомат на стрельбу одиночными и плотнее вжимает откидной приклад в плечо, стараясь прицелиться поточнее. Пять негромких хлопков выстрелов, бряканье гильз полу. Удары в столешницу прекращаются. Похоже, наш бравый татарин уgomонил самых сообразительных упырей.

— Другое дело! — довольный собою Тимур слезает со стола.

²¹ Джаляб — еще одно грубое ругательство на татарском языке.

— Так, ладно, Володя, что имеем по этим тварям? — спрашивает Тисов.

— Так, — лысый прапорщик, задумавшись, морщит широкий лоб. — Короче, боли эти твари не чувствуют — факт. Ни на какие повреждения кроме выстрела в голову не реагируют. Тупые они страшно, вон, за Генкой вверх по стеллажам ни один полезть не сообразил, только внизу толпой собрались, и не очень быстрые. Цепкие, правда, как бультерьеры, если за одежду или руку-ногу ухватил — не оторвешь. И сразу грызть начинают. Да, еще, как дорвутся до жратвы — ни на что больше не реагируют, мы только благодаря этому тут и закрепились. Вроде все.

— Уже не мало. Так, парни, подтащите-ка к завалу какую-нито мебель, чтоб на ней всем в ряд встать можно было. Вот, кстати, вполне подойдет, — Антоха тычет пальцем в ряд стоящих у дальней стены, а потому не сильно поломанных столов. — Гена, ты где там?

— Тут я, — голос из четвертого цеха слышен теперь гораздо лучше.

Запрыгнув на многострадальный столик, выглядываю через край столешницы-стены, стараясь не глядеть на толпу мертвецов. Мля, не по себе мне от них, гадкое зрелище, аж передергивает. Подумать только, ведь фильмы ужасов Ромеро про зомби мне всегда нравились. А вот «о-натюрель» эти самые зомби ничего кроме омерзения не вызывают. Почти сразу замечаю светловолосого и смертельно бледного парня в сильно запачканном кровью городском камуфляже на самом краю верхней полки высокого металлического стеллажа. Вид у него, и впрямь, жутковатый. Сквозь сильно кровоточащую рану на лице видны зубы и кость скулы. И еще одно плохо: от стеллажа до входа в цех и нашей баррикады еще метров двадцать. И целая толпа мертвяков.

— Гена, — подаю я голос, — если мы тебе дорогу расчистим, ты до нас добежать и через стенку перелезть сможешь?

— Добежать, наверное, смогу. А вот перелезть — это вряд ли. Фигово мне очень: башка кружится и тошнит.

— Так, тогда вы двое — Антон тычет пальцем в ГНРовцев, сходу меняя план действий, — и ты Тимур, ты у нас лось здоровый, по моей команде готовитесь отодвинуть столешницу. Как только парень вбегает, хватаете его в охапку и бежите на выход. Все остальные валят на той стороне всех упырей, что находятся рядом со стеллажом и тоже сваливают, сразу после тех, кто выносит раненого. Боря и оба Андрюхи — на вас прикрытие отхода. Вы патроны малость экономьте, чтоб хватило. И по «Зорьке» приготовьте, а лучше — по две. Упыри, они хоть и дохлые, но, похоже, не глухие и не слепые, так что — им должно понравиться. Какие-нито вопросы есть?

Какие уж тут вопросы. Выстраиваемся рядочком на подтащенных поближе к баррикаде столах, Дружно щелкаем предохранителями, переводя автоматы на одиночный огонь. Тимур что-то втолковывает ГНРовцам, они кивают и берутся за ножки раскроечного стола. Сам Тимур встает между двумя здоровыми ящиками. Ага, понятно, по команде наш татарский богатырь отодвинет в сторону ящики, а эти двое оттащат внутрь освободившийся край столешницы. Сам я, вдобавок ко всему, открываю два гранатных кармашка и разгибаю усики на «Зорьках». Оба Андрея делают то же самое. Да, мы в курсе, что так делать нельзя. Но, как известно, когда нельзя, но очень нужно — то можно.

— Ну, что, готовы? — взводный обводит взглядом нашу короткую шеренгу. — Гена, готов?

— Да.

— Тогда огонь!

Ой, мля, какое ж все-таки счастье, что у половины наших в руках не «семьдесят четвертые», а бесшумные 9А-91! Если б «калаши» были у всех, так мы, наверное, на целую неделю бы оглохли. А так — дня на четыре, не больше. Несмотря на плотно сидящую на голове «Маску», выстрелы бьют по барабанным перепонкам со страшной силой. Каково сейчас «прапору» Вове и его подчиненным, у которых вообще шлемов нет, даже думать не хочется.

Нет, все-таки сосредоточенный огонь — страшная штука. В девять стволов мы

буквально выметаем покойников с небольшой площадки между стеллажом и баррикадой. Гена оказывается парнем сообразительным и без всякой команды, но удивительно вовремя кулем валится с верхней полки на пол. Фу, приземлился на ноги! Немного шатаюсь и оскальзываясь, он довольно шустрым рывком пробегает по груде тел к выходу из цеха.

— Давай!!! — орет во всю глотку Тисов.

Тимур буквально отшвыривает от завала ящики, ГНРовцы сдвигают стол и Гена, вбежав за завал, просто оседает у них на руках. Похоже, пацан все оставшиеся силы вложил в самую важную в своей жизни пробежку. Парни, подхватив товарища, пулей рванули в сторону выхода. Я кивнул Бутову и Солохе и мы втроем спрыгнули со столов и встали перед дырой в баррикаде, меняя магазины.

— Антон, зеленый!!!

— Понял, все на выход!

Стрельба тут же прекратилась и все дружно ломанулись вон из цеха. Что там Вова сказал: «Не быстрые»? Что-то не похоже! Первые трое упырей, с измазанными кровью мордами (язык не поворачивается назвать это лицами), были вполне себе шустрыми. Нет, помедленнее людей, конечно, но не намного. Однако пуля все равно быстрее и все трое мешками рушатся на пол, даже не успев отойти от завала. А вот четвертый, жирный и неповоротливый, здорово объединенный с обоих боков, с синюшной, оплывшей, но чистой рожей, оказался действительно тормозом, мало того, что сам в проходе застрял, так еще и остальным дорогу перекрыл.

— Отходим! — команду я и мои неразлучные «тени» срываются с мест. Я продолжаю держать брешь в завале и ворочающегося в ней мертвяка.

— Зеленый! — слышу из-за спины голос Бурова. Отлично, до дверей парни добежали и теперь готовы прикрыть меня. С ускорением, будто на стометровке, бегу к выходу, вытаскивая на ходу гранаты из кармашков разгрузки. У «салунных» дверей притормаживаю и бросаю себе за спину обе «Зорьки», Андреи делают то же самое и шесть черно-белых пластмассовых «мячиков» улетают под ноги лезущим из прохода мертвякам.

А мы уже пробираемся через рухнувшие поперек дороги «спальные места» во втором цеху. М-да, если б мы уже не оглохли от стрельбы чуть раньше, нам наверняка пришлось бы не сладко. Взрыв шести «Зорек» разом — нифига не фунт изюма! Надеюсь, на зомби это произвело хоть какое-то впечатление. Уже почти на выходе из цеха, пропустив напарников вперед, я зачем-то оборачиваюсь. Мля, ведь недаром говорят: любопытство сгубило кошку! Глядя на болтающиеся туда-суда створки двери в третий цех, сквозь которые отлично видно слепо тыкающихся друг в друга, стены и мебель мертвецов, я чувствую, как ноги заскользили по мерзкой кровавой каше под ногами. Мотая руками, и совершая нелепейшие па, пытаюсь сохранить равновесие, но понимаю — бесполезно. Сейчас я просто искупаюсь в этом болоте из крови и кишок. Но в последний момент, едва не соскользнув, чья-то рука ловит меня за плечевую лямку бронежилета. Оборачиваюсь. На меня в упор смотрит Лешка Рыбалкин. Фу, блин, кабан здоровый, так за «броник» дернул, что чуть плечо не вывихнул. Хотя, вывихнутое плечо куда лучше купания в этой мерзости под ногами.

— Ну, че, танцор диско, обоссался небось? Должен будешь!

— Да не вопрос, с меня пиво. Спасибо, Лех!

Самыми последними вдвоем вываливаемся на лестничную клетку. Стальная дверь за спиной клацает «язычком» замка. Вопрошающие взгляды ребят из тройки, блокировавшей лестницу на третий этаж, все дружно игнорируют. Да уж, наверное, не сильно весело им тут было стоять пальбу и взрывы слушать... Но сейчас есть проблемы поважнее, чем введение их в курс дела.

— Володя, ключ от двери у тебя?

— Мля! — старший прапорщик растерян и раздосадован. — Нет, он у одного из наших был. Которого...

М-да, можно не заканчивать. Ой, как хреново! Замок-то, хоть и здоровенный, но простенький. Если на ключ не закрыто, достаточно просто на дверную ручку нажать, дверь и

распахнется. Причем — наружу. Ситуация...

Решение находит все тот же Рыбалкин. Встав к стене слева от двери, могучим ударом ноги он сшибает рукоять дверной ручки, а оставшийся в замке стержень со второй рукояткой просто проталкивает мизинцем внутрь и она довольно громко звякает по бетонному полу.

— Все, всем на выход. Блин, да несите ж вы его по-человечески, уроните! — это Антон ГНРовцам, что несут Гену. — Под колени его подхватите с двух сторон, чтоб он на ваших предплечьях сидел, а он вас за плечи обнимет. И бегом к «скорой». Эй, внизу! Двери открывайте! Мы раненого несем.

Дружной организованной толпой вываливаем из корпуса во двор. На улице ощутимо стемнело, скоро шесть как-никак, еще часа полтора-два так и совсем темно будет. Блин, как же хорошо, что вся эта погань в цехах заблокирована. А то от одной мысли о возможном «контакте» с толпой зомби на улице, да еще в сумерках, как-то нехорошо делается.

За заслоном из УАЗов — толпа. Похоже, все, кого мы видели возле проходной, сбежались во двор, поглазеть на нас. Мля, все им интересно, маленьким! Коли такие любознательные, так чего ж с нами в корпус не пошли?! Вот там и нагляделись бы до блевоты.

— Леха, — ищу я взглядом Рыбалкина. — Слетай до «перехватчиков», У них там на «торпед» ноутбуки... Они вообще-то для просмотра баз данных, но «Винда»-то стоит. А значит, «Винамп» или «Медиа Плеер» есть. Сейчас Антоха тут видеопросмотр устраивать будет.

— А ты?

— А я пойду, помогу Гену к «скорой» отнести, а то эта детвора его точно уронит. Понаберут, блин, детей по объявлению, а они восемьдесят кило вдвоем унести не могут!

Вообще, я конечно, не прав. После увиденного и пережитого даже у меня некоторая слабость в коленках присутствует, чего уж с пацанов взять. В истерику не впали — и то хорошо. А эти, вдобавок, еще и сами отбились, оборону толково заняли и товарища не бросили. Вообще красавчики. Правда, есть у меня подозрение, что не будь с ними «прапора» Вовы, так та свора наверху сейчас их косточками хрустела бы... Но это заслуги парней не умаляет. Когда вокруг полный звиздец, даже просто приказы толково выполнять, и то не всякий сможет.

Догоняю еле плетущихся по двору ГНРовцев. Один вроде ничего, крепенький, а вот второй уже ощутимо устал, покраснел, да и дышит тяжело. Того и гляди, сам рухнет. Придерживаю его за плечо.

— Давай подменю, упрел ведь.

— Спасибо, — пацан с видимым облегчением уступает мне свое место.

Пока мы несем почти бессознательного Генку к предусмотрительно въехавшей во двор и вставшей рядом с УАЗами «скорой», Тисов и Володя уже подошли к милицейской «Газели» и что-то объясняют подполковнику и собравшимся рядом с ним штабным. Нью-нью, представляю, как вытянутся у их рожи минут через пять, когда Рыбалкин от ДПСовских «Субар» ноутбук притащит. Ладно, господа, это ваши командирские разборки, а нам, «маленьким людям», там делать нечего. Как говорил один киношный персонаж: «Подальше от начальства, поближе к кухне».

Из салона «Скорой помощи», нам навстречу, выбирается миловидная миниатюрная женщина, лет сорока-сорока пяти в коротком пуховике, накинутом поверх синего медицинского костюма. Она же открывает перед нами боковую дверь.

— Давайте сюда. Что с ним? Огнестрельное?

— Нет, искушали. Предплечье левой руки обгрызли почти до кости, и лицо... Впрочем, вы и сами видите.

— Животные?

— Хуже. Я сейчас кое-что странное скажу, а вы мне просто поверьте пока на слово. Ну, хотя бы постарайтесь поверить. Доказательства у нас есть, вон у штабной машины их сейчас

нашему начальству демонстрировать будут... Короче, его искушали ожившие мертвецы.

В глазах женщины я уже читаю свой диагноз. Но она молчит. М-да, тактичная тетка. Я на ее месте уже высказал бы все вслух. И сомневаюсь, что в цензурной форме.

— Послушайте, я знаю, что выгляжу полным кретином. Но при этом говорю чистую правду. Помогите мальчишке, а о подтверждении моих слов потом поговорим, ладно? А пока сделаем вид, что его покусала чумная или бешеная собака.

— Хорошо, — спокойно говорит женщина и начинает доставать из своего чемоданчика какие-то ампулы, упаковку одноразовых шприцов и еще что-то медицинское, в чем я все равно разбираюсь хуже, чем порося в апельсинах.

А я наклоняюсь к сидящему в салоне «Газели» Гене.

— Ну, что, боец, ты как?

— Погано.

— Ничего, сейчас медицина тебя подлатает, и будешь как новенький. Держись.

Хлопнув его по плечу, я направляюсь к проходной, где вокруг одной из «пятнадцатых» собралась немаленькая толпа. И я даже догадываюсь, на что ни там устались. И уже отойдя от машины на несколько шагов, слышу за спиной тихий шепот Гены: «Господи, я живой... Хорошо-то как...»

Иду в сторону толпы, собравшейся возле УВДшной «Газели» и прижавшейся к ней вплотную «пятнашки», а самого никак не отпускает какая-то до конца не оформившаяся мысль. Знаете, как это бывает? Вроде как почти понял что-то, но именно почти. Вертится в голове неясной тенью идея, а вот ухватить ее за хвост и по полочкам разложить — никак не выходит. И состояние это меня здорово угнетает. Потому как все догадки хороши вовремя. Как говорил дедушка Ленин: «Пгомедление — агхипгеступно!»

Ого! Это что у них там за кутерьма такая? Я пока еще далеко и слов не слышу, но чтоб эту «пантомиму» разгадать, экстрасенсом быть не нужно. Все и так видно невооруженным глазом: надувшийся будто индюк «подпол» и бордовый от ярости «прапор». А между ними, непоколебимой стеной, не позволяющей пустить в ход кулаки — лейтенант Тисов собственной персоной. Ну да, история старая как мир: если начальник не хочет отвечать за свои ошибки сам, ему надо найти «козла отпущения». И наш brave «зам. начальника УВД по не пойми чему» решил, что старший прапорщик Вова — вполне подходящая кандидатура на эту роль. А вот Вова, видимо, резко против. Нью-нью, интересно, чем же это кончится?

Хочу подойти поближе, но меня останавливает беззвучное, но настойчивое вибрирование мобильного телефона, лежащего в нарукавном кармане «горки». Достая свою старенькую «Нокию». На экране высвечивается абонент «ДЧ». Вообще, во время спецопераций «дежурка» нас старается не беспокоить. И если звонят — значит по действительно серьезному поводу. Беру трубку. А дальше остается только слушать.

А возле милицейской «Газели» страсти все накаляются. Тональность диалога между подполковником и Вовой повысилась, и теперь до меня долетают отдельные слова и обрывки фраз. Причем, если Вова в основном матерится, то со стороны полковника слышны звучащие приговором: «вопиющая некомпетентность», «преступная самонадеянность», «подставил под удар», «допустил потери»... Я не понял, он что, к самому себе обращается? Нет, похоже, он и впрямь решил попытаться выставить старшего прапорщика крайним. И что самое поганое, если он со «сладкой парочкой» из прокуратуры «вась-вась», а это, скорее всего так и есть, то все вполне может получиться. Вернее — могло. Потому что слова, которые я сейчас слышу в трубке мобильного, здорово меняют всю ситуацию. Говорю дежурному, что я все понял и быстрым шагом направляюсь к спорящим.

— Да ты что, млядь, тормоз? Неужели не понимаешь, что будет, если они оттуда вырвутся?! — орет в лицо «подполу» осатаневший Володя. — Они ж за три минуты пятерых подготовленных вооруженных мужиков угробили! Да это кубло огнеметами выжигать надо!!!

Но снова вошедшему «в образ» подполковнику слова подчиненного не интересны. У него, как и у всех подобных идиотов, есть свое собственное (оно же единственно верное)

мнение по любому поводу. Он оборачивается к стоящему рядом капитану.

— Прапорщик, видимо, не в себе. Заберите у него оружие, пока он дел не наворотил, и изолируйте. А Вы, товарищ старший прапорщик, — эти слова он, этак брезгливо, почти выплевывает через нижнюю губу, — даже не надейтесь, что все это Вам сойдет с рук. Ответите за все!

— Ах, ты ж, сука!!!

Не знаю, каким из единоборств конкретно занимался Вова, но правый хук в челюсть у него поставлен великолепно. Антон, и тот не уследил. А «подпол», потеряв свою шикарную фуражку, кувыркнулся в грязь. Судя по рывку Володи, он еще и несколько раз ногой хотел добавить, но тут уж не оплошал Антон. Он перехватил прапорщика буквально «на лету» и, оттащив в сторону, начал ему что-то втолковывать. Успокоить пытается, похоже. Из грязной лужи встает, держась обеими руками за челюсть, пошатывающийся подполковник.

— Он напал на старшего офицера! Вы все свидетели! Задержать его! Ты у меня на нарах сгниешь, сволочь!

Он, видимо, хотел добавить что то еще, но не успел. Потому что ему в солнечное сплетение коротко, почти без замаха, но очень сильно врезается приклад моего автомата. Да, впервые после армии я пожалел, что в руках у меня именно АКС, а не старого образца АК-74. Увесистым, деревянным с металлическим затыльником, прикладом «весла» бить куда сподручнее! Хотя, при умении, можно и складной «рамкой» АКСа обойтись...

Из господина подполковника, будто разом весь воздух откачали. С тихим скулежом он снова рухнул в ту же лужу, из которой только что встал, упал на бок и засучил ногами. Нет, ну до чего ж красиво получилось, а! Всю жизнь о подобной минуте мечтал. Не прошло, видно, еще время ужасных чудес!

— Захлопни пасть, погань, — спокойно, без эмоций говорю я ему, а потом обвожу взглядом толпу вокруг. — Только что до меня дозвонились из дежурной части нашего Отряда. Да, Антон, телефон лучше не совсем отключать, а в виброрежим переводить... Так вот, из Москвы ОЧЕНЬ хреновые новости. В вашу «дежурку» тоже наверняка вот-вот позвонят, а может уже отзвонились... То что тут произошло, — я киваю на застывший на мониторе ноутбука, стоящего на капоте «пятнадцатой», стоп-кадр с взятыми крупным планом оскаленными мордами упырей, происходит сейчас по всей столице. Причем происходит в массовом порядке. Это эпидемия. Источник заразы — не установлен, способы передачи от человека к человеку — устанавливаются. В самой Москве введено чрезвычайное положение. О самой эпидемии уже сообщили в экстренных выпусках новостей по всем телеканалам и на радио. В город в ближайшие часы будут введены подразделения внутренних войск и армии: милиция сама не справляется. Из Министерства в ГУВД пришел четкий и однозначный приказ: уничтожать инфицированных любым доступным способом и не допускать их контакта с нормальными людьми. Нам же приказано как можно быстрее закругляться здесь и возвращаться на базу. Вопросы есть?

Вопросов, похоже, не было. То есть, они, разумеется, появятся, но попозже. А пока, как говорится — «звезда в шоке»...

Я снова смотрю на монитор ноутбука, что-то там меня зацепило. Вот только что? Млядь!!! Вот оно!!! Позади закрывающих почти весь экран оскаленных пастей и безумных мертвых глаз я замечаю у стены сильно обглоданное, но стоящее на ногах тело. И меня прошибает холодный пот: с тела клочьями свисают окровавленные обрывки сине-серого милицейского камуфляжа. Теперь все встает на свои места, словно кусочки головоломки. Вот и не верь после этого фильмам ужасов и детским страшилкам! Каждый, кого зомби грызли, или просто покусали, сам становится таким же. Причем становится очень быстро. Буквально за несколько минут, как этот... как эта тварь, совсем недавно бывшая милиционером ивантеевской ГНР. Но если все так, то... Млядь! Гена!!!

Резко разворачиваюсь, что бы бежать вслед за «Скорой помощью», но обнаруживаю ее стоящей на прежнем месте. Правда, боковая дверь находится с противоположной стороны, и что творится в салоне — мне не видно. А вот миниатюрная врачиха стоит прямо у меня за

спиной

— Умер ваш мальчик, — грустно и растеряно говорит она. — Я просто не могу понять, почему. Крови потерял не так уж много, признаков шока не было. Он просто закрыл глаза и перестал дышать...

— Стойте тут, — говорю я ей и бросаюсь к «скорой».

Твою мать! Неужели опоздал?! Из-за «Газели» раздается протяжный истошный вопль. Кто-то кричит тоскливо и страшно, будто раненный заяц. Не слышали, как кричат зайцы? Ваше счастье! Они кричат, будто ты в маленького ребенка заряд дроби всадил. Я этот крик слышал только один раз, на своей первой и последней в жизни охоте.

На полной скорости выскакиваю из-за «скорой». Мля, приехали! Картина маслом: Гена спиной ко мне неподвижно замер возле боковой двери, водитель «скорой», сидя в грязи на заднице, отползает от него, отталкиваясь руками и ногами. Судя по прилипшей к нижней губе сигарете, он вылез из машины покурить. Повезло. А буквально в нескольких метрах стоит один из «прокурорских» и, выпучив от ужаса глаза, орет благим матом. И чего ты, здесь забыл, мля? На труп зашел полюбоваться? М-да, а вот теперь труп тобою любуются.

— Генка, не трогай его! На меня гляди!!! — я уже понял, что того светловолосого парнишки, которого я на себе тащил к врачам, больше нет. Но выстрелить ему в затылок все равно не мог.

Гена, медленно оборачивается. Сомнений нет: в его жутких, будто затянутых белесой пленкой, глазах уже не осталось ничего человеческого. Я поднимаю автомат, но прицелиться не успеваю, на газоотводную трубку ложится, пригибая ствол вниз, чья-то ладонь.

— Не стреляй, — тихо говорит мне Володя, — это мой подчиненный...

Упырь, тихо заскулил, и шатающейся походкой двинулся на нас. Володя с каменным лицом вскинул к плечу свою «ксюху» и почти в упор выстрелил ему в лоб. Фонтан крови выплеснулся у зомби из затылка, и его тело лицом вниз рухнуло нам под ноги.

— Последним патроном... — Вова отстегивает магазин от автомата и показывает мне пустую горловину. — Как чувствовал...

— Живой? — спрашиваю у ошалело таращащегося на труп «прокурорского».

— А... ва... ава... — бессвязно буровит тот, не отрывая перепуганного взгляда от трупа, а вниз по штанине его дорогих брюк стремительно растекается мокрое пятно. Тьфу, мля! Ладно, живой, и то хорошо.

— А ты как? — это я уже водителю «скорой». — Тебя не укусил?

— Не, — водитель уже встал на ноги, но коленки его здорово потряхивает нервной дрожью, да и голос твердым не назовешь. — Нормально все. Я на улице стоял. Покурить хотел.

Возвращаемся к толпе возле милицейской «Газели». Подполковник тихонечко сидит на капоте «пятнашки» рядом с ноутбуком, отходит. А вот Антон, похоже, уже перезвонил в «дежурку», выяснил, что я не сошел с ума и дела обстоят именно так, как я и сказал, и развил кипучую деятельность.

— Значит так, сейчас вы трое, — он тычет пальцем в трех «оперов», стоящих ближе всего к нему, — начинаете искать по двору стеклянные бутылки. Водочные, пивные, да хоть лимонадные. Нужно не меньше двух десятков. Ты, — кивок на того капитана, что чуть не арестовал Володю, — берешь пару человек на прикрытие и топаешь в дальнее крыло корпуса, там, в прошлый наш приезд на первом этаже мебельная бригада трудилась, а сейчас — закрыто. Возьмете там кусок обивочной ткани и какого-нито лака или олифы банку. Все, погнали, времени мало.

— Зачем это все? — спрашивает капитан.

— Зажигательную смесь будем делать. Про «коктейль Молотова», слышал? Вот, почти такой же. Внутрь туда лезть — чистое самоубийство. А вот таких «стекляшек» в окна накидаем, и кирдык. Там же все полыхнет синим пламенем: деревяшки, тряпки... Гореть будет до утра.

— Еще одно, — громко говорю я, — искусанный упырями парень умер, а потом

превратился в такую же мертвую мерзость, как и те, наверху. А значит, любой, кто даст себя укусить, очень скоро умрет, а потом восстанет, чтоб жрать всех вокруг. Это понятно? Будьте предельно осторожны.

Кто-то из местных дозвонился в Ивантеевское УВД и долго слушал последние новости, страшно при этом матерясь, а потом передал трубку грязному и сникшему «подполу». Тот, похоже, попытался нас «вложить» своему начальнику, но не преуспел. Уж не знаю, что ему там сказали, но после окончания разговора он совсем поник и спрятался в «Газель». Прокурорские тоже куда-то звонили, а потом серыми (хотя нет, скорее уж черными) мышами скользнули в свой джип и укатили. Стираться, наверное. Как бы то ни было, все прониклись серьезностью положения и работали на совесть.

На наше счастье, больше нигде на территории фабрики зомби не оказалось. Мебельный цех вскрыли, сбив навесной замок прикладом, а «опера» насобирали по кустам вдоль забора целую батарею разной стеклотары. Намешали в бутылках найденную в мебельном олифу с бензином, слитым понемногу со всех машин, заткнули горлышки фитилями из грубой, похожей на мешковину, ткани для обивки кресел и диванов изнутри. Потом дружно выставляли короткими очередями стекла и «светомаскировочные» фанерные заслонки в окнах. В нескольких чертовы деревяшки все же удержались, но и тех, что мы «вскрыли» было вполне достаточно. И когда Антон приготовился кидать наши «напалмовые бомбы», вдруг внезапно «очнулся» тихо сидевший до этого подполковник:

— Вы хоть соображаете, во сколько обойдется ваша выходка? Там же имущества на сотни тысяч, да плюс стоимость самого здания...

— Мля, счет мне вышли! — ухмыляюсь я. — Ты что, совсем debil? У тебя тут в десяти-пятнадцати минутах ходьбы — две школы, четыре детских сада, и две больницы — центральная городская и детская! И роддом! Ты представляешь, что будет, если вся эта стая вдруг из заводского корпуса выберется?! Тебе что, пальбы на всех углах, как в Москве, не хватает?! Короче, заглохни, пока я тебе не добавил.

А потом Антоха спокойно, словно на тренировке, метал бутылки с подожженными фитилями в окна. Юношеское увлечение толканием ядра даром не прошло, всего две бутылки не попали в оконные проемы и по кирпичной стене вниз потекли огненные ручьи. Остальные благополучно пролетели внутрь и уже через пару минут сквозь темные окна заблаговременно обесточенного нами корпуса стали видны яркие сполохи занимающегося пожара.

— Володя, — зовет Антон старшего прапорщика, — ты проследи за тем, чтоб тут группа для наблюдения осталась. Мало ли что. И пожарных не подпускайте. Корпус на отшибе стоит, пожар с него дальше не перекинется. А нам пора.

— Сделаю. Не глупый, понимаю. Удачи.

— И тебе тоже.

Жмем друг другу руки и расходимся. Я уже почти вошел в автобус, когда увидел все еще сидящих в будке-проходной охранников. Стоп! Была ведь одна мыслишка... Поворачиваю назад. Захожу в будку и подхожу к ЧОПовцам:

— Короче, мужики, сами видите, что творится, поэтому давайте начистоту: что еще происходило ночью. До того, как под утро шум в корпусе поднялся?

Охранники неуверенно переглядываются. Им явно есть что сказать, но они не решаются. Наконец один, тот, что кричал мне код входной двери, собирается с духом:

— Здесь Юра Пак был. Он каждый вечер на своей «буханке» десяток вьетнамцев куда-то увозит, а потом к утру возвращает. Куда, мы не знаем. Вроде, в Москву куда-то. А тут вернулся назад раньше, чем обычно. Одного узкоглазого они чуть не волоком ташили, ему плохо было. Он у нас тут прямо на проходной блеванул, меня еще Степаныч... ну... — охраннику явно не по себе оттого, что старшего смены, о котором он мне говорит, уже нет в живых. — В общем, я потом тут полы мыл.

— Это понятно, а что за Юра и куда он делся?

— Ну, Юра, он... Он как бы бригадир у вьетнамцев. Он продукты им привозит, ткани и

все остальное. Товар готовый увозит.

— Хозяин что ли?

— Нет, хозяин человек серьезный, а Юра, он так...

— Ясно, «шестерка» хозяйская. Так и что с ним стало?

— Да ничего. Узкоплечных отвел, двери закрыл, нам ключи сдал и домой поехал. А может — бухать. Он до этого дела любитель... А где-то через час «вьеты» бузить начали. Но мы внимания не обратили, у них там иногда бывало...

— А когда он уходил, ничего подозрительного не заметили?

— Нет, вроде. Нормальный был, даже поржал немного, мол, нифига вьетнамцы пить не умеют. Стопку водки тяпнут и травятся так, что ходить потом не могут.

М-да, одним словом ясно, что ничего не понятно... Юра Пак, значит... Ладно... Я вышел из караулки и пошел к автобусу. А за моей спиной все ярче разгорался пожар, и рвались в небо из окон языки пламени.

Интермедия первая. Юра Пак

Если бы лет двадцать назад кто-нибудь обозвал Юру Пака бандитом, он бы не обиделся. Скорее, наоборот, с гордым видом подтвердил бы правоту обозвавшего. Потому что был Юра Пак не кем-нибудь, а доверенным лицом, можно сказать, «ординарцем для особых поручений» у самого Пети Жмыха, державшего под собой всю Ивантеевку. Да вот беда — не было таких. Как Юра не старался, как не культивировал образ крутого и безбашенного парня, ничего у него не выходило. Не помогало частое посещение спортзала: генетика была у наполовину корейца Юры не та, был он крепким, но маленьким и тощим. Не мог поправить дело «реальный пацанячий прикид»: вся эта спортивно-кожанная амуниция и толстенные золотые цепи, так ладно сидевшие на прочих жмыховых «быках», висела на Юре, как на вешалке. И даже крутая тачка не могла поправить ситуацию: в своем черном «Гран Чероки» Юра выглядел школьником-старшеклассником, забравшимся «порулить» в папину машину. Вот так вот не повезло в жизни человеку!

Тогда, в «лихие девяностые», многие удивлялись: что, собственно говоря, делает этот мелкий кореец среди здоровенных, будто бульдозеры жмыховских бойцов. А ответ был прост — Юра, хоть и не обладал бычьим здоровьем, не имел пудовых кулаков, наглой рожи кирпичом и роста был невеликого, отличался недюжинным умом и подвешенным языком. Да, Юра не умел запугивать взглядом до икоты и проламывать головы легким взмахом руки. Зато он мог договориться с кем угодно и о чем угодно. И именно за это его ценил Жмых.

Девяностые давно ушли в прошлое. Крутой парень Петя Жмых как-то незаметно превратился в Петра Сергеевича Жмыхова, преуспевающего бизнесмена, уважаемого члена общества, щедрого мецената и благотворителя. Большая часть крутых до умопомрачения парней из жмыховой бригады навеки «прописалась» под красивыми гранитными монументами на кладбище. А вот маленький и юркий Пак по-прежнему был жив и здоров, и по-прежнему занимал при Жмыхове все ту же «должность». Правда, теперь услышь Юра, что его называли бандитом, он был бы искренне возмущен до глубины души. Какой же он бандит? Он — честный предприниматель! У него швейный цех, чуть не половину Черкизовского рынка товаром снабжающий!

А то, что у «честного предпринимателя» в фабричном корпусе на улице Дзержинского около пятисот нелегальных эмигрантов трудятся, так о том и не знает никто. Вернее, кое-кто знает, но с этими господами из мэрии, налоговой и городского УВД Юра уже давно обо всем договорился и все проплатил. Вон, участковый местный, так тот вообще каждый месяц к нему ходит, словно в бухгалтерию — за второй зарплатой. Затратно, конечно. Но есть и плюсы. Не успеет какой-нибудь ОБЭП или ФМС при поддержке «гоблинов» из ОМОНа задумать облаву в Юриных владениях, как кто-то из «доброжелателей» ему уже любезно на мобильный звонит... И застаёт облава только пустые цеха. Хотя, бывают и накладки. Совсем недавно ФМС и ОМОН, с согласия Главка, устроили рейд, не поставив в известность

местное УВД. Некрасиво, помнится, получилось: «гоблины» повязали в цехах фабрики полтысячи не имеющих никаких документов вьетнамских гастарбайтеров. Скандал был серьезный, история даже по центральным телеканалам промелькнула. Жмыхов был очень недоволен и даже пообещал собственноручно оторвать Юре голову, если тот все не уладит, а неприятности доберутся до самого Петра Сергеевича. Но — обошлось. Шустрый и толковый Пак выкрутился, отнес, кому надо пухлые конверты с вечнозеленым шуршащим содержимым и дело как-то само по себе заглохло. А уже через пару недель на втором этаже фабрики опять бурлила жизнь. Правда, без последствий все равно не обошлось. Раздосадованный финансовыми потерями, вызванными двухнедельным простоем, Жмыхов «отлучил» Пака от небольшого продовольственного рынка и пары «минисупермаркетов» с которых тот кормился. Лишенный финансовой подпитки Юра, уже привыкший жить не сильно себя ограничивая, приуныл. Босс — человек, что называется, не злопамятный, но злой и с хорошей памятью. Когда теперь окончательно «косяк» простит — бог весть. Похоже, придется затянуть пояс. От «швейки» не турнули, и то хорошо.

Разумеется, Юра Пак не был настоящим владельцем швейного цеха. На самом деле все принадлежало Жмыхову, а Юра был всего-навсего ширмой, зиц-председателем Фунтом, нужным лишь для того, чтобы никто не смог связать «мутный» цех с работниками-«нелегалами» с кристально честной фигурой Петра Сергеевича. А Пак присматривал за тем, чтобы производство исправно работало и приносило прибыль, и получал за это вполне приличные, но, отнюдь, не поражающие воображение деньги. Но хитрый кореец не был бы собой, если бы и тут не заимел свой «гешефт». Нет, ничего криминального! Юра, не смотря на свою «профессию», умудрился остаться вполне приличным человеком. Он никогда не воровал деньги, выделяемые на продукты для рабочих, не сдавал более-менее симпатичных вьетнамок «в аренду» сутенерам. Он просто договорился с начальницей одного из московских ЖЭКов, и «трудоустроил» туда на должности дворников десяток «мертвых душ». Всю работу выполняли вьетнамцы, которых по ночам Юра на своем разъездном УАЗике-«буханке» отвозил в Москву, а утром возвращал назад. Он и «жековская дама» побратски делили выделяемые на зарплату дворникам деньги, а вьетнамцы, которым до чертиков надоело сидеть в четырех стенах, сами рвались в Юрину бригаду, чтоб хоть по ночам вволю подышать свежим воздухом и побродить по улице, пусть даже и с метлой или лопатой в руках. Был и еще один стимул: Пак действительно не был плохим человеком, он каждый раз покупал водки и какой-нибудь нехитрой закуси, которые выдавал вьетнамцам на обратном пути, как премию за хорошую работу. И все были довольны. Дело постепенно пошло настолько хорошо, что Юра уже начал подумывать о расширении «бизнеса».

Вечер 19 марта никак не отличался от остальных. Как и всегда, едва начало смеркаться, Юра подогнал свою выдавшую виды разъездную «буханку» к проходной фабрики. Поздоровался за руку с вышедшим из будки-дежурки старшим смены Степанычем, пожилым рассудительным мужиком, бывшим военным. Угостил его сигаретой. Махнул рукой двум его напарникам и подчиненным, сидящим в будке, а они, сквозь большое окно, помахали ему в ответ. Взяв ключи от двери на этаже, подогнал «буханку» вплотную к зданию: нечего лишний раз перед прохожими светиться. Хоть и нет вроде никого вокруг, но, как говорится: меньше видят — меньше бредят. Бригада «зайцев», как ласково звал своих работников Юра, уже была собрана и ждала, построившись в шеренгу, прямо у входа в цех. Нет, все-таки великая вещь — дисциплина! Вон, как ихний Мао народ застроил... Или Мао не во Вьетнаме? Точно! Мао в Китае, а у «зайцев» — Хо Ши Мин. Хотя, какая разница? Что там, что там не люди, а просто термиты какие-то. Коллективный, блин, разум. Но работяги отменные, что и говорить.

Загрузив вьетнамцев в тесноватое нутро УАЗика, Пак не спеша двинул в сторону Москвы. Да уж, не слишком комфортно им там, конечно, но зато и внимания тех же «гаеров»²² пожилая в меру грязная «буханка» армейского образца без окон не привлекала. А

²² «Гаеры» — сотрудники ГИБДД.

вот будь у него какой-нибудь «Форд Транспортёр» с тонированными стеклами — замаялся бы тормозить, и доказывать, что он не путан на «точку» везет. А, принимая во внимание, кто у него в салоне сидит, так уже все равно будет. За «нелегалов» ошкурят не хуже, чем за проституток. Хотя, все равно вскоре придется брать машину покрупнее, если все-таки выйдет задумка с расширением «бизнеса». А там все почти на мази. Ладно, как сказала та симпатичная актриса из старого американского кино: «Об этом я подумаю завтра».

До места назначения добрались без происшествий. Остановив УАЗ возле небольшого скверика перед тем самым ЖЭКом, Юра выгрузил свою «бригаду ух», открыл своим ключом прилепившуюся к стене дома будку с инвентарем, в которой кроме лопат-метел хранились еще и оранжевые жилеты дворников. Необходимая штука! Потому как не трогают милиционеры людей даже самой «неславянской» наружности, если те заняты созидательным трудом и обряжены при этом в ярко-оранжевую жилетку или спецовку со светоотражающими полосами и надписью «Муниципальный округ такой-то, ЖЭК номер N»... Народная примета, блин.

Экипировав и «вооружив» уборочным инвентарем свой «личный состав», Юра быстренько провел экспресс-инструктаж из серии «далеко не уходи, если милиция подойдет — не беги, а сразу мне звони» через своего «штатного толмача». Сам Пак вьетнамского не знал, а «зайцы» не говорили по-русски. Толмач же когда-то учился в «Лумумбарии»²³, где неплохо выучил русский. Звали его Бам Ван Донг, но Пак, чтобы не ломать себе язык, «перекрестил» его в Ваню. Ваня-Ван Донг не возражал. Он не знал старую русскую поговорку «Хоть горшком назови, только в печку не ставь», но интуитивно был с такой постановкой вопроса согласен.

Оставив Ваню Донга за старшего, Юра отправился домой, спать. Правда, по дороге надо было сделать еще одно небольшое дельце: закупить «доппаек» для «зайцев». Эх, блин, еще три-четыре месяца назад достаточно было бы заехать на «подшефный» рынок и тамошние торгаши все необходимое предоставили бы бесплатно. Но Жмыхов еще не остыл, а потому приходится за все платить своими, кровными. В принципе, сделать это можно и поутру, но много ли работающих магазинов в семь часов утра? Притормозил у первого же попавшегося на пути «минимаркета», улыбаясь, немного полубезничал с симпатичной молодой продавщицей, взял две литровых бутылки водки, пару банок маринованных огурчиков, хлеба и несколько упаковок самой дешевой колбасной нарезки. Все, «программа максимум» на вечер выполнена, пора домой, баиньки.

А вот «баиньки» как раз и не получилось... В половине пятого утра, на полтора часа раньше будильника, запиликал на тумбочке мобильник. Юра со стоном протянул руку, подхватил уже готовую свалиться с лакированной столешницы вибрирующую трубку и поднес ее к уху. Спать резко расхотелось: Ваня Донг, отчаянно путая русский с вьетнамским, испуганной скороговоркой лепетал, что дела плохи. По его словам выходило, что примерно через час после того, как Пак уехал домой, в нескольких кварталах от ЖЭКа что-то сильно грохнуло. Донг уверен, что это был взрыв. Но рвануло далеко, и он решил, что их происшедшее не касается. А вот несколько минут назад буквально в соседнем переулке два милиционера застрелили какого-то мужчину. С чего все началось, Донг не видел, он, привлеченный шумом и криками, выглянул из-за угла в тот момент, когда один из милиционеров стрелял в лежащего на земле мужика из пистолета. Причем стрелял несколько раз. Теперь вся бригада сидит в скверике возле ЖЭКа, и очень просит Юру приехать за ними как можно быстрее.

Пак громко выругался, быстро, будто в армии по команде «сорок пять секунд — подъем!», оделся и выскочил на улицу. До самой Москвы «буханка» летела стрелой, ревя движком так, будто собиралась взлететь. Каким чудом Юре удалось избежать встречи с

²³ «Лумумбарий» — Российский Университет Дружбы Народов им. Патриса Лумумбы.

доблестными инспекторами ГИБДД, он и сам толком не понял. Но факт остается фактом, доехать удалось быстро и без проблем. Перепуганные «зайцы», сбившись в кучку, словно овцы, ждали его возле ЖЭКовской «бытовки». Пак загнал вьетнамцев в УАЗик, быстро убрал метелки-лопаты и прочее в будку и, усевшись на водительское сиденье, оглянулся на сидевшую тихо, будто мыши, бригаду.

— Ну, чего притихли? Молодцы, все сделали правильно!

С этими словами он передал Ване Донгу пакет с водкой и закуской, и вскрытую упаковку одноразовых стаканчиков:

— Угощайтесь, заработали!

Донг полупшепотом перевел «зайцам» сказанное Юрой. На узкоглазых лицах стали проступать несмелые улыбки: босс не сердится, и даже про угощение не забыл, значит все в порядке. И только тут Юра заметил, что у одного из вьетнамцев правая щека немного испачкана чем-то, похожим на размазанную кровь.

— Что с ним? — спросил он у Донга.

Тот повернулся к испачканному, и они несколько секунд обменивались непривычными уху русскоязычного, несмотря на фамилию, Пака чирикающими фразами. Потом Донг снова обернулся к Юре:

— Нициво. Говорит — крыса покусала. Из мусарнава бака вылезла и покусала. Савсем не больна, говорит.

— Ясно. Так, ему, как пострадавшему, водки — двойную порцию. Для дезинфекции!

Донг снова зачирикал, а укушенный заметно повеселел. С тем и поехали назад в Ивантеевку. Труп в переулке уже не было, зато выезд на Автопроездную улицу, по которой Юра спокойно проехал вчера вечером, сейчас был перекрыт машиной ДПС. Пришлось ехать в объезд, вокруг парка. Хотя, спешить теперь уже особо нечего. А чего уж там, у ментов приключилось, Паку было глубоко плевать, пусть сами о своих проблемах думают.

В Ивантеевке они были уже к шести часам утра, но въехать на машине на территорию фабрики не получилось. Что-то там опять случилось с электромотором, открывающим ворота. Вечно его коротит, и как всегда — не вовремя! Пора уже заменить. Остановив «буханку» перед проходной Юра вылез из машины сам и велел выбираться вьетнамцам. Укушенного с двух стаканов водки совсем развезло: он с трудом передвигал ногами и шел только благодаря Ване Донгу, который придерживал его под локоть. Проходя через «вертушку», он вдруг остановился и, несколько раз судорожно икнув, рыгнул прямо себе под ноги. Прощебетав что-то, видимо извинения, слабым голосом он, по-прежнему поддерживаемый Донгом, поплелся к дверям заводского корпуса. Пак, взяв ключи, пошел следом.

Уже на втором этаже, перед открытой дверью, он дал Ване последние указания:

— Этого уложите спать, завтра пока в себя не придет — не трогайте. Если вдруг ему плохо станет — звони мне, привезу доктора. А то крыса зверь такой... Мало ли какой заразой «наградит»...

Закрыв вьетнамцев, Юра пошел назад к машине. В узеньком коридорчике возле «вертушки» уже елозил шваброй по полу один из подчиненных Степаныча.

— Что, ПХД²⁴ у вас? — беззлобно усмехнулся Пак.

— Да ну тебя! — отмахнулся охранник. — Надо было этого твоего узкоплечного убирать за собою заставить!

— Да ладно тебе, сам видел, хреново ему. Азиаты, блин, ни фига пить не умеют! И тяпнул-то два стакана, а накрыло так, как нашего русского с литрухи не накроет.

— Это ты что ль русский? — хихикнул вдруг охранник, отставив швабру.

— Но-но! — шутливо погрозил ему пальцем Юра. — Это что за фашистские и

²⁴ ПХД — парко-хозяйственный день. В армии в этот день (обычно ПХД объявляется по субботам) солдаты проводят генеральную уборку всех помещений и территории войсковой части.

ксенофобские высказывания? Где твой интернационализм, юноша?

Уже выходя из дежурки, он услышал, как охранник со смехом сообщил ему в спину точный адрес, по которому проживает его интернационализм. Старый, всем русским хорошо известный адрес, так хорошо рифмующийся с вопросом «Где?». Все еще улыбаясь, Юра повернул ключ в замке зажигания, прикидывая, куда бы отправится после завтрака — в сауну или по девкам, благо, пара знакомых сутенеров имелась. Совмещать эти виды досуга он не любил, будучи твердо уверенным, что в бане с девушками не получится толком получить удовольствие ни от первого, ни от второго. Прикинув все «за» и «против», Пак остановился на бане и «буханка» бодро покатила к его дому.

Юра даже в кошмарном сне не мог себе представить, что ровно через тридцать две минуты после его отъезда укушенный крысой вьетнамец перестанет дышать. А еще через четыре минуты его мертвое тело встанет с кровати и молча вгрызется зубами в горло спокойно спящего по соседству Вани Донга...

А к вечеру Юре стало плохо. Все-таки правы были люди, говорившие ему когда-то, что пить водку в бане — нехорошо. Слишком сильная нагрузка на сердце. Раньше он на подобные разговоры внимания не обращал, а вот теперь, понял, что все может быть вполне серьезно: его сердце будто кто-то в кулаке стиснул... А при каждой попытке вдохнуть полной грудью, в него словно длинная игла вонзается. Ох, мама, хреново-то как! Что делать? «Скорую» вызвать? Да ну их к чертовой бабушке! Пока доедут — сто раз окочуришься. О! На первом этаже соседнего дома — травмпункт. Уж там-то не откажут в помощи! Как же все-таки хорошо, что отсыпаться он остался в Ивантеевке, на одной из нескольких «конспиративных квартир», оставшихся в собственности Петра Сергеевича Жмыхова еще с тех пор, когда он был просто Петей Жмыхом. Если б укатил к себе, в недавно отстроенный в дачном поселке «Полянка» двухэтажный домик, могло бы быть куда хуже, там врачей поблизости нету.

В «травме» было на удивление многолюдно. Помимо нескольких вечных «завсегдатаев» любого лечебного заведения — старушек разной степени дряхлости, готовых симулировать любое заболевание, лишь бы получить возможность хоть кому-то пожаловаться на невежливую современную молодежь, на бестолковое правительство и вообще, на общую неустроенность жизни, в коридоре сидело довольно много народа. Человек пятнадцать ютились на неудобных пластиковых стульчиках вдоль стен. Были они разного возраста и пола, но объединяло их всех одно: на каждом белели свежие повязки, по большей части на руках. И глаза были какие-то испуганные, что ли. Что это с ними? Хотя, какая нафиг разница! Тут самому бы копыта не отбросить. Юра заглянул в открытую дверь одного из кабинетов, в котором что-то несусветное буровил крепко пьяный мужик, с залитой кровью рубашкой и разбитым лицом, которому мощный врач-кавказец с ломанными ушами и немного оплывшей фигурой бросившего спорт борца-«вольника» пытался вправить сломанный нос.

— Что у вас? — спросила Пака молоденькая и очень миловидная медсестра, обернувшись на его тихое покашливание.

— Сердце прихватило! — почти прошептал он, пытаясь не вдыхать слишком глубоко.

— Пили?

Юра в ответ понуро кивнул. Медсестра неодобрительно нахмурила брови и покачала головой, всем своим видом говоря что-то вроде: «Вот только еще одного алкаша нам и не хватает для полного счастья!» Однако встала и провела его в соседний кабинет, усадила на стул. Достала из шкафчика тонометр и, сноровисто натянув Юре на руку синюю эластичную манжету, померила давление. Судя по изменившемуся с недовольного на участливое выражению лица, показания круглого циферблата ей не понравились.

— На кушеточку прилягте. Я сейчас укольчик Вам сделаю.

Он послушно лег на кушетку.

— А что это у вас тут за аншлаг такой?

— Ой, и не говорите, — всплеснула руками медсестра, вынимая из стеклянного

шкафчика какие-то ампулы и одноразовый шприц в прозрачной упаковке. — Страшное дело! На Ярославском шоссе рейсовый автобус перевернулся. Один из этих московских психов как-то оказался в салоне и на водителя напал.

Тут медсестра, закрыв стеклянную дверцу, обернувшись и поймав непонимающий Юрин взгляд, удивленно округлила и без того большие голубые глаза.

— Вы что, телевизор совсем не смотрели сегодня?

Юре было тяжело не то, что говорить, но даже глубоко дышать, он просто отрицательно покачал головой, легонько постучал себя указательным пальцем по шее в районе правой гланды и виновато развел руками.

— Ну, вы даете! — медсестре, похоже, прямо не терпелось поделиться свежими новостями хоть с кем-нибудь. — Уже полдня о них по телевизору передают. Неясно, может они наркоманы, а может секта какая, вроде сатанистов. Или просто сумасшедшие, но это вряд ли — слишком их много. Нападают на людей прямо на улицах. Кусаются, пытаются загрызть. Вроде, милиционеры в них даже стреляли. Уж не знаю, убили или нет, но по «ящику» сказали — есть жертвы.

Несмотря на некоторую излишнюю разговорчивость, дело свое голубоглазая медсестричка знала хорошо. Продолжая щебетать о том, как проникший в автобус «псих» напал на водителя и чуть не загрыз того насмерть, а потом, уже после аварии, кинулся на остальных пассажиров, она сноровисто и совершенно не больно вколола ему сразу два укола.

— Так вот, его потом милиционеры в наручники заковали и увезли. Всех «тяжелых» в горбольницу отправили, а тех, кого он просто покусал — к нам, мы ближе всех оказались. Вот и возмемся сейчас ними: перевязка, противостолбнячная сыворотка... Ладушки, вроде все. Скоро подействует и Вам сразу легче станет. Вот только со спиртным вам, наверное, пора заканчивать. Не доведет оно вас до добра. Так, давайте теперь с бумажками разберемся. Паспорт и полис, надеюсь, с собой?

Юра утвердительно мотнул головой и полез во внутренний карман куртки за документами. Однако достать их не успел. Дверь в кабинет распахнулась и стоящая на пороге пожилая полная тетка в медицинском халате, на лице которой прямо-таки читалась, будто на двери кабинета, надпись «Старшая медицинская сестра», почти рывкнула:

— Светка, а ну бегом за мной! Там покусанным совсем плохо!

Голубоглазая Света пулей вылетела из кабинета, успев, правда протараторить:

— Вы пока тут посидите, а там или я освобожусь и все оформлю, или как вам полегче станет, кого-нибудь свободного из персонала найдете.

Симпатичная медсестра ускользнула на помощь искусанным «московским психом», которым так внезапно поплохело. Интересно, а что такого страшного может внезапно приключиться с тем, кого искусал сумасшедший? Или наркоман? В любом случае, не бродячая собака и не помойная крыса ведь. Ни чумой, ни столбняком заразить не должен. Хотя, кто его знает... Юриных, мягко говоря, скромных, познаний в медицине тут явно не хватало. Да и фиг с ним, они медики, они точно знают что делать. А он еще чуть-чуть тут посидит, потом оформит все бумажки, причем дождется, пока освободится Света. А по ходу попробует к ней еще и «клинья подбить». А чего? Молоденькая, хорошенькая, общительная. Кольца на безымянном пальце, опять же, не наблюдается. Он, вроде, тоже далеко не Квазимодо и при деньгах. Пригласить в ресторан, то-сё. И повод выдумывать не нужно. Подпустить проникновенности в голос, мол, ты, красавица, мне жизнь спасла в самом прямом смысле. И теперь я просто обязан, так сказать, в знак моей глубочайшей признательности... А что? Вполне может прокатить! Вот только в себя нужно прийти немного. А то, в таком состоянии не в ресторан с красивой девушкой, а до кладбища шкандыбать мелкими шажочками. И с водкой, похоже, действительно завязывать пора, права голубоглазая Света. В этот раз доковылял до «травмы», а в следующий что будет? Лежать на полу в собственном доме и «скорую» ждать, которая если и приедет, то часа через два? И это в лучшем случае, если до трубки телефонной дотянуться силенок хватит. А если нет? Нет, ну ее на фиг, такую «заманчивую» перспективу!

Через несколько минут Юра и впрямь почувствовал облегчение, не обманула медсестричка. И колющая боль поутихла, и дышать можно уже почти полной грудью, не опасаясь потерять сознание при слишком уж глубоком вдохе. Что-то задерживается голубоглазая. За это время можно было тех поплохевших не то что на ноги поставить, но еще и до дому проводить. Пешим ходом. Так не понял, а это что за фигня?

В коридоре кто-то вдруг завопил дурным голосом, вопль тут же на разные лады был подхвачен сразу несколькими глотками, судя по тональности и тембру — бабули-симулянтки визжали, а потом началась какая-то суeta и беготня. Твою маман, да что ж у них там происходит-то?! А это бешенство, часом, не заразное? А то начнут сейчас граждане кусаться, а потом ходить, прививки болючие колоть целый месяц... Юра осторожно приоткрыл дверь и выглянул в коридор. И в ужасе замер, широко раскрыв глаза.

Нервы у него всегда были крепкими, да и повидать в «лихие девяностые» ему пришлось всякого: и на «разборки» выезжать приходилось, и труп в лесополосе однажды прикапывать довелось. Так что, испугать Юру Пака — это надо было еще постараться. Но то, что он увидел сейчас в коридоре, напугало его до ватной слабости в коленях и холодного пота, враз выступившего на лбу. Первое, что бросилось в глаза — это какой-то невзрачный мужичок, в недорогом костюме под расстегнутой синтепоновой курткой, который на залитом кровью полу жрал давешнюю старшую медсестру. Жрал в самом прямом смысле этого слова, трясся, словно собака, головой и вырывая крупные куски плоти из шей уже переставшей трепыхаться женщины. Мало того, он такой в коридоре был не один. Все сидевшие в коридоре жертвы «московского психа», которых Юра видел, входя в травмпункт, теперь уже мало походили на приличных и слегка испуганных пациентов. Больше всего они сейчас были похожи на персонажей какого-нибудь дешевенького «ужастика». Перемазанные кровью чуть ли не с головы до пят, они увлеченно обгрызали лица и руки не успевших убежать от внезапно взбесившихся соседей бабушек. Пака от этой жуткой и мерзкой картины чуть не вывернуло. Господи, да что же это с ними!?

Правда, каннибальской трапезой заняты были не все. Один — крепкий на вид парень лет примерно двадцати пяти, с забинтованными ладонями, неспешной и какой-то неуверенной, качающейся, походкой, словно он был сильно пьян, преследовал голубоглазую Свету. Та, похоже, собиралась было бежать, да то ли споткнулась обо что-то, то ли ногу подвернула, и теперь ползла по коридору, отталкиваясь локтями от скользкой кафельной плитки. Именно эта картина и вывела Юру и ступора. Псих ты, там, родной, или не псих, а вот девушка эта уже занята! Так что, грабки свои от не убрал на хрен!!!

Пак, будто катапультай подброшенный, вклинился между девушкой и этим тормозным шизиком.

— Э, слышь, пацанчик, а ну, отвали! Че не ясно-то?!

Покусанный шизик на грозный окрик Пака внимания не обратил, даже с шага не сбился. Зато поднял на Юру взгляд. Ой, мля, да он, похоже вообще на всю голову стебанутый! Ну не может у нормального человека такого жуткого взгляда быть. И когда успел-то? Ведь еще двадцать минут назад сидел в креслице у стенки, как пай-мальчик, руки свои искусанные баюкал. А теперь прет, как на буфет и слов человеческих не понимает. Ну, тогда и не обижайся!

Пак всегда был парнем некрупным, можно даже сказать, худощавым. Именно поэтому, понимая, что массой и силой он в драке взять не сможет, Юра ставил себе технику удара. Челюсть и у здоровенных, и у мелких, ломается с одинаковой легкостью, нужно только уметь ударить. Вот маленький и худосочный кореец и учился.

Удар получился на загляденье, тренер мог бы Юрой гордиться, хрустнуло громко и отчетливо. Подбородок наступающего на Пака психа прямо-таки съехал влево, отчего вся его физиономия здорово перекосилась. Вот только псих на это совершенно не отреагировал, хотя, как минимум должен был в глубокий нокаут отправиться. А вместо этого, лишь слегка пошатнулся, мотнул головой, и едва слышно захрипев, попытался ухватить корейца за свитер. Твою мать, да что с тобой такое, мужик?! После таких ударов нормальные люди в

себя уже в больничной палате приходят!

Зато вот для самого Юры «рукомашество» даром не прошло: в грудь снова, словно острую спицу вогнали, аж в глазах потемнело. Да, блин, боец из него сейчас явно никакой. Вот так вот еще пару раз кулаками махнешь — и в обморок брякнешься. На радость этим чокнутым людоедам. Очухаешься — а тебе уже голову откусили. Да ну их к черту такие расклады! Когти рвать нужно, причем, чем быстрее, тем лучше. А до входа не добратся, возле дверей вся эта шизанутая свора пирует. Он подхватил под локоть начавшую подниматься с пола Свету и потащил ее за собой по коридору, прочь от рвущих зубами неподвижные тела сумасшедших людоедов и снова пошедшего в наступление безумца, который, чего уж греха таить, точно догнал и растерзал бы обоих. Спасла их чистая случайность в лице травматолога-кавказца, того самого, что вправлял нос пьяному мужику. С громовым рыком он вышвырнул прямо сквозь закрытую дверь своего кабинета какого-то субтильного подростка с забинтованной ногой. Тот, словно кеглю, сшиб наседавшего на Юру и Свету крепыша и, хорошенько приложившись об стену и рухнув на пол, начал подниматься на четвереньки. А вот сшибленному с ног здоровячку не повезло: он со смачным треском приложился затылком об пол и замер. Правда, крови из его головы вытекло как-то уж совсем мало, но Паку было не до таких подробностей. Здоровяк-врач сграбастал их обоих и буквально затащил в тот самый кабинет, из которого Пак только что выбрался в коридор.

— Шени деда шевеци!²⁵ — судя по интонации, явно выругался сквозь зубы он, захлопнув входную дверь и щелкнув замком. — Тут пока посидим, да! Света, перевязаться мне помоги, а.

Только сейчас Юра заметил здоровенную, сильно кровоточащую рану на левой скуле врача, словно кто-то вгрызся ему в лицо. Хотя, почему «словно»? Скорее всего, так оно и было. И сделал это, судя по всему, тот самый малолетний задохлик, что летал только что по коридору. Да что ж такое тут творится-то?!

— Реваз Анзорович, — чуть не плача Света вцепилась во врача, — да что же это такое?

Снаружи несколько раз громко бухнуло, словно кто-то врезался в запертую дверь и несколько раз ударил по ней кулаками. «Как же хорошо, что двери тут старые, деревянные» — мелькнула мысль в голове Пака, — «Были б из этого новомодного пластика — и пары ударов не перенесли бы».

— Что такое, что такое? — скривился от боли врач, вытерев струящуюся по щеке и шее кровь рукавом еще совсем недавно белоснежного халата. — Это, похоже, звездец всему, Светик... Перевязаться помоги, говорю.

— В каком смысле «звездец»? — переспросил кавказца Юра, пока медсестра, достав из шкафчика перекись водорода, тампоны и бинт возилась с его раной.

— В самом прямом, — врач снова, на этот раз уже по-русски, тихо выругался сквозь зубы, когда перекись зашипела и густо вспенилась, соприкоснувшись с кровью в ране на лице. — Ты новости сегодня вообще не смотрел?

— Да не глядел я сегодня телевизор, — не очень вежливо огрызнулся Пак. — Но про шизиков этих меня Светлана просветила уже.

— Шизиков? — кавказец, зло ухмыльнулся. — Слушай, дорогой, ты у этих «шизиков» пульс проверял?

— Нет, — развел руками Юра. — Извини, как-то времени на это не нашлось.

— Зато у меня нашлось. Тому пацану, что меня обгрыз, я лично искусственное дыхание делать пытался. Мертвый он был.

— В каком смысле? — как-то придушенно пискнула Света.

— В самом прямом, родная. Как бревно мертвый. Дыхания нет, пульса нет, зрачки на свет не реагируют. Ты признаки смерти уже позабыла что ли? Так что, думаю, остальные —

²⁵ Шени деда шевеци — грубое ругательство на грузинском языке.

такие же.

— Погоди, ара... Так они же ходят, — пораженно выдохнул Пак.

— Сам ты «ара». Грузин я, так что, в самом крайнем случае — «батону». Но лучше — Реваз Анзорович, хотя, можно просто по имени. А вообще — да, ходят, а еще — кушают. Причем, нас кушают, — согласно кивнул врач.

— Зашибись! У нас тут что, фильм ужасов что ли? «Рассвет мертвецов», мля?! — Юра рухнул на кушетку, обхватив голову руками. — Не верю! Это, все неправда! Это, мля, все мой пьяный бред!!! Я сейчас проснусь!!!

— С истерикой завязывай, — тихо и спокойно оборвал его врач. — Перед девушкой-то не стыдно?

Это подействовало. Действительно, выглядеть истеричным невротиком в глазах Светы совсем не хотелось. Не самый лучший имидж для знакомства. Юра постарался взять себя в руки.

— И как такое, по-твоему, возможно? — спросил он у Реваза.

— А я знаю? — по-еврейски, вопросом на вопрос, ответил тот. — Я, блин, травматолог, а не вирусолог.

— Думаете, вирусное? — подала голос молчавшая Света.

— Похоже на то, — кивнул головой грузин. — Очень похоже. Покусали, заразили, заболел, очень быстро помер, встал, сам кусаться пошел. Скорее всего, какой-нибудь боевой штамм у вояк в побег ушел.

— Так ведь нельзя же вирусное оружие разрабатывать. Запрещено оно, — Света забавно наморщила лоб.

— Да ладно тебе, — отмахнулся Реваз. — У нас до хрена чего нельзя, но один черт делают. Вот, похоже, и наделали на свою голову.

— А причем тут «звиздец всему» и новости по «ящику»? — вернулся к первоначальной теме Юра.

— А притом, — наставительно поднял палец врач, — что эта ерунда в Москве, считай, с самого утра творится. И об этом пусть и коротенько, но по всем телеканалам уже рассказали, и не раз. А вот о том, что эти уроды — мертвые, не сказали ни разу. И об их заразности — молчат. А значит, кусающихся мертвяков вяжут, и тянут в ментовку, а покусанных — в больницы. И так уже целый день...

— Едрит твою мать! — до Юры вдруг внезапно начали доходить масштабы происходящего. — Да ведь в московских больницах сейчас, наверное, настоящие рассадники всего этого.

— Угу, — угрюмо кивнул Реваз. — И в отделах милиции — ничуть не лучше. А ведь именно милиция, по идее, порядок поддерживать и граждан защищать должна.

— Ой, да ладно, дождешься от них, защитничков... — привычно отмахнулся Юра, но потом вдруг сообразил, что конкретно в этом случае грузин, похоже, прав.

У ментов и оружие, и транспорт, и связь. А главное — организованность и многочисленность. Вполне смогут ситуацию под контролем удержать. Если их не сожрут раньше. А вот если сожрут — тогда и гражданам амбец приснится. Не всем, конечно, но большинству — точно.

— Стоп, погоди! Так если укусили — заразился, то выходит что ты... — Юра выразительно посмотрел на уже пропитавшуюся кровью повязку на лице Реваза.

— Точно, — взгляд травматолога был тяжелее гранитного надгробия. — Еще час, максимум — полтора, и я такой же вот мерзостью стану. Причем, если вы до этого момента отсюда не смоетесь, то застрянет с этой самой мерзостью в одной комнате. Оно вам надо?

От перспективы застрять в одной комнате со здоровяком-грузином, который в любое мгновение может превратиться в хищную плотоядную тварь, Пака аж передернуло, а спина в один миг покрылась холодным потом.

— Что, страшно? — понимающе кивнул врач. — А мне сейчас, думаешь, каково?

— Так чего же делать-то? — осипшим голосом прошептал кореец.

— Выбираться вам отсюда нужно, и чем быстрее, тем лучше.

— Офигительная идея! И как? В коридоре — этих упырей два десятка. Чем ты от них отбиваться будешь? А эту хрень, — Юра мотнул головой в сторону забранного снаружи мощной сварной решеткой окна, — разве что бульдозером выламывать.

— Ну, у входной двери пожарный щит есть, там топор, багор, лопата...

— Ага, мля, а еще — ящик с песочком и ведро красное, конусообразное, чтоб на огород себе его никто не спер! — истерично хохотнул Пак. — Вот только щит этот у входной двери, причем — снаружи. Ой, твою ж мать, ну почему же мы не у меня дома, а?!!!

Перед глазами у Юры явственно встали спрятанные несколько лет назад под ламинатом в спальне «конспиративной квартиры» пистолет ТТ и укороченный милицейский автомат АКСУ с парой магазинов к нему и небольшим боекомплект. Да еще дома в металлическом ящике стоит вполне законный помповый «Моссберг» двенадцатого калибра. И патроны к нему тоже имеются: полсотни картечный и пулевых десятка два. Немного, конечно, ну так охотой он никогда не увлекался, так, любил иногда по пустым бутылкам в одном овражке неподалеку от «Полянки» пострелять.

— Чего причитаешь? — удивленно глянул на него Реваз. — Оружие что ли дома есть?

Пак только молча кивнул.

— Охотник?

— Не совсем...

— Ааа... — понятиливо протянул врач, понизив голос до чуть слышного шепота. — Бандит значит... А хоть бы и так! Все одно шансов больше, чем у какого-нибудь бухгалтера или менеджера по продажам всякой дребедени... Короче так, бандит, если ты мне пообещаешь, что ее вытащишь и не бросишь, я вас отсюда выведу.

Оба мужчины одновременно поглядели на Свету, почти беззвучно рыдающую на легком стульчике в углу, прижав добела сжатые кулачки к подбородку.

— Обещаю, — Юра твердо посмотрел в глаза Ревазу. — А хрен ли толку? Через коридор не прорвемся, а клетку эту на окне даже ты не выломаешь.

— А и не нужно. Ты возле входа план эвакуации при пожаре на стенке видал?

— Да черт его знает, — пожал плечами Юра. — Может и видел, не приглядывался. А причем тут это?

— Вот если б пригляделся, то увидел бы, что там написано: «Ответственный за пожарную безопасность — Мвзгришвили Р.А.», в смысле я.

С этими словами Реваз достал из кармана своего халата большую связку ключей с круглой бронзовой печатью-пломбиром вместо брелка.

— Ключ от этих решеток — у меня. Так что, я вас сейчас тихонько выпущу, а вы сразу рвите... Ты, кстати, на машине?

— Не, — мотнул головой Пак и ткнул пальцем в окно. — Я из соседней девятиэтажки пешочком приковылял, вон той, новой, из желто-красного кирпича. А вообще машина есть, разумеется. Даже две.

Сказав это, Юра вдруг поймал себя на мысли, что в условиях надвигающегося «звиздеца всему» его старенький армейский УАЗ будет, пожалуй, транспортом куда более подходящим, нежели ухоженный девятый «Мицубиси Галант», стоящий в гараже его дома в коттеджном поселке на краю Ивантеевского леса.

— Тоже неплохо, — одобрительно хмыкнул Реваз. — Тут всего-то метров сто. Полюбому добежите. Только учти, Света — хорошая девушка. Бросишь ее — я тебя и того света достану, матерью клянусь.

Пак лишь молча кивнул в ответ.

— Ну, тогда прощай, — травматолог протянул Паку руку. — И удачи вам.

— И тебе уда... — кореец осекся, поняв, что говорит явно не то и, крепко сжав ладонь Реваза, поправился. — Прощай!

Когда Юра, из последних сил преодолевая боль в груди, чуть ли не на себе волокущий рыдающую девушку, уже подбегал к своему подъезду, откуда-то издалека, со стороны

городской больницы, донеслись завывания сразу нескольких милицейских сирен, а потом послышалась частая пистолетная стрельба и несколько коротких автоматных очередей. Похоже, оставшийся в травмпункте врач оказался прав: в больницу отвезли самых «тяжелых» из перевернувшегося на Ярославке автобуса. И теперь, там тоже началось... Хотя, какое к чертовой матери «там». Началось везде. Только пока еще не все это поняли.

г. Пересвет, база подмосковного ОМОН. 20 марта, вторник, почти полночь

Я сидел на своей койке и неторопливо, сосредоточенно чистил разобранный и разложенный на табурете автомат. Вот хотите — верьте, хотите нет — успокаивает меня этот процесс. Одни курят, другие четки в руках крутят, какие-то буддистские монахи, говорят, пупок свой «созерцают», извращенцы косоглазые. А я вот — оружие обихаживаю. Дело вроде не хитрое, но от всякой суеты здорово отвлекающее. А вот чего вокруг хватало — так это суеты. В коридорах и кубриках было не протолкнуться от бойцов и офицеров. Казарма гудела сотнями голосов, словно растревоженный улей. Отряд подняли по сигналу «Сбор» и, вернувшись из Ивантеевки, мы застал на базе не только тех, кто должен был сегодня быть на выходном, но даже отпускников из числа тех, кто был в пределах досягаемости. Кажется, ситуация если и пока не критическая, то уже очень близка к таковой. Я, уже готовившийся к нехилому такому «пистону», вплоть до «неполного служебного соответствия», а то и просто увольнения «по собственному», за рукоприкладство в отношении старшего офицера, вдруг внезапно осознал, что об этом происшествии никто и не вспоминает. Ну, и слава богу, раз оно начальству не нужно, так и я напоминать о происшедшем тем более не буду.

Дежурный и помдеж носились, будто наскипидаренные. Дежурная часть наша просто утопла в потоке телефонных звонков, факсов и ШТшек²⁶ с всевозможными ценными указаниями, суровыми требованиями, немедленными к исполнению приказами и прочими «держи и не пушай». Но при этом каких-то мало-мальски достоверных сведений из Москвы до сих пор так и не поступило. В шифротелеграммах — одни обтекаемые и маловразумительные фразы вроде «агрессивно настроенных субъектов», «приступы немотивированной агрессии», «принять все возможные меры к пресечению» и прочая чушь. Даже мертвяков до сих пор официально таковыми не признали, называют пока «зараженными» или «инфицированными». Хорошо хоть «добро» на открытие огня по этим самым «субъектам» дали и любыми средствами не допускать нападений на нормальных людей разрешили. Зато, видимо, для компенсации единственного полезного и толкового распоряжения, прислали приказ об изъятии у граждан даже вполне законных охотничьих стволов «в целях поддержания общественной безопасности и недопущения актов вооруженного насилия среди гражданского населения». Совсем они там, в ГУВД рехнулись, что ли? Это самое «гражданское население» вот-вот жрать начнут без соли и уксуса... Хотя, о чем это я? Уже, небось, вовсю начали, а мы у них чуть ли не единственную надежду на защиту и спасение отнимать должны! Охренеть можно!!! Командир Отряда, полковник Львов, прочтя эту переданную ему дежурным «писульку», только чертыхнулся и велел:

— Передай, что приняли к исполнению, — а потом ухмыльнулся. — Вот у кого дел других нету, тот нехай этой муйней и занимается. А у нас, похоже, и так забот невпроворот будет.

Прямо сейчас, несмотря на позднее время, весь личный состав, кроме нас, побывавших в Ивантеевке, был собран в актовом зале и смотрел на большом, во всю стену, проекционном экране отснятый на фабрике «ужастик». Тисов, стоявший с пультом чуть в стороне, периодически это тошнотворное и, прямо скажем, жутковатое кино притормаживал, давая пояснения и комментарии. Народ у нас в Отряде лихой, ни бога, ни черта не боящийся, но

²⁶ ШТ — шифротелеграмма.

смотрели в гробовой тишине. Проняло парней. Ну, а мы, повидавшие все это, что называется, «в условиях дикой природы», сидя по кубрикам приводили в порядок экипировку и оружие. Лично я для себя одно решил точно: без комплекта щитков для работы «по массовым» из казармы — ни ногой. Против всей этой кусающейся братии поножи и наручи из ударопрочного пластика, закрывающие плечи, ноги от колена до стопы, руки от локтя до кисти и ладони с внешней стороны — самое то. Уж всяко лучше против зубов, чем обычная брезентуха «горки» или «рип-стоп» камуфляжа. Тряпка, даже толстая, она тряпка и есть, а комплект «Щиток», он удар железного арматурного прута держит. Да и шлем нужен обязательно с забралом. Причем, можно и не боевой ЗШ-1.2, «Алтын» или Антонов ТIG, той же пластиковой «Джетты»²⁷ вполне хватит. Класс бронезащиты у нее, конечно, никакой, только от камней или палок, ну так мертвяки, вроде, в использовании подручных средств не замечены, лишком тупые. Зато она легкая, обзор в ней хороший, а сквозь забрало прогрызться тоже еще постараться нужно. Нет, подбородок и ли шея один черт не прикрыты толком, но все равно, кусок щеки, как тому же Гене, уже так легко не отхватят.

Ладно, лирика это все, а сейчас пора с автоматом заканчивать да в актовый зал топать. Там, как только с кино закончат — начнут задачки нарезать.

Еще раз провожу маслянистой ветошью по газовому поршню, вставляю на место затвор и резко досылаю затворную раму по пазам ствольной коробки на положенное ей место. Отлично вычищенный и смазанный механизм автомата клацает негромко но как-то... ну, я даже не знаю... Довольно так. Сыто. Словно тихо рыкнул умиротворенный удачной охотой и сытной добычей могучий хищник. Ой, как же все-таки прав был предыдущий хозяин, давший автомату такое грозное имя. Он и вправду Тигр. Сильная и смертельно опасная зверюга. Моя зверюга.

В актовом зале, похоже, уже закончили. Когда я прикрываю за собой дверь, Антон уже спускается с невысокого помоста, выполняющего тут роль президиума.

— Ну, что, вопросов больше нет? — интересуется стоящий рядом с Тисовым командир Отряда. — Или, может, кто добавить что-то хочет? Вот, Грошев...

Взгляд Бати упирается в меня.

— Ты, Боря, говорят, тоже там отличиться успел. Есть тебе чего добавить?

М-да, рано я, похоже, радовался. Выходка моя точно не забыта и еще будет мне припомнена. Когда-нибудь. Если доживем. А пока важно совсем другое. Сейчас нужно выполнить поставленные задачи и не потерять при этом людей. Тут любой опыт, любая мелочь может оказаться важной.

— Так точно, тащ полковник, — браво рапортую я от порога. — Разрешите с места?

Львов только кивает большой бритой головой на могучей шее. Народ в зале начинает дружно оборачиваться в мою сторону.

— Я думаю, Тисов вам все основное уже показал и рассказал. От себя добавлю всякие мелочи из личных наблюдений и придумок, которые могут всем здорово пригодиться. Противник у нас, мягко говоря, необычный. Можно сказать, с животными воевать придется. С сильными, крупными, очень опасными, но животными. Стрелять и гранаты кидать в нас они не будут. Зато будут наваливаться толпой, валить с ног и грызть. И тогда — хана. Если укусят, даже если вырвешься, тебе все равно уже конец. Не сейчас, так через пару часов превратишься в такую же погань.

— Это точно? — спросил тихо кто-то в зале.

— А черт его знает. Все покусанные, которых мы видели — обратились. Причем один, вы его на записи видеть должны были, вообще не понятно каким образом на ноги встать смог, с него, считай, чуть не все мясо обгрызли. Но встал и пошел охотиться. На нас с вами охотиться. Так что, скорее всего, точно.

²⁷ «Джетта» — пластиковый шлем с прозрачным забралом, предназначенный для бойцов спецподразделений МВД, работающих на массовых мероприятиях. Класса защиты, как такового, не имеет и является исключительно противоударным.

— А если укус будет маленький совсем?

— Я не медик, но думаю — это не важно. Вот если человеку в кровь ввести шприцем тот же вирус СПИДа, не все ли будет равно, сколько ввели, полкубика, кубик, или сразу полулитровую бутылку? Ну, разве что заражение при большом объеме быстрее произойдет. Тут, боюсь, то же самое. Мало того, думаю, укус — не единственная опасность...

— Хочешь сказать, что эта дрянь, как грипп, воздушно-капельным передается? — прищурившись, спрашивает Львов.

— Не знаю, тащ полковник, но — вряд ли, иначе мы всем взводом уже бродили бы тут по коридорам со стеклянными глазами и вас сожрать пытались. О другом я. Фильм «28 дней спустя» все смотрели? Там опасен был не только укус, но и попадание крови или слюны зараженного в открытые раны, глаза, рот...

— Боря, ты умом не тронулся? — с мрачной иронией смотрит на меня командир Отряда. — Художественный фильм, «ужастик»... Нет, ну просто очуметь какой источник информации. Ты бы нам еще «Телепузиков» переглядеть посоветовал!

— Товарищ полковник, — мой ответ звучит четко и предельно серьезно, — как только из методического отдела МВД нам пришлют наставление «Ожившие мертвецы и способы борьбы с ними», я сразу перестану страдать фигней. Но пока такие вот «ужастики» — реально чуть ли не единственный источник информации, ну, кроме личного опыта, конечно. И пока информация из этих «источников» только подтверждается. Мертвые встают, жрут живых, пожранные помирают и тоже встают. Боли эти упыри не чувствуют, ни малейших человеческих эмоций не испытывают. Хотят только одного — жрать дальше. Полное разрушение личности и превращение человека в ходячий вечно голодный труп. Окончательно умирают только после повреждения головного мозга. Ну, и чем это вам не зомби из фильмов ужасов?! Богом клянусь, если б эти твари начали выпускать из десен длинные клыки, пить человеческую кровь и превращаться в летучих мышей, я, блин, первым рванул бы в библиотеку за «Дракулой», для выяснения всех этих фишек с пулями из серебра, распятиями, святой водой, чесноком и осиновыми кольями!

— Ладно, ладно, притормози. Разошелся, понимаешь, — командир примиряющее выставляет перед собою ладони. — Ты, вроде, по делу сказать чего-то хотел?

— Хотел, — киваю я. — По экипировке. Нападают зомби как дикие звери. Поодиночке просто стараются зажать в угол и загрызть, толпой — окружают, отрезают пути к отступлению, валят на землю и рвут в клочья. Одиночные почти не опасны. Они тупые и медленные. Но зато — очень страшные, просто до усрачки. Но если страх этот побороть, то бить их будет не сложно даже без огнестрельного оружия: держи дистанцию, не давай в себя вцепиться и бей по башке чем-нибудь тяжелым. Хоть топором, хоть лопатой, хоть монтировкой. С толпой — намного хуже. Тут уже дистанцию держать, скорее всего, не получится и придется очень быстро двигаться. И нужна будет защита. Обычную ткань порвать зубами не сложно, брезент «горки» — уже труднее. Тот же кевлар жевать можно хоть до ишачьей Пасхи. Отсюда вывод — экипировка должна быть легкой, но прочной: «горки», а лучше штурмовые комбинезоны первого класса защиты, вроде тех, что мы у немцев из ГСГ-9²⁸ тогда на «Интерполитехе»²⁹ видали, защитные щитки на руки и ноги, наплечники. Шлемы с забралами, причем, можно и легкие — «Джетты» или мотоциклетные. Если без забрала, то очки тактические, чтобы кровь и слюна упырей в глаза не попали. Для защиты торса лучше всего подойдут тяжелые бронежилеты без пластин. Если титан выкинуть, то весу в самом кевларовом пакете и чехле килограмма полтора. А у того же «Корунда», например, еще и воротник есть. Чем не защита? Пулю, конечно, уже не удержит,

²⁸ ГСГ-9 — антитеррористическое подразделение федеральной полиции Германии.

²⁹ «Интерполитех» — проходящая в Москве на ВДНХ ежегодная международная выставка, на которой представляют новейшие разработки в области вооружения, экипировки, специальных средств и техники для правоохранительных структур.

так стрелять зомби не умеют. Перчатки нужны обязательно. Причем не эти пижонские, без пальцев, а нормальные, штурмовые или как у страйкболистов. Уж если они мелкие осколки да шарики аирсофтные держат, то прокусить их, скорее всего, не получится. Ну, вроде как все пока.

— Что ж, смысл в твоих словах есть, — вновь согласно качнул головой Львов. — Обдумаем. Еще есть у кого какие идеи и соображения? Нету? Ну, тогда продолжим. Главк перед нами поставил следующие задачи...

г. Москва, Калужская площадь, 21 марта, среда, раннее утро

Город давил со всех сторон. Вызывал чувство панического, безграничного ужаса. Не буду врать, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы ему не поддаться. Давненько я подобного не ощущал. Пожалуй, с зимы девяносто пятого. В Грозном, помнится, было очень похоже. И, не буду врать, трудно сказать, когда же все-таки было страшнее. Тогда я был зеленым сопляком, ничего еще толком не знающим и не умеющим, а Грозный, казалось, смотрел прямо в душу тысячами бездонных черных буркал выбитых окон. И из каждого в любую секунду могла прилететь короткая автоматная или пулеметная очередь или пуля снайпера. Мертвый город вел охоту за живыми людьми. То, что сейчас происходило в Москве, внешне выглядело иначе: не было разрушенных артиллерийским огнем и многодневными пожарами зданий, горели уличные фонари и светились окна домов, моргали и переливались рекламные щиты. На первый взгляд все было нормально. Но только на первый, и только на взгляд. Потому что на слух город уже был другим. Вместо обычного шума просыпающегося мегаполиса со всех сторон слышны были вой сирен, рык дизелей армейской бронетехники и стрельба. Да, стреляли не так интенсивно, как в свое время в столице Чечни, да и калибры были не столь впечатляющими... Но, с другой стороны, и войны Москве все-таки не было. Хотя, было введенное вчера вечером чрезвычайное положение. И было кое-что еще, то, чего не было даже в Грозном. Над Москвой, будто невидимым облаком, всепроникающим туманом, окутывающим и обволакивающим все вокруг, висел человеческий крик. Кричали одновременно тысячи, десятки тысяч людей. От боли, от страха, от безысходной предсмертной тоски. Крик этот был даже не столько слышен, сколько его просто чувствовали. Он, словно ультразвук, бил по мозгам, давил на психику, вызывая почти физическую боль. Этот город тоже был уже мертв и тоже охотился за живыми, вот только оружие этой охоты было куда страшнее пули, снаряда, мины или осколка. По улицам древней столицы неспешной, покачивающейся походкой шли залитые своей и чужой кровью трупы. Пустые оболочки, бывшие совсем недавно людьми, а теперь превратившиеся в кошмарных чудовищ из детских страшилок и фильмов ужасов. Вечно голодных и безжалостных упырей, охотящихся на живых. Зомби. По Москве неотвратимо и неумолимо вышагивала сама Смерть.

О том, что дела пошли совсем паршиво, я догадался еще до того, как мы прибыли на место. По первоначальному плану весь наш взвод на двух бронированных «Уралах» и при одном БТР-80 должен был прибыть к областному ГУВД на Никитский переулок и, перекрыв его в обе стороны, «осуществлять с целью недопущения». Короче, классическое «держи и не пущай» с поправкой на разворачивающееся вокруг безумие. Но не успели мы даже до Кольцевой доехать, как у меня в кармане беззвучно завибрировал мобильный. Ага, снова «дежурка», а значит или новости, или вводные. И вряд ли что-то хорошее. Так и оказалось.

— Боря, слушай внимательно — загудел в трубке слегка искаженный голос Дяди Сани. — Есть новая задача: один «Урал» и «броня» уходят на Никитский, а ты со своими — дуй на Калужскую площадь, на Житную. Там что-то непонятное приключилось. Их вчера весь день «Брысь»³⁰ охраняла, а часа полтора назад они какой-то приказ получили и снялись

³⁰ «Брысь» — шутливая переделка названия ОМСН МВД «Рысь».

всей оравой. Теперь там всей охраны — десяток доблестных «пэпсов» из тех, что разбежаться не успели. Я так понял, они бы и рады, да только упырей на площади уже изрядно скопилось, не выскочить.

— погоди, Дядь Сань, а мы там на кой хрен, если оттуда все кто мог уже смылись?

— Ты у меня спрашиваешь?! — рывкает вдруг обычно спокойный и доброжелательный дежурный. — В душе не е... знаю!!!

— Ты чего окрысился-то?

— Ай, не спрашивай, — в голосе майора слышна боль. — Тут ведь по всем правилам приведения в боевую готовность связь нужно устанавливать со всеми. Ну, там, с вышестоящими нашими и с местными гражданскими властями. Дозвонился до узла связи МОБа³¹ в Люберцах... А там какая-то девочка-телефонистка. Плачет, говорит: «Дяденька, они все с ума сошли. Едят друг друга. В дверь снаружи ломаются»... Я ей говорю: «Дочка, а кроме тебя-то кто нормальный остался?» А она: «Сначала в коридорах стрелял кто-то, а потом три УАЗика куда-то уехали». Она им в окно махала, но ее, то ли не увидели, то ли просто возвращаться не захотели...

— Вот млядь... — само по себе вырывается у меня.

— И я о том же, — вздыхает дежурный. — Я спрашиваю: «Сама-то как? Цела?» А она мне: «Ага, меня тоже съесть хотели, но я вырвалась и заперлась. Укусили, правда, за ногу, но чуть-чуть совсем. Даже не кровит почти»... Представляешь?

— Звиздец... — безжалостно подвел итог я. — Хана девчухе...

— А то я не знаю... — соглашается тот. — Но ей-то так не скажешь. Говорю: «Потерпи, доченька, я ребятам сейчас скажу, они часика через два-три приедут, выручат тебя». А у самого, сука, аж глотку перехватывает.

— Молодец, Дядь Сань. Все правильно. Нельзя ее было надежды лишать... Ладно, все понял, сейчас Тисову маякну и — на Калужскую.

— Угу, и подзатыльник ему от меня передай. Пусть телефон включит, обормот.

По автомобильной рации связываюсь с едущим на головном «Урале» Антоном, передаю ему «пламенный привет» из «дежурки» и рекомендации по поводу мобильного, а потом рассказываю о новом приказе.

— М-да, — задумчиво тянет Антоха, — похоже, началось в колхозе утро... Куда ж это «кошек» сдернули? Ладно, главное — на связи будь и, если что, ори погромче, подьемем — выручим.

— Аналогично, — фыркаю в ответ я. — Еще не факт, кому кого выручать придется.

На этой оптимистической ноте мы и разъехались каждый в своем направлении.

Окончательно в том, что дело швах, я убедился, едва мы выехали на Калужскую площадь. Достаточно было бросить взгляд на Садовое Кольцо, мертвое во всех смыслах. Что значит «во всех»? А то и значит... Во-первых, от самого пересечения с Большой Якиманкой и аж до едва различимого в предзакатной мгле Крымского моста и эстакады за ним, на Кольце не было видно ни одной машины. Нет, понятно, что до утреннего «часа пик» еще далеко, но это ведь не окраины какой-нибудь Тмутаракани, а самый центр столицы. Той самой, блин, «Москоу», которая «невер слип». Однако, и пустой проезжую часть назвать было нельзя. Движение на ней все-таки имелось. Пешее. И жуткое в своей противоестественности. По Кольцу в каком-то одним им известном направлении ковыляли ожившие мертвецы. И было их настолько много, что меня в первый момент даже оторопь взяла. Как-то не предполагал я, что бедствие приняло такие масштабы, понимал, что дела наверняка не ахти, но надеялся все же на лучшее. Похоже — напрасно.

Перед воротами и вдоль высокого чугунного забора белого, с огромными стеклами окон здания МВД на Житной мертвяков тоже хватало. Только тут они никуда не шли, а

³¹ МОБ — милиция общественной безопасности.

просто стояли этакой живой, а скорее — мертвой изгородью вдоль выложенного полированными каменными плитами парапета. Не меньше полутысячи упырей просто стояли и пялились сквозь слишком узкие для них отверстия между толстыми пиками ограды на темное, без единого светящегося окна здания. И, что интересно, на площади вокруг памятнику Ленину оживших мертвецов не было совсем. Угу, понятно. Значит, на площади покойников просто ничто не привлекает, вот они и собрались вокруг места, в котором есть что-то для них интересное. Хотя, если исходить из их весьма однобоких интересов, то там скорее кто-то... Живые люди.

Когда свет мощных фар «Урала» осветил толпу зомби, часть их повела себя довольно странно. Нет, большинство вообще никак не отреагировало, либо, оставшись стоять, как и стояли, либо, обернувшись, тупо уставились на подъезжающий грузовик своими страшными мертвыми буркалами. Однако десятка полтора-два весьма резво рванули от нас через Калужскую в сторону ближайших домов. Вот оно даже как... Похоже, некоторые начинают умнеть и прячутся от возможной опасности. Ой, фигово дело! Эткими темпами они если не до человека, то хотя бы обезьяны поумнеть могут, не дай бог, конечно. С другой стороны, какая там обезьяна, даже если они до уровня стайных хищников, вроде тех же волков, разовьются — нам и этого за глаза хватит. Вообще полный песец будет. Что называется, испытайте на себе все прелести загонной охоты. Опять же, какими-то подозрительными показались мне эти поумневшие мертвяки, что-то в них не так было. Хотя, может и померещилось: яркий свет в окружающей темноте, резкие, длинные тени, вот и исказились пропорции. В любом случае, пора уже решать, как во двор въезжать будем. В смысле, «как», оно понятно — через ворота, по-другому просто не получится. Осталось только найти способ отворить эти самые ворота. Которые, если мне мой склероз не изменяет, мало того, что открываются с центрального пульта в здешней «дежурке», так сейчас еще и толстой цепью на большущем (где вообще отыскиали-то такой) амбарном замке замотаны изнутри. И тремя небольшими противотанковыми ежами изнутри подперты. Для пущей надежности, наверное. Фортификаторы, блин! Хотя, против тупого мертвого «мяса» — вполне эффективно. Ровно до тех пор, пока это самое «мясо» по заборам лазить не научится.

Так, все, теперь приехали окончательно. Мощный бампер «Урала» практически уперся в тела зомби, которые даже не сообразили, что им стоило бы немного посторониться, чтобы не быть раздавленными. Зато мне сверху хорошо стала видна еще одна причина, по которой зомби не желали отходить от забора. Точнее, причин было куда больше, где-то три десятка, если навскидку, почти начисто обглоданных костяков, лежащих в лужах застывшей и замерзшей крови среди обрывков заскорузлого, ставшего на легком ночном морозце колом, тряпья, еще недавно бывшего одеждой. Это что же тут такое произошло? Нет, мы в ОМОНе, конечно, далеко не ангелы белокрылые, но в то, что парни из «Рыси» могли расстрелять бегущих к ним от голодной ходячей мертвечины за помощью гражданских, я просто не поверю. И в то, что просто за забором их умирать бросили — тоже. Это только в фантазиях разных «либеральных правозащитников», с их давно уже съехавших набекрень мозгами, весь ОМОН — толпа кровожадных мутантов. Которым только и надо от жизни, что сырой человечинки пожевать, да кровушкой запить. Опять же, сдается мне, что нас с этого «почетного пьедестала» уже подвинули. Те самые зомби, которых вокруг пруд пруди, и которым, и впрямь, ничего больше не хочется.

Но, при всем при этом обгрызенные скелеты все-таки имеются. Вот они, я их собственными глазами вижу. До ближайшего — не больше десяти метров. Чуть ли не потрогать можно... Ладно, сначала нужно во двор въехать, а уж потом будем выяснять, какого рожна здесь приключилось. Снимаю со специального крепежа на задней стене кабины миниатюрную телефонную трубку внутренней связи.

— Так, мужики, что-то надоело мне тут торчать, но вот всю эту стаю вместе с нами во двор запускать не хочется. Предлагаю для начала малость вокруг почистить.

Парни, которым все творящееся вокруг сквозь небольшие, забранные частой решеткой боковые окна кунга видно не намного хуже, чем мне, общим гвалтом выражают свое полное

согласие. Кто и что конкретно говорит, разобрать сложно, микрофон и динамики в аппарате стоят слабые, но настрой вполне понятен и так.

— Работайте через окна, оба верхних люка и, если получится, через форточку возле передней двери. Сами двери не открывать. Ну, его, от греха... Хоть они и высоко, но быстро бегать тут кое-кто уже умеет, как бы не выяснить, что они еще и хорошо прыгать научились. Стрелять только одиночными и только в голову. Нечего патроны попусту жечь, у нас их не вагон.

М-да, остается только пожалеть о том, что лазерные целеуказатели и коллиматорные прицелы у нас в Отряде имеются хорошо если у одного бойца из десяти. А ведь обещали выдать на весь личный состав. Да только так эти обещания обещаниями и остались, равно, как и клятвенные заверения перевооружить весь ОМОН со стареньких «макарок» на пистолеты Ярыгина, и рассказы о том, что на всех вместо «семьдесят четвертых» АК-103 выдадут... Да много чего нам обещали... Впрочем, ладно, дело прошлое, чего уж теперь. Фонари тактические подствольные на всех выдали — и то хлеб.

Тонкие, ослепительно-яркие галогеновые лучи ударили в толпу, высвечивая оплывшие, безжизненные морды (у меня язык не повернется это лицами назвать) зомби. Буквально через мгновение звонко защелкали вразнобой выстрелы. В кабине, несмотря на закрытые окна, кисло запахло сгоревшим порохом. Первые по второму разу умершие упыри рухнули в подмерзшую грязную снежную кашу на асфальте будто манекены. Мертвая толпа вокруг пришла в движение и зомби начали неуклюже разбредаться на негнущихся ногах. Угу, значит, что такое стрельба тут уже все в курсе. И чем она грозит — тоже соображают. Снова плохо. Еще одно доказательство того, что умнеют эти твари. Неясно только, почему одним света фар хватило, а остальные только с началом пальбы соображать начали. Да и двигались те, первые, более умные, куда проворнее и быстрее. Одни вопросы, блин, и никаких ответов. Да уж, похоже, правильно я Бате сказал — методичек нам никто не напишет, правильные ответы самим искать придется.

Кроме неспешно, но целеустремленно разбредающихся в разные стороны зомби на нашу стрельбу отреагировали, наконец, засевшие в здании. В приоткрывшуюся дверь центрального входа протиснулся пожилой, лет пятидесяти, похожий на отравившего пышные усы Колобка, мужик который, смешно перебирая короткими ножками, кинулся к воротам, сжимая в руках «ксюху» с откинутым прикладом. Форма на мужичке цветовой гаммой здорово напоминает нашу омовскую «ночь-91», вот только полосы рисунка не горизонтальные, а вертикальные. Ну, да, как раз в такой «синей осоке» теперь весь спецполк МВД по охране зданий и ходит. Когда он подбегает к воротам вплотную, становятся видны капитанские звездочки на хлястиках-погонах.

— Вы кто?! — орет капитан, пытаясь перекрыть уже стихающую стрельбу и фыркание двигателя, при этом оглядывая окрестности в прицел АКСУ. Вот, блин, оказывается, что произойти должно было, чтоб наши «хомячки» из ОБОЗа³² наконец вспомнили, для чего им Родина оружие вручила и как с ним обращаться нужно.

— Посадский ОМОН! — кричу я, слегка опустив вниз боковое стекло кабины. — Вам в помощь присланы! Отворяй ворота, а то нам тут торчать уже надоело!

— Ага, понял! Только этих к воротам не подпускайте! — словно китайский болванчик закивал головой тот, и, открыв ключом навесной замок, что-то пробормотал в торчащую из нагрудного кармана куртки рацию, а потом начал шустро оттащить в сторону один из ежей.

Когда он оттащил в сторону третий, и торопливо метнулся в сторону двери, ворота медленно поползли в сторону по рельсам-направляющим.

— Давай сразу к крыльцу поближе, — кивком показал я водителю предполагаемое место парковки, а потом снова взялся за трубку внутренней связи. — Как остановимся — все

³² ОБОЗ — отдельный батальон охраны зданий.

к машине и чтоб за нами следом ни одна тварь в ворота не проскочила!

Ответом мне послужил стук распахиваемых дверей кунга и грохот берцев по асфальту. Брать под охрану периметр вокруг остановившегося транспортного средства моих ребят учить не нужно. Правда, в этот раз даже и возиться-то особо не пришлось, почти все ожившие покойники уже прекрасно уяснили, что против автомата Калашникова на таких дистанциях у них шансов мало. От силы десятков, видимо, уж совсем тупых даже по их, зомбачьим меркам, потопали вслед за «Уралом», но не успели пройти по пять-десять шагов, как ухватили по пуле в голову. Остальные уковыляли в самый центр Калужской площади и сгрудились вокруг постаментов памятника Ленину, где и расположились этакой inferнальной демонстрацией. Нет, похоже, малость переоценил я их сообразительность. Отойти мозгов хватило, а вот на спрятаться — уже нет.

Когда ворота встали на прежнее место, усатый капитан снова замотал ворота цепью, а Гумаров и Солоха помогли ему водворить на прежнее место ежи.

— Ну, и долго вы собираетесь тут стоять, как три тополя на Плющихе? — в голосе усатого явно слышен страх. — Давайте за мной внутрь, этих вид живых людей привлекает.

Выяснять, кого именно «этих» не было никакой необходимости. Чтобы не догадаться, нужно вообще по пояс деревянным быть. К тому же, даже в утреннем полумраке было пусть и плохо, но видно, как с Садового, и со стороны Крымского моста, и от транспортного туннеля ниже по Житной, и по Большой Якиманке, и со стороны выхода из метро «Октябрьская» и Ленинского проспекта с Шаболовкой, явно привлеченные звуками стрельбы, поодиночке и группами подтягивались на Калужскую новые и новые мертвецы. Прав капитан, нечего на улице делать. Сквозь тонированные витринные стекла первого этажа мы покойников будем видеть почти так же хорошо, как и с крыльца, а вот они нас — нет.

— Слушай, тащ капитан, а чего это ты сам по двору с автоматом рысачишь и тяжести тягаешь? Неужто ни одного сержанта на это дело не нашлось?

— Ай, брось издеваться, — вяло отмахивается тот. — Сейчас внутрь войдем, на мой личный состав глянешь, сам догадаешься.

И впрямь, протиснувшись в рамку отключенного сейчас металлодетектора и оказавшись в фойе я сразу все понял... Батальон Смерти, блин... Пять барышень в синем камуфляже и большими прямоугольными шевронами «Спецполк МВД России» на спинах курток. Возраст — от двадцати до неполных сорока, звания — от младшего сержанта до прапорщика. Вид у всех, мягко говоря, так себе: испуганные, ощутимо бледные даже в полутьме лица, круги и разводы потекшей от слез туши вокруг глаз и на щеках. Амазонки, маму вашу с ратуши... Валькирии. Наберут, блин, по объявлению, а потом мучайся с ними. С другой стороны, чему удивляться-то? Служба в спецполку — никакая: сиди на заднице, да на кнопку «вертушки» нажимай, предварительно удостоверение входящего проверив. Но при этом и зарплата — такая же. В смысле, тоже никакая. Мало кто из устраивающихся в МВД мужиков туда идет. Даже в ОВО или ППС зарабатывают куда больше. А штат комплектовать нужно. Вот и набирают туда одних женщин, которых как раз в другие подразделения брать особо никто не хочет.

— Ага, — заметив мою реакцию, понимающе вздыхает за спиной капитан. — А эти, мля, архаровцы из «Рыси» укатили. Приказ, видите ли, у них. Оставили пять автоматов и патронов к ним два ящика. А толку? Я из «калаша» последний раз стрелял в армии, когда «срочку» служил. В семьдесят восьмом, млядь, году. Из АКМС еще. А девчонки мои — вообще ни разу даже в руках не держали. Из «Кедра» у нас были стрельбы, хоть и раз в квартал, но были, а из этих... Ай, да что там говорить, я цинк еле вскрыл, семь потов сошло пока вспомнил, как это делается.

М-да, вид у стоящего на деревянном патронном ящике цинка на самом деле такой, будто его крепко оголодавший гигантский медведь гризли разжевал и выплюнул. Похоже, долго его усатый мучил и сам с ним мучился. Вон, ручка специальной открывалки, что в каждый ящик с боеприпасами вкладывается, аж коромыслом согнута. Гигант,

блин...Могучий варвар... Хотя, за коллег тоже стыдно: бросили этого беднягу с пятью бабами, и даже цинки открыть не помогли. Но, жалеть мне его сейчас некогда.

— Ладно, хорош на судьбину горькую жаловаться, говори лучше, какая сволочь гражданских мертвякам скормила?

— Ка-ка-каких гражданских?

По испуганно выпученным глазам усатого, даже не будучи профессиональным психологом можно понять, что он на самом деле не понимает о чем речь.

— Тех, что перед забором обглоданные лежат, — подпускаю в голос металла, уж если колоть, так до самой... эээ... филенной части, короче.

— Да ты чего?! — голос капитана дрожит одновременно от испуга и возмущения. — Это ж не люди... Ну, вернее, когда-то были люди, но сюда пришли уже этими... Мертвыми, короче.

— Хватит бабушку лохматить, — не сбавляю оборотов я. — Зомби зомбей не жрут, вона, чуть не под ручку друг с другом прогуливаются и никаких тебе...

С этими словами я оборачиваюсь к окну, чтобы широким жестом обвести забитую мертвецами площадь, и, так и замираю с открытым ртом, не закончив фразу. Потому что перед воротами сразу четверо вновь прибывших со стороны туннеля на Житной мертвяка, прямо у меня на глазах, опустившись на четвереньки, пристраиваются к пять минут назад застреленному моими хлопцами покойничку. И начинают его деловито обглаживать. Вот это номер! А я-то думал, что у покойничков промеж собою полные мир-дружба-жвачка. А они, оказывается, не только живыми людьми, но и друг дружкой не брезгуют. М-да, классическая ситуация из серии «почувствуй себя идиотом». И с капитаном неудобно получилось.

— Все понял, был не прав, приношу свои извинения.

— Да ладно, чего уж там, — устало отмахивается капитан. — Ты, видать, с ними еще мало пересекался. А я на всю эту свистопляску уже весь вчерашний вечер и всю ночь люблюсь. Пока ОМСН тут квартировал, оно еще ничего было, а вот как их сорвали куда-то — совсем амба. Девчонки мои сначала держались, а тут так и совсем разнюнились. Такую сырость развели — хоть с этими тварями в рукопашную иди, лишь бы соплей их не видеть. А эти, да, хавают собственных покойников... Ну, которые во второй раз покойники... Ну, мля, короче, ты понял. Если эту погань по второму кругу пристрелить, то уже минуты через две-три его свои же за милую душу зачешанят.

— Офигеть, дайте две, — только и смог сказать я.

Капитан в ответ глубокомысленно кивнул и тихо, но с чувством выдал длинную матерную тираду. Потом, достал из кармана мятую пачку «Винстона» и, вытряхнув из нее одну сигарету, прикурил и с явным удовольствием глубоко затянулся.

— Будешь? — протянул он пачку мне.

— Не, спасибо, не курящий я, — отрицательно мотаю головой в ответ. — Слушай, а как так вышло, что кроме вас тут никого не осталось? Ну, с собрами³³ все понятно, у тех приказ, а остальные-то где? Тут ведь, как ни крути, толпа народу ошиваться должна — дежурная смена в ДЧ, связисты, там, всякие, и прочие разные...

— Нету никого, — вяло отмахнулся усатый. — Кто сам слинял под шумок по тихой грусти, кого вчера в усиление припахали. Тут, не поверишь, до чего дошло вчера — кабинетных подполковников-полковников автоматами вооружали, да на улицы гнали. Веришь, нет, в оружейке — шаром покати, одни пустые пирамиды. Даже из тира выгребли все, кроме учебных пистолетов, которые, один черт, рассверленные и не стреляют.

— А младший начальствующий³⁴ куда весь подевался? — искренне недоумеваю я.

³³ Собры — сотрудники ОМСН, ранее называвшегося СОБРом. Кстати, с января 2012 года всем ОМСНам снова вернули название СОБР.

³⁴ Младший начальствующий состав — сотрудники правоохранительных органов в звании от младшего сержанта до старшего прапорщика включительно.

Да уж, когда полковника гонят делать работу сержанта, значит — все, приплыли. Как в том старом армейском приколе: «Бегущий генерал в мирное время вызывает смех, а в военное — панику».

— Да кто где, — хмыкнул капитан. — Кто разбежался, вместе с вверенным оружием и спецтранспортом, кого сожрали, кто сам сейчас снаружи деревянной походкой бродит. А кто и воюет еще. Нам, вон, связист из «Рыси» еще вечером динамик и микрофон от станции в «дежурке» сюда вывел. Такого наслушались за ночь...

— А чего сейчас не слушаете?

— Честно? Зае... — мой собеседник оглянулся на своих притихших, но, вроде, немного приободрившихся после нашего появления подчиненных. — Надоело одно и то же... «ОВД Нагатинский Затон — почти весь личный состав либо погиб, либо дезертировал...», «Пресненский УПМ срочно просит помощи...», «ОВД Северное Медведково — нам звиздец, осталось трое живых, забаррикадировались в помещении Дежурной части...» И так всю ночь. Никаких нервов не хватит, чтоб слушать, как там народ умирает.

М-да, как-то сама собой пришла на память рассказанная Дядей Саней история про телефонистку из МОБа. Блин, уж если его, прожженного и выдавшего виды мужика проняло, то, что уж про этих напуганных чуть не до смерти барышень. Но весь мой сначала армейский, а потом и омовский опыт, вся моя натура просто на дыбы вставали от вида выключенной радиостанции. Будь он моим подчиненным, уже огреб бы по полной программе. Но, он и по званию старше, и годами... Словом, помягче нужно.

— Э, нет, коллега, на связи сидеть нужно постоянно, мало ли... Андрюха! — кивком указываю я Бурову в сторону отключенного трансивера с микрофоном и маленькой, скорее всего, от компьютера взятой, колонкой, стоящих на офисном столе, явно вынесенном из какого-то кабинета. — Ты ведь в армейке со связью работал? Разберешься?

— Да как два пальца, — невозмутимо кивает тот.

Андрей «срочку» тарабанил связистом в разведке «войск дяди Васи», уж что-что, а учить там умеют. Что в армии зазубрено — каленым железом из мозгов не выжечь. Так что, если сказал, что сделает, значит — делает.

— Сами-то, кстати, чего не сбежали? — снова оборачиваюсь я к капитану.

— На чем? — кривит губы в грустной усмешке тот. — На тех двух служебных «четырнадцатых», что во внутреннем дворе остались? Водить-то я один умею. Так что, даже если мы все вшестером в эту коробчонку утрамбуемся — она ж на брюхо сядет. А за воротами эти стоят... Не проползли бы мы через них, увязли бы — и все, привет, пишите письма, шлите посылки... Это вам на «Урале» хорошо — только колеса помыть потом, чтоб не воняло. Только «жигуль» — не «Урал», нам бы точно амбед приснился. Опять же, пока можно было вырваться, мужики из «Рыси» еще тут были. Подозреваю — отнеслись бы без понимания. Да и непонятно, чем вообще дело кончится. Сбежишь, а потом тебе еще и статью впают за дезертирство.

Что ж, тоже не лишено здравого смысла. Чем все закончится, пока сказать действительно сложно. Стреляют вокруг практически повсюду. Приглушенная расстоянием автоматно-пистолетная пальба, а изредка и более громкие взрывкивания чего-то явно крупнокалиберного, вроде башенных КПВТ, слышны и со стороны Кремля, и откуда-то из-за Москвы-реки, скорее всего от Старого Арбата, где на Знаменке Генштаб расположен. Да и на Шаболовке постреливают. И это только то, что неподалеку. Дальше стрельба сливается уже в сплошной, не поддающийся локализации гул. Чем черт не шутит, может и отобьемся. И оказаться в таком случае в роли стрелочника, отвечающего за все, этому немолодому и, судя по кольцу на безымянном пальце, семейному мужику явно не хочется. Уж что-что, а наказывать невиновных и награждать непричастных у нас любят и умеют. Можно сказать, национальная развлекуха.

— Так, ладно, хватит лирики. Давай-ка лучше небольшой обход твоих «владений»

учиним, посмотрим, что к чему.

Провести рекогносцировку на местности — это у любого нормального командира всегда первым делом, после размещения личного состава. Посмотреть все своими глазами, руками пощупать, рубежи обороны наметить, слабые места в ней определить. А то, мало ли. Не слишком-то мне улыбается выяснить, что зомби через забор где-нибудь перелезли и открытую дверь нашли, уже в тот момент, когда они всей толпой в вестибюль нас кушать заявятся. Но, опасения мои оказались напрасными. Все двери были надежно заперты, окна первого этажа изнутри закрыты бронированными ставнями с узкими бойницами, которые с улицы были не видны из-за заслоняющих их легких пластиковых жалюзи. Напоследок, быстренько прикинув график, выставил трех наблюдателей, по одному на каждую из сторон здания, благо, планировка у него — проще некуда. Квадрат, он и в Африке квадрат. Уж за фасадом-то мы и сами проследим как-нибудь, а вот фланги и тылы без прикрытия оставлять нельзя. Стены стенами, бронеставни — бронеставнями, а пригляд все равно необходим. Словом, после продолжавшейся почти час инспекции я смог смело сделать однозначный вывод — самое слабое место в нашей обороне — это здоровенные, тонированные окна вестибюля, выходящие на Калужскую площадь. Но и эта «слабость» весьма относительная, потому что в этом самом вестибюле сидим мы. Что называется, вооруженные и смертельно опасные. Даже как-то обидно стало, честное слово! Такой опорный пункт, почти что крепость... Хотя, в нынешних условиях — крепость, без всяких «почти» — ограда высокая, стены прочные, окна пуленепробиваемыми щитами прикрыты, своя артезианская скважина, автономное электроснабжение. Для мертвяков, которые не то что стрелять, но даже камни кидать не умеют — неприступная твердыня. И на все это богатство — аж целых двадцать человек гарнизона, из которых пятеро — женщины. Толку от которых, уж будем до конца честными сами с собой, никакого. Если под ногами особо мешаться не будут — и то хорошо.

— Борян! — машет мне рукой сидящий возле радиостанции Буров.

Колонку он, видимо, чтоб не добавлять лишних переживаний женщинам, отключил и теперь сидит, вальяжно развалившись в большом кожаном кресле на колесиках, нацепив на голову наушники. И креслице-то непростое: натуральная кожа, полированные деревянные подлокотники. Явно из какого-то начальственного кабинета увел, шельма. Когда ж все успел-то? Хотя, судя по тому, что рядом с ним, в почти таком же, ну, может, чуть попроще, кресле устроился Солоха, то набег на окрестности они устраивали вместе. А наш хитрый хохол может отыскать где угодно и что угодно. Хоть снег в пустыне, хоть соленое свиное сало посреди мусульманской Чечни. У них, украинцев, это в генокоде прописано, наверное.

— Смотри, — браво рапортует Андрей, — все подключил и настроил, с нашими на Никитском контакт наладил. Там у них тоже полная задница, но пока терпимо. Да вот еще, тут кто-то на связь пару минут назад вышел. Старшего спрашивают.

Вопросительно гляжу на капитана. Понятно... Судя по выражению лица, добровольно брать на себя обязанности «коменданта малиновкинского гарнизона и писарчука по совместительству» ему вообще ни в жилу. Абсолютно. Ну, что ж, тяжелые времена требуют тяжелых решений. Тяжко вздохнув, иду к станции и принимаю у Бурова наушники.

— Алтай-11 на приеме.

— Кто на связи? Представьтесь по всей форме, — резко берет быка за рога неведомый собеседник.

О, как! Нет, я, конечно, понимаю: мертвецы восстали и пошли по земле, апокалипсис, конец света и все такое... Но правила радиообмена пока никто не отменял. И, значит, передавать в эфире имена, фамилии, звания и прочую служебную информацию нельзя. Или уже можно?

— А сам-то кто?

Вот подобного мой собеседник точно не ожидал и, похоже, слегка обалдел от моей наглости. В наушнике хрюкнул сдавленный смешок.

— Полковник Гаркуша Олег Степанович, первый отдел Управления «А» ФСБ Российской Федерации. Пойдет? А теперь, с кем я разговариваю?

смертной казни не выйдут, по лицам вижу. Но обижать барышень не стоит. Пусть думают, что мы им важное задание даем, а не из-под ног убираем, чтоб не путались. Нам все равно, а им приятно. Вон, как приободрились: «ксюхи» поправляют, вроде как готовятся... Одна, гляжу, даже чему-то своему слегка улыбается. Господи, твоя воля, ну на кой ляд мне этот детский сад, ясельная группа? Куда б мне их сплавить?

Меж тем «Тахо» уже метрах в тридцати от ворот, ближе подъехать ему, как и нашему «Уралу» чуть раньше, не дает толпа мертвецов. Те, что посообразительнее, уже вовсю култыхают в разные стороны, но на выстрелы и свежих «дважды упокойничков» со всех сторон подтянулись новые, еще ничему не научившиеся. Ничего, сейчас поучим! У нас это быстро. Объяснять моим хлопцам уже ничего не нужно, они выстраиваются редкой цепью позади ворот и начинают не спеша, аккуратно и методично отстреливать ближайших зомби прямо сквозь прутья ограды. Хороший тут все-таки забор. Стоя за ним можно стрелять по упырям, будто по фанерным мишеням в тире, а те и приблизиться не могут. И даже этот их жуткий, невообразимый для живого существа, взгляд отсюда кажется не таким уж и страшным. Хотя, если б этого металлического частокола между нами не было... Вряд ли бы нам удалось надолго сохранить такое спокойствие. Чего уж там, подозреваю, что и прожили б мы тогда все аккуратно до первой смены магазинов.

Минуты через две все было кончено. Как говорят на Кавказе: «Кто бежал — бежал, кто убит — убит». У нас изначально не было задачи перебить всю толпу, которая, кстати, довольно сильно увеличилась с того момента, как мы ее увидели впервые. Патроны, опять же, экономить нужно. Так что, расчистили для приехавших «Шевроликов» площадку перед воротами — и будя. Когда машины «альфонсов» припарковались на площадке у крыльца, возле нашего грузовика, а ворота были снова закрыты, гости стали выбираться наружу.

Первыми, будто чертики из табакерки, выпрыгнули из «Эксплорера» шестеро бойцов, тут же разбившихся на две «тройки» и чрезвычайно грамотно взявших под контроль весь двор. Серьезные ребята, слов нет, и выглядят сурово. Черные костюмы, легкие противоосколочные бронежилеты под ременно-плечевыми системами, почти такими же, как моя «командировочная», разве что не оливковыми, а тоже черными. И черные же «Алтыны» с опущенными забралами на головах. Подсумки РПС плотно набиты магазинами, из набедренных кабур торчат рукояти пистолетов. Причем, явно не «Стечкиных» или «Ярыгиных». Мне отсюда видно плохо, но точно какой-то импорт, либо «Глоки», либо «Че-Зэты». В руках — тоже далеко не посконные «калаши», а короткие штурмовые пистолет-пулеметы «Витязь». Я такие только два рази вживую и видел: на «Интерполитехе» и во время большой «показухи» на общей базе долгопрудненского ОПМ и «Булата»³⁶. М-да... Смотрю на них, и завидую кристально-белой завистью. Причем, не только и (чего уж греха таить) даже не столько навороченным стволам и крутой экипировке, сколько тому, насколько эти ребята отлично обучены. А это по всему видно: по тому, как двигаются, как оружие держат, даже по жестам и общей манере держаться. Профи. Мы, конечно, тоже не совсем «шти лаптем», но до такого уровня сработанности нам еще тренироваться и тренироваться.

После того, как один из бойцов подает рукой условный знак «Чисто», открывается передняя пассажирская дверь «Тахи» и на асфальт легко спрыгивает весьма примечательный дядя. Роста не сказать чтобы высокого, где-то метр восемьдесят, но вот в плечах шире не только меня, но, пожалуй, и Тисова будет. Если крупных и широкоплечих мужиков называют «шкафами», то этот, скорее, «сервант» — роста, может, и не великого, зато уж ширины на двоих хватит. Одет точно так же, как и его подчиненные, разве что без «Витязя» и шлем не на голове, а на груди висит, за подбородочный ремешок к плечевой лямке

³⁶ ОПМ — созданный на базе расформированного долгопрудненского ОМОН Оперативный полк милиции. Основные задачи полка — охрана общественного порядка на массовых мероприятиях, в том числе и спортивных.

«Булат» — ОМСН ГУВД по Московской области.

бронежилета прицепленный. Прическа у дяди короткая, волосы — серебристо-седые, по цвету свежесвыпавший снег напоминающие. Подбородок волевой, серо-стальные глаза, взгляд этакий... с прищуром. И шрам через всю правую щеку. Причем, видно, что хирурги эту уродливую борозду явно пытались хоть как-то «подрихтовать», но не сильно преуспели. Здорово, видать, прилетело когда-то мужику. Что примечательно, из-под плечевых лямок «брони» и «разгрузки» выглядывают погоны с тремя крупными звездами. Неужели полковник Гаркуша сам решил приехать?

Когда гость подходит чуть ближе, слегка выпрямляюсь и расправляю плечи, имитируя попытку встать по стойке «смирно».

— Тащ полковник, прапорщик Грошев.

— Товарищ полковник, капитан Филипочкин, — докладывает в свою очередь чуть поотставший от меня капитан.

О, блин, вот уже почти два часа под одной крышей сидим, а я даже не удосужился с усадым познакомиться.

— Полковник Гаркуша, — в отличие от нас, автомата у Олега Степановича нет, но и головной убор отсутствует, так что, обошлись без козыряний, заменив их крепкими рукопожатиями.

— Что-то я недопонял, товарищи, — в глазах полковника видна ирония, — как так вышло, что при целом живом министерском капитане у вас на вверенном объекте старшим почему-то гувэдэшный омовский прапорщик оказался?

Я глубокомысленно молчу, Филипочкин тоже что-то мнетса. Нет, оно понятно, что по сути и сказать ему нечего, но уж соврать-то что-нибудь правдоподобное можно для приличия. Нужно выручать коллегу.

— Мы, тащ полковник, посовещались и решили, что в боевой обстановке лучше руководить тому, у кого в этом вопросе опыта больше.

Капитан облегченно мне поддакивает.

— Аааа, — с серьезным голосом, но широко при этом улыбаясь, тянет Гаркуша. — Тогда понятно. Ладно, хозяйева, чего на улице мерзнуть? Приглашайте в дом.

г. Москва, Центральный, Южный и Юго-Западный административный округ. 21 марта, среда, утро, день и вечер

— Слышь, старшой, вроде вот там стрельба, — легонько толкает меня локтем в бок безусый сержантик-«срочник», сидящий сзади.

Аккуратно пихаю ногой, опущенной в командирский люк БТРа, плечо мехвода.

— А ну, тпру, Зорька. Глуши мотор.

Действительно, не ошибся востроухий сержант, из арки одной из старых «сталинок», которых так много на Ленинском проспекте между Калужской и площадью Гагарина, слышны приглушенные выстрелы. Судя по звуку — «калаш», весьма толково отсекающий короткие очереди по два патрона, и что-то охотничье. Выстрелы не сказать, чтобы панические, но частые. Значит, помощь не помешает.

— Так, собрались! «Броня» — в арку, «Урал» и ПАЗики пока снаружи, сигнала ждут.

«Восьмидесятка», рыкнув дизелем и плюнув сизым выхлопом, шустро вкатила в просторный внутренний двор и, подмяв колесами низенький металлический заборчик, замерла посреди детской площадки. Обычный старый двор: деревья, лавочки, пока еще наполовину скрытые грязным подтаявшим снегом. Шеренги припаркованных автомобилей. У одного, новенького, глянцево блестящего «Экстрейла», открыта водительская дверь, а лобовое стекло покрыто густой сеткой трещин и залито кровью. Рядом с машиной на снегу — грязное кровавое пятно, обрывки одежды... М-да, приметы нового времени, блин. Ну, и, конечно же, зомби. Приличная такая стая, не меньше полусотни, сбившихся в толпу и прущих, как на буфет, в распахнутые настежь двери одного из подъездов. Возле которого, кстати, припаркован автобус. Обычный, бело-зеленый рейсовый «ЛиАЗ», даже таблички с

номером маршрута и остановками на своих местах. И именно из этого подъезда слышны выстрелы.

— Так, слушай мою команду! Сначала вместе валим всех, что снаружи, потом ОМОН — внутрь и пробивается к живым, «тамань» — прикрывает тылы и держит периметр. Вопросы?

По древней армейской традиции таковых не было.

— Тогда — работаем!

И спасательная группа Центрального эвакуопункта за номером раз начала работать.

Если честно, то от тех новостей, что по прибытии сообщил нам «альфовец» Гаркуша, мне стало как-то совсем неуютно. Оказывается, дела наши вовсе не так плохи, как мне казалось. Они — гораздо хуже. ГУВД Москвы на данный момент, как единое подразделение существовать перестало. Слишком много людей было потеряно накануне, ведь никто тогда толком не понимал, что вообще происходит. По глупости гробили целые ОВД и УВД, когда привозили туда «задержанных» покойников. Сколько народу зомби перекусать успели, прежде чем прошла хоть какая-то информация о том, насколько они опасны — уму непостижимо. Да еще и из области на усиление под вечер целыми взводами и даже ротами вызывали. Вот и получили в результате толпу зомби в милицейской форме и чуть меньшую, но тоже толпу — дезертиров, которые, сообразив, чем дело пахнет, рванули, кто собственные семьи спасать, а кто и грабить под шумок. Угу, вот и аукнулась нашему доблестному Министерству, а заодно и всей прочей общественности «мудрая» кадровая политика, когда набирали в органы кого ни попадя, лишь бы дыры в штатном расписании забить. Оно и раньше было понятно, что едва ли не половина этих самых «молодых и здоровых мужчин, которым нет еще тридцати пяти лет и которые прошли службу в армии»³⁷ — банальные молодые уличные гопники, жадные до денег и власти, которые пришли в милицию исключительно за «ксивой». Которая, по их мнению, давала им официальное право на «потрошение» пьяных и сшибание дани с уличных торговцев. Чувствую, хапнем мы еще с этими «красавцами» горя.

Но даже тот факт, что Москву мы уже фактически потеряли и самое большее, что сможем сделать — это вывезти из нее как можно больше гражданских, был не самой худшей новостью. Хуже всего было то, что подобная свистопляска началась уже едва ли не во всех крупных городах. И речь не только о России. Интернет все еще работает и, по словам полковника, «всемирная паутина» переполнена сообщениями и видеороликами о восставших мертвецах. Ими уже заполнены улицы Берлина, Парижа, Лондона, Вашингтона, Нью-Йорка, Лос-Анджелеса, Пекина, Дели, Каира, Рио-де-Жанейро... Европа, Азия, Северная и Южная Америка, даже Австралия. По России данные тоже неутешительные. Эпидемия началась во всех без исключения российских городах-«миллионниках» и в доброй половине областных центров. И, есть опасения, что появление зомби в остальных — всего лишь вопрос времени, причем, весьма непродолжительного. Словом, помощи ждать нам неоткуда, на местах все своими проблемами заняты. Особую «прелесть» ситуации придавал тот факт, что с момента введения вчера вечером режима чрезвычайного положения в Москве, нет никакой информации от официальных властей. Такое ощущение, что все наши доблестные «слуги народа» просто собрали манатки и свалили в неизвестном направлении. И если на отсутствие политиков в данном случае можно было и плюнуть, то вот пропавшее военное руководство добавило немало головной боли. Теперь координировать между собою усилия приходилось на уровне в лучшем случае начальников Управлений и комбригов-комдивов, а то и вовсе командиров полкового, или даже батальонного уровня. Полный аллес! Но, кое до чего уже смогли договориться. Например, о создании нескольких эвакуационных центров для штатских, вроде того, в который сейчас превратилось здание МВД на Житной, и

³⁷ Дословная цитата из объявления о приеме на службу в милицию, которое крутили в Московском метро в начале 2000-х. Никаких других требований к кандидатам не предъявлялось.

формировании сводных спасательных групп из сотрудников МВД, ФСБ, МЧС и военных. Бедняге Филипочкину так и не удалось отвертеться от должности «коменданта снежной крепости» — Гаркуша назначил его старшим над двумя взводами «срочников» из какого-то «серого»³⁸ батальона Внутренних войск и несколькими медиками из МЧС. Задачи нарезал незамысловатые — принимать поступающих граждан, проводить первоначальный карантин и временно размещать. Благо, здание на Житной большое и, если потесниться, то народу там собрать можно не одну тысячу. Условия, конечно, будут — далеко не «Хилтон», но, учитывая обстоятельства, вряд ли кто станет привередничать. Крепкие стены и крыша над головой есть? Вода и туалет в наличии? И даже кое-какое горячее питание налаживать собирались, по крайней мере, полевая кухня у «вэвэров»³⁹ с собою имела. К тому же — долго жить там никому, кроме гарнизона, все равно не придется, после карантина спасенных планируют централизованно вывозить из Москвы в лагеря беженцев, которые уже начали разворачивать в крупных воинских частях области. Под вывоз уже, вроде как, «поставили под ружье» пару автобусных парков. Словом, как верно подметил когда-то, хоть и по другому поводу, переводчик Гоблин: «И только у тупых военных все оказалось в порядке»... Точнее и не скажешь.

Меня же с парнями оставлять «на хозяйстве» Гаркуша посчитал слишком расточительным. Поделил мой личный состав на две группы по семь человек, доукомплектовали нас «срочниками»-армейцами и их «бронею». Теперь мы, две «тройки» ОМОНа и я за старшего, усиленные десятком солдат из Таманской дивизии с сержантом во главе и при бронетранспортере, получив в довесок к нашему «Уралу» еще и два ПАЗа, гордо именуемся «спасательной группой номер один Центрального эвакуационного пункта города Москвы». На деле, конечно, махновщина полная, но как звучит! И вот теперь у нашей группы боевое крещение.

И сходу отличились «таманцы», который после моей команды дружно сыпанули с «брони».

— Куда, мать вашу?! — только и успел рыкнуть я, прежде чем ближние к нам зомби обратили на них внимание.

И вот тут-то стало понятно, в чем разница между отстрелом мертвяков из-за прочного и высокого забора и столкновением с ними же на открытой местности. Даже я, уже видевший резвых покойников сначала в Ивантеевке, а потом на Калужской площади, и то, что называется «прибалдел сего числа» от той скорости, с которой они бросились в нашу сторону. «Таманцы» явно растерялись, что, собственно, вообще не удивительно. Для того чтобы мгновенно реагировать на внезапно возникшую угрозу, опыт нужен, и опыт немалый. Помнится, во время первой чеченской, при зачистке в Шали на нас то ли натравили огромного кавказского овчара, то ли он сам с привязи сорвался... Отлично помню свою реакцию: стоял и с ужасом смотрел, как этот лохматый крокодил, под восемьдесят кило весом, меня жрать бежит. Во все глаза смотрел, даже про то, что в руках у меня автомат, и то позабыл. И если б не наш снайпер-«контрас»⁴⁰ Генка Хабибуллин, так и схарчила б меня та зверюга. Вот и доблестная «тамань», со своим сопливым сержанчиком во главе, выглядит сейчас точно так же, как я тогда. А роль Генки в этом дурдоме явно достается мне.

³⁸ Подразделения ВВ МВД РФ негласно делятся на два типа: «серые» СМВЧ (специальные моторизованные войсковые части, они же «ментобаты»), в которых солдаты несут службу в милицейской форме, и «зеленые» — в которых личный состав носит камуфляж. «Зеленые», обычно, подготовлены несколько лучше, по той причине, что у «серых» на боевую подготовку просто нет времени, они сотрудников ППС на улицах городов изображают.

³⁹ «Вэвэры» — военнослужащие ВВ МВД.

⁴⁰ «Контрас» — он же «сверчок», он же «контрабас» — военнослужащий, проходящий сверхсрочную службу по контракту.

— Огонь!!! — команду я своим, хотя особой необходимости в этом нет, парни и сами отлично поняли, что от них требуется.

Вот только попасть в голову шустрым покойникам, когда до них меньше пары десятков метров — задача не из легких. Пули рвут одежду и плоть, от зомби во все стороны летят кровавые ошметья, но они упрямо продолжают переть вперед.

Как и когда я успел спрыгнуть с БТРа и, отшвырнув растерянного сержанта себе за спину, встать между ним и вырвавшимся вперед упырем — и сам не понял. Но все же успел.

М-да, при жизни я такое не то что за противника не посчитал бы, но и внимания на улице не обратил: типичная спившаяся «хронь». Засаленные тренировочные штаны, неопределенно-грязного цвета растянута майка, залитая сейчас почерневшей запекшейся кровью, чахлая грудная клетка под ней, тощие мосластые руки, покрытые серыми тюремными партаками⁴¹, всклооченные пегие патлы. Словом, пока этот чмошник жив был, я б ему подзатыльник отвесить побрезговал. Зато после смерти он превратился в более чем серьезного противника. За те мгновения, что у меня оставались, я успел разглядеть удивительно много. Например, что пострадал алкаш удивительно мало. Большинство виденных мною зомби были кто чуть больше, кто чуть меньше, но обглоданными. А этот — целехонький, а кровь на груди — явно чужая. Вон, вся нижняя часть морды ею перемазана, да и на клыках кровавые слюни висят — смотреть противно... Стоп! На клыках???!!! Твою ж мать, да у этой твари «улыбка» похлеще, чем у ротвейлера!!!

В этот момент зомби совершает невероятный, почти невозможный даже для живого человека прыжок, в одно мгновение сокращая дистанцию между нами от «очень близко» до «вплотную». Как бы он ни был быстр, рефлексy я еще не пропил и успел дать короткую, на три патрона очередь. Вот только с упреждением угадать не успел, и поэтому пули, вместо того, чтобы разнести упырю череп, ударили его в живот. Для живого человека этого было бы более чем достаточно, зомби, похоже, попаданий даже не почувствовал. Разве что притормозился слегка и рухнул не точно на меня, а с небольшим недолетом. Ловко, словно обезьяна, приземлившись прямо передо мной, мертвяк обеими руками схватился за автомат. А ведь прав был прапорщик Володя — цепкий, сволочь, действительно, словно бультерьер, не стряхнешь. Блин, да в этом мозгляке от силы килограмм шестьдесят пять — семьдесят! Откуда ж столько силищи? Или у зомби мускулатура тоже меняется? Как у тех же кошек или обезьян: вроде и не видна особенно, но зато вытворять могут такое, что человеку и не снилось. Например, как сейчас, уронить на землю здорового мужика, в котором весу, если с экипировкой считать, едва ли не в два раза больше, чем в этом бывшем пропойце.

Вся эта чушь безумным калейдоскопом мелькает у меня в голове, пока я борюсь с мертвяком. Время словно замедлилось, стало похожим на режим «слоу-мо»⁴², столь популярный последнее время голливудских боевиках. Даже звуки вокруг стали какими-то приглушенными: грохот автоматных выстрелов и мат-перемат парней я слышу, словно из-под толщи воды. Поле зрения сузилось, вижу только вцепившиеся в меня костистые пальцы с вытатуированными на неестественно серой коже перстнями и омерзительную, наполненную длинными острыми клыками пасть. Упырь явно пытается добраться до моего горла. Прижимаю подбородок к груди, в таком положении опущенное двойное поликарбонатное забрало создает хоть какую-то защиту, а сам пытаюсь автоматом отжать эту погань от себя. Ага, как бы не так. Эту тварь, похоже, от человека хорошим домкратом отрывать нужно. Ай, была не была, терять, похоже, один черт, нечего. Отпустив автомат, выбрасываю вперед согнутую в локте левую руку. Упырь с готовностью впивается в нее. Щаз! Два разА тебе, сволочь!!! Клыки беспомощно елозят по закрывающему предплечье щитку. Что, мля, не прокусывается?! Правой рукой я рву из набедренной кобуры пистолет,

⁴¹ Партак (уголовн. жаргон) — татуировка.

⁴² «Слоу-мо» — сокращение от английского slow motion, «замедленное движение».

скидываю вниз флажок предохранителя и взвожу в боевое положение курок. Ну, «Старичок», не подведи хозяина! Прижимаю ствол к виску твари и нажимаю на спусковой крючок. Знатно бахнуло! Безвольно мотыльнув головой, враз обмякший покойник валится с меня на асфальт. Не вставая, перекачиваюсь под самые колеса бронетранспортера и, наконец, перевожу дух. Твою ж мать!

Что? Патрон в патроннике — это нарушение техники безопасности? Да шли бы вы со своей безопасностью!!!!. Лесом! Тут все законы здравого смысла накрылись медным тазом, мертвецы воскресают и за живыми гонятся, с целью плотно закусить, а вы мне про ТБ. Хотя, с досланным патроном всегда есть серьезная вероятность осечки, согласен. Зато остается возможность стрелять одной рукой. А то, как бы я в такой ситуации затвор передернуть смог? Да никак. Так что, пятидесятипроцентный шанс на удачу все равно лучше, чем никакого.

Оглянувшись, понимаю, что пока я с зомби-алкашом в партере валялся, вокруг все уже почти закончилось. Немногочисленные еще стоящие на ногах покойники, всяк в меру своих сил, култыхали в разные стороны, но, как мне кажется, шансов сбежать у них маловато: самых резвых и агрессивных парни отстреляли, а остальные еле ходят. Соскребаю ладонью в перчатке с асфальта немного снежно-грязевой кашицы и пытаюсь оттереть с забрала налипшие сгустки крови и нити зомбячьих кровавых слюней. В голове тут же всплывает момент из фильма «28 дней спустя», где всего одной капли зараженной крови, неудачно попавшей точно в глаз, хватило для того, чтобы симпатичный и добродушный здоровяк буквально за минуту превратился в хищную безжалостную тварь, чуть не сожравший собственную дочь. Меня непроизвольно передергивает. Бrrrrr! Мерзость какая.

— Борян, ты как?

Только тут до меня доходит, что уже несколько секунд меня трясет за плечо прыгнувший с «брони» Буров. Пытаюсь ответить, но выдавить из себя ничего связного не могу и только совершенно неуместно нервно хихикаю.

— Цел?

Собравшись, киваю и, благодарно уцепившись за протянутую руку, встаю. Колени — ватные, мышцы ощутимо потряхивает от переизбытка адреналина.

— Дяденька, — как-то совсем по-детски шмурыгает носом куда больше меня напугавшийся сержантик, — спасибо.

— Запомни пацан, — сурово сдвинув брови, тычу я ему в лицо указательным пальцем. — Еще раз — и больше вообще ни разу. Ты меня понял?

Несмотря на некоторую сумбурность фразы, судя по выражению лиц, понял ее не только сержант, но и все его подчиненные.

— Вот и отлично. Тогда — продолжим... Повторяю диспозицию: ОМОН чистит подъезд, «войска» держат внешний периметр. Как я с этой тварью дрался, все видели? — бросаю я суровый взгляд на «срочников».

— Так точно, — немного вразнобой, но дружно рапортуют те.

— Вот сами так делать даже не пытайтесь. У вас ни экипировки нужной нет, ни знаний и навыков соответствующих.

Ой, блин, сморозил... «Соответствующих навыков», мля. Можно подумать, сам только и делаю каждый день, что с зомби в рукопашную схожусь, так, в порядке утренней зарядки. С другой стороны, приказ должен звучать логично и убедительно, а уж насколько он при этом соответствует действительности — вопрос отдельный. Упыря я завалил? Завалил. Шлем с забралом и щитки на мне есть? Есть. А у «тамани»? Нифига нету у «тамани», обычные СШ-68⁴³ и старенькие бронежилеты поверх стандартной армейской

⁴³ СШ-68 — армейский стальной шлем образца 1968 года. Обычная армейская «каска» (хотя, каска — это у строителей, все, что в армии — шлем).

«трехцветки»⁴⁴. Ну, вот все и сходится...

В подъезд нам заходить не пришлось. Внутри сначала трижды хлестко треснул автомат, потом один раз басовито бухнул двенадцатый калибр, а через несколько секунд кто-то громко интересуется:

— Эй, снаружи, нам выйти можно?

— Да запросто!

Ну, изначально, услышав автомат, я чего-то подобного и ожидал, потому что неоткуда взяться у добропорядочного и законопослушного гражданина автоматическому оружию. Угадал. Внешность у двух сторожко вышедших из подъезда молодых мужиков весьма характерная... Если прямо говорить — самые что ни на есть бандитские у них рожи, чего уж там. У одного в руках старое, с изрядно поцарапанным прикладом и почти белого цвета крышкой ствольной коробки «весло», оно же автомат АК-74, у второго — гладкоствольный охотничий карабин «Вепрь». Руки как-то сами по себе потянулись к автомату. Инстинкт, блин. Напрягают меня подобные типы, когда они рядом со мной, а уж если они при этом еще и вооружены... Те, увидев мою на них реакцию, тоже явно особой радости не испытывают. Так и стоим несколько секунд, сверля друг друга настороженными взглядами. Обстановку резко разряжает маленькая седая старушка в платочке и стареньком, но чистом и аккуратном пальтишке, выглянувшая из подъезда на улицу.

— Ванюша, сынок, нам выходить можно уже?

— Подожди, бабуль, как можно будет — я скажу, — с искренней нежностью, совершенно не вяжущейся с перебитым в нескольких местах носом, квадратной челюстью и волчьим взглядом исподлобья, отвечает ей громила с «Вепрем».

— В подъезде семьи? — выпущенный мною из рук автомат свободно повисает на ремне.

— И соседи, — отзывается второй «бык», тот, что с «калашом», и хмыкает, увидев в моих глазах удивление. — Мы, блин, в этом подъезде выросли, всех знаем, нас все знают... Как мы их бросим?

Вот так вот. Живое подтверждение старой избитой истины про обманчивую внешность. Но, как минимум еще один момент в этой ситуации требует прояснения.

— Автомат откуда?

— От верблюда, — огрызается было его владелец, но, видимо, поняв причину моего интереса, тут же поправляется. — Из старых запасов, он, еще в конце девяностых припрятали. Сам погляди.

Подойдя ближе, внимательно присматриваюсь к протянутому мне «веслу». М-да, похоже, не врет. Вид у автомата уж больно характерный: когда оружие где-то долго лежит без должной консервации, просто в промасленные тряпки завернутое, например, оно как бы тускнеет, цвет становится такой, будто мелкой-мелкой пылью припорошило, да плюс ржавчина, да еще разные признаки, знакомому с вопросом человеку сразу в глаза бросающиеся. А еще у автомата отсутствовали все клейма. Ни штампа завода изготовителя, ни года, ни номера. Все старательно вытравлено какой-то кислотой. Ну, в чем точно можно быть уверенным, так это в том, что парочка «бычков» этот автомат не с какого-нибудь милиционера или солдата сняла, он явно много лет где-нибудь на антресолях, в гараже или подвале провалялся. В принципе, в любом случае владение им незаконно, но, учитывая творящееся вокруг...

— Вы автобус пригнали?

— Мы. Я в «путяге» на водителя автобуса учился, запомнил кой-чего, — не стал отпираться тот, который «Ванечка, сынок» и кивнул на окровавленный «Ниссан». — В наше-то, корыто, один фиг много бы не влезло. Да еще Бобон, дурило картонное, удружил. Говорили ему: «Сиди внутри и жди». Нет, решил в Рэмбу поиграть... И самого захавали, и

⁴⁴ «Трехцветка» — стандартный российский армейский камуфляж «флора».

машину ухайдокали, почти новую, мля. Осел!

Сплюнув в направлении кровавого пятна, оставшегося от «героического» Бобона, бандит, слегка крикнув, присел и вытащил из под «Экстрейла» весьма бодрого вида ТТ.

— Еще пригодится, — с вызовом глянул он на меня, засовывая пистолет за брючный ремень спереди.

— Яйца себе не отстрели, рейнджер, — ухмыляюсь я, приняв окончательное решение на их счет. — С патронами у вас как?

— Да так себе, — снова честно признается бандит «Ванечка».

— Ясно. Тимур, — оборачиваюсь я к стоящему прямо возле десантного люка бронетранспортера Гумарову. — Ящик «пятеры» достань.

Тот, явно уже и сам сообразил, что к чему, поэтому молча достает из нутра БТРа ящик из светлого дерева с многочисленными черными надписями по трафарету и протягивает его второму бандиту.

— Это чо, ты типа нам отдаешь? — изумляется тот.

— Ага, — припоминаю я мультик про Винни-Пуха и гнусавлю, подражая Мудрой Сове, — Безвозмездно, то есть дадом. Не очкуй, не подстава, а подарок от всего сердца. Тут две тысячи сто шестьдесят патронов. Не много, конечно, но, уж чем могу. Правильные вы внутри мужики, хоть и бандиты.

— Ну, мент, ты даешь, — разводит руками изумленный «Ванечка». — Не ожидал, мля буду. А начальству своему что скажешь, если спросят?

— А они не спросят, скорее всего, — отмахиваюсь я. — А если и спросят, скажу — отдал в порядке шефской помощи местному отряду самообороны.

— Ну, спасибо тебе, — протягивает мне крепкую ладонь «Ванечка». — Не думал я, что когда-нибудь такого мента встречу.

— Вы, главное, людей вытащите, — отвечаю я на рукопожатие и подхожу ближе к двери подъезда. — Граждане, бегом на погрузку, мы вас прикроем!

Похоже, парочка «толстолобиков» не соврала и они на самом деле решили вывезти весь подъезд. По крайней мере, уселись в автобус под нашим присмотром не меньше сорока человек: мужчины, женщины, старики, дети. Все с какими-то узлами и баулами, и даже с двумя кошками.

— Борь, — тихо шепчет мне на ухо подошедший Солоха. — А не погорячился ты с патронами?

— Не думаю, Андрюх, — отрицательно качаю головой я. — Оглянись вокруг. Тут уже не то, что патроны — автоматы пора раздавать бесплатно всем желающим. Иначе не справимся.

Андрей скептически пожимает плечами, мол, тебе виднее, как скажешь.

— Ну, что, тут все, закончили? — спрашивает слегка пришедший в себя сержант-«таманец».

Не успеваю я ему ответить, как в двух подъездах от нас на третьем этаже распахнулось окно и профессорского вида мужик лет пятидесяти, замахал нам руками, привлекая внимание, и закричал:

— Молодые люди, товарищи военные! А можно и нас как-нибудь вывести?! А то мы сами — никак, там, на лестнице эти стоят!!!

— Э, нет, сержант, мы тут только начали, — усмехнулся я. — Так, собрались все! Порядок действий прежний. Работаем!!!

— Граждане студенты, внимание!!! В вашем общежитии поводится спасательная операция!!! — хорошая все-таки штука СГУ⁴⁵, глотку надрывать не нужно, все за тебя две

⁴⁵ СГУ — она же «крякалка», сигнальная громкоговорящая установка.

мощные колонки, к «Луне»⁴⁶ на башне БТР с обеих сторон принайтованные. — Просим вас сохранять спокойствие и выдержку! Быстро соберите с собою самые необходимые вещи и документы. Во избежание случайных ранений, сразу после начала зачистки ложитесь на пол! Не вставайте и не покидайте своих комнат до особого распоряжения!

Ага, мы теперь совсем крутые, у СГУ у нас есть, и колонки, и «обоз» увеличился уже до полудюжины разномастных автобусов, на которых мы вывозим спасенных штатских в эвакуопункт. Главное же — теперь у нас имеется какой-никакой план действий. Теперь мы не просто бессистемно кружим по городским улицам, у меня в планшете — крупномасштабная схема района, на которой я отмечаю проверенные нами дома. Все как положено, «Социализм — это учет».

Откуда дровишки? Ууу, это отдельная история. К моему, да, похоже, и к своему собственному удивлению, Филипочкин оказался комендантом более чем приличным. Пока мы отсутствовали, он успел переделать кучу дел. Наладил оборону периметра силами «вэвэров», скоординировался с сидящими в здании по соседству минюстовцами, которых вообще поначалу не видно и не слышно было, организовал для прибывающих на эвакуопункт штатских первичный карантин в актовом зале. На случай, если кто-то вдруг укус скрыл, или еще что... На мой вопрос, мол, откель такая дельная мысль, капитан только плечами пожал и буркнул под себе под нос: «Я «Рассвет мертвецов» тоже смотрел и в курсе, чем разгильдяйство закончиться может». Мало того, он даже регистрацию прибывающих наладил. В смысле — этакую «перепись населения»: кто, что, откуда, чем занимался и чем можешь быть полезен. И сходу начал «мобилизацию» людей с нужными прямо сейчас специальностями. У полевой кухни у него уже заправляют не «срочники», а солидного вида тетки из какого-то общепита, сразу три разбирающихся в электронике мужика для спасательных групп, вроде нашей, снятые со служебных легковушек СГУ под наши нужды переделывают. Словом — стало здание на Житной напоминать муравейник. Как там, в детской книжке? «Солнце еще не взошло, а в Стране Дураков уже вовсю кипела работа...», Ну, да, похоже, только в хорошем смысле. Так что, за тылы теперь можно не переживать.

Вышедший недавно на связь Гаркуша тоже сильно порадовал: теперь вся мобильная связь, было пропавшая совсем несколько часов назад, восстановлена и работает бесплатно — группы «вэшников» взяли этот вопрос под свой контроль. Мужики в Управлении «В», бывшем «Вымпеле», серьезные. Если пообещали, значит, так оно и будет. Во время разговора с Олегом Степановичем я сам честно рассказал ему о патронах, отданных «Ванечке» и его напарнику. А то ведь информация — штука такая. Сам не расскажешь — может и без твоего участия и желания всплыть, причем, обязательно в самый неподходящий момент. И обязательно будет понята и воспринята не так. Так что, уж лучше: «Ребята, я сам!». Полковник буквально на мгновение замолчал, а потом тоном размышляющего о бренности жизни философа произнес:

— Дааа, даже у бандитов есть любимые бабушки... Не переживай, Грошев, тут группа компетентных лиц посоветовалась, и решила отменить идиотский приказ о сдаче гражданскими оружия, один черт его не выполняет никто. Более того, решено вскрыть несколько ближайших мобилизационных складов и организовать выдачу населению карабинов СКС и пистолет-пулеметов. Старых, вроде ППШ и ППС. Благо, этого добра много еще в закромах Родины лежит. Кстати, о патронах. У вас с ними как?

— По два БК на каждого бойца и восемь ящиков в «броне» лежит, вскрытые уже, только подходи и магазины снаряжай. Нормально.

— Мало, — не соглашается со мной «альфонс». — Не экономьте. Патронов у нас намного больше, чем людей, вот их и будем тратить. Тут к вам на Житную и на остальные эвакуопункты доставку организовали с ваших, Подмосковного ГУВД, складов. Этакий

⁴⁶ «Луна» — мощный прожектор, монтируемый на башнях бронетранспортеров и боевых машин пехоты.

Центроподвоз⁴⁷ в миниатюре. Кроме патронов там еще кой-чего есть из «вкусного». Так что, ни в чем себе не отказывайте.

Сразу после разговора с Гаркушей, я достал ожившую «мобилу» и связался с Тисовым. У них, слава богу, тоже все пока в порядке. Из здания ГУВД их уже несколько часов как сняли, и сейчас они, совместно с парнями из Центроспаса и «Лидера»⁴⁸ шустро, можно сказать, в темпе вальса оборудуют почти такой же эвакуопункт, что и у нас, разве что размерами поменьше. На Маяковке. Если я его объяснения правильно понял, то в том доме, что прямо напротив памятника Маяковскому. В принципе, нормальный выбор: дом стоит обособленно, как на островке посреди Садового кольца. Планировка такая же, как и у здания МВД — квадрат. Правда, там чуть ли не половина стен — витрины. Сплошные «едальни» — «Иль Патио», «Ростикс», да еще какой-то суши-бар и «Американский гриль». Антон говорит, сейчас они эти витрины стальными листами закрывают. Представляю себе эту картинку: стоит Антоха, одной ручищей железку к стене прикручивает, второй — зомби от своей ж... кхм... спины отгоняет. Прямо анекдот про чукотский национальный туалет из трех палок... Пожелав ему на прощание не обожраться дармовыми роллами с картошкой фри и лазаньей, кладу трубку.

Вторая на очереди — сестра Тонька. Которая, на самом деле, для многих уже Антонина Михайловна, уважаемая дама и ценный сотрудник двадцати девяти лет от роду. А для меня, как и двадцать лет назад — просто Мелкая.

— Алло, сестрень, вы как там, живы?

Едва успев задать вопрос, тут же нарываюсь на примерно пятиминутный монолог на тему: «Какой ужас я пережила за последние пару дней, пока ты, негодь, ни пойми чем занимался, вместо того, чтобы родной сестре позвонить». Голос у Тони хоть и слегка напуганный, но бойкий. Значит — нормально все.

— Так, все, Мелкая, тухтап тур⁴⁹! Я все понял. Один вопрос: ваш «рыдван» на ходу?

— Чего это сразу «рыдван»? — обижается за свой уютный минивенчик «Мицубиси» сестра. — На ходу, чего ему будет.

— Во дворе у вас как. Покойников много?

Судя по звукам в трубке, сестренка явно подошла к окну и отодвинула занавеску.

— Штук шесть. Бродят еле-еле. Слушай. Когда ж солдаты приедут да их отстреляют? Вчера ж по «ящику» обещали войска ввести, а сегодня весь день уже пургу какую-то метут на тему «спасайся всяк, как сможет».

— Все плохо, Тось. Не вьются знамена, не гремят барабаны и могучая Красная Армия на помощь не мчится. Так что, пни своего Рому, пусть вытаскивает из сейфа «Сайгу» и пробивайтесь к машине. А потом — сразу в Пересвет, ко мне в Отряд. Тебя там знают, за воротами не оставят, а там и я вернусь. Ясно?

— Но...

— Никаких «но», Мелкая! Я на полном серьезе говорю — пришла упитанная полярная лисичка. Если не выберетесь сейчас, можете застрять навсегда. У вас, там, на окраинах, пока потише, как я понимаю. А вот в центре — натуральное светопреставление. Мертвецов на улицах, просто адский Первомай какой-то. Делайте, как сказал, тогда останетесь живы. Все.

⁴⁷ Центроподвоз — специальное управление Министерства обороны, созданное для доставки грузов в гарнизоны на территории Чеченской республики. Обычная колонна Центроподвоза — это 100–150 грузовиков под охраной бронетехники, а, в случае необходимости, и вертолетов.

⁴⁸ Центроспас — Центральный аэромобильный отряд спасателей МЧС России.

«Лидер» — Центр проведения спасательных операций особого риска «Лидер» МЧС России. Собственное спецподразделение МЧС, предназначенное для проведения спасательных операций в особого опасных условиях, например, в зоне военного конфликта.

⁴⁹ Тухтап тур (узб.) — постой-ка, погоди.

У меня времени больше нет!

Да, времени, действительно, больше нет. Пора за дело. На очереди у нас студенческая общага на Шверника. Молодые и башковитые скоро в большой цене будут. И в большом дефиците, потому что самим из подобной передраги выбраться у них шансов мало. Опять же, девушек там много, а это скоро, ой как важно станет. Самые большие шансы сейчас выжить у кого? Правильно, у тех, кто при оружии, да еще и пользоваться им умеет. Это значит — у военных и прочих «силовиков». А с кем же, когда вся эта свистопляска закончится, ну, при условии, что она в нашу пользу закончится, все эти солдатики, те же наши «таманцы», будут демографию налаживать? Смех смехом, а вопрос-то серьезный и решать его сразу нужно. Ладно, о «вечном» потом помозговать можно будет, а сейчас пора студентов вытаскивать.

— Значит, слушаем внимательно, — обвожу я взглядом притихших «срочников», к которым и обращаюсь, ОМОНу-то объяснять такую элементарщину не нужно. — Планировка тут простая, как мычание: в центре корпуса — лестница, от нее в противоположные стороны расходятся два коридора. Коридоры прямые, без изгибов. Действовать будем так: занимаем лестничную площадку, одна группа «держит» тот пролет, что вверх ведет, вторая — один из коридоров, а третья — чистит противоположный. Потом — зачищаем второй. Даем команду всем живым выходить из комнат, и выводим их из здания. Первая группа в это время не дает сверху спуститься ни одному упырю. И так — этаж за этажом, снизу вверх. Эти твари идут на шум, значит, чем выше поднимемся, тем легче будет. Они ж сначала вниз попрутся, а там их на лестнице первая группа и встретит. Работаем!

Бронетранспортер и автобусы подъехали почти вплотную к входу в правый корпус, образовав вокруг него этакий импровизированный вагенбург. В корпусе нам потребуются практически все, и на охране тылов мы оставляем только двух «срочников» — мехвода и наводчика БТР, и нашего «руля» Витьку Угрюмцева. Поэтому техника, создающая пусть и импровизированную, но высокую стену между нами, и подходящими с разных сторон к общежитию мертвяками — очень кстати.

Первый этаж проходим очень быстро: там только большой лифтовый холл, закрытые сейчас кабинеты администрации, какие-то подсобки, скорее всего — кондейки здешних слесарей, электриков да сантехников и продовольственный магазинчик, на распахнутых дверях которого сразу бросаются в глаза отпечатки окровавленных ладоней. Собственно, именно в магазине мы и нашли сразу трех зомби — женщину-продавицу средних лет, в синем халате и беджиком на груди и двух молодых парней. Ну, вернее, упырей, бывших совсем недавно пышнотелой крашеной блондинкой и пацанами-студизусами. На полу перед прилавком, на залитом свернувшейся и почерневшей кровью линолеуме лежит начисто обглоданный скелет. Seriously его обожрали, уже ни возраст, ни даже пол определить не получится. В принципе, судя по небольшому, сбившемуся в грязный неопрятный пучок колтуну волос — мужчина. Хотя... Среди нынешнего молодняка полно и парней с «конскими хвостами», и бритых наголо девчонок. Мода у них такая: «Чем чуднее — тем моднее».

И снова зомби нам попались резкие и агрессивные. Но тут на нашей стороне оказались размеры помещения — в каморке три на шесть метров в пять стволов можно создать такую плотность огня, что никакая быстрота не спасет. Зато на шум потянулись мертвецы с верхних этажей. Еще не выйдя из магазинчика, мы услышали, как открыла пальбу первая группа. В которую я, оставив при себе неразлучников Бурова и Солоху, назначил двух «таманцев», а из наших Женьку Вальмонта и Тимура Гумарова, поставив над всеми старшим Вадима Мельникова. Тот — старый воин, горячку пороть не станет, в отличие от более молодых коллег. Если стреляют, значит по делу. И, снова началась привычная для ОМОНа работа — зачистка здания. Дело знакомое, на многих десятках, а то и сотнях тренировок отработанное, а потом еще и на практике не раз закрепленное. Вот армейцам я заранее дал команду глядеть во все глаза, запоминать и учиться. Таманская дивизия — подразделение далеко не захолустное, солдат там учат на совесть. Но учат тактике общевойскового боя:

«Взвод в наступлении», «Взвод в обороне». Против нашего противника все это работает плохо. Тут наши наработки подходят больше. На нормальный процесс обучения времени нет, так пусть хоть так учатся, что называется, без отрыва от производства.

Оставив на лестнице и площадке перед лифтами пятерых по второму кругу упокоенных мертвецов, прикрытые с тылу Вадиком и его парнями, врываемся в «предбанник» между коридорами. Возле балконной двери и у мусоропровода бестолково шарахаются туда-сюда пара зомби. Эти явно не опасны — «деревянные» совсем. Движения вялые, дерганные, словно у роботов из древних фантастических фильмов, морды чистые. Понятно, эти еще никого не ели... О, кстати, забавная взаимосвязь! Самыми шустрыми и злобными, да еще и отравившими себе звериные клыки вместо зубов, оказывались, на моей памяти, только залитые чужой кровью и явно кем-то перекусившие покойники. Да, блин, это ж-ж-ж — не спроста!

— Давай, Сашка, работайте, вам учиться пора, — кладу я ладонь на плечо сержанта, с которым наконец-то сподобился познакомиться.

Тот, стиснув зубы так, что под кожей заметно вздулись желваки, молча кивнул и поднял к плечу автомат. То же самое сделал один из рядовых. Остальные четверо «таманцев» сейчас у нас за спиной закрытую фанерную дверь, ведущую во второй коридор «держат». Хлестко треснули два одиночных выстрела. Один из мертвецов, тот, что стоял у выхода на балкон, забрызгав черной кровью и серыми сгустками мозга стену, рухнул, словно подрубленный. Второй, которому пуля попала не в лоб, а в лицо, чуть выше верхней губы, даже не отреагировал на совершенно жуткую на вид рану и, лишь слегка покачнувшись, еле слышно что-то просипел и направился в нашу сторону. Второй выстрел рядового был куда точнее. Упыря откинуло на стену, и он сполз вниз, оставляя на бежевом гипсокартоне бурый мазок.

— Давай, давай, — слегка подталкиваю я в спину обоих «таманцев». — Вы первые. Учитесь, мы-то уже умеем. Или вы всю жизнь у нас за спинами прятаться думаете?

Сержант, оборачивается на нас и в глазах его плещется страх.

— Не бзди, пяхота, — подмигивает ему Солоха, — не бросим. Но учиться вам, и правда, нужно срочно. Уж лучше сейчас, пока мы подстраховать можем, чем потом, когда нас рядом не окажется.

Мальчишки, синхронно кивнув, на слегка напряженных, подпружиненных, чуть согнутых в коленях ногах, мелкими шагами идут вперед. А мы — прямо за ними.

Ну, да, знаю, со стороны очень похоже, что мы этими пацанами прикрылись, и, словно живой щит перед собой толкаем. Типа, на убой. А вот и фиг вам, уважаемые! «На убой», это как с теми мальчишками из какого-то «ментобата» поступили, которых мы буквально полтора часа назад возле развязки на площади Гагарина видели. Вернее, видели мы уже не солдатиков-«срочников», а ту злобную нежить, в которую они превратились. Но, чтобы понять, как там дело было, не нужно быть семи пядей во лбу. Достаточно глаза иметь, чтобы увидеть, что разбросано под ногами здоровенной толпы зомби, часть которой была одета в серые милицейские бушлаты с шевронами Внутренних войск. Старенькие, обшарпанные противоударные алюминиевые щиты и резиновые дубинки. Вот кем нужно было быть, чтобы сотворить подобное? Я, здоровый тренированный мужик, с одним ожившим покойником врукопашную сошелся и выжил только чудом. И исключительно потому, что повезло мне невероятно, и пистолет при мне был. А этих девятнадцатилетних вчерашних школьников кинули с одним «дубьем», да против нескольких сотен голодных упырей... Вот что значит «на убой».

А мы своих «таманцев» просто тренируем. Согласен, жестко и очень рискованно... Так и времени на что-то другое просто нет. Или они сегодня научатся как можно большему, или завтра их просто съедят. Кроме того, тут, в этой общаге, условия — почти песочница. Коридоры прямые, практически без ответвлений, ну, за исключением двух «карманов»-рекреаций на каждый этаж, Освещение хорошее, никаких темных углов и закоулков. Да и мы не спим: в любую секунду готовы закинуть хлопцев себе за спины и сами взяться за дело.

Но, пока «тамань» и сама неплохо справляется. Опять же, покойников в коридорах не так уж много. Буквально через пять минут на этаже все кончено: грудями окровавленного тряпья лежат на полу мертвецы, звонко бренькая, перекатываются под ногами гильзы, завивающимися ключьями плавают в лучах солнечного света пороховой дым. Позади, на лестничной площадке, время от времени гулко хлопают одиночные выстрелы — сверху продолжают подтягиваться «на огонек» мертвяки.

— Второй этаж, внимание!!! — рявкаю я во всю силу легких, жалея о том, что СГУ мы раздобыли, а вот обычный громкоговоритель спросить не догадались, — Ваш этаж зачищен! Хватайте ваши пожитки и — на выход! Проверять все комнаты у нас нет времени, поэтому те, кто не выйдут, рискуют застрять тут навсегда!

Подействовало. Защелкали дверные замки, затопали по полу ноги, загомонили сразу как минимум два десятков голосов. Несколько раз пискнули девчонки, видно, мертвецов увидели.

— Так, хорош галдеть! Потом впечатлениями поделитесь! А сейчас вещи в зубы — и на выход. В автобусы трамбуемся плотно, чтоб как можно больше народу влезло! Чего еще стоим?! Бегом была команда!!!

Конечно, можно было говорить и доброжелательнее, но, насколько я знаю наше современное «племя молодое, незнакомое», с адекватным поведением в экстремальных ситуациях у многих напряженно. Опять же, вежливость воспринимают как слабость и начинают спорить по поводу и без. А время, меж тем, уходит, и патронов у нас запас не бесконечный. Нет, на зачистку общаги хватило бы без вопросов. Сколько тут народу живет? Тысячи три с половиной? Ну, пусть, четыре. Да даже если б все здешние обитатели в зомби превратились, нам все равно боеприпасов хватило с запасом. Однако кроме общежития есть еще и окрестные дома. Из которых на выстрелы и шум моторов продолжают идти мертвецы. А вот на них никаких запасов не хватит. А значит, нужно как можно быстрее выгребать отсюда всех выживших студизусов и увозить их подальше. Вот только если все эти резоны начать втолковывать толпе перепуганных детишек, то дело может крепко затянуться. Так что, действуем строго по инструкции. Она, правда, под другую ситуацию изначально заточена — задержание и личный досмотр подозреваемого на улице. Но давно ставшее хрестоматийным: «Команды нужно отдавать короткие, ясные, громким голосом с угрожающими интонациями», отлично работает и тут. При условии, что ты все делаешь так, как нужно.

— Саша, — подзываю я к себе сержанта, — бери еще пару своих, и сопровождайте всю эту теплую компанию к автобусам. По идее, в тылу у нас чисто, но береженого — бог бережет. Заодно на обратном пути один ящик с патронами захватите, дозаряжать будем на ходу, чтоб времени не терять.

— Понял, — коротко кивает в ответ тот. — Диман, Артем, за мной!

И понеслось... «Четвертый этаж, внимание!», «Шестой этаж, внимание!» На седьмом приключился весьма забавный казус. Уже после того, как я погнал всех на выход, из одной из комнат донесся умоляющий девичий крик.

— Помогите!!! Я из ванной выйти не могу, там это!!!

Что именно «это» — вопрос излишний. Понятно, нужно спасать девчонку. Жестом показав Андреям, чтоб оставались на месте, снова подзываю к себе собой Сашку, который матерееет прямо на глазах. Если уж учить — так учить. Вдвоем быстро находим нужную дверь, из-за которой уже слышны глухие удары и новые испуганные призывы о помощи.

— Так, Саня, я выламываю дверь, ты успокаиваешь мертвеца.

— Понял.

Ну, раз понял — погнали! Хорошо, что двери в общагах всегда были слабенькие — хлипенькая филенка на каркасе из бруса-тройки. Тонкие, легкие, ломать — одно удовольствие. Опять же, были б они крепче — могли и не успеть. А так — один хороший пинок и дверное полотно, чуть не «с мясом» выдрванное из косяка, с грохотом обрушивается внутрь небольшой прихожей, буквально сшибив с ног... упыриху? Мертвячку? Блин, а как,

собственно, назвать зомби женского пола? Хотя, какая разница! Главное, что эта тварь дверь в ванную вышибить или проломить не успела. Сашка, наступает на дверь, прижимая своим весом зашевелившийся живой труп, бывший еще совсем недавно явно очень симпатичной девушкой, к полу и без колебаний стреляет той в висок. Я заглядываю в комнату. Стандартная «двушка», больше никого нет. Ну, и славно!

— Эй, русалка, можешь выбирать, все спокойно.

«Русалка» уговаривать себя не заставила, уже через секунду на совершенно обалдевшем от такого развития событий Сашке, оставшемся в коридорчике, уже висит счастливо повизгивая весьма даже приятственная особа. Причем, особа с весьма эффектными формами и, мягко говоря, не обремененная одеждой. Нет, полотенце на ней изначально было, вот только от излишне резких движений, слетело. И теперь замер мой сержант, словно библейский соляной столб, обвитый стройными ножками и влипший носом точно в красивый, номера этак третьего, бюст. Рожа у него при этом совершенно ошалевшая. Но, недолго длилось счастье. Буквально через пару секунд барышня осознала, что, во-первых, она слегка не одета (тональность визга меняется на смущенную), а во-вторых, что буквально у нее под ногами лежит труп (смущенный писк переходит в полный ужаса вопль). Девушка спрыгивает с Сашки и, едва не сшибив меня с ног, исчезает за распахнутой дверью стенового шкафа.

— Кхм, — прочищаю горло я, — девушка, вы пока одевайтесь, а мы вас в коридоре подождем.

Подталкивая перед собой до сих пор не отошедшего сержанта, выхожу из комнаты, накинув предварительно, потерянное «русалкой» полотенце на лицо лежащего в коридоре трупа. Если две девушки живут в одной комнате — они, почти наверняка, подруги, иначе не уживутся. Вряд ли спасенной нами девчонке приятно будет видеть превратившееся в маску злобного демона лицо соседки, да еще после того, как ей часть головы пулей разнесло.

Кстати, нужно отдать девчухе должное. И истерик со слезами и воплями закатывать не стала, и оделась, и собралась она минут за пять. Могут ведь, когда очень прижмет!

— Не горюй, салага, — дружески пихаю я Сашку кулаком в плечо, когда он несчастным взглядом ни за что побитого щенка провожает туго обтянутую джинсами попу «русалки». — Даже если я прямо сейчас тебя отпущу, вы все равно ничего не успеете. Некогда.

И в этот момент «русалка», полуобернувшись, пристально смотрит на Сашку. Ой, ё! Все, пропал пацан. От таких взглядов даже самое гранитное сердце потечет, будто эскимо на летнем солнышке. М-да... Вот интересное дело! Попавшая в серьезную переделку женщина — всегда зрелище, достойное жалости, вроде тех же подчиненных Филипочкина на Житной. Но стоит только замаячить на горизонте какому-нибудь крепкому духом и телом спасителю-избавителю... Блин, в них словно какая-то генетическая программа включается. Что-то вроде: «Рядом с потенциальным альфа-самцом нужно выглядеть максимально привлекательно». Нет, оно понятно, что я слегка все утрирую, но ведь как ни крути. Те же барышни на Житной... Только что сидели, как в той песенке: «Вся в соплях и губной помаде», а стоило моим орлам объявиться — сразу прихорашиваться начали. Случай что ли? Да ни в жизнь не поверю. А теперь еще и эта... Похоже, свезло сержанту. Вот только в чувство его привести нужно срочно, он мне боеспособный нужен.

— Эй, Алехандро! — стучу я кулаком по металлической макушке его шлема. — Проснись и пой, блин! Согласен, взгляд многообещающий, вот только тебе до всего, что он обещает, еще дожить нужно. И если ты пряма сейчас не начнешь снова думать головой, а не головкой, то тебя первый же зомби слопает за милую душу. Соберись!

— Угу, — только и смог выдавить он из себя, тряся головой, словно отгоняя какое-то навязчивое видение.

— Вот тебе и «угу», — подпускаю шпильку я, — давай, очухивайся. Ты мне боеспособный и злой нужен. Нам еще полтора корпуса чистить, а день — не резиновый. В темноте, даже при здешней планировке, с мертвяками воевать — себе дороже выйдет.

Тут я душой не кривлю, даже при свете дня относительно легко управиться получается только с самыми тупыми, «деревянными» зомби, которых я про себя уже начал звать манекенами. А вот с шустрыми «отожранцами»... Как гласит древняя народная мудрость: «Не хотел бы я с ним один на один встретиться в темном переулке... Да, и в светлом, пожалуй, тоже». Беда в том, что первых становится все меньше, а вторых — все больше. Даже по этой общаге можно судить. В коридорах на одного чистенького — два, а то и три явно плотно перекусивших зомби. Мало того, у одного упокоенного Мельниковым упыря не только клыки отросли, но и ногти уж больно похожими на собачьи когти стали. И форма черепа меняться начала. Нет, я вполне допускаю, что он и при жизни был не красавец, но не до такой же степени. Чисто внешне — даже не неандерталец, те, если реконструкциям верить, на наших, современных, спившихся бомжей-алкоголиков похожи были, а скорее — питекантроп какой-то. Лоб низкий, назад скошенный, глазки под массивными надбровными дугами маленькие, зато челюсти — мое почтение. И зубищи, чуть ли не как у акулы — в три ряда. Ну, насчет трех рядов я приврал, конечно, но там и одного за глаза хватает. Одна радость — планировка на нас играет, в узком коридоре пространства для маневра совсем мало и никакая скорость упырей не спасает.

Пытался сообщить о своих наблюдениях на тему скоростной эволюции мертвецов Гаркуше, когда с группой выводимых с десятого этажа студентов вниз спустился, да только все без толку. «Абонент — не абонент». И по рации на оговоренный позывной не отзывается. Ладно, наверное, занят полковник, потом расскажу.

На двенадцатом — сразу два происшествия, но на этот раз совершенно не смешные. Вышедший из комнаты паренек узнал в одной из упокоенных в коридоре зомби свою невесту. Как я из сбивчивых объяснений его соседа по комнате понял, через месяц пожениться должны были, уже заявление в ЗАГС подали. Когда все началось, хотели в одной комнате забаррикадироваться, но не успели. В коридоре уже парочка мертвецов ошивалась. Решили, что будут ждать помощи каждый в своей комнате. Пацан, вот, дождался, а девушке его не свезло...

Вы видели когда-нибудь рыдающего взахлеб крепкого двадцатилетнего парня? Нет? Ваше счастье. Поверьте — тяжелое зрелище. Отправил я его вниз, дав по рации Угрюмцеву команду приглядеть на всякий случай и на базу информацию передать, пусть и они смотрят в оба. Еще не хватало, чтоб руки на себя наложил. Нам вот только суицидов сейчас не хватает, для полного счастья. Особенно с учетом окружающих реалий. В смысле, где гарантия, что свежеудавившийся самоубийца тоже не встанет? Вот ведь «приятный» сюрприз всем будет — зомби где-нибудь в укромном закутке или в туалете...

В соседнем крыле — и того хуже. Девчонка, лет двадцать от силы, сидит на аккуратно заправленной кровати в своей комнате и рыдает в три ручья. На кисти правой руки — свежий укус. Господи, ну кто велел этой дуре, вылезать из комнаты в коридор еще до окончания зачистки? Сама же сквозь рыдания говорит, что мы еще на десятом этаже в тот момент были... Какого ж... рожна ее наружу из комнаты понесло? А главное, то мне теперь с этим делать?! Что с ней теперь будет — понимает прекрасно. В комнате — компьютер, интернет еще работает, полтора суток только и делала, что новости смотрела. Мля! На кой черт тебе вообще было стараться и дверь назад захлопывать?! Да лучше б тебя съели! Стоп, ты чего несешь, Грошев? Она ведь человек... Угу, человек. И теперь тебе, товарищ прапорщик, придется какое-то решение по этому человеку принимать. Брать с собой — однозначно нельзя. Осталось девушке совсем немного, это по всему видно: кожа уже неестественно бледная, да и цвета нездорового, с сероватым оттенком. Лицо в мелких бисеринках пота, скулы заострились, вокруг глаз — темные круги. Фигово выглядит, да и чувствует себя не лучше. Что же делать?

Вызываю по станции Бутова, а когда тот входит, указываю ему глазами на девушку...

— Андрюх, вам в этом корпусе всего четыре этажа осталось. Сверху валить перестали уже, видать, почти пусто там в коридорах. Думаю, без меня управитесь. Так что, ты за старшего. А я тут посижу.

Андрей мужик догадливый, лишних объяснений ему не требуется. Только головой мотнул понимающе и вышел, а я на стул рядом с компьютером присел. Девушка судорожно всхлипывает, размазывая слезы по миловидному личику.

— Вас как зовут?

— Борис.

— А меня Лена.

Молча киваю. Стандартные фразы о приятности только что состоявшегося знакомства тут неуместны.

— Борис, скажите, а у вас выпить нет? А то страшно мне очень.

Да чего ты оправдываешься, девочка? Страшно? Блин, да на твоём месте многие крепкие мужики от ужаса вопили бы и волосы на себе рвали. Чего греха таить, как я себя в такой ситуации повел бы — не знаю. Нет, рыдать точно не стал бы, но в остальном... Насколько тебе сейчас страшно, я себе даже представлять не хочу.

Вытягиваю из «мародерки»⁵⁰ обычную солдатскую фляжку в выгоревшем брезентовом чехле. Откручиваю крышку и наливаю в стоящую рядом с компьютером кружку грамм сто пятьдесят. Ага, у меня всегда с собой на боевых фляжка с водкой. Мой личный НЗ. И не нужно мне тут про пьяных вояк из ОМОНа... Как только медицина найдет хоть какое-нибудь противошоковое лучше сорокоградусного изобретения господина Менделеева, я свою фляжку в тот же момент выброшу. Вот только нету пока средства, лучше водки. Да и та далеко не всегда помогает. Взять хотя бы наш случай.

Лена махнула содержимое кружки лихо, залпом, лишь под конец закашлялась, зажмурилась, но водку удержала в себе. Судорожно выдохнув, она отодвинула занавеску и, взяв с узкого подоконника пачку «Вога», вытряхнула из нее единственную тонкую сигарету.

— Злая ирония, — голос у девушки стал совсем слабым, а дикция — неразборчивой. — Сигарета, последняя во всех смыслах...

Она чиркнула дешевой пластиковой зажигалкой, пару раз глубоко затянулась и пристально взглянула мне в глаза.

— Боря, это будет больно?

Умная девочка, она уже поняла, зачем я остался в её комнате. Поняла и, похоже, приняла и теперь, явно, из последних сил пытаюсь изобразить невозмутимость, выясняет «техническую сторону вопроса». У меня перехватило горло. Выдавливает из себя слова — все равно, что собственные кишки на кулак наматывать. Но молчать нельзя, эта девочка своим мужеством заслужила правду.

— Не знаю. Но думаю — нет. Просто как будто уснешь.

Она задумчиво кивает в ответ.

— Проснуться мне не дай, хорошо? Не хочу быть такой, — Лена махнула рукой в сторону коридора. — И дверь потом закрой, пожалуйста. Ключ возле компа, вон, на желтеньком брелочке. Не хочу, чтоб они меня жрали. Понимаю — глупость. Мне ведь уже все равно будет. Но, не хочу. Сделаешь?

— Сделаю.

Еще несколько минут мы просто молча сидим. Лене становится все хуже. Она уже не сидит, а лежит на своей кровати, не открывая глаз, и тяжело дышит. Потом, вдруг, словно всхлипывает и, вытянувшись в струнку, замирает. Застывшее, бледное, словно гипсовая маска, лицо становится каким-то уж совсем по-детски беззащитным. Подхватив с компьютерного столика косметичку, подхожу к кровати. Сначала проверяю пульс на шее, потом подношу к губам зеркальце. Все...

Теперь мне пора выполнять данное обещание. Я не позволю этой девочке превратиться в кровожадное чудовище, пусть смерть подарит ей покой. Слегка поворачиваю её голову

⁵⁰ «Мародерка» — она же «сухарка», она же «дей-пак», небольшого размера подсумок для всякой всячины, крепящийся к разгрузочному жилету или РПС на спину или на поясницу.

влево и приставляю ствол пистолета к виску. Я не хочу уродовать ее лицо выстрелом в лоб. А на виске останется только маленькая рана и пороховой ожог. Подушку потом выкину. Со стороны, от двери, будет похоже, что она просто прилегла поспать. Знаю, чушь, ведь смотреть на нее будет некому. Но это не важно, я делаю это не для зрителей, а для нее. И для себя. Щелкает вставший на боевой взвод курок. Прости, девочка, прости, что мы не успели...

Внизу — бедлам. Автобусы забиты под завязку, словно в утренний час-пик из спальных районов в сторону ближайшей станции метро. Но по-другому — никак. На то, чтобы вывезти всех обитателей общежития за один раз, у нас не хватает транспорта, а чтоб сделать это в несколько заходов и с относительным комфортом для перевозимых — времени. Уже то, что мы всех живых из шестнадцатизэтажного корпуса в наши автобусы утрамбовали — невероятное везение. Теперь колонна в сопровождении бронетранспортера и пяти «таманцев» пойдет на Житную, откуда вернется как можно быстрее и с пополненным запасом патронов. А мы пока тут посидим, в зачищенном корпусе. Не стоит набитое столь притягательной для зомби человечины здание без присмотра оставлять. А то еще набегут туда за время нашего отсутствия — намучаемся с ними потом. Уж лучше их на подступах отстреливать.

Когда я подошел к «броню», дать Сашке пару советов на дорожку, из кабины «Урала» выглядывает Угрюмцев.

— Борис, из Отряда звонили, просили тебя перезвонить, как только освободишься.

Все верно, мобильный я перед началом зачистки выключил, а то есть у них замечательная особенность — начать звонить в самый неподходящий момент. Набираю номер дежурной части. Отвечает мне бессменный Дядя Саня, который, как мне кажется, так же как и мы не спит вот уже почти двое суток.

— Борис, ты?

— Я, Дядь Сань. Что случилось?

— Приказом командира Отряда вводим план «Крепость» по варианту «Война». У тебя в списке на эвакуацию ничего не изменилось?

Вот оно как. Что ж, все верно, происходящее вокруг по степени угрозы жизни сотрудников и членов их семей, вполне можно приравнять к полномасштабным боевым действиям. А в этом случае, при объявлении плана «Крепость» Отряд не просто подтягивает на базу весь личный состав, занимает круговую оборону, вскрывает все НЗ оружия и боеприпасов и берет под охрану заранее определенные объекты из числа особо важных. Помимо всего прочего выделяется техника и люди на организацию эвакуационной команды, которая выезжает по адресам из заранее составленных списков и вывозит на базу Отряда семьи сотрудников. Бойцу всегда легче выполнять даже самые опасные задачи, когда он уверен, что его родные находятся в безопасном месте и под надежной охраной. В моем случае это родители. Нет, ну а кого мне спасать? Бывшую жену с ее новым мужем? Ага, шаз, шнурочки только проглажу!

— Нет, Дядь Сань, все по-прежнему. Отец с мамой в Осинниках, адрес старый. А до сестры я уже сам дозвонился, она с мужем своим ходом в Пересвет выдвигаются. Слушай, а молодцы наши, вовремя сориентировались. У меня, вон, Солоха места себе не находит, «отец-героин», блин. Да и остальные дергаются, переживают. А тут такая радостная новость.

— Угу, — буркает дежурный, — радостная. Вот только насчет «вовремя» — это ты ошибаешься.

Нехорошее ощущение того, что случилось что-то непоправимое, кольнуло, словно тонкая игла, прямо в сердце.

— Что случилось?

— Рыбалкин...

«Беда одна не приходит». В мозгу словно пластинку заело. Всеми силами стараюсь отвлечься, даже самого себя ради этого кашеваром назначил: сходил в магазинчик, набрал там разных консервов и теперь грею их для парней на найденной там же, в крохотной

подсобке, электрической плитке, которую вынес на пост охраны в холле перед лифтами. Не помогает. Больше всего хочется достать из «мародерки» фляжку... А потом вернуться назад, в магазинчик, выудить из припрятанного продавщицей под прилавком и найденного мною ящика бутылку... А то и две. И нажраться, словно дикая свинья, в слюни. Но, нельзя. Я командир, и вокруг меня — мои подчиненные. Они все видят, все понимают, делают выводы. Можно подумать, для одного меня последние двое суток стали серьезным испытанием на прочность. Угу, как же. Да парни, уж давайте смотреть правде в глаза, на одних морально-волевых держатся. Ну, и еще друг перед дружкой не хотят слабину показывать. А стоит мне подать пример — все, посыплются. «Каков поп — таков приход», верно в народе когда-то подметили. И хороший командир в бою только тогда может что-то от своих людей требовать, когда в любой момент готов подать команду: «Делай, как я!» Не уверен, что сам сдюжишь — не требуй от подчиненных. Нет, оно понятно, что генералы впереди пехотных цепей в атаку теперь не ходят. Да и раньше, как мне кажется, не ходили, чего б там легенды про великих полководцев прошлого не рассказывали. Плох тот генерал, что сам лезет делать работу сержанта. Так я вовсе не о полководцах толкую, а про взводных да ротных. Так что, пьяный загул откладывается до более спокойных времен. Сейчас более важных дел хватает. Но пластинка в голове продолжает крутиться: «Беда одна не приходит»...

Прав был Дядя Саня. С опозданием чухнулись наши отцы-командиры. Раньше надо было «Крепость» вводить. А заплатили за это опоздание мой друг и сослуживец Лешка Рыбалкин. и вся его семья. Жизнями своими заплатили.

Подробностей дежурный не знает. Если вкратце — Лешке позвонила жена, тот схватил в охапку автомат, подтянул с собой двух своих подчиненных из ИТО⁵¹, и, никому ничего не объясняя, прыгнул в УАЗ и умчался, под громкий разъяренный мат командира Отряда полковника Львова, которому подобное самоуправство, понятное дело, не понравилось. А через полчаса перезвонил один из уехавших с Лехой саперов. В квартире Рыбалкина живых к их приезду уже не было. Были два зомби, в которых превратились его жена и тесть. Похоже, тестя сильно покусали на улице, хотя у нас в Посаде, судя по словам Дяди Сани, еще вполне спокойно, с творящимся в столице не сравнить. Зомби уже появились, но мало и с ними вполне эффективно справляется ополовиненный переброской подкрепления в Москву, батальон ППС. Уж не знаю, где и при каких обстоятельствах Лехин тесть умудрился на живого мертвеца нарваться, но отбилсЯ и, вырвавшись, решил спрятаться в квартире дочери. Лешкина Татьяна звонила ему, когда ее превратившийся в упыря отец пытался выломать дверь в детскую... У Лешки с Таней было две дочки. Близняшки, которым едва-едва исполнилось два года... Дальше, думаю, объяснять ничего уже не нужно, кроме того, что новомодная, красивая и легкая пластиковая дверь долго не продержалась. Рыбалкин выгнал парней из квартиры на лестницу и все сделал сам. А потом достал из кобуры ПМ, и застрелился.

Дядя Саня говорит, что когда Батя узнал о случившемся, на замов своих он орал так, что не только бойцы в кубриках, но и «рули» в автопарке слышали. И к тому моменту, как в гараж примчался взмыленный и бледный зампотыл, майор Чебоксаров, с приказом срочно формировать эвакогруппу, БТР, автобус и три «Урала» уже стояли «под парами» заправленные под завязку. А со стороны казармы к технике изо всех ног неслась экипированная «по полной боевой» и вооруженная до зубов «трехминутка»⁵². Вот только другу моему и семье его вся эта суeta уже глубоко по барабану. Господи, ну почему у нас всю жизнь вот так? Почему нужный и правильный приказ никогда нельзя отдать вовремя? Почему всегда нужно ждать, пока жареный петух в задницу клюнет?

⁵¹ ИТО — инженерно-техническое отделение, подразделение саперов и взрывотехников.

⁵² «Трехминутка» — боевая группа постоянной, «трехминутной» готовности.

На раскаленном диске плитки зашипел выкипающий из банки с тушенкой жир. Вот, блин, уворонил таки! Задумался.

— Соберись, командир, — негромко говорит мне на ухо присевший рядом Солоха.

Он уже в курсе, тоже в «дежурку» звонил, про своих узнавал.

— Слышишь меня, Боря, — Андрей для верности потряс меня за плечо, словно пытаюсь убедиться в том, что я в сознании. — Ты людям нужен. И нам, и тем более мальчишкам этим. Народ вот уже вторые сутки не спит и не ест толком. Молчат только потому, что ты вперед прешь, будто танк. Вот мы за тобой и идем, в кильватере. А если ты скиснешь — и у остальных руки опустятся. А нам еще шестнадцать этажей чистить. Кураж потеряем — хана нам, задавят. А уж если, не дай бог, потери будут — вообще пиши пропало. Понимаешь?

Я отрешенно киваю в ответ.

— А раз понимаешь, — шипит, словно рассерженный кот, наш обычно доброжелательный хохол, — тогда соберись, твою мать! Нет у нас времени сопли распускать. Ты, блин, боевой «прапор» или гимназистка забеременевшая? Сидит он, понимаешь, в тоске. А кому легко? Радуйся, что семья жива. Я, вон, как узнал, что моих вывезли уже — прямо камень с души свалился... Так, короче, если сам не очухаешься, я тебя, мля, сейчас за угол отведу и сопатку тебе расшибу нафиг! Ты нам веселый и злой нужен.

М-да, я таким Андрея, по-моему, за все время совместной службы не видел ни разу. И ведь по глазам вижу, понадобится — он же мне на самом деле морду набьет, лишь бы я из ступора вышел.

Резкая отповедь со стороны добродушного обычно Солохи подействовала отрезвляюще. Будто ведро холодной воды за шиворот или пара хороших оплеух. С силой провожу ладонями по лицу, растирая и массируя щеки и нос. Все, и правда, хватит сопли жевать. О мертвых плакать будем потом, если сами к тому времени еще живы будем. А пока нужно уцелеть самим и вытаскивать тех, кого еще можно спасти. Как минимум — тех студентов, что сейчас сидят по своим комнатам в первом корпусе и нас ждут.

Раздаю парням вскрытые банки разогретых консервов.

— Давайте, мужики, порубаем, чем бог послал, пока не началось... А начнется уже скоро, как только «тамань» наша с автобусами вернется.

Предложение возражений не встретило. Уже через минуту все дружно жевали, подцепляя куски мяса из банок клинками ножей или даже нормальными вилками. Но, это в основном ветераны, те, кто помудрее и позапасливее.

Минут через двадцать-двадцать пять вдали послышалось завывание моторов, а еще через пять кавалькада из автобусов, сопровождаемых бронетранспортером, вынырнула из-за забора детского сада, расположенного чуть правее по улице, и снова начала выстраивать «вагенбург» вокруг входа. Но на этот раз в первый корпус «общаги». Мехвод «восемьдесятки», похоже, решил немного пофорсить, и бронетранспортер, словно кабан сквозь заросли камыша, проносится сквозь толпу зомби, неспешно бредущих к общежитию из дворов стареньких окрестных пятиэтажек. Молодца! Нет, спорить не буду, смотрится со стороны впечатляюще. Вот только кто теперь всю эту налипшую на колеса и набившуюся везде, где только можно, рваную требуху счищать будет? И кровь смывать? Сопливый механ об этом даже еще не задумался, а вот я уже решение принял — вот он сам и будет. Совсем зверовать, конечно, не буду, кое-какой инвентарь выдам, чтоб не голыми руками... Ведерко, там, например, противогаз... И перчатки резиновые, самые толстые. Две пары. Пусть знает на будущее, как дисциплину хулиганить!

— Все, шабаш завтраку на траве, — командую я своим. — Давайте, через зимний сад и первая группа — сразу лестницу наверх берет, а остальные — со мной. Лифты заблокируем и первый этаж посмотрим. Он и тут не жилой, но, мало ли.

Подхватываю с пола шлем и нахлобучиваю его на голову. Бррр! Пока по этажам бегал — вспотел, а теперь шлем изнутри мокрый и холодный. Надо что-то с этим делать. На шапочку ЗШ одевается плохо. Раньше проще было: маску раскатал — и все в ажуре. Потом

работать в масках ОМОНу приказом запретили, за исключением операций на Северном Кавказе. Такое ощущение, что кроме Чечни нигде и никто наши лица запомнить не хочет... Хотя, сейчас-то наши «физио» точно никому не уперлись, и других проблем полно.

А что касается удобства ношения шлема, так тут теперь каждый выходит из положения по-своему. Вон, у нас во взводе один ухарь есть, Миша, он сейчас с Тисовым на Маяковке геройствует, так он еще перед прошлой командировкой купил себе в каком-то коммерческом «Военторге» черную косынку-бандану, и счастлив, как слон. Очень, говорит, удобно и практично. И пот впитывает, ничего за шиворот не стекает и по лбу не скатывается, и гигиеничнее, опять же. Надо бы, что ли, и самому озаботиться. Ту же армейскую медицинскую косынку пополам сложить, да на голову намотать. Ничуть не хуже той же самой банданы получится. Опять же, цвет к уставному ближе. Хаки, он хаки и есть, не то, что черный — то ли пират, то ли вообще башибузук какой-то...

Сразу приступить к зачистке все равно не удалось. Выбравшиеся и кунга «Урала» таманцы, оказывается, привезли не только боеприпасы. Для начала, они неслабо так прибрахлились сами: на всех — наколенники-налокотники, точно такие же, как и у нас. Вот только «щитки» у них, как говорится, муха не сношалась. Вместо древних «стальных шлемов образца одна тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года» — противоударные пластиковые «Джетты», тоже новенькие, полированные — бриться в них глядячись можно. У четверых на автоматах вижу даже наши, российского производства коллиматорные прицелы «Кобра». Ну, тут понятно, у кого крепления под них на ствольной коробке было, те и поставили.

Сержант Саша, оставив подчиненных кого патроны разгружать, кого подбредаящих мертвецов отстреливать, летит вприпрыжку ко мне, одной рукой аккуратно придерживая висящий поперек груди стволом вниз автомат, а другой сжимая горловину еще одного гениального изобретения русского военного гения — вещмешка-«сидора».

— Командир, мы тут и на вашу долю захватили! — сияя, словно новенький медяк, он протягивает мне «сидор». — На троих, тех у кого «приливы»⁵³ есть — прицелов взяли, и на всех — «лазерники». Нам водила ваш сказал, что у «Зенитов»⁵⁴ ваших в креплении специальный разъем под ЛЦУ есть, вот мы и подсуетились...

— Молодца, Сашка, объявляю вам всем один «зашибись» и рукопожатие перед строем, — шутливо вскидываю два пальца к правой брови, изображая что-то вроде воинского приветствия.

Удивительно, как много может случиться всего за семь часов! Еще сегодня утром я был для этих мальчишек всего-навсего посторонним хмурым дядькой в понтовой «снаряге», которого вообще не понятно, с какого перепугу поставил над ними старшим другой, почти такой же совсем посторонний дядька, разве что более хмурым, званием повыше и экипированный еще круче. Помню я его неуставное и малость пренебрежительное «старшой»... Зато теперь парня, да и не только его одного, будто подменили: слушаются беспрекословно, приказы исполняют моментально, да вот и прямо сейчас, доклад делает, а сам аж в струнку вытянулся, причем явно не потому, что по Уставу положено, а исключительно чтоб уважение показать. Ну, значит, смог я себя правильно поставить и определенный авторитет в их глазах заработать. Теперь главное — не уронить.

— Ладно, товарищ сержант, принимай пока командование на себя и держи периметр, а мы пока стволы свои дооборудуем, — приняв у Сашки вещмешок, я словно изображая вертолет, несколько раз энергично кручу кистью руки над головой. Команда «Общий сбор». Смененные таманцами, омовцы собираются вокруг меня и, разобрав привезенные

⁵³ «Прилив» — стандартное боковое крепление для ночных и оптических прицелов на автоматах Калашникова.

⁵⁴ «Зенит-2» — тактический фонарь, стоящий на вооружении Подмосковного ОМОН. Крепится на ствол и газоотводную трубку автомата при помощи специального крепления, имеющего интегрированный разъем для установки лазерного целеуказателя.

«ништяки», начинают крепить их на автоматы.

— Эх, — вздыхает Буров, щелкая креплением «Кобры». — А пристрелять-то времени нет совсем...

— В процессе пристреляешь, — фыркаю я. — Тут до противника дистанция — доплюнуть можно при желании, не то, что по красной точке, по световому пятну фонарика целиться будешь — и то не промажешь. Есть вопрос поважнее. Пацанва наша вообще коллиматорами пользоваться умеет?

Мужики мои озадаченно переглядываются. Ну, да, им и в голову не приходило, что кто-то может не уметь таких, с их точки зрения, элементарных вещей. Профессиональная деформация личности, блин. Раз я умею, значит и все умеют...

Оказалось — ни фига наша доблестная «тамань» не умеет. Прицелы с «рэд-дотами»⁵⁵ они видали только в кино. А понять по американскому кинематографу принцип применения — сложно. Там порой и сами актеры, крутых «рэйнджеров» играющие, их не знают и не понимают, так чего ж от зрителя требовать. Пару минут в беглом темпе объясняю им основы. Заставляю несколько раз приложиться к автомату. Угу, мозгами-то, вроде, поняли, но рефлексам новым взяться пока неоткуда, а старые прут из всех щелей — у всех одна и та же беда: стоит прикладу вжаться в плечо, левый глаз сам тут же прищуривается... Ладно, пооботрут, привыкнут, как положено, обоими глазами целиться. А пока мы прикроем, если потребуется.

Зачистка первого по нумерации и второго по очередности корпуса общежития проходит с одной стороны спокойнее, а с другой — несколько медленнее, чем предыдущего. Что не удивительно. Попробуйте с наше по лестницам побегать, сами поймете. На второй этаж поднимись и спустись, потом на третий, на четвертый, на десятый... И так вверх-вниз шестнадцать раз. У любого спортсмена ножки подкашиваться начали бы, так спортсмены при этом автоматов с двойным БК к ним не носят. В остальном — все по уже накатанной колее: пальба, звон гильз под ногами, пороховая вонь и клубы дыма в узких коридорах, прущие на выстрелы живые мертвецы, жуткие бельма их наполненных нечеловеческой злобой и голодом глаз... На пятом этаже мы чуть не встряли — проглядели дверь на пожарную лестницу, которая по зимнему времени должна была быть закрытой, как и прочие такие же, а оказалась просто притворенной. И через нее прямо нам в тыл вырулили с пожарного балкона аж целых три явно кем-то совсем недавно перекусивших покойничка. А мы как раз в этот момент уже начали молодежь из комнат выводить. В первую секунду я думал — все, амба, бойня будет. Но ситуацию спас Гумаров. Он вообще стрелок хороший, а тут так просто самого себя превзошел, потратив на это дохлое трио ровно три патрона своей «девятки». Словом, отбились. Хотя, конечно, косяк упорот серьезный, его еще можно было бы спустить нашим «срочникам», но вот для нас такое — непростительно. С другой стороны — вижу, люди устали. Только в этой домине уже двадцать один этаж зачищен, а сколько их сегодня уже было, этих домов и дворов? И сколько их еще будет завтра?

Сегодня мы уже точно больше ничего не успеем. Последних студентов выводим и рассаживаем по автобусам уже в потемках. Водители включили фары, их свет отражается в стоящих на асфальте лужах. Ранняя в этом году весна, слишком теплая. И это очень плохо. Потому что упыри, как я уже успел подметить, чем-то напоминают ящериц, змей и прочих холоднокровных. В том смысле, что на холоде становятся вялыми и неактивными. А на солнышке даже совсем еще «деревянные» зомби-новички начинают култыхать уже весьма бодро. До скорости обычного, живого пешехода, понятное дело, не дотягивают, но и на неподвижную ростовую мишень похожими быть перестают. Да еще эта походка их непонятная, пьяно-шатающаяся, с болтающейся головой... По пять-шесть патронов иногда на одного уходит, если на дистанции работать. Вплотную, оно понятно, меньше, да вот

⁵⁵ «Рэд дот» (англ.) — «красная точка», коллиматоры называют так потому, что именно так выглядит в большинстве моделей прицельная марка.

только подпускать зомби к себе близко что-то совсем не хочется, одной рукопашной схватки с живым мертвецом лично мне — более чем достаточно.

Висящая в чехле на левом плече рация сначала коротко пискнула, мигнув красной лампочкой, что, кстати, весьма фиговый признак — второй запасной «аккумулятор» садится и больше запасных у меня с собой нет, а потом забормотала голосом Солохи:

— Все, Борь, погрузка закончена. Можем выдвигаться.

Едва я собрался дать команду на выдвижение, как по Большой Черемушкинской со стороны улицы Дмитрия Ульянова, вылетает на весьма приличной скорости «Форд Фокус» второй модели, серебристо-серый, в милицейском окрасе и с ярко переливающейся «люстрой» на крыше. Визгнув тормозами и заложив крутой вираж, «Фокус» красиво вписывается в поворот, едва не сшибив при этом парочку неспешно бредущих в нашу сторону зомби, и подкатывает к нашему «вагенбургу». Из машины выбирается вооруженный таким же, как у меня, АКС-74 милицейский капитан, у которого на пояском ремне висят сразу два подсумка под автоматные магазины, по одному на каждом боку. Молодой, не больше тридцати, крепкий, широкоплечий, с волевым подбородком и серьезным взглядом. Вид у мужика — свирепый и залихватский одновременно: рожа и руки в пороховой копоти, только зубы и глаза блестят, шапка сбита на затылок, из-под нее наружу небольшой сивый чуб выбивается. Этакая современная помесь Клинта Иствуда и Григория Мелехова.

— Здоров, мужики! — кивает он всем, пробираясь в узкую щель между двумя автобусами на нашу сторону импровизированной «стены». — Кто у вас старший-то?

— Я старший, шагнул ему на встречу я. — Прапорщик Грошев, Подмосковный ОМОН.

Ясно, — протягивает руку для пожатия тот. — Капитан Перебийнос, Отдел милиции по Академическому району... Ну, собственно, похоже я — это теперь и есть весь Отдел, кто погиб, кто сбежал... Один я остался, вот и воюю тут...

— И как воюется?

— А фигово. Одному бы давно кирдык настал, даже спину прикрыть некому, только, вон, «светомузыка» и выручает, в то б сожрали меня эти «зловещие мертвецы» — машет Перебийнос в сторону переливающейся «люстры» на крыше своей машины.

— Это, в каком смысле? — не догоняю я.

— А вы не в курсе что ли? — капитан явно удивлен. — они ж на всякое светящееся «залипают». На рекламные щиты, на спецсигналы, на фейерверки, даже просто на открытый огонь. Это все их, типа, гипнотизирует. Стоят, как замороженные. Ну, я этим беззастенчиво пользуюсь.

Надо же, вот уж не подумал бы... Хотя, помнится, на подрыв «Зорек» в Ивантеевке зомби тоже отреагировали вполне неплохо, так почему бы и нет? Нам оно только на руку.

— А к нам какими судьбами? — перевожу я разговор в практическую плоскость.

— Так, говорю же, фигово одному. Да и патроны у меня уже почти кончились. А про вас мне люди рассказали. Помнишь, вы на проспекте Шестидесятилетия Октября двор многоэтажки зачистили и дали людям до машин добраться? Вот я их встретил, о вас услышал и начал район прочесывать, с целью присоединиться.

— Это такую «ломаную» высотку, в которой еще Сберкасса на первом этаже?

Перебийнос согласно кивает. Ну, да, было дело, помогли мы там слегка народу. Дай им бог, пускай из Москвы выбирают подальше.

— Значит, присоединиться хочешь?

— Хочу, — не стал жеманничать он.

— Ну, если так, то вливайся. Об одном предупредить хочу — то, что у тебя на погонах звезд больше и просвет имеется — пока забудь. Командую я, ты выполняешь. Разумную инициативу приветствую, но только разумную. Вопросы, жалобы, предложения?

— Никак нет, — скалит зубы в усмешке капитан. — Мне б только патронов...

— Патроны — не проблема, вон, в БТР их целый склад, бери сколько нужно. Ты как, на своей поедешь, или в одну из наших посадить?

— Нет, на своей, прикипел я к ней за двое суток. Боевая машина, блин.

— Да за ради бога, — развожу руками я. — Сейчас парни мои тебе дорожку назат расчистят малость, а ты пока патронов набери. И сразу стартуем.

Забравшись на пассажирское место в кабину «Урала» интересуюсь у Угрюмцева новостями. Витя только головой качает отрицательно. Из «дежурки» Отряда не звонили, Гаркуша на связь не выходил, один только Филипочкин интересовался, когда нас ждать на ужин и сколько еще с нами народу ожидается. Проблем с «посадочными местами» на Житной нет, оказывается, спасенных нами людей уже начали вывозить за пределы Москвы, и размещать в лагерях беженцев рядом с крупными воинскими частями. Но вот на сколько человек ужин готовить — вопрос серьезный, ему ведь своим «общепитовским теткам» задачи ставить.

На обратном пути начинаю подмечать произошедшие за день перемены. Зомби на улицах еще больше прибавилось, причем, среди них появилось много одетых по-домашнему. Залитые кровью, рваные халаты, тренировочные штаны, майки-футболки не оставляют сомнений — на них напали дома, и только потом, умерев и восстав в таком вот омерзительном обличье, они выбрались на улицу. И это значит, что именно к этим людям, именно в их дома мы со своей помощью уже опоздали. Там спасти некого, а что еще хуже, от них самих теперь нужно спасать тех, кто еще жив, да и самим спастись тоже. Дважды проезжаем мимо наспех оборудованных опорных пунктов. Сначала проезжаем мимо стоящих прямо посреди Ленинского, на раздельной, старенького БТР-70 и тентованного ЗИЛ-131. На «броню» и в кузова под тентом расположились какие-то армейцы-мотострелки. Причем, как-то уж слишком много среди них офицеров, что наводит на не очень хорошие соображения. Уже совсем рядом с Калужской площадью, на пересечении с проездом Апакова — нечто почти сюрреалистическое — два наглухо тонированных черных микроавтобуса «Форд Транзит» при поддержке уж совсем древнего, какого-то неухоженного, с облупившейся местами краской «бардака»⁵⁶. И с каких задворков только выкатили такой? Тут обосновались, судя по шевронам на рукавах, бойцы Минюста. Конечно, тонированный микроавтобус — это вам не высокобортный грузовик и уж тем более не бронетранспортер. Но зато эти вокруг себя какие-то ограждения смонтировали, вроде тех опалубок из труб, на которых во время разных праздников сцены монтируют. Только вместо рекламных баннеров сейчас вся эта конструкция густо заплетена колючей проволокой и увита спиралями «Егозы». Оружие, опять же., Ни одного обычного «калаша» не видать. Сполшняком или «Валы», или «девятки», даже пара «Винторезов», кажется, имеется. М-да, красиво жить не запретишь. Только БРДМ им имидж и подпортил своей непрезентабельной внешностью. Хотя, с другой стороны, какой бы ржавый не был, а противопульное бронирование никуда не делось, и, главное — КПВТ в башне выглядит куда бодрее всего остального: маслянисто-черный, лоснящийся, явно исправный и готовый к бою. Так что, «бардак» их — еще одно подтверждение старой истины про обманчивую внешность: выглядит так себе, но если врежет — мало не покажется.

На территории «Центрального эвакуопункта» тоже перемены: охраняют ворота и контролируют периметр уже не «срочники» из Внутренних войск, а какие-то весьма резкие хлопчики в таком же, как и у подчиненных Филипочкина городском камуфляже, и в той же расцветке новомодных питерских «Колпаках»⁵⁷. Вооружены все футуристического вида новейшими ПП-2000,⁵⁸ которые со штатными ПБС и коллиматорами вообще стали похожи

⁵⁶ «Бардак» (арм. сленг) — БРДМ, боевая разведывательно-дозорная машина.

⁵⁷ «Колпак» — защитный шлем второго класса защиты «Колпак-3М» производства Питерского НПО Специальных материалов.

⁵⁸ ПП-2000 — одна из новейших российских оружейных разработок, 9-мм пистолет-пулемет весьма необычного внешнего вида. Состоит на вооружении спецподразделений МВД, ФСБ и Минюста.

на какие-то бластеры из американских фантастических боевиков. Кто ж такие, интересно?

Колонна наша тут явно уже примелькалась, поэтому через ворота нас пропустили практически сразу же, только нескольких приبلудных «деревянных» привалили короткими, на два патрона очередями. Вот, кстати, еще одно подтверждение того, что зомби стремительно умнеют. Еще прошлой ночью они вдоль здешнего забора изгородью стояли, а теперь если только самые тупые из не отождравшихся новичков. Привезенных нами студентов несколько офицеров-«вэвэров» начали тут же делить на группы и разводить по карантинным помещениям. Да, чувствуется сноровка, набили за день руку. Одно не понятно, «срочники»-то все где?

Ситуацию мне практически сходу, что называется, «с порога» разъяснил выглядящий донельзя расстроенным и растерянным Филипочкин.

— Ушли они, Грошев...

— Как, ушли? — в первый момент даже не сообразил я. — Куда?

— «Свадьбу в Малиновке» смотрел? — грустно иронизирует капитан. — «Хлопцы начали разбегаться кто куда, в разные стороны. Скоро и я разбегусь, кто куда...» Так и эти. До обеда, вроде, все нормально было. А потом как поветрие. Кто-то добрался до интернета, тут же в служебных кабинетах подключенных компов полно. Ну, и понеслось... А тут еще этот дебильный приказ всплыл... Ты прикинь, какой-то жопоголовый из Генштаба дал команду у солдат мобильные телефоны изъять и просмотр телевизора им запретить. Мы, разумеется, подобной чепухой заниматься не стали, но приказ до пацанов дошел, сам понимаешь, «солдатский телеграф» штука такая, ничего не утаишь. Ну, и понеслось, почти как в кино про революцию: «Штык в землю, айда по домам!» В смысле: «На кой мне эти москвичи сдались, ежели у меня в Твери-Тамбове-Верхних Чирьях такая же ботва? Причем, в Москве я никого не знаю, а в Чирьях — папка, мамка и сестра сопливая. Пока я тут не понятно за что воюю, их там, может, уже едят вовсю»... Короче, сбились пацаны в «землячества» и при полном параде, прямо с оружием по домам рванули.

— Офигеть, — растеряно тяну я. — И что, остановить их даже не пытались?

— А как? — смотрит он мне прямо в глаза. — Стрелять в них что ли? А иначе — никак. Пытались офицеры их переубедить, но на любую попытку что-то сказать — один ответ: «У тебя семья где? Ага, в части, за забором и под охраной. А моих там кто охраняет, пока я тут совершенно чужим людям, как последний дурак помогаю?»

— М-да, — стянув с головы шлем, я задумчиво взъерошил ежик волос на затылке. — И ответить-то нечего...

— Нечего, — соглашается усатый. — Мало того, я тут с соседями пообщался — почти везде та же картина. Дезертируют даже из Таманской и Кантемировской дивизий... Да что там, говорят, из «Витязя» почти все «срочники» ушли.

Ох, е-мое! Плохо дело. Уж если из подразделений, всегда вполне заслуженно считавшихся элитой армии, бегут, прихватив с собой оружие, боеприпасы солдаты, то про остальных и говорить нечего. Во всяких «военно-строительных» и в лучшие-то времена с дисциплиной серьезные проблемы были, а уж теперь — и подавно. И, что самое поганое, остановить их, действительно, не получится, даже со стрельбой. Просто перебьем друг друга, на радость зомби. А те, кто выживут — все равно уйдут. Потому что у них дома на самом деле родня, которая для этих мальчишек куда дороже и важнее, чем совершенно посторонние москвичи. Да, их жалко, но отца с матерью жалче.

— Ладно, хватит пока о грустном, давай лучше о хороших новостях. Что за парни такие красивые на воротах теперь службу тащат?

— А, так это наши, из групп быстрого реагирования. Их еще вчера в обед по тревоге подняли, только начальство решило, что раз прямо сейчас нам вроде как ничего не угрожает, то и нечего их просто так в резерве держать. Вот и кинули в город... А потом как понеслось... Под вечер у нас уже тыловых подполковников-полковников автоматами вооружали и на улицу в патруль отправляли.

— Ну, это дело понятное, — поддакиваю я. — У нас всю жизнь так, то сидим на

заднице, «кокосы» чешем, то в одну секунду: «Полундра! Родина в опасности!!!» И всех, способных носить оружие — в стой. А уж умеет — не умеет, там и разберемся.

— Вот-вот, — соглашается Филипочкин. — Вот когда для штабных все из КХО и КХСС⁵⁹ выгребли, тогда и стало ясно, что у нас тут тоже может что-нибудь нехорошее случиться, а обороняться толком и некому. И парней из ГБР назад уже не вернешь, они там увязли накрепко. Вот к нам «Рысь» и прислали.

— А теперь, выходит, освободились ваши?

— Угу, все, кто жив остался, — хмуро кивает мой собеседник. — Как думаешь, легко им пришлось в самом начале, вообще без какой-то нормальной информации?

— Я не думаю, я знаю. Нагляделся уже. Сперва в Ивантеевке на тамошние ГНР, потом тут, на Гагарина, на то, что от как минимум полубатальона Внутренних войск осталось, а с полчаса назад еще и из Академического ОВД мужика одного встретили. Вон он, копченый весь. Тоже, говорит, один из всего Отдела в строю остался...

— Полная задница... Прямо как на войне — один из целого Отдела...

Да уж, не поспоришь с капитаном, действительно, похоже. Помню, когда-то, много лет назад в Чечне меня, салагу зеленого, но уже успевшего в Грозном кровушки хлебнуть, в госпитале молодая симпатичная девочка-журналистка спросила: «Что такое война?». С трудом подавив поднявшуюся в душе бурю, максимально спокойным тоном я ответил тогда: «Война, это когда заказанный утром на батальон ужин ест неполный взвод». Уж не знаю, чего от меня хотели услышать, но интервью это я по телевизору так и не увидел. Сейчас вокруг почти то же самое, даже страшнее, потому что на обычной, нормальной войне и друзья, и враги умирают насовсем. А тут... Тут то, что еще несколько минут назад было твоим боевым товарищем, запросто и с удовольствием перегрызет тебе глотку, стоит лишь чуть-чуть зазеваться.

— Что-то ты совсем загрустил, — качает головой Филипочкин, глядя на мою мрачную физиономию. — Пойди-ка лучше горячего похлебай, авось отпустит.

Дельная мысль, черт возьми. Перекусить плотно и на боковую, а то в глаза будто толченого стекла насыпали — почти двое суток на ногах.

г. Москва, Калужская площадь, 22 марта, четверг, ночь

Осуществить мои глобальные планы удалось лишь наполовину. На ту, что касалась «плотно пожрать». А вот насчет поспать — не обломилось. Едва мы закончили ужин и завалились спать, как снова пожаловали гости со стороны Большого каменного моста⁶⁰. Ну, может и не сразу, это я так, приврал для красного словца. Но то, что я и четырех часов проспать не успел, как за плечо меня затрясла одна из «валькирий» Филипочкина. Зевая, словно бегемот из африканского болота, во всю тактическую ширину пасти и с реальным риском вывихнуть лишнюю челюсть, плетусь по застеленному мягко ковровой дорожкой коридору в сторону центрального входа. Самочувствие — полный аллес: башка, словно чугунная, вниз клонится, в глаза как будто мелкой пыли сыпанули. Но как бы фигово не было, идти нужно. Гаркуша снова сам приехал, значит дело у него серьезное, которое даже по рации не обсудишь.

У «альфонсов» серьезные изменения. На смену красивым «Тахо» и «Эксплореру» пришли обычные армейские бронетранспортеры-«восьмидесятки» с эмблемами Московского округа Внутренних войск — трафаретным белым соколом в красном кругу... Да и вид у полковника Гаркуши и его подчиненных уже совсем не такой щегольский, как утром. Скорее

⁵⁹ КХО — комната хранения оружия.

КХСС — комната хранения спецсредств.

⁶⁰ Большой каменный мост — мост через Москву-реку, расположенный рядом с Боровицкой башней Кремля.

— наоборот. Черные комбезы все в пыли и грязи, остальная экипировка выглядит не лучше. Лица у всех усталые, в разводах смывтой потом гари и пороховой копоти. На нескольких белеют пропитанные кровью повязки. Интересно, это еще что за новости? Вроде, после ранений, нанесенных зомби, перевязки делать просто бессмысленно, все равно не поможет. Значит, схлестнулись не с покойниками, а с людьми. Интересно, с кем это? «Альфа» — контора серьезная, мало кто им на равных противостоять сможет. А тут, по всему виду, с вполне сопоставимым по силам противником бились.

— Ну, снова здорова, морда омоновская, наглая, — подмигивает мне Гаркуша, физиономия которого украшена несколькими свежими, едва-едва запекшимися глубокими царапинами, словно ему взрывом добрую пригоршню щебенки в лицо швырнуло. Наткнувшись на мой вопросительный взгляд, полковник вяло отмахивается.

— Не вникай, уже все кончилось. Были тут крысюки одни, решили под шумок страной порулить напоследок. Можно подумать, без их хунты доморощенной проблем у нас мало...

— И что? — знаю, вопрос идиотский, но ничего другого просто в голову не приходит.

— И все... — явно цитирует «бородатый» анекдот полковник. — Успенского читал? «Это были Гога и Магога. Они больше не будут».

Трилогию о Жихаре я читал и цитату вспомнил. Вот, блин, нормальные тут у нас за спиной дела творятся. Только вчера утром о государственном перевороте думал и, вот, пожалте, барин. Переворот заказывали? Получите, распишитесь. Правда, как я понял «альфонса», ничего у неизвестных мне заговорщиков не вышло.

— И что, вы их всех того, что ли?

— Ну, может и не всех, пожал плечами Гаркуша. — Но самых борзых и опасных — точно. А тех, что потрусливее, но пошустрее и в бега подался — все равно отловят. Мы уже со «смежниками» из Спецназа ГРУ какой-никакой контакт наладили. Им, если что, до Шереметева ближе, встретят как родных, блин. Ладно, не о том я сейчас с тобой поговорить хотел. Дорогу к вашим областным складам знаешь?

— Это на Пожарской-то⁶¹? Разумеется, знаю. Сколько раз туда перед командировками за всякой «вещевкой» катался.

— Вот и хорошо. Тут со всей этой чехардой очень нехорошие вещи происходить начали, — Олег Степанович понижает голос и мне, чтоб лучше слышать, поневоле приходится придвинуться чуть ближе. — Если коротко, довольно много сотрудников милиции вместо того, чтобы выполнять ту работу, за которую им Родина деньги платит, как только запахло керосином, мгновенно «масть сменили».

Я только понимающе хмыкаю в ответ. Тоже мне, новость. А то я сам не понимаю, сколько у нас сейчас «в рядах» всякой сволочи, что в органы пришли с одной единственной целью — власть получить, и под это дело бабла урвать.

— Ну, да, — морщится в ответ Гаркуша. — Америку я тебе явно не открыл. Так вот, это шакалье начинает создавать реальные проблемы. Сам понимаешь, у них остался служебный транспорт, связь, спецсредства, оружие. Они продолжают носить форму, в конце концов. И при всем при этом начали творить форменный беспредел. Грабежи, убийства, изнасилования. Как будто нам обычных бандитов мало, так теперь еще и с этими, мать их, «оборотнями в погонах» разбираться... Но даже это не главное. Основная проблема в том, что в отличие от простых «бандосов» эти знают слишком много такого, чего лучше бы им не знать...

— Например, место нахождения и планировку наших складов, — заканчиваю я начатую полковником мысль.

— Именно. И где стоят, и что лежит, и даже кто и как сторожит... Буквально несколько

⁶¹ Специально для хорошо информированных читателей: автор прекрасно знает, как на самом деле называется улица, на которой расположены склады ГУ МВД России по Московской области. Но для сюжета этот момент не существен.

минут назад на связь вышли парни из охраны складов на Пожарской. Говорят, очень странное, тихое, почти незаметное, и оттого — весьма нехорошее шевеление вокруг них сейчас началось. А свободных сил у нас, как назло — кот наплакал. Вот и решили вас к этому делу подтянуть.

— Товарищ полковник, побойтесь бога, люди двое суток на ногах, да в таком режиме... Да они у меня сейчас с тюфяков даже под угрозой расстрела не поднимутся.

— Поднимутся, — уверенно тянет он. — Все предусмотрено. На, вот, раздай личному составу. Строго по одной штуке, не больше.

С этими словами Гаркуша протягивает мне небольшой опечатанный конверт, в котором на ощупь чувствуется что-то настолько напоминающее стандартный блистер с таблетками, что, скорее всего, им и является.

— Это что?

— Это, Грошев, коктейль «Будильник» и «Озверин» в одном флаконе. Эфедрин, бензедрин... еще куча каких-то «...инов». Короче, я тебе не учительница химии. «Боевой коктейль», специально для нашей «конторы» Военно-медицинской академией разработанный. Повышает выносливость и работоспособность, подавляет чувство усталости, повышает болевой порог... При всем при этом не туманит сознание и не вызывает привыкания. Правда, здорово нагружает «пламенный мотор», поэтому часто употреблять нельзя ни в коем случае. Бери, давай, я, можно сказать, с мясом от сердца отрываю — запасы у нас небольшие, а новые, боюсь, еще не скоро сделают.

Принимаю у Гаркуши конверт и засовываю его в нагрудный карман куртки, пытаюсь сообразить, стоит ли, вообще, этим подарочком пользоваться. С одной стороны, отношусь я ко всякой подобной «химии» без доверия. С другой, уж кем-кем, а наркоманами бойцов Спецназа ФСБ считать глупо. Думаю, в этом вопросе полковник со мною откровенен. Если сказал, что вредная штука, но не наркота, значит так и есть. И задача перед нами ставится серьезная. Мало ли, кто там вокруг складов сейчас хороводится. Ладно, если из числа дезертировавших «пепсов» гопники бестолковые, из тех, что в бандиты по конкурсу не прошли и в менты подались. Этих опасаться стоит только гражданским, да и то самым робким и безоружным в придачу, потому как в большинстве своем наша доблестная патрульно-постовая служба боевой подготовкой, мягко говоря, не блещет. А если какие-нибудь «опера»? Из того же Уголовного розыска, например... Да еще и в плотной «кооперации» с бывшим своим «подотчетным контингентом»? Бандиты-то нынче тоже разные, особенно те, которые из отрицаемых официальными властями «этнических группировок». Ну, да, конечно: «Преступность национальности не имеет»... Сама преступность — разумеется, это общественное явление. А вот у преступников пресловутый «пятый пункт» никуда не подевался. Мало того, они по признаку этого самого пункта в «стаи по интересам» сбивались, сбиваются и будут сбиваться, что бы там с высоких трибун популисты-политики не вещали. В связи же с происходящим последние лет пятнадцать-двадцать по всему Кавказу, в рядах банд из «горячих южных парней» все больше и больше таких, что почти любого «пэпээсника» на завтрак сожрут сырым, без соли и перца. Потому, что в отличие от доблестного правоохранителя, который и в армии-то не служил, а от нее «кося» в милиции отсидеться пришел, вполне реальный и весьма солидный боевой опыт имеют. Раньше их боязнь под суд попасть и на «кичу» загреметь сдерживала, а сейчас, когда государству, похоже, окончательная амба приснилась, с цепи сорвутся — к гадалке не ходить. Нет, в охране складов тоже парни не промах, далеко не те «Яшки с палками» что у вокзалов бабушек с семечками гоняют, но тут, помимо качества, все крепко упирается в количество. А, судя по тому, что решили нас привлечь, у потенциальных нападающих в нем перевес серьезный.

— Действует ваш «Озверин» сколько? — перевожу разговор в практическую плоскость.

— Недолго, — честно признается Олег Степанович. — От веса и метаболизма зависит, но, в среднем полчаса — сорок пять минут. Я же говорю, под нашу «контору»

разрабатывали, а у нас своя специфика, нам по два дня по горам ползать на пузе не нужно. Штурм долго не длится, сам понимаешь. Зато эти полчаса ты чувствуешь себя, если не богом, то уж как минимум младшим его заместителем по общим вопросам.

— Ясно, подумаем. Может, и впрямь, сгодится. А в остальном, как вы вообще себе операцию представляете?

— Да есть одна мысль, — почесывает в задумчивости правую бровь Гаркуша. — Я так понимаю, что та шушера, что склад «на меч» взять собирается, сейчас удобного момента ждет. Вот и хочу им этот момент организовать. А не то, не ровен час, они его сами дождутся. Так что, думаю, стоит им устроить подвижную засаду. Три «Урала»-«покемона»⁶² у нас под это дело есть. Рассадим твоих людей в кузовах, в эфире дадим сообщение на милицейской частоте, что, мол, три грузовика за патронами идут. Думаю, противник наш эфир слушает, и почти наверняка решит ситуацией воспользоваться. Сомневаюсь, что старшим у них там какой-нибудь гений стратегии и тактики. А тут судьба такой шанс дарит. Чем плох вариант, на ваших плечах сквозь ворота прорваться? Вот только вместо открытых ворот будет их ждать горячая встреча из двух десятков стволов. Короче, Грошев, поднимай всех своих, и человек восемь таманцев возьми, тех, что потолковее. Мы вам на всех пулеметы привезли, кому ручные, кому единые. Это, на мой взгляд, куда лучше, чем простые «калаши» будет. И калибр у ПК и «Печенегов» серьезнее, и боекомплект, и вообще... Только, чур, с возвратом, а то знаю я ваши ментовские фокусы, вам только волю дай — и танк замылите. Короче, по восемь человек на каждый «покемон» — нормально получается. Плюс, охрана склада вас поддержит. Это им пока команду дали «огня не открывать, на провокации не поддаваться» и вообще изображать слепо-глухо-немых даунов, чтоб не испугнуть, или, наоборот, на нападение раньше времени не спровоцировать. А как начнется, они вас из всего, что в наличии есть прикроют.

Что ж, вполне толковая мысль, на мой взгляд. Действительно, штурмовать склад удобнее всего со стороны ворот, и будь я старшим той группы, что наших кладовщиков решила за влажное вымя пощупать, то такого подарка судьбы, как маленькая колонна, которую однозначно внутрь запускать будут, не упустил бы. Эти, скорее всего, тоже не упустят. И нарвутся на огонь двадцати четырех пулеметов разом. Только ключья кровавые во все стороны полетят. Бронированный «Урал», на самом деле — то еще дерьмище, если уж честно. Делали его, как я понимаю, таким аналогом иностранных MRAPов — бронированных автомобилей для перевозки личного состава в зоне боевых действий. Но, по старой русской традиции, решили «слегка» сэкономить. Ну, оно понятно, детишкам на молочишко тоже урвать толику малую нужно... В результате получилось нечто весьма странное: внешне почти обычный грузовик, вот только с бронированной кабиной водителя, и прикрытой тентом бронекапсулой вместо обычного кунга. И все бы ничего, да только противоминной защиты днища у данного «чуда природы» нет вообще и крыша капсулы — из толстой, крашеной под цвет бортов, фанеры. Вот такое вот русское «ноу-хау» в области военного автомобилестроения. Видимо, сама мысль, что противник может начать стрелять по «бронированному» грузовику сверху, его создателям даже в голову не пришла. Взять бы тех, кто эту чудо-машину создал, посадить в нее, та куда-нибудь в ущелье Волчья Пасть под Итум-Кале отправить. Исключительно в познавательных целях, ну, глянуть, долго ли проживут?

Но, с другой стороны, сомневаюсь, что наши теперешние оппоненты будут ставить на нас фугасы, да и сверху пострелять по «Уралам» на Пожарской просто неоткуда и незачем. В наличии у них гранатометов я тоже сильно сомневаюсь. Какую-никакую противопульную же защиту стенки капсул обеспечить все-таки в состоянии. А главное — в темноте, да еще для

⁶² «Покемон» — бронеавтомобиль на базе армейского грузовика «Урал». В бронированной капсуле кузова может везти до 20 военнослужащих, обеспечивая им защиту от стрелкового оружия. Имеет ряд весьма существенных недостатков, но: «На безрыбье и рак — шука».

несведущего в вопросе человека, броне-«Урал» с натянутым на капсулу тентом практически неотличим от обычного армейского трехосного грузовика. Не каждый сможет впотьмах маленькие круглые бойницы на окнах кабины водителя разглядеть, а если и увидит, то не факт, что сразу догадается, что это и зачем оно там нужно. Есть еще прикрывающий спереди решетку радиатора лист брони, но он тоже не сильно в глаза бросается, особенно при плохом освещении. Так что, шансы на успех приличные. В той же Чечне в начале двухтысячных, когда эти грузовики только-только в войска пошли, очень многие горные абреки на их счет сильно ошиблись, приняв за обычную грузовую «хозяйку»⁶³. За что и поплатились. Армейцы «покемонов» поначалу даже «антизасадой» прозвали. Думаю, раз в горах сработало, то и тут сработать должно.

— Ладно, товарищ полковник, будем считать, подписал ты нас под эту авантюру, давай свои пулеметы.

— Блин, Грошев, — Гаркуше явно неудобно, — не дави на больную мозоль, а! Ну, нету у меня сейчас людей свободных, нету! Или ты думаешь, что я от хорошей жизни вас припахиваю, да еще и спецпрепаратами снабжаю? Да тебе, товарищ прапорщик, даже знать не положено, что такие таблетки существуют, не то, что на зуб их пробовать.

— Да понял я все, Олег Степаныч, не горячись, бога ради. Понял и не в претензии. Опять же, склады эти нам всем как воздух необходимы. Без них нас схарчат, только хрящи на зубах хрустнут. Повоевал я тут с одним мертвяком «раз на раз» на кулачках...

— И как? — интерес «альфонса» явно не дежурный, неподдельный.

— Хреново, — не стал врать я. — Очередное подтверждение старого утверждения: «Лучший прием рукопашного боя — выстрел в голову». Не дотянулся бы до пистолета — меня б уже в том дворе давно по косточкам растащили.

— Понятно, — кивает Гаркуша и, слегка склонив голову вправо, прислушивается к едва слышному мне бормотанию в миниатюрном наушнике, вставленном в ухо. — «Покемоны» на подходе, Борис. Поднимай свой личный состав. Пора...

г. Москва, Пожарская улица, 22 марта, четверг, ночь

Как сказал кто-то из полководцев Великой Отечественной, кажется, Маршал Василевский, если меня мой склероз не подводит: «При двухстах орудиях на километр фронта о противнике не запрашивают и не докладывают. Докладывают о достижении намеченных рубежей и запрашивают о дальнейших задачах». Два десятка пулеметов, конечно, далеко не триста пушек, но и километра фронта у нас не было. И противник был так себе. Не то, чтобы совсем хлипенький, но: «Видали мы лилипутов и покрупнее». Готовился я к варианту куда хуже. А тут... Никаких «оперов» среди решивших наехать на склады бандитов не оказалось, среди трех десятков трупов при «контроле» мы нашли всего три тела в серых форменных бушлатах. Двое из патрульно-постовой службы, один — из вневедомственной охраны. Конечно, могли быть среди остальных, тех, что в цивильном, и успевшие переодеться, но — вряд ли. Уж больно там рожи были характерные — типичные азербайджанцы с рынков или из каких-нибудь полукриминальных автосервисов. Я во время облав на гастарбайтеров на таких нагляделся. Вызывающе-наглые со штатскими или простыми ментами и мгновенно превращающиеся в тихих и скромных пай-мальчиков, что-то жалобное бормочущих и чуть не в штаны сеущихся от страха, при виде омовского камуфляжа и черных шапочек-масок. Помню, один такой, кажется в Красногорске, чуть не за грудки тряс участкового, который его остановить попытался. Ну, не повезло парню: в стоящей рядом наглухо тонированной «Газели», на которую он, скорее всего, и внимания-то не обратил, сидели восемь бойцов ОМОН. Тут мы дверь боковую и приоткрыли. А Антоха

⁶³ «Хозяйка» — армейский тентованный грузовик «Урал» или ЗиЛ-131, предназначенный для перевозки имущества.

Тисов, изобразив на лице самую добрую из своих улыбок, поманил «гордого джигита» пальцем и почти нежно протянул:

— А ну-ка, залезай к нам, дружочек...

Вы бы видели, как его корежило. Он ведь, крокодильими слезами заливаясь, на колени в грязь перед участковым кинулся. Чуть не ботинки ему целовал, лишь бы тот его в «Газель» не отдавал. И это при том, что не дай бог вот с таким «красавцем» какому-нибудь гражданскому в темной подворотне поздно вечером пересечься. Можно не только без кошелька и «мобилы», но и без передних зубов остаться. Про то, на что может нарваться в тех же обстоятельствах девушка или молодая женщина, пояснять, думаю, тоже не нужно. Вот такие интересные ребята, вот такая гибкая психология...

И сейчас эти «молодцы против овец» почувствовали силу и распоясались. Конкретно этим, лежащим сейчас перед нами воняющей свежей кровью и дерьмом из разодранных пулями внутренностей кучей, не хватало для полного счастья только оружия. Нет, пистолетов у них было в достатке, да еще у троих «оборотней» при себе оказались два «Кедра» и один АКСУ. Но этого банде было мало. Вот и решили они за счет МВД стволами разжиться. Но, шедшим к успеху небритым парням в кожаных куртках крепко не повезло — встретился на их пути сводный взвод под командой вашего покорного слуги. На этом все для «гостей с юга» и их, судя по удостоверениям, московских союзничков и закончилось. М-да, знал бы я заранее, что именно так все сложится, так даже драгоценные пиллюли, Гаркушей выданные, тратить не стал бы. Ведь могли бы и в какой-нибудь куда более серьезной ситуации пригодиться, а так — только зря перевели, получается. Но, кто ж мог предположить?...

Спецхимию я своим раздал еще до выезда, во время построения. Принимать велел только на подъезде к складу, по заранее оговоренному условному сигналу по рации. Объяснил «тамани», омовцы-то и без моих пояснений все знают, что во время движения им строжайше запрещено любым образом обозначать свое присутствие в кузовах. В смысле — вообще никак. Это значит — не разговаривать, не курить, не открывать бронезаслонки на бойницах и не выглядывать из-под тента. Можно только сидеть тихо и ждать моей команды. А потом — стрелять во все, что будет вести себя враждебно. Коротко, но не жалея ярких красок, описал пару случаев из своего кавказского опыта, на тему, чем может разгильдяйство и ненужная бесшабашность в такие моменты закончиться. Ага, морды враз задумчивыми стали, проняло. Ну, и хорошо. А то что-то совсем наши солдатики себя суперменами почувствовали, спесь с них нужно сбить срочно, пока кто-нибудь это за меня не сделал. Только если я словом сбивать буду, то ведь этот самый «кто-то» — может и пулей.

Речь моя даром не прошла. Пацаны по кузовам «покемонов» рассаживались задумчивые и притихшие, а улучивший момент Буров тайком от них показал мне большой палец и подмигнул. Оно понятно, не я один их слишком приподнятый и шапкозакидательский настрой заметил, не я один всю его опасность оценил. Ничего, не убудет с них, лучше пусть сейчас побоятся да понервничают, зато потом без суеты и без потерь отработают.

Так, собственно, и получилось. На подъезде к повороту с Алтуфьевского шоссе на Пожарскую я нажал танкету автомобильной радиостанции:

— Эй, на складе, не спите? Нас за патронами прислали, так что, встречайте.

— Пароль сперва назови, — забормотал в ответ сварливый голос. — А мы и посмотрим, как тебя встречать.

— Ну, ты, братец, зануда... Тут весь мир в тартарары летит, а ты со своим паролем мне мозг выносишь...

— Мое дело предупредить, — сварливости в голосе прибавилось. — Не будет пароля — из «Шмеля» приглубим.

— Успокойся ты, Аника-воин. Зенит-Два. Устраивает?

— А то, — голос в динамике слегка потеплел. — Подъезжай, не бойся...

Вообще-то, я сейчас вместо пароля мог брякнуть любую чушь, хоть «Зенит-Два», хоть

«Екарный Бабай — шестьсот шестьдесят шесть». Потому как настоящий пароль был скрыт в нашем с незнакомым мне пока охранником склада диалоге, со стороны напоминающем ленивую перебранку. Я должен был в обязательном порядке употребить слово «зануда», а он — «шмель». Так что, у какого-нибудь излишне самоуверенного дурня, перехватившего наши переговоры и решившего закосить под своего, есть реальные шансы испытать на себе действие армейского реактивного противотанкового огнемёта. Милости, как говорится, просим.

Однако, должен признать, дерзкими парнями были нападающие, особенно поначалу. Сидели б в грузовиках не мы, заранее о готовящемся нападении предупрежденные и к нему подготовленные, а обычные «рули» и охрана из солдат, кто знает, чем все закончилось... Но, история сослагательного наклонения, как известно, не терпит. И когда первый «джигит» ловко запрыгнул на подножку сбросившего скорость в узком, практически не освещенном проезде между двумя глухими заборами промзон первого «Урала и, ткнув боковое стекло напротив головы водителя стволом пистолета, прорычал что-то матерное с сильным акцентом, машина, к его удивлению, и не подумала остановиться. Больше того, вместо перепуганного лица абрек увидел за стеклом пистолет-пулемет «Бизон», ствол которого сквозь приоткрывшуюся круглую бойницу уперся ему прямо в переносицу. Как мне кажется, гордый сын Кавказских гор даже хотел что-то сказать или выкрикнуть напоследок, да не успел. В замкнутом пространстве кабины оглушительно бахнуло и кисло завоняло сгоревшим порохом, а промеж удивленно изломанных «домиком» густых черных бровей бандита образовалось еще одно не предусмотренное природой «технологическое отверстие». Тело кавказца плашмя рухнуло вниз, машина слегка качнулась, будто наехала задними колесами на крупную кочку, что-то мерзко, с всхлипом хрустнуло. А потом загрохотали-зализгали разом все наши пулеметы.

Хотите, верьте, хотите, нет, но ночной бой — это очень красиво: полыхает во тьме пламя дульных вспышек, яркими росчерками уносятся в разные стороны трассеры, летят выбитые пулями из бетонных заборов и кирпичных стен искры. А уж если работают одновременно четверть сотни стволов... Картина получается просто фантастическая: жуткая и завораживающая одновременно. Но любоваться этой красотой мне некогда, нужно стрелять, добавляя в нее и свою лепту. Правда, в отличие от подчиненных, работаю я из автомата. Просто, с пулеметом в кабине «покемона», и без того слишком тесной для меня, я вообще не развернусь. Даже с «калашом», и то тесновато, а пистолет для такого боя не слишком подходит. Надо бы себе какой-никакой ПП добыть, вон, тот же «Бизон», как у водителя моего. Чем плохо? Вся казенная часть — та же самая «ксюха», под стволом — тубус шнекового магазина на шестьдесят четыре патрона — тоже удобно: куда разворотистее в замкнутом пространстве, чем стандартный магазин-«тридцатка», да и количество патронов тоже внушает... А главное — боеприпас. Уж чего-чего, а старого доброго девятимиллиметрового патрона для ПМ в «закромах Родины» столько, что и представить себе сложно. Только на складах нашей, подмосковной милиции их не меньше десятка эшелонов. Не вагонов, попрошу заметить, а именно составов. Правда, стоят те эшелоны на каких-то тайных закоулках московских сортировочных станций, но это уже вопрос сугубый, кому положено, тот эти закоулки знает, как свои пять пальцев. А мы сейчас именно тем и занимаемся, что этих знающих в обиду не даем.

— Эй, ироды, хорош палить, — ожившая радиостанция снова забубнила знакомым сварливым баском. — Там вражины вам уже во всю из-за забора кожаной курткой машут...

— Чего? — смысл сказанного доходит до меня не сразу. — На фига?

— А я знаю? — издевательски хрюкает рация. — Наверное, белого флага с собой не захватили, вот и выкручиваются теперь, как могут.

Вот оно как, значит. Интересно, а с чего они вдруг сдаваться-то надумали? Хотя... Блин, да им же просто бежать некуда! Весь двор за забором, похоже, с крыши и верхнего этажа склада как на ладони, так что назад путь точно отрезан, до ближайших ангаров, на глаз, метров пятьдесят ровной открытой площадки, на которой и укрыться-то негде. Видно,

нет желающих судьбу пытаться... Хотя, возможно и были, да только не свезло. Характерные хлесткие щелчки снайперской винтовки я точно слышал, а у нас их нет. У бандитов — тоже. Значит, с крыши склада работали. Если там стрелок хоть что-то умеет, то с такой позиции, да на такой дистанции, да с оптикой... Словом — совсем безруким нужно быть, чтоб промазать. Через забор лезть прямо под наши пулеметы у «джигитов» тоже желания нету. Вот они и встряли там, как та хрестоматийная мышь под веником: и бежать — хана настанет, и на месте оставаться — задавят. Ну, и все, спеклись «абреки».

— Прекратить стрельбу, — даю я команду в свой «Айком». — Противник воевать раздумал.

Злобный лезгающий сталью перелай пулеметов стих. Внезапно наступившая тишина после их грохота показалась какой-то нереальной. Правда продолжалась она совсем недолго. Буквально через мгновение сразу с нескольких сторон послышались жалобные стоны раненых, а потом кто-то плаксиво завопил из-за забора:

— Не стырыляйтэ, ми сдаемся! Не стырыляйтэ!!!

— Ты, мля, сперва ствол на нашу сторону перекинь и сам перелезай, а там видно будет! — насмешливо откликаюсь я и снова бормочу в рацию. — Бдительности не терять, если кто-то из них хотя бы поглядит не так — валите сходу. Цацкаться еще с ними...

Но «гости с юга» весь свой воинственный пыл уже утратили. Да, это вам не чеченцы-шахиды. Те, хоть и отморозки полные, но бьются до последнего, а эти... Одно слово — шушера рыночная. Через бетонный забор перелетают и плюхаются в грязь несколько пистолетов, два помповых дробовика и «укорот».

— Все?!

— Да, все, мамой клянусь!

— Мне твоя мама не интересна. Если соврал — задавлю, как кота помойного. Теперь сами перелезайте.

С пыхтением и сопением горячие южные парни начинают преодоление препятствия. С первого раза выходит не у всех, двое или трое срываются вниз, один довольно долго висит на локтях и корча потешные рожи от напряжения, пытается перекинуть через гребень свою разожранную задницу. Раза с третьего-четвертого ему это, наконец, удалось, но вот сил при этом он окончательно лишился и, словно куль, рухнул с забора в грязный почти растаявший сугроб. М-да, жалкое зрелище. А ведь многие из них, почти наверняка, в молодости плотно спортом занимались. На Кавказе, в основном, именно через спорт, в криминал и приходят. Те, кому особых высот в борьбе, боксе или еще каких «ногодрыжествах и рукомашествах» достичь не удалось. Правда, и те, кому удалось, тоже грешны бывают. Вечно в сводках то один застреленный на «разборках» чемпион мира или мастер спорта мелькает, то другой. И, что характерно, фамилии у всех не Иванов ни разу. Снова смотрю на висящие на заборе тушки. Тьфу, блин! Надо ж было так себя запустить, а! Как мой старшина армейский любил говаривать: «Вы что думаете, вы на турнике как сосиски висите? Ни фига! Вы как мешки с дерьмом висите!» Вот и эти туда же... Сколько, кстати, их там? Восемь? Не густо... Только вокруг грузовиков сейчас чуть не в два раза больше лежит, а ведь кто-то еще за забором «озяб». Знатно мы, на пару со складскими, их проредили.

Вдруг сбившиеся в кучу, сдавшиеся кавказцы дружно в голос что-то заголосили по-своему.

— Эээ, камандыр, они встают! — взвыл дурниной тот, что махал курткой. — А ты нам вэлел оружие бросить...

Ага, понятно, похоже, мертвые подниматься начинают. Надо срочно их по второму кругу валить. Как ни крути, а мертвецам живых людей, пусть и полных сволочей, скормливать — это уже перебор.

— Так, ОМОН — к машинам, проводим «контроль». «Тамань» — на прикрытии.

Сменив магазин, выпрыгиваю из кабины на грязный асфальт и, обойдя машину, сразу наталкиваюсь взглядом на уже успевшего подняться на ноги мертвого бандита в превратившейся в окровавленные лохмотья короткой кожанке. На меня тот ни малейшего

внимания не обращает, ему куда интереснее застреленный водителем азербайджанец, которого вдобавок к пуле в голову, еще и обоими левыми задними колесами «покемон» переехал. А он, собака, тяжеленный, одна только бронекapsула — десять тонн, не считая остального. Грудная клетка — в блин раздавлена, кровящи вокруг... А вот восстать ему, после пули в лоб, точно не судьба... Вот такая гримаса судьбы — был ты этому, что восстал, друг и товарищ, а теперь — просто корм. Вскидываю к плечу автомат, включаю фонарь и ловлю в прицел затылок зомби. Нефиг тут! Подчиненные мои тоже времени не теряют — со всех сторон гулко бахают пистолеты. Правильно, это у меня в руках привычный «калаш», а у парней-то — пулеметы. Штука для таких дел тяжелая и неповоротливая. Проще пистолетом. Опять же, упыри пока еще свежие, тупые совсем, вон, один даже встать толком не может, в ногах путается. Ну, родной, так и не нужно оно тебе. Положено мертвому лежать — вот и лежи. Лежать, я сказал!!! Вот, другое дело... Прав был старик Корлеоне, доброе слово, подкрепленное пулей, куда доходчивее. Даже если собеседник совсем не живой и слов, ни добрых, ни злых, не понимает.

Когда оживших мертвецов на улице не остается, я даю отмашку водителю своего «Урала» и тот, поняв мои жесты, сдает кормой к забору, за которым укрывались бандиты. Там ведь тоже остались трупы, и они сейчас тоже встают. Так зачем рисковать и лезть через забор, если все можно сделать из кузова грузовика? Еще несколько выстрелов, потом «тройка» Мельникова перебирается на ту сторону, за оставшимися там бандитскими стволами. Таманцы наши уже привычно контролируют периметр и приглядывают за пленными. Все при деле.

— Так, «воины Аллаха, волки Ислама», — окидываю я взглядом притихших азербайджанцев и киваю в сторону трупов. — Сейчас дружно берем всю эту падаль, и затаскиваем ее назад за забор. Нечего им на дороге валяться, проезду мешать.

Те покорно плетутся выполнять мое распоряжение, а правильно понявший мой жест Гумаров ловко передирается через забор на ту сторону. Гулко грохают два удара железом по железу и весьма хлипко выглядящие ворота из металлического гофрированного профиля распахиваются настежь, открывая нам доступ на территорию какой-то промзоны, откуда нас, кстати, банда и атаквала. Ничего сложного. Тимур у нас лось здоровый, пулемет ПК даже без патронов девять с половиной кило весит, а замочки на засовах в таких воротах обычно слабые. Так, чисто для вида, закрыто, мол. Так что двух ударов прикладом вполне хватило.

— Борян, — шепчет мне на ухо подошедший Буров, — а дальше-то с ними что?

— А что, есть варианты? — отвечаю я вопросом на вопрос.

В ответ Андрей только отрицательно головой мотает. Вариантов на самом деле не имеется. Тюрьмы для них у нас нет. Лишних людей в сторожа — тоже. Да и продукты я лучше на спасенных беженцев потрачу, чем на этих... Так что, ответ очевиден.

— Пацанов, думаю, под это дело припрягать не нужно, Живых людей кончать — это не по мертвецам стрелять. Опять же, одно дело — в бою... А так...

— Я тебя понял и согласен, Андрей. Сами справимся, Солоху только предупреди.

— А то он сам не понял.

Второй Андрей уже на самом деле все сообразил сам и только хмуро кивает на мой короткий взгляд в его сторону и легкий кивок в сторону бандитов. Пока азербайджанцы подбирают с дороги и обочины и заносят через открытые ворота тела своих дважды умерших подельников, мы втроем тоже заходим во двор. Обычная складская территория, ничего интересного: кое как почищенный от грязного и уже почти растаявшего на совершенно не мартовском теплом солнце снега двор, пара складских ангаров, между которыми приютились старенький грязный грузовой «газон» и электрокар-погрузчик. Ничего примечательного, если не считать растущей кучи мертвых тел у забора.

Заканчивающие свою работы кавказцы посматривают на нашу троицу с явным испугом. Все-таки чуйка у них звериная: мозгами еще не верят, но инстинктами уже все поняли. А когда я красноречиво повел стволом автомата, будто предложив им выстроиться

вдоль стены, сомнений у них совсем не осталось. Кто-то глухо и тоскливо взвыл в голос, махавший нам курткой, явно старший среди них, попытался было что-то вякнуть:

— Эээ, ты чиво тваришь? Эта, в натуре, беззаконие! Суд гидэ? Пракурор-шмакуров, адвокат всякий?!

— Ты где таких слов умных набрался, «носорожек»? — равнодушным голосом интересуюсь я. — Какой суд, какой адвокат? Ты про введение чрезвычайного положения по телевизору слышал? Все, кончились игры с адвокатами и «отмазками» за большие «бабки», теперь тут правосудие прифронтовой полосы. Короче, по законам военного времени, за бандитизм и попытку убийства сотрудников правоохранительных органов, находящихся при исполнении, приговариваю вас к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение на месте.

После этих слов взвыли уже несколько голосов, а пытавшийся мне что-то доказать про суд и адвокатов главарь вытаращив глаза безмолвно, словно выброшенная на берег рыба, шевелил губами, явно пытаясь что-то сказать, но не находя в себе сил.

— Хорош рыдать! — грубо рываю я. — Жили как последнее дерьмо, так хоть умереть постарайтесь, как мужчины!

Удивительно, но — помогло. Кавказцы в этом плане, к сожалению, частенько оказываются крепче наших. Понятное дело, что кроме бравады и любви к понтам и дешевым эффектам за этим нет ничего, но способные в последнюю секунду «рвануть на груди тельняшку» среди них встречаются, увы, чаще. Другое воспитание. У них в горах все на виду, каждый поступок замечается и оценивается десятками людей. Любой упоротый «косяк» может навлечь позор не только на провинившегося, но и на весь его род. Этому меня еще в первую компанию мудрый пожилой «особист» учил. Мол, если хочешь «расколоть» чеченца — «коли» его один на один, без свидетелей. Тогда все получится, если умеешь. А вот если при этом будет присутствовать хотя бы один свидетель из местных — все, можно и не начинать. Скорее всего, сдохнет твой пленный, но ничего не скажет. Вот и получается, что горцы чтут поговорку: «На миру — и смерть красна» куда лучше многих русских, чьи предки ее выдумали. Бывают, конечно, и исключения, вроде того же «абрека» из Красногорска, ну, так тот, скорее, на публику играл, чтоб пожалели и отпустили. Эти же прекрасно понимают, что отпускать их никто не собирается.

Словом, встретили бандиты свою смерть вполне достойно, по-мужски, без воплей, мольбы и рыданий. Все нам легче. Стрелять в угрюмо смотрящего на тебя врага всегда проще, чем в заливающееся слезами и соплями, валяющееся перед тобой на коленках чмо.

— Командир, вы их что, того? — театральным шепотом спрашивает сержант Сашка, глядя на меня округлившимися от испуга глазами.

— А что было делать Саша? — угрюмо интересуюсь у него я. — «Понять и простить»? А потом чаем с плюшками напоить и отпустить на все четыре стороны, чтоб дальше шакалили, только жертву выбирали послабее?

— Не, — трясет головой тот, — я понимаю все. Но, как-то оно...

— Вот поэтому вы тут стояли, а мы там стреляли, что «как-то оно»... — сплевываю я. — Не нужно вам, ребятишки, в этой грязи мазаться. Жить вам с этим потом ой, как сложно будет.

— А вам? — вопрос явно без подвоха, просто вырвалось у парня.

— А мы уже привыкли, — снова сплевываю я.

М-да, вроде все правильно я Саньке сказал. И в правоте своих слов уверен абсолютно. Если б мы их отпустили, ничем хорошим это не закончилось бы. Эти абреки действительно просто стали бы осторожнее и начали нападать только на тех, кто точно сопротивления оказать не сможет. Да еще и всю свою злость за пережитые страх и унижение на этих бедолагах сорвали бы. Так что, постреляв их, мы кому-то большое одолжение сделали, а то и жизнь спасли. Все верно... Вот только почему так на душе паскудно?

— Ладно, по машинам! Нас сюда не только стрелять прислали, нужно еще и патронов набрать. Чувствую, пригодятся они нам скоро, очень пригодятся.

г. Москва, Ленинский проспект, 23 марта, пятница, ранее утро

Несмотря на все уговоры складских, выехали мы еще затемно, едва-едва передохнув после погрузки боеприпасов. С одной стороны, может, и зря я так тороплюсь, вполне можно было посидеть в тепле, чай погонять. С другой — не сидится мне на месте, будто свербит что-то внутри, подгоняет. Предчувствия — штука странная и не всегда надежная, но я своим на Кавказе научился доверять. Бывало, что при полном спокойствии вокруг, вдруг, ни с того, ни с сего, противно, словно воспалившийся зуб, начинало что-то ныть внутри. Умные люди к таким проявлениям «чуйки», как своей, так и кого-то из товарищей, всегда относятся с пониманием. Права старая армейская мудрость: «Лучше перебдеть...» Порой, полезнее лишний крюк по горам дать, особого вреда от этого не будет, чем в организованную излишне информированными о наших маршрутах боевиками засаду влететь. Вот и сейчас меня похожее предчувствие гложет. Что-то неладно. Не знаю, что именно, не знаю где, но дело плохо. В этом я уверен.

Колонна «покемонов», разгоняя ярким светом фар предутреннюю серую хмарь, вырывается из путанного лабиринта промзон и выскакивает на Алтуфьевское шоссе и натужено гудя двигателями берет курс на МКАД. По городу, конечно, ближе, но это если судить исключительно по километражу. А это сейчас — не самый лучший способ путь измерять. Потому что не учитывает он огромного количества зомби на улицах. Если еще вчера их на проезжей части можно было без особого труда объехать, то сейчас придется толпу таранить, подминая под колеса тела. Если честно — совершенно не хочется. Уж больно погано после такого машина выглядит и пахнет. Мыть ее в наших условиях — тоже то еще удовольствие. А вот ближе к окраинам упыри пока все больше или по дворам кучкуются, или в сторону центра бредут. Что их туда тянет — мне лично не понятно, но факт остается фактом, зомби прут в центр Москвы, будто их туда магнитом тянет. Так что и крупные трассы на окраинах, и Кольцевая от мертвяков практически свободны. Понятное дело, что как только мы доберемся до Ленинского и пойдем по нему от кольца в сторону Калужской площади, количество зомби на проезжей части снова начнет увеличиваться, но если поперем через центр — все равно будет куда хуже, чуется мое сердце. К тому же, что мы теряем? Бензин казенный, по времени тоже, вроде, никуда не опаздываем. Разве что поспать не мешало бы, но тут уж, кому как повезет. Орлы мои в кузовах вполне могут покемарить в дороге, на деревянных лавках «покемона», конечно, не так удобно, как на мягких креслах в ПАЗике или обычном «Урале», но видали мы условия и похуже... А вот мне и водителю не положено: он за рулем, я — старший машины и должен ситуацию контролировать. Вот и контролирую. Главное — челюсть при очередном зевке не вывихнуть.

Уже на Ленинском, в районе развязки проспекта с Третьим транспортным, на связь вдруг выходит окончательно решивший влиться в наш маленький коллектив капитан Перебийнос, явно одолживший «портативку» у кого-то из соседей по кузову «покемона».

— Алтай-11, у тебя станция в машине частоту московской милиции ловит?

— Сейчас нет, перенастраивать нужно. А что?

— Да просто тут кто-то в эфире плачет и молится...

— В смысле?

— В прямом, на вот, сам послушай...

Максим явно поднес две радиостанции одну к другой, динамик немилосердно зафонил, но даже сквозь этот неприятный писк было слышно, как чей-то дрожащий захлебывающийся голос твердит:

— Господи, ты ведь есть... Боженька, ты ведь добрый... Сделай так, чтобы это все было сном, чтобы я проснулся, а ничего этого не было... Чтобы все было как раньше... Господи, пожалуйста...

Треск и писк помех прекратился, видимо, Перебийнос отключил свою рацию, или просто убрал ее подальше.

— Ну, как тебе?

— Да полный аллес. Встрял, похоже, кто-то совсем не по-детски... Вот только бесполезно это все. У нас же не пеленгатор, этот бедолага где угодно в радиусе приема может быть. Говорить с ним не пробовал?

— Пробовал, он не отвечает, будто глухой. А может, у него станция не в порядке и только на передачу работает. Кто знает...

Не успел я еще переварить все услышанное и попытаться представить, кто же это и по какому поводу старается до бога докричаться по рации, как внимание мое отвлекла огромная толпа мертвецов, сгрудившихся перед фасадом красивого, в стиле девятнадцатого, а то и восемнадцатого века длинного здания. Кстати, толпу эту разглядеть довольно затруднительно — ни один фонарь в округе почему-то не светит. С чего бы? Когда мы к складу выдвигались, с уличным освещением все в порядке было. Да кто ж теперь скажет? Может — на подстанции авария, может обрыв какой-нибудь или пожар. Вон, в нескольких местах знатно полыхает — зарево издалека видно. А тушить-то некому... Плохо дело. От проезжей части проспекта зомби отделяют высокие железные «пики» и примерно двухметровой высоты кирпичный цоколь забора. Ворота какой-то очень мудрый человек догадался закрыть. И, слава богу, а то уж больно их там много. Впрочем, это совсем не удивительно, если принимать во внимание, что это за домик такой. Внезапно заработала уже радиостанция, закрепленная на торпеде «покемона» забубнившая голосом капитана Филипочкина.

— Алтай-11, Базе.

— На связи Алтай-11, - беру я с крепления на «торпеде» тангенту рации.

— Где вы сейчас находитесь?

— Да уже больницу имени Пирогова, проезжаем, скоро будем.

— И что там «пироговка»?

— Да жуть полная, — я даже плечами зябко передернул, хотя собеседник меня видеть не мог. — Натуральный рассадник. Тут если и зачищать, то только каким-нибудь огнеметным танком. Одна радость — с территории пока выбраться не могут.

— Понятно... Слушай, у нас тут что-то странное случилось, сначала со стороны заслона минюстовского, который у пересечения с Апакова стоял, пальба была, серьезная такая. Потом с ними связь пропала. А сейчас на их волне кто-то рыдает в голос и по очереди то маму, то боженьку зовет...

— Слышал уже, буквально только что.

— Даже так... Ну, тем более. Проверь, что у них там, будь человеком, вам же все равно по пути.

— Блин, барин, умеешь ты задачи ставить... Понял тебя, сделаем, один черт мимо ехать...

Легко сказать — проверь! А на том блоке, между прочим, «бардак» с крупнокалиберным КПВТ стоит. И тому КПВТ наши «покемоны» — не только не противники, но даже и не добыча, так, легкая закуска. Спросите, с чего бы вдруг они по нам стрелять станут? Хм, хороший вопрос. А я встречный задам. С чего бы это им по рации плакать и божью помощь звать? Это как-то не очень на адекватное поведение похоже. А там, где неадекват с оружием, там и разные странные поступки, типа стрельбы по своим. Я подобного в Чечне насмотрелся. Перепугается солдатик до полных штанов, и давай палить по любому движущемуся объекту. А свой, чужой, пусть, как говорится, их на том свете сортируют. И, чует мое сердце, если где и засел этот не отзывающийся на вызовы «богомалец», то именно в БРДМ. Просто, если уж у них там что-то приключилось, то в качестве укрытия он куда лучше «Транзитов» будет. Вот только не понятно, что же у них там такое стряслось?

Кстати, виденного нами вчера вечером заслона из армейских офицеров на грузовиках на прежнем месте не оказалось. То ли перебазировались куда-то, то ли вслед за подчиненными «до дому, до хаты слиняли». С одной стороны, понять их резоны не сложно

— дама жены-дети перепуганные сидят. А с другой — вокруг тоже люди. Им-то кто поможет? Блин, если все этак пойдет, то к вечеру на всю округу одни мы останемся, да «волкодавы» Гаркуши. Печально будет, чего уж греха таить.

Блин, черт бы побрал этих оживших упырей! Из-за них, проклятых, чуть ли не все прежние тактические наработки можно смело забыть. Если б не они, думаете, стал бы я к этому непонятному блок-посту на машине выезжать? Ага, щаз! Я б тихонечко послал бы «тройку» в пешем порядке, чтоб те тихонечко, дворами, подобралась, да для начала поглядели, что и как. А тут, какое, в дупу «дворами»? Да в тех дворах сейчас, учитывая отсутствие освещения, не то, что «тройку» — весь наш недовзвод схарчат за милую душу, да еще и добавки попросят. Как в том старом дурацком американском «ужастике» на похожую тематику? Блин, забыл название. Ну, тот, где зомби еще мозги лопали? «Высылайте еще полицейских»... Вот-вот, очень похоже получится. Так что — нафиг надо! На «покемоне» поеду. Вот только всех лишних из кузова по другим машинам рассажу. Нам, думаю, и одной «тройки» для оценки обстановки хватит, ну, и плюс водитель. Кого с собой брать — даже вопрос не возникает, разумеется «неразлучников» Бурова и Солоху. Я с этой парочкой за спиной готов хоть к черту в зубы. Знаю, что не бросят и прикроют. Перед тем, как наш грузовик выполз из-за стандартно-безликой серой многоэтажки, приметной только магазином «Нокия» на первом этаже, да огромной вывеской «Ленинский, дом 1», на перекресток, на котором и стояла памятная мне увитая «егозой» «клетка» минюстовского заслона, я еще раз вызвал по «короткой» связи Перебийноса.

— Максим, попробуй еще раз этого «богомольца» вызвать. Вдруг он хоть немного в себя пришел.

— Не, командир, бесполезно, — отзывается капитан через пару минут. — Все тоже самое твердит, словно заведенный, на меня вообще никак не реагирует. Думаю, он или в конкретный ступор впал, или у него станция только на передачу работает и он меня просто не слышит.

— Понял тебя... Фигово, конечно, но, делать нечего. Эй, в кузове, готовы?

Услышав по внутренней связи нечто утвердительно-матерное, удовлетворенно хмыкнул и начал раздавать Андреем и водителю крайние ЦУ⁶⁴. Почему именно «крайние»? Потому что примета такая, суеверие, оно же мракобесие. Ни один воевавший не скажет про что-то «последнее». Не дай бог, и впрямь последним окажется. Поэтому — крайнее, заключительное, завершающее, финальное... Да мало ли в русском языке синонимов? Богатый он...

Сработали четко: «покемон» выскочил из-за угла и, едва не собрав в кучу бампером несколько припаркованных вдоль тротуара легковушек, едва ли не прыжком подлетел к «клетке» и резко затормозил. Именно в этот момент мы втроем, кубарем, я из кабины, парни — из бронекапсулы, выкатились на уже окончательно очистившийся от снега и льда асфальт. Я при падении едва не подвернул ногу. М-да, батенька, стареем, толстеем, форму теряем... В воцарившемся вокруг кровавом бедламе это может «крепко выйти боком». Так что, стоит взять на заметку, сделать выводы и принять меры, блин, к устранению обнаруженных недостатков. Сбросивший нас «Урал» тут же ушел назад, под прикрытие домов. Хотя, все эти изыски оказались совершенно напрасными — Замерший чуть в стороне от «Фордов» БРДМ даже башней не повел. Даже обидно, ара, да! Мы тут, понимаешь, какой-то нездоровой акробатикой занимаемся, а на нас — ноль внимания. Хотя, это я так, от нервов шучу неудачно. На самом деле — очень хорошо, что все именно так. Могло бы закончиться и короткой очередью четырнадцати с половиной миллиметровых МДЗ⁶⁵. И тогда, как в том

⁶⁴ ЦУ — ценное указание.

⁶⁵ МДЗ — 14,5 мм патрон для КПВД мгновенного действия зажигательный. При попадании в цель — взрывается.

древнем анекдоте: «И что? И все...» Словом, уж лучше так.

Ой, блин, а вот выглядит импровизированный блок-пост как-то уж совсем плохо. Теперь, наоборот, ржаво-облезлый «бардак» на фоне всего остального смотрится вполне даже презентабельно. Потому что остальное... Еще несколько часов назад щеголеватые, зеркально-тонированные, новенькие микроавтобусы сейчас выглядят так, словно их с какой-то автосвалки притащили. Причем, не прикатали, а именно притащили, волоком. По крайней мере, на то оно очень похоже, судя по разбитым стеклам, исцарапанным и покрытым вмятинами и пулевыми отверстиями бортам. На асфальте в лужах крови истерзанные тела в лужах застывающей крови и гильзы. Много гильз. Я, конечно, не ахти какой следопыт, до какого-нибудь Натти Бампо⁶⁶ или даже индейца Билли из «Хищника» мне далеко, но даже я в состоянии понять, что тут был не бой, а паническая пальба во все стороны. Почему? Ну, для начала, потому что тел противника как-то не наблюдается. Лежащие грудой перед заслоном тела зомби явно не счет. Они как раз уже давненько там «обосновались», не исключено, что даже с вечера. Погибшие же фсиновцы⁶⁷ явно воевали с кем-то в пределах собственного периметра. И воевали откровенно плохо, потому как умудрились пулями побить собственные микроавтобусы и даже на броне «бардака» видны характерные, ярко-серебристые в свете тактического фонаря, свежие сколы краски. Нет, понятное дело, что в каждом спецподразделении считают своих самыми серьезными бойцами, а всех «смежников» — в лучшем случае ровней, а в худшем — бестолковыми и ничего не умеющими понторезами. Но это все так, выпендрей и бравада. На самом деле лично я прекрасно осознаю, что в Минюсте ребят своих готовили ничуть не хуже, чем у нас. Со своей, понятное дело, спецификой, но на совесть. И я даже затрудняюсь сказать, на что им пришлось тут нарваться, чтоб вот так бестолково воевать и страшно умереть.

В том, что все оборонявшие блок мертвы, сомневаться не приходится. Тела выглядят, словно сломанные куклы, у многих — страшные рваные раны, словно из них... ну, не знаю, судя по размерам, как минимум тигр или лев куски плоти рвал. А главное, создается впечатление, что то, что их убивало, очень хотело не дать им возможности воскреснуть. По крайней мере, именно такие мысли у меня возникли, при виде оторванных голов и скрученных шей. Судя по состоянию тел и тому, что оружие минюстовцев валяется рядом с их трупами на залитом кровью асфальте, напали на заслон мертвецы. Но тут начинаются серьезные непонятки. Нет, ясно, что некоторые упыри становятся быстрее, сильнее и проворнее обычного человека, сам нарвался и имел возможность убедиться. Но насколько же они должны быть быстрыми и сильными, чтоб без потерь перебить десятков тренированных и отлично вооруженных бойцов? Без потерь со своей стороны. А главное, как мы уже убедились, ограждение из «егозы» и колючей проволоки не повреждено. По крайней мере, мы проломов в периметре не нашли и внутрь попали через закрытую на массивную щеколду калитку. Нет, ну а чего изголяться, если в качестве врага у тебя, фактически, дикое зверье, агрессивное и тупое? Вот и парни, видно, так подумали. И не сильно-то ошиблись в оценке сообразительности мертвяков. Зато в вопросе силы и агрессивности здорово просчитались... Нет, один черт, бред какой-то! Только и остается, что с идиотским выражением лица оглядеться по сторонам, словно Арнольд Шварценеггер в уже упомянутом «Хищнике» и пафосно произнести: «Что бы это ни было, оно передвигается по деревьям!» Одна беда: с деревьями вокруг — серьезная напряженка. Фонарные столбы, да стены домов... Неужели?..

— Боря, глянь сюда! — прерывает стремительный поток моих мыслей Солоха и протягивает мне подобранный с земли шлем.

⁶⁶ Натти (Натаниэль) Бампо — охотник и следопыт, герой повестей Фенимора Купера «Зверобой», «Последний из могикан», «Следопыт или на берегах Онтарио».

⁶⁷ ФСИН — Федеральная служба исполнения наказаний Министерства юстиции РФ.

Вот это ни фигя себе! Чтобы оставить подобную отметину на четвертом «Кивере»⁶⁸, когти нужны не меньше тигриных или медвежьих. И силушка соответствующая. Под разорванным синтетическим чехлом, на гладкой поверхности шлема явственно видны четыре глубокие рваные борозды. Твою ж маман, интересно, кто подобную отметину мог оставить, а главное — насколько далеко эта тварь сейчас находится отсюда? Что-то после увиденного я не очень-то высоко оцениваю наши с Андрееми шансы, в случае чего, от подобного монстра отбиться. Вон, парни уже пытались, и теперь поломанными манекенами вокруг лежат.

Солохе, судя по выражению лица, в голову пришли если не точно такие же, то, по меньшей мере, похожие мысли.

— Слушай, Боря, давай-ка заберем этого чудика, лучше вместе с бронеходом, и валим отсюда к едрене маме!

— Легко сказать, — скептически хмыкнул прислушивающийся к нам Буров. — А вскрывать ты эту «жестянку» чем собираешься? Открывалкой? Он ведь, гад, изнутри закрылся...

— Зачем открывалкой? — хитро щурится эта хохлятская наглая морда. — Есть и проще варианты.

С этими словами Андрей вытягивает из своей «мародерки» стандартный «лючник»⁶⁹.

— Вот ты ж проныра, — удивленно развожу руками я. — Ты где ж его достал и на кой с собой таскал?

— Да какая разница? — пожимает плечами уже подступившийся к боковой дверце БРДМ Солоха. — Взял и взял... Своя ноша не тянет. Пригодился опять же...

Тут спорить сложно. Если б не ключ, мы, абсолютно точно, так посреди этого блокпоста навсегда и остались. Потому что едва люк «бардака» распахнулся, как откуда-то сверху, скорее всего, с крыши стоящего в десятке метров от затянутого «колючкой» периметра ресторана «Пикадилли», на асфальтовый пяточок мягко, по звериному, прыгнул... прыгнула... прыгнуло... Млядь, да я фиг его знает, какого рода была эта погань! Я и внешний-то облик твари более менее вспомнил только после того, как, впихнув в люк еще ничего не успевших понять Андреев и запрыгнув в него сам, захлопнул за нами показавшуюся такой родной бронедверцу.

— Млядь, Грошик, ты совсем стебанулся? — зло зашипел явно рассадивший локоть Буров.

— Ты лучше в триплексе выглянь, — срывающимся голосом огрызнулся я. — Вы мне, мля, оба теперь по гроб жизни должны, как земля колхозу.

— Вы кто? — раздаётся какой-то придавленный писк с командирского сидения.

А, ну, почему придавленный, понятно становится сразу. Попавший в бронированное нутро первым, Солоха в слабом свете лампочки внутреннего освещения успел разглядеть на коленях сидящего в «бардаке» солдата-«срочника» старенькое «весло» АК-74. И, во избежание «неизбежных на море случайностей» решил нас всех от возможной необоснованной агрессии обезопасить. Проще говоря, скорчил зверскую рожу и ткнул стволом пистолета точно в зареванную, с красными опухшими глазами, физиономию. Думаю, не самый глупый вариант. Объяснят сейчас что-то этому «воину» и втолковывать — дело долгое и муторное. Опять же, не факт, что он сходу гласу разума внемлет, в таком-то состоянии. А тут все коротко и ясно: хочешь жить — нишкни!

— Етит твою в душу бога, в душу мать! — выдыхает последовавший моей рекомендации Буров, так и не отлипший от бокового триплекса.

⁶⁸ «Кивер-4» — защитный шлем, состоящий на вооружении спецподразделений МВД и ФСБ.

⁶⁹ «Ллючник» — универсальный ключ, подходящий для замков бронетехники российского и советского производства.

Ага, как я тебя, Андрюша, сейчас понимаю. Сам когда эту образину несколько секунд назад увидел, в штаны не наложил только потому, что некогда было: тебя, да тезку твоего, хохла хитромудрого, в этот бронированный ящик трамбовал, да сам за вами следом втискивался. Так вот и вышло, что штаны остались сухими и чистыми, зато сердце сейчас колотит, будто копр, сваю в землю вбивающий. И вспотел я разом, как в парной. Еще бы, такую-то образину увидеть!

Больше всего так ловко скаканувшая на нас с крыши тварь была похожа на какую-то обезьяну, вроде бабуина, или еще какого гамадрила, только лысую. И крупную, не с гориллу, конечно, но повыше меня, пожалуй, будет, если разогнется. А во мне все таки без трех сантиметров два метра будет. Мускулистая, зараза, аж круглая от перевивавших тело, словно жгуты, мышц. А главное — башка. Вернее, даже не сама башка, а вытянутые вперед челюсти и пасть. Блин, да там зубищи, как у аллигатора какого-нибудь. Такой «чавкой» человека пополам перекусить за пару приемов можно. А пальцы рук (или все-таки лап?) заканчиваются здоровенными, явно неубирающимися когтями. Бррр, твою мать, меня аж передернуло, стоило подумать, что эта вот «зверушка» могла с нами сделать, если б я ее вовремя не заметил.

— Внимание всем! На связи Алтай-11. Из машин и нос не высовывать, двери в бронекapsулы изнутри задрать и ждать дальнейших указаний.

— Борис, что там у вас? — откликнулся оставшийся за старшего Мельников.

— Полная задница, — коротко, но емко ответил я. — Но мы в безопасности. Теперь нужно, чтобы и вы тоже были... Все ясно?!

— Понял тебя, Алтай-11.

— Ну, вот и отлично. Конец связи.

Так теперь займемся нашим найденышем.

— Ты кто, боец? — смотрю я в перепуганные глаза солдатики. — Андрюх, да убери ты свой пистолет! Автомат его пока заberi и хватит. А то он от полноты чувствей сейчас обхеается. А нам потом это сидеть и нюхать. Повторяю вопрос. Ты кто?

— Се-сережа, — лепечет он в ответ.

Твою ж душу, зашибись он ответил... Мне все сразу стало понятно. Кстати, зато выяснилось, почему мы до него докричаться так и не смогли. Солдат этот, похоже, из экипажа «бардака». И шлем танковый у него имеется. Только сам шлем он с головы давно стянул, и тот, словно капюшон, у него за спиной висит. А вот ларингофоны на шее затянуты, и сам шлем к ТПУ подключен. Так что, бойчишка просто с перепугу бормотал что-то, а радиостанция исполнительно его мольбы в эфир гнала.

— Рядовой Еремин, механик-водитель второго взвода первой мотострелковой роты, войсковая часть 3792, Внутренние войска.

Ну, слава богу, кажется начал в себя приходить наш Сережа.

— Что тут произошло, рядовой?

Тьфу, блин, опять поплыл! Видимо, мой вопрос его вспомнить заставил. Губы солдатики затряслись, лицо скривилось, сразу видно — вот-вот заплачет.

— А ну отставить! Ты мужик, или баба сопливая?! Отвечать по Уставу!!!

— Есть, по Уставу, — всхлипывает тот, но собраться уже не может и начинает бессвязно бормотать. — Мы с Витькой на «бронь» сидели, дежурили, а остальные... А тут оно сверху как скакнет... Витьку свалило и с ним на землю... А ведь могло и меня... Я — внутрь и закрылся... А они стреляли... И так кричали... Мне даже тут слышно было...

Под конец своего бессвязного монолога рядовой совсем скис и закрыл лицо руками и уткнулся им в колени. Плечи его затряслись. Все. От него мы прямо сейчас, похоже, уже ничего не добьемся. Хотя, лично мне уже и так все понятно, кроме того, что это за погань такая и что нам теперь делать.

— Так, тезка, а ну-ка подвинься, — пропыхтел вдруг Солоха, передавший мне «весло» рядового Еремина и начавший протискиваться мимо Букова к креслицу наводчика.

— Ты куда? — поинтересовался я.

— Да, пойду, тоже гляну, чего вы там такого увидели. Борь, я по «срочке» наводчиком был. Правда, на БТР-80, но сильно сомневаюсь, что тут серьезная разница...

Примерно через минуту Андрей, обустроившийся в тесноватом для него креслице, начал вертеть маховичек горизонтальной наводки.

— Ох, ни ху... чего себе!

— Увидал?

— А то, — процедил он сквозь зубы. — Больше скажу, мужики — их двое. Оба красавцы — хоть на стенку плакат вешай. Питаются, суки. Ну, сейчас я вас угощу. Ухи зажмите!

В замкнутом пространстве БРДМ короткая, на три патрона очередь грохнула серьезно, кисло завоняло сгоревшим порохом. Поплыли сизые, завивающиеся клубы дыма.

— Ага! — радостно и хищно ощерился Андрюха, получил, сучара!!! А ты куда собрался? Команды бежать не было!!!

Блин, а ловко у него все же получается эти ручки крутить. Вот уж правда, если чему в армии научили — до конца жизни не забудешь. Следующие тридцать секунд Солоха с невероятной скоростью крутил маховики наводки и посылал куда-то, отчаянно при этом матерясь, короткие очереди. Салон «бардака» окончательно затянула кисея дыма. И кто название-то это придумал — «бездымный порох»? Брехня!!! Одно радует, что стрелянные гильзы КПВТ наружу «выплевывает», а то нам тут совсем весело стало бы!

— Есть! — удовлетворенно выдохнул Солоха. — А нефиг по стенам лазить. Мы тебя, сволочь, и на стене достанем.

— Точно попал? — на всякий случай переспрашиваю я.

— Точнее некуда, как там в песне: «Куда руки, куда ноги»... «Владимиров» — это вам не шутки.

Охотно верю, но вот вылезать из столь безопасного и потому до невозможности уютного нутра бронемашин почему-то совершенно не хочется. Но — нужно. Собираю в кулак всю свою решимость и, мысленно перекрестившись, а вслух выматерившись, рву вверх ручку дверного запора.

То, что осталось от первой твари, вижу сразу. Этот бабуино-гамадрил, похоже, решил перекусить одним из тел, лежавших возле «Форда». За что и поплатился. Верхней половины туловища у него теперь нет, есть только омерзительно воняющее грязно-бурое пятно на почти пополам разорванном крупнокалиберными пулями борту микроавтобуса. Но меня вовсе не пятно интересует. Судя по всему когда-то это было человеком. По крайней мере то, что сейчас свисает с пояса твари, больше всего похоже на залитые кровью обрывки широких тренировочных штанов, которые так любят одевать на тренировки культуристы и прочие пауэрлифтеры.

— Твою мать! — зло сплевывает подошедший к трупам твари чуть ближе меня Буров.

— Ты чего?

— Сам погляди!

Андрей подталкивает носком берца в мою сторону лежащую чуть поодаль огромную мускулистую ручищу (или все таки лапу?), начисто отделенную от тела. На бледно-серой, тронутой трупными пятнами коже хорошо видна татуировка. Она здорово деформировалась и поблекла, словно участок кожи, на котором она была наколота внезапно растянулся, но все равно, узнать купол парашюта и два самолета по бокам от него — эмблему Воздушно десантных войск, не составляет труда. Значит, действительно, человек.

— Хреновой ты смертью умер, братишка, а после смерти так и совсем... — покачал головой Буров. — Вот только как же ты в такое превратился-то?

Хороший вопрос. И очень нехорошая тенденция. Чуть меньше суток назад — скачущий, будто акробат, дохлый доходяга-алкоголик, который без труда сшиб меня с ног и чуть не перегрыз глотку. Теперь — превратившийся после смерти в такого монстра явно друживший со спортом бывший десантник... Что мы увидим завтра? Упыря, размером с мамонта? Ох, не хотелось бы...

— Что, командир, какие мысли? — выжидающе смотрит на меня Солоха.

— Вызываем «покемоны», собираем тут все исправное оружие и боеприпасы, заводим «бардак» и — на базу. Да, и вот это, — я киваю в сторону мертвой туши, — тоже берем с собой. Думаю, Гаркуше посмотреть будет нелишним. А то на слово могут и не поверить.

Интермедия вторая. Евгения Воробьева

— Господи, Женька, ну какая же ты все-таки дура, а!

Молодая красивая девушка в отчаянии ткнулась лбом в серую пластиковую столешницу и заплакала. В толстую, обитую дорогой кожей дверь офиса снаружи продолжали ломиться ожившие мертвецы. Как же хорошо, что работает она в фирме, изготавливающей и устанавливающей металлические двери. Вот и решили хозяева, что будущим покупателям нужно сразу показывать товар лицом и вместо стандартной офисной двери установили это чудище. Только благодаря которому она еще и жива. Вон, напротив, за обычной, пластиковой, да еще и со стеклом в половину размера, небольшая турфирма располагалась. Так их дверка даже пары ударов не пережила. Как недолго, но страшно кричали запершиеся там девчонки, Жене даже сейчас, трое суток спустя, вспоминать было страшно. А ведь она знало обеих, частенько вместе в перерыв в кафетерий на первом этаже перекусить бегали. А теперь они, окровавленные, с оскаленными зубами и безумными, стеклянными глазами, ломятся в ее дверь.

Мамочка моя, ну зачем ты вообще вышла на работу?! Ведь говорила ей пожилая и мудрая квартирная хозяйка тетя Люся, у которой Женька снимала комнату: «Сиди дома, дурочка, вон, что по телевизору говорят. Какие-то сумасшедшие на людей нападают. Не к добру это. Сиди дома, скажи — заболела. Весной люди часто простужаются». Но тон хозяина фирмы в мобильном был непреклонен: или выходи на подмену куда-то запропавшей и не отвечающей на вызовы сменщице, или ищи себе новую работу... Ага, легко сказать — ищи работу. А кому она тут нужна, простая девочка из «города невест» Иваново? Такое ощущение, что в столице на каждом углу ее, только-только получившую диплом по «дефицитной» специальности «Аудит и бухгалтерский учет», ждут с распростертыми объятьями. Нет, нужно было в свое время послушать мамино совет. Ведь та сразу говорила, что столько юристов и экономистов никому не нужно и работы ей не будет, а потому, не стоит ли подумать о чем-то более к жизни близком. Вон, на ткацкой фабрике всегда технологов не хватает. Но Женька тогда только возмущенно фыркнула в ответ и отправилась покорять Москву. И только там осознала, что мама, как всегда, оказалась права. Пока училась, всевозможные мелкие подработки, вообще не связанные с выбранной специальностью, воспринимала как неизбежное зло. Жить ведь тоже на что-то нужно. Но стоило закончить ВУЗ, как выяснилось, что бухгалтеров в Москве, на самом деле, куда больше, чем рабочих мест для них. Везде куда она не обращалась, куда приходила или звонила, первым делом интересовались трудовым стажем. А потом, либо унылым голосом тянули: «Мы принимаем на работу с минимальным опытом в пять лет», либо отделивались расплывчатым: «Если вы нам подойдете — мы с вами свяжемся». Но Женька уже достаточно долго жила в Москве, чтобы понять — это просто вежливая форма отказа. И только в одной конторе женщина-главбух с добрыми и усталыми глазами, полистав ее диплом и паспорт, честно сказала:

— Деточка, ты «черную» бухгалтерию вести умеешь? От налоговой доходы прятать? Нет? Тогда даже и не мечтай, никто тебя на работу не возьмет. Езжай домой, там, может, куда и устроишься.

Но возвращаться в Иваново Женьке не позволяли гордость и упрямство. Вот и устроилась в контору с гордым названием «Форт-Д» на «высокую» должность офис-менеджера. По-русски говоря — продавцом консультантом, разве что не за прилавком стоящим. Обязанности простые — общайся с клиентами, мило улыбайся, показывай буклет с фотографиями производимых «Фортом» дверей, рассказывай, какая из них что из себя

представляет и сколько стоит. Язык у Женьки всегда был подвешенный, фигура стройная, личико симпатичное, а улыбка — искренняя. Словом, учитывая, что большая часть заказчиков была мужчинами — получалось неплохо. Деньги тоже платили нормальные, не сказать, чтоб огромные, но на съем комнаты в Подольске, недалеко от железнодорожного вокзала и на житье-бытье хватало. А потом, в ее законный выходной — потерявшаяся где-то сменщица и злой, словно у цепной собаки, голос генерального в телефонной трубке. Ну, да, понятное дело, время уже к обеду, а в офисе нет никого. В общем, попробовала б Женька в тот момент хотя бы заикнуться о болезни. На завтра можно было бы смело ехать за расчетом. Хотя, теперь-то уже ясно, что уж лучше б она тогда уволилась. По крайней мере, не пришлось бы сейчас сидеть здесь, тоскливо глядя на почти пустую бутылку кулера, и слушать глухие удары в дверь, прекрасна осознавая, что толстая стальная машина и не такое выдержит, но вот воды осталось от силы пара литров, а последнее печенье она съела еще вчера вечером и больше есть в офисе нечего. И что никто ее спасать не примчится. Отец с мамой — в Иваново, милиция, если верить стремительно мелеющему ручейку информации в Интернете, либо съедена мертвецами, либо разбежалась, и даже парня у нее нет.

Еще на третьем курсе, прочитав в очередном глянцево «бабьем советчике» большую статью на тему «Как ловчее отхватить себе прынца на белой кобыле», Женька какое-то время пыталась найти себе в Москве хорошую партию. Уж больно статья выглядела убедительно: большая, изобилующая умными терминами вроде «правильно расставляйте приоритеты»... Правда уже очень скоро, благо, голова у нее на плечах имелась, Женька осознала простой факт: мальчики из богатых московских семей тоже отлично умеют «расставлять приоритеты» и жениться на провинциальных золушках не спешат. Такие, как Женька им просто не интересны. Вернее, не то, чтобы совсем не интересны, все-таки и с фигурой и с личиком у нее все было в полном порядке, но дальше короткой и необременительной интрижки и койки их интересы точно не распространяются. А такой вариант не устраивал уже саму Женю. Так что, в личной жизни у нее так толком ничего и не сложилось.

А тут еще злодейка-судьба вчера в очередной раз ткнула ее лицом в одну известную субстанцию. Когда вечером к стоявшей через улицу напротив девятиэтажке лихо подрулил здоровенный темно-зеленый военный грузовик, из кузова которого повыпрыгивали несколько вооруженных автоматами солдат в камуфляже и один, возрастом явно постарше, наверное, командир. Взяв с собой двоих, он забежал в подъезд, из которого сначала раздалось несколько выстрелов, а потом пятнистая троица так же быстро выскочила назад, только в руках солдат были какие-то большие тюки, а рядом с офицером бежала женщина с ребенком — явно жена. В этот самый момент Женьке вспомнился пытавшийся с ней познакомиться примерно год назад симпатичный старший лейтенант-десантник. Хороший был мальчик, высокий, крепкий, улыбчивый. Рассказывал, что служит в каком-то особом, разведывательном полку ВДВ в Подмоскowie, пытался взять телефон. Но Женька тогда думала, что умеет «расставлять приоритеты». Дура, господи, ну какая ж дура!!! Вот они, твои приоритеты, прямо за окном. Примчался, застрелил мертвецов и спас, словно принцессу из башни дракона. А что бы смогли на его месте все эти распальцованные мажорные московские мальчики, на купленных папой БМВ? Кажется, времена снова поменялись, и теперь термин «настоящий мужчина» снова относится не к толстенькому «папику» с тугим кошельком и массивными золотыми кольцами на коротких, толстых, будто сардельки, пальцах, а к крепкому и решительному брутальному мужику, способному без лишних затей взять, да и убить все, что угрожает ему и его семье. И ты, милая, свой шанс иметь такого рядом сама же и упустила... Вот и сиди теперь вся зареванная и растрепанная в этой каморке, которая очень скоро станет таким весьма просторным склепом.

Их небольшому бизнес-центру и всем, кто в нем работал, не повезло сразу: еще двадцатого числа, ближе к концу рабочего дня, прямо перед центральным входом, зомби, которых тогда еще считали просто агрессивными сумасшедшими, напал на какую-то женщину. Два пожилых охранника-вахтера, судя по их дотошности и манере держаться —

явно бывшие военные, схватив свои, как оказалось чуть позже, совершенно бесполезные резиновые дубинки и выскочили той на помощь. Результат — четыре голодных мертвеца прямо в холле перед лестницей и лифтом. А когда еще ничего толком не понявший народ попытался в шесть вечера уйти домой, мертвецов там стало намного больше. На улицу выскочить не смог никто: одни так и остались внизу, на залитой кровью мраморной плитке холла, другие, истекающие кровью и зажимающие руками страшные рваные раны, разбежались по своим кабинетам и конторам, где через какое-то время и «дозрели», а потом пошли охотиться на тех, кто подобно Женьке, еще был жив. Сначала она еще на что-то надеялась, пыталась дозвониться в милицию или ФСБ, но на «02» крутился бесконечный автоответчик «...ваш звонок очень важен для нас, пожалуйста, оставайтесь на линии...», а по «горячей линии» госбезопасности ответил какой-то явно смертельно уставший мужчина, который хоть и записал адрес, но честно предупредил, что свободных людей практически нет и ради нее одной спасательную команду точно не пошлют. Порекомендовал попробовать выбраться самостоятельно, пожелал удачи и положил трубку. Второй раз перезванивать она не стала. Какой смысл? И так понятно, что как всегда в похожих ситуациях, судьба простых людей никого не волнует. Вспомнились посмотренные еще в юности кадры из затопленного Нового Орлеана. А ведь тогда был всего один разрушенный стихией город и целая страна, заявлявшая, что она — самая сильная на всей планете. А сейчас, судя по роликам с «Ютьюба», досталось всем: и России, и Европе, и Азии, и обеим Америкам, и даже далекой и обычно никого не интересующей Австралии. Про Африку вообще никаких новостей не было. Видимо, там их уже и снимать некому.

Похоже, что к исходу четвертых суток своего заточения, Женька осталась последним живым человеком на всех пяти этажах бизнес-центра. Снаружи живые еще точно есть: по улице время от времени проносятся куда-то машины, откуда-то слышна стрельба. Но до сидящей в маленьком офисе на четвертом этаже за большим зеркальным окном девушки никому и дела нет. Четвертый — это очень плохо. Намного хуже, чем первый или второй: как ни старайся, даже в окно не выпрыгнуть. Вернее, прыгнуть-то можно, но кончится все, в лучшем случае, сломанной ногой и упырями, которые тут же сбегутся со всех сторон. Представив себе эту картину, Женька нервно передернула плечами. Ну, уж нет. Лучше тут с голоду умереть. Впрочем, это только пока так кажется. Вот когда голод на самом деле прижмет, наверняка захочется прямо в окошко вниз головой сигануть, лишь бы все закончилось побыстрее. От этих невеселых мыслей Женька снова разревелась.

С улицы вдруг послышалось рычание мощных двигателей. Оно нарастало и становилось все громче. Что бы это ни было, оно явно едет по их улице и вот-вот будет проезжать мимо. Была, не была! Второго такого шанса может и не быть. Теперь главное — привлечь внимание. Как? Решение нашлось само — Женька лихорадочно стала выдергивать из гнезд многочисленные провода системного блока своего компьютера и, схватив его подмышку, бросилась к окну. Поворот двух ручек и высокая фрамуга распахнута настежь. Да уж, свежим этот ветер не назвал бы самый заядлый оптимист — в комнате запахло гарью, дымом и еще чем-то непонятным, но мерзостным, словно из протухшего холодильника.

Женька не ошиблась, в сторону их здания со стороны Варшавского шоссе ехали две, одна четырех, а вторая аж восьмиколесная, явно военные и, скорее всего, бронированные, машины с заостренными носами и приплюснутыми башнями, из которых торчат стволы то ли маленьких пушек, то ли больших пулеметов. Станные такие, вроде и страшные, и в то же время красивые. На крокодилов чем-то похожи, или еще на каких-нибудь хищных ящеров. Из двух верхних люков шедшей первой восьмиколесной машины высовываются примерно по пояс фигуры в сине-серо-черном милицейском камуфляже и зеленых шлемах. Наверное, ОМОН, они такую форму носят. Ну, теперь главное, кинуть так, чтоб заметили, но при этом в них не попасть, а то обидятся еще. Размахнувшись посильнее, Женька метнула в окно «системник», который, словно комета с хвостом из проводов, мелькнул над улицей и грянулся на асфальт почти под колеса первому броневика. Тот, клюнув носом, встал, словно вкопанный, так резко, что ехавший следом четырехколесный затормозить даже не

попытался, а просто объехал его по встречной полосе и затормозил уже метрах в десяти перед ним. Заметили! Женька, высунувшись в открытую фрамугу почти по пояс, начала отчаянно размахивать руками.

Один сине-пятнистый, тот, что выглядывал из переднего, расположенного перед башней, люка, что-то сказал в висящую у него на левом плече маленькую радиостанцию, а потом поднес к губам какую-то черную коробочку на витом шнуре, скорее всего — микрофон, потому что над улицей разнесся его усиленный динамиками голос.

— Сколько вас? Вы там в порядке?

В первый момент Женька даже испугалась, что если скажет, что она одна, то эти парни просто уедут, но решила, что врать им все-таки хуже.

— Я одна! С двадцатого числа тут! Есть нечего и вода почти кончилась! А выйти никак — в коридорах мертвецов полным-полно!!!

— А упырей в здании много?

Ответить снова испугавшаяся, что услышав ответ «пятнистые» махнут на нее рукой и поедут дальше по своим делам, Женька не успела — из дверей бизнес-центра и со стороны жилых многоэтажек на противоположной стороне улицы в сторону броневиков кинулись сразу несколько зомби. Добежать, правда, не успели — сидевшие внутри начали стрелять через маленькие, даже не замеченные ею сначала, круглые бойницы в бортах. Стреляли хорошо, метко.

— Так сколько? — снова поинтересовался «пятнистый» как только стрельба утихла.

— Много, — честно созналась Женька в ответ. — Все, кто работал, убежать, кажется, никто не успел. Все внутри остались.

— Хреново, — отозвался ее собеседник. — А план этажей нам набросать и вниз скинуть сможешь?

— Я даже лучше смогу! — завопила обрадованная тем, что ее, похоже, не собираются тут бросать девушка. — У нас тут план эвакуации на стене висит, а планировка на всех этажах, кроме первого одинаковая!

— Толково! — успел похвалить ее, «пятнистый» прежде чем на улице снова вспыхнула пальба.

Зомби из дверей бизнес-центра повалили на улицу настоящим потоком, видно, со всех этажей на звуки стрельбы подтянулись. «Пятнистый» снова что-то скомандовал в рацию на плече, и на плоских крышах обоих броневиков распахнулись прямоугольные люки, из которых поднялись новые фигуры в камуфляже и, вскинув свои автоматы, присоединились к тем, кто уже стрелял сквозь отверстия в бортах. Грохотало внизу так, что Женька даже отошла от окна и зажала уши руками.

— Эй, краса неземная, ты где там? — снова донесся снизу голос, когда стрельба наконец утихла. — И где обещанная картинка?

— Сейчас! — выглянувшая в фрамугу девушка обнаружила, что на улице произошли кое-какие изменения.

Теперь оба бронированных «ящера» стояли перед самым входом в бизнес-центр, образуя этикие стены на колесах между ступеньками крыльца и улицей. Сразу четверо омовцев, в их ведомственной принадлежности сомнений у Женьки больше не было — она разглядела крупные прямоугольные нашивки с надписью «ОМОН» на спинах, целились сквозь открытые двери в холл, еще, четверо — зорко оглядывали сквозь свои, наверное, оптические, она не очень хорошо разбиралась в подобных вещах, прицелы окрестности. Разговаривавший с ней «пятнистый» уже выбрался из люка и стоял, выпрямившись во весь свой немаленький рост, прямо на башне.

— Давай, кидай прямо сюда! Только осторожно, чтоб в сторону не улетела. И стекло, если есть, сразу вынь, только порезаться нам тут не хватало.

«Ой, ой, какие мы нежные!», — мысленно съехидничала девушка, но стекло из рамочки послушно вытащила и положила на стол.

— Держите!

«Пятнистый» поймал планирующую рамку с планом эвакуации на лету и, мельком глянув на нее, крикнул:

— Теперь жди. У тебя номер офиса какой?

— Он без номера. У нас большая такая железная дверь, коричневой кожей обитая, и табличка серебристая «Форт-Д». Сразу увидите.

— Угу, — коротко кивнул тот и тут же потерял к Женьке всякий интерес, уткнувшись в схему.

Затем он о чем-то несколько минут переговаривался еще с пятью омовцами, собравшимися вокруг него в тесный кружок, а те, что их «совещание» охраняли, время от времени постреливали, сбивая на асфальт и грязный газон подбредаящих по улице мертвецов. В конце концов, он коротко кивнул и сказав: «Работаем», вскинул к плечу автомат и вошел в холл. Остальные пятеро двинулись за ним следом.

Еще минут пятнадцать вообще ничего не происходило, если не считать гулких выстрелов где-то в коридорах бизнес-центра и на улице. Потом уже явно на их этаже стрельба вспыхнула с новой силой. Стреляли много и часто, но недолго, а через несколько мгновений кто-то несколько раз грохнул снаружи по двери чем-то тяжелым и уже знакомый голос гаркнул:

— Открывайте, блин! Милиция!

Женька кинулась открывать замок, изо всех сил стараясь снова не разреветься. Не успела она даже толком разглядеть здорового омовца, стоявшего прямо за порогом, как на его плече зашипела радиостанция.

— Борян, собирайте задницы в горсть и рвите оттуда. С соседнего дома на вашу крышу мутант сиганул.

Лицо здоровяка страдальчески сморщилось. Он, обернувшись, вопросительно кивнул своим рассредоточившимся по коридору спутникам и, получив ответные кивки, снова повернулся к Женьке.

— Все, барышня, хватай мешки, вокзал отходит, — отрывисто бросил он, и довольно грубо взяв ее под локоть, поволок за собой по залитому кровью коридору.

Судя по встревоженным лицам своих спасителей, новость о каком-то загадочном мутанте явно означала что-то нехорошее и Женька изо всех сил старалась не задерживать этих точно не желавших надолго задерживаться в бизнес-центре мужчин. Но, как известно, благими намерениями выстлана дорога отнюдь не в рай. На первых же ступеньках лестницы она неудачно запнулась и точно упала бы, если б не крепко держащий ее под локоть омовец. Вот только не сильно-то ей это помогло. От резкой боли в лодыжке Женька громко вскрикнула и присела.

— Ну, что такое? — раздраженно бросил «пятнистый».

— Нога, — Женькины глаза против воли наполнились слезами. — Больно.

— Твою-то мать! — с чувством выматерился омовец и начал осторожно ощупывать ее ногу. — Тут больно? А тут? А вот тут? Ясно. Выхи. Держись крепче и старайся не дергаться.

С этими словами он небрежно перекинул ее через плечо. «Словно мешок с картошкой», — мелькнуло в голове у Женьки: «Даже движение плечом было характерное, когда пристраивал пойдобнее». И только потом до нее дошло, насколько, наверное, неприлично она сейчас выглядит в своей короткой зауженной юбке и попыталась ее одернуть, за что получила увесистый шлепок по попе.

— Не елозь, блин, — буркнул «пятнистый» и, услышав громкий звук бьющегося стекла этажом выше, снова смачно выругался и гаркнул. — Вниз, бегом!!!

Но убежать им не удалось. Едва они успели спуститься на пару пролетов, как разом загрохотали сразу несколько автоматов. Женьке, повисшей на плече «пятнистого» и боявшейся даже шевельнуться, чтобы ему не помешать, практически ничего не было видно, только скачущие по ступеням зеленые гильзы.

— Отходим, мля! Отходим!!! Сука, да что ж ты недохнешь то?!! — тащивший ее

омоновец рычал так, что, наверное, мог бы медведя в тайге запугать до икоты.

Но таинственный «мутант» явно не испугался, а пытался атаковать.

— Ааааа! Борян!!!

Внезапно Женьку будто вихрем смело на пол. Уже сжавшись в комочек в углу лестничного пролета, она поняла, что «пятнистый» просто сбросил ее с плеча и прямо с места сиганул назад, прямо на спину какой-то непонятной, хищно-гибкой твари покрытой облезлыми клочьями рыжеватой шерсти, которая подмяла под себя одного из омовцев. Тварь была размером, наверное, с дога, а может и чуть крупнее, только более приземистая и мускулистая, скорее, на какого-нибудь хищника кошачьей породы похожая, на льва, или пантеру. Вот только гибкий, длинный и лысый, будто у крысы, хвост в образ совершенно не вписывался. Действительно — мутант, лучше и не скажешь. И сейчас эта пантеро-крыса, похоже, одновременно пыталась сделать сразу два дела: дотянуться, наконец, своими впечатляющего размера клыками до подмятого под себя омовца и стряхнуть со спины вцепившегося ей в загривок мертвой хваткой «пятнистого». Тот вообще сейчас был страшен и больше всего был похож на Кинг-Конга из нового фильма Питера Джексона, рвущего пасть динозавру. Хотя, нет, не рвущего, и не пасть. Резкий рывок рук, отчетливый хруст костей. Мапочка родная, да ведь он этой твари голыми руками шею свернул!

— Ты как, Андрюха? — прохрипел «пятнистый» откатываясь в сторону.

— А как думаешь, Борян? — задыхаясь ответил тот, на четвереньках выбираясь из под тела твари. — Охренительно просто, млядь! Но, кажется цел. Только штаны стирать нужно.

— Ничего! — ненатурально хохотнул первый. — Штаны тебе жена отстирает. Главное — не укусили... Но, чтобы я еще раз до этих сволочей руками дотронулся!!!

Здоровяка ощутимо передернуло. Поправив на голове сбившийся набок шлем и поудобнее перехватив автомат он присел рядом с Женькой.

— Ну, ты как?

— Зачем было так грубо? — неожиданно для самой себя выпалила она. — Я ногу опять ушибла и колготки порвала!

«Господи, что ты несешь, овечка? Какие колготки? Он собой рисковал и тебе только что жизнь спас, и тому невысокому мужику — тоже», — мелькнуло в голове Женьки. Она уже поняла, что сморозила страшную глупость, что сказать нужно что-то совсем другое, что-то... Но было поздно. В глазах у «пятнистого» появилось нечто такое... Так на психически больных, наверное, смотрят. С жалостью и легкой брезгливостью.

— Колготки, говоришь? — протянул он, вставая с корточек. — Ну-ну... Тимур, помоги... барышне до «брони» доковылять, а то я сейчас, похоже, ничего тяжелее собственного... кхм... поднять не смогу.

И уже когда он, повернувшись к ней спиной, тяжело затопал вниз, до Женьки донеслось его бормотание:

— Мля, и почему некоторые дуры — такие бабы?

Москва, Варшавское шоссе — Калужская площадь, 23 марта, пятница, день

Есть такое выражение — «мрачный, как туча». Мол, плохое настроение у человека. Так вот, если сейчас мое настроение взять, то самая черная грозовая туча, по сравнению с ним будет похожа на белоснежное райское облачко, на котором сидят, помахивая крылышками, розовощекие купидончики. Причин — вагон и маленькая тележка! Если в целом — похоже, мы начинаем «сливаться». Если в начале у меня еще были какие-то иллюзии на этот счет, то теперь их не осталось совсем. А если по конкретике пройти...

Ну, во-первых, ушли наши таманцы. Произошло это до обидного буднично и просто. Утром подошел ко мне сержант Сашка, фамилии которого я до сих пор так и не узнал и, виновато глядя в пол, изо всех сил стараясь не встретиться со мной взглядом, промямлил:

— Командир, тут такое дело... Парни решили, что дальше рогом упираться смысла нет.

Почти все войска из Москвы ушли. Остались только самые... — он явно замялся, стараясь подобрать слово помягче.

— Звезданутые, — пришел я ему на помощь.

— Упорные, — «подсластил пилюлю» он. — Но нам тут делать нечего. Это не наш город, а дома такая же байда, что и тут началась уже. У всех, парни с родней созванивались. И защищать их там, тоже, никто особо не рвется...

— Ясно, — взмахом руки я останавливаю его дальнейшую, явно заранее заготовленную «пичу». ⁷⁰ — Дальше можешь не продолжать. Про ваших родителей старых и беспомощных, да братьев-сестер сопливых я и сам что-нибудь придумаю, не маленький. И фантазия у меня богатая. Сваливаете, короче... А «русалка» твоя как же?

— Ее Люба зовут... Я ее нашел, поговорили, — мямлит Саня. — Она со мной поехать согласилась. В деревне сейчас выжить легче будет. И по пути к ее родителям заедем. Захотят — и их с собой захватим. Ну, если...

— Если живы еще, — заканчиваю его мысль я. — Понятно. Ну, и чего вы вокруг меня сгрудились?

Пока Саня сверлил взглядом коверную дорожку, к нам подтянулась и столпилась у него за спиной вся «тамань».

— Чего собрались, спрашиваю? Думаете, я сейчас скупую мужскую слезу уроню, скажу: «Понимаю вас, мужики» и отпущу с богом на все четыре стороны? Ну, держать не буду — это факт. Если уж решили драпать, то силком вас не удержишь. Но и во всепрощение играть не собираюсь. Собрались — скатертью по жопе!

Резко развернуться и уйти, как собирался, все равно не получилось. Потому что Саня все же оторвал взгляд от носков собственных ботинок и было в нем... Короче, сейчас их вот так оставить — все равно что... Ну, не знаю, потерявшегося ребенка на морозе бросить...

— Командир...

— Командиром я вам вчера был, пока мы подразделением были. А у дезертиров командиров нет!

— Борис, ну ладно тебе, а?! Я ж говорю, там семьи, родители...

— Мля, воины, а у тех, кого вы тут на прокорм мертвецам сейчас бросаете, что семей нет? Детей? Родителей старых? Да чего я вам тут объясняю?! Будто сами вчера не видели! Не выберутся они без нас. Сами — не выберутся. Кто-то, конечно, прорвется. Вот только на каждого такого прорвавшегося сотня-две тех, кому не повезло, придется. А вы их бросили. Все! Не буду я вам больше морали читать! Как решили, так и делайте, но от меня одобрения и сочувствия не ждите.

— Нам помощь нужна, — еле слышно, через силу давит из себя Саня.

— Офигела твоя голова? — я изумленно вытаращился на таманцев. — Это чем же я вам, господа дезертиры помочь могу? До дома каждого за ручку проводить?

— Провожать не нужно, — не отреагировал на подколку сержант. — А вот помочь — очень.

В общем, возникла у наших новоиспеченных дезертиров нешуточная транспортная проблема: на всех — два БТР-80. А их, как ни крути — два десятка. И, как я понял, не только Саня успел своим бравым видом симпатичную студентку охмурить. Хотя, кто кого охмурил — это вопрос отдельный. Глупые барышни в общежитиях серьезных ВУЗов — явление редкое. В смысле, учатся-то в том же Московском государственном университете разные: кто за деньги, кто по благу... Но в общагах такие обычно не живут. Те, что в общагах — те своей головой поступали и учатся. А значит, как минимум, с головой дружат, и шансы прикидывать умеют. Трех суток для того, чтобы оценить обстановку вокруг, им наверняка хватило. И «тамань» наша в теперешних реалиях, при оружии, в новенькой снаряге — очень

⁷⁰ «Пича» — от английского «speech» — «речь», на жаргоне уличных аферистов — заранее заготовленная речевка, с которой мошенник обращается к своей потенциальной жертве.

даже завидные женихи. Вот только «безлошадные». Два бронированных «стальных коня» на почти три десятка ездоков, которым, ко всему прочему, еще и в разные стороны... Задача... И задачу эту они со всей своей детской непосредственностью свалили на меня. Озадачили, понимаешь, старого и больного. Роди им дядя Боря транспорт. И, ведь, что интересно, башка тут же сама начала соображать на тему где и как можно этот самый транспорт «родить».

Правда, в душе на мгновение шевельнулось что-то похожее на протест. Мол, товарищ прапорщик, как же быстро у тебя ход мыслей-то поменялся. Из защитника порядка и законности вот так, в легкую, в мародеры «перекрасился». Но этот «писк души» был безжалостно задавлен холодным прагматизмом. Вот только самому себе врать не нужно! Можно подумать, когда ты в Ивантеевке наглого «подпола» прикладом утихомиривал, а потом вместе с Тисовым фабричный корпус жег, вы по закону действовали? Ну, конечно... А те автобусы, на которых мы беженцев вывозили, нам их что, под роспись по накладной выдали? Да ничего подобного — приехали и взяли. Потому что нужно было. Реквизировали, блин. Да еще и сидящих там в «кондейке» шоферов к делу в добровольно-принудительном порядке приставили. Нет, мужики попались нормальные, с понятием, и помогать согласились сами. Но ведь если честно вспомнить, то в случае отказа ты мог и силой заставить, вполне готов к этому был. Вот такие странные времена наступили, когда даже для того, чтобы добрые, вроде, и правильные дела делать приходится вовсю правом сильного пользоваться. Вот уж действительно — конец света. Апокалипсис... Ладно, размышлять на возвышенные темы и в самом себе копать, позже будем, а пока — действовать нужно.

Как бы там ни было, врагами или предателями я таманцев не считаю. Остальные «срочники», как я из рассказов Филипочкина и Гаркуши понял, еще вчера «на лыжи встали». И наша пацанва об этом, оказывается, знала. Но еще почти сутки продолжала честно нам спины прикрывать. Обвинять мне их не в чем и поэтому помочь я им, пожалуй, соглашусь. Вот только где ж столько хорошего транспорта раздобыть разом? Похоже, размышления мои слишком крупным шрифтом пропечатались на физиономии. Как один мой знакомец в таких ситуациях говорит: «Слишком громко думаешь».

— Борь, — толкает меня в бок стоящий рядом Мельников. — А помнишь «Стратегию» и ее окрестности?..

Блин, Вадяй, ты гений! Действительно, с год назад катались мы с ним в этот магазин иностранной экипировки и снаряжения на Варшавке. Купить, правда, ничего не купили, только слюни на красивый «обвес» к автомату попускали, уж больно там цены «кусались», но зато обратили внимание, что в этом же здании сидят сразу два автосалона. Один «Фордами» торгует, второй «Ленд Роверами». А что, нормальная идея! Пусть пацаны до дому с шиком доедут. Судя по тому, что вокруг творится — хозяева, даже если живы еще, сильно возражать не станут. У них сейчас совсем другие проблемы.

Думается мне, машины в тех автосалонах, почти наверняка, до сих пор не тронутые на площадке перед зданием стоят. А ключи, насколько я такие заведения помню — в каком-нибудь красивом ящике в офисе менеджера. Искать долго не придется. Только желающих поискать вряд ли много было. Место там людное... В смысле, было людное... Сама Варшавка — место оживленное, метро рядом, ярмарка большая, жилые дома неподалеку. А там, где раньше было много людей, теперь много оживших мертвецов. Так что, сомневаюсь, что кто-нибудь в тех местах рискнет прибарахляться. Разве что кто-нибудь вроде нас. В смысле, крупная вооруженная группа. Но, как мне кажется, у всех вооруженных групп, законных, частично законных и совсем незаконных, вроде давешних азербайджанцев, сейчас забот полно. Вряд ли кому есть дело до стоящего почти на окраине Москвы автосалона, пусть даже машины в нем стоят хорошие. Хороших машин сейчас в городе много, боюсь, куда больше, чем людей, готовых ради них рисковать. Кроме того, есть у меня и свой интерес. Раз уж будем рядом, почему бы в «Стратегию» не заглянуть? Ну, так, в чисто познавательных целях? Понятное дело, что только ради этого я б туда не поехал, а так, с okazji, почему бы и нет?

Ну, собственно, больше и рассказывать особенно не о чем. Снова объединившиеся в

одну группу омовцы разместились в «приблудном» БРДМе и одном из «восьмидесятых». Второй у нас Филипочкин «отжал» для усиления обороны эвакоцентра. После увиденного ночью, мы возражать и спорить даже не пытались. Таманцев и их барышень усадили в тот самый ПАЗик, что с нами в первый день катался. В общем, до места добрались, можно сказать, без происшествий. Правда, по сторонам смотреть было откровенно жутко: если к виду бредущих по улицам зомби мы уже начали понемногу привыкать, то их количество реально напрягало. Если бы не две многотонные бронированные «броняшки», ПАЗ увяз бы в этом море мертвого, но вполне подвижного мяса уже через пару-тройку километров. А так — ничего, только на сбитых на землю скошенными носами бронемашин телам скачет, словно по ухабам.

На Варшавке, ближе к окраинам, мертвецов на проезжей части стало совсем мало, а вот машин — много. Похоже, до народа дошло, что Шойгу в своем черно-красном пуховике не прилетит и спастись придется самостоятельно. И теперь все, кто смог добраться до машин — рвут из города. Что, в общем, правильно. Москва с ее огромным населением и дикой скученностью — это ловушка. Из которой если вовремя не выберешься — все, так тут и останешься бродить неспешной шаркающей походкой. И если первые дни народ как-то по инерции верил сказкам из телевизора, то теперь и их нет. Всего два канала вещают и те из резервных студий. И вместо ставших за трое суток привычными мантр: «Ситуация под контролем. Все наладится. Не покидайте своих квартир и ждите помощи», там теперь суровые мужики в полевом камуфляже объясняют, где находятся эвакуационные центры и на каких шоссе армейские блок-посты контролируют выезды из города и обеспечивают машины беженцев горючим. Если отбросить красоты и сказать честно, то людям открытым текстом заявили: «Мы все просрали и помочь никому толком не в состоянии. Спасайся кто как может!» И от всего происходящего становится на душе очень и очень погано. Потому что мы катастрофически не успеваем. Мы почти везде опаздываем. Если вчера при нашем приближении люди высывались в окна, махали какими-то простынями, кричали, пытаясь привлечь внимание, то сегодня мы видим только выбитые стекла, выдавленные оконные рамы, мазки и потеки крови на стенах. Похоже, мертвяки мутируют не только в атлетов-тяжеловесов, похожих на уменьшенную копию Халка из американского фильма, но и в каких-нибудь акробатов-скалолазов — чтобы ловко по стенам и балконам лазить. И тех, кого мы не успели вывезти вчера, сегодня уже или съедены, или неспешно бродят по окрестностям, оглядывая мир мутными бельмами своих жутких неживых глаз. Поглядишь вокруг — и руки опускаются. Чего ради мы упираемся рогом и рискуем жизнью, если на каждого спасенного нами приходится как минимум несколько сотен тех, до кого мы вовремя добраться не успели? Но иначе — нельзя, не факт, что смогу убедительно объяснить почему, просто знаю, и все тут.

Вообще все вокруг выглядит со стороны дурным сюрреалистическим сном: по проезжей части неторопливо, вряд ли быстрее сорока километров в час, ползет поток машин, а по тротуарам неспешно вышагивают зомби. На движущиеся автомобили они не нападают, но, не дай бог с машиной что-нибудь случится. Буквально километр как проехали мимо таких вот невезучих бедолаг. Вернее, того, что от них осталось — прижавшаяся к обочине старенькая грязно-бежевая «Нексия» с поднятым капотом. Видно — закипела. Ну, и все... Выбитые боковые стекла, покрытая паутиной трещин и залитая кровью «лобовушка»... Не повезло... А сколько их, таких невезучих, вокруг? Сколько не смогли добраться до стоящей у дома или в гараже машины, не успели завести двигатель или выехать из двора, умудрились встать в ставшей в прямом смысле мертвой пробке перед каким-нибудь дурацким «бутылочным горлом» которых у нас на дорогах полным полно? Сколько все еще сидят в квартирах и надеются на помощь, просто потому, что даже в подъезд выйти не могут — сожрут их там. Вот и остается — либо надеяться, либо — с балкона головой вниз. Потому что оружия серьезнее кухонного ножа или молотка в доме нет, и не было никогда. Все правильно — а зачем? Мы же мирные люди... Вот и доигрались в пацифистов, блин. Если бы хотя бы на сотню человек был один вооруженный. Ведь пока мертвяки «свежие», тупые и

медленные, один решительный мужик с «Сайгой» может в гордом одиночестве подъезд многоэтажки зачистить. А уж если ему кто спину прикроет... Только где ж их набрать, этих решительных и вооруженных? У нас же народ от возможности получить оружие шарахался, как черт от ладана, лепеча при этом что-то несуразное про то, что оружие в руки им давать нельзя, они ж всех вокруг и самих себя перестреляют. Вот что должно быть в голове у человека, который без тени сомнений, в здравом уме и твердой памяти подобное мелет? Какие кириешки вместо мозга? А те, кто поумнее и подобную чушь молоть стеснялись, несли не меньший бред про длинные очереди в лицензионно-разрешительных отделах и нежелание собирать справки. Елки-палки, да там возни не больше, чем при оформлении бумаг на то же самое водительское удостоверение. А очередь... Ну, что очередь... Порой к терапевту, чтоб больничный о ОРЗ получить, сидеть не меньше нужно. Так то больничный, грошовая бумажка по которой ты пять дней от работы пофилонить сможешь. А тут — разрешение на оружие! На несколько килограммов смертоносной стали и дерева или пластика, который, не исключено, когда-нибудь сможет спасти жизнь тебе и твоим близким. А все остальное время стоит себе в сейфе и хлеба не просит... Нет, оно понятно, что само по себе охотничье ружье — вовсе не решение всех проблем. Что толк от него есть только если к нему прилагается толковый и решительный владелец. Что нужно уметь им пользоваться и тэде и тэпэ... Но, для начала, неплохо бы его купить, а уже потом учиться и совершенствоваться. Так ведь и покупать не хотели! «Мирные люди», маму их с ратуши! Конечно, лучше себе и подруге по новому дорогому мобильному телефону купить! И кому теперь эти самые дорогие мобильники нужны? Кому они жизнь спасли всеми своими диктофонами, камерами фиг знает на сколько мегапикселей и тремя десятками игр в памяти? Тьфу, мля, зла никакого не хватает! М-да, кому сейчас, наверное, хорошо, так это американцам. У тех с оружием проблем нет. Хотя, кажется, не у всех и не везде. Но уж в том же «штате одинокой звезды»⁷¹ всяко лучше, чем у нас тут.

Удивительно, но в глухой затор скопление машин на Варшавке умудрилось не превратиться. В обычных условиях — наверняка бы давно уже встали. Кто-то кому-то крыло поцарапал, кто-то тормознул неудачно и ему в корму въехали... Действительно, причиной пробок редко становятся серьезные аварии, чаще — треснувшие бамперы и расколотые фары. Тюкнут друг друга, а потом стоят несколько часов и ждут, когда через ими же созданную пробку до них инспектор ГИБДД доберется. Сейчас же обстановка вокруг такая, что на подобные мелочи никто и внимания не обращает. Едет машина — и слава богу. Потому что пока она едет, все, кто сидят внутри — живы. А вот стоит встать... Думаю, не я один на давешнюю «Нексию» внимание обратил.

Словом, до места добрались. И даже из потока вывернули без проблем. Впрочем, какие проблемы в такой ситуации могут быть у многотонного БТР-80? Как гласит народная африканская мудрость: «Зрение у носорога действительно плохое, но при его габаритах — это вовсе не его проблемы». Так что, выпустили нас из потока и даже почти не сигналили, хотя, наверняка, молча подумали много разного и доброго.

В «Стратегии» меня, уже раскатавшего губу на разные тамошние «ништяки» ждал серьезный облом. Двери магазина были распахнуты настежь, но вот на полках было, что называется, шаром покати. Судя по тому, насколько аккуратно все было вывезено, думаю, сами хозяева магазина подсустились, пока такая возможность еще была. Что ж, молодцы ребята, всегда предполагал, что люди, организовывающие подобный бизнес строго определенный склад характера имеют, ну, отличающийся от характера тех, кто торгует, скажем, цветами или стиральными машинами. Похоже, моя теория получила только что первое наглядное подтверждение.

Зато в автосалоне все было именно так, как я и предполагал. Много новеньких машин, два с половиной — три десятка упырей и следы неудачной попытки пожить —

⁷¹ Штат одинокой звезды — Техас.

тонирующая едва ли не рубероидом, задранная, словно торпедный катер на редане, «девятью девятая» — типичный «пацан-мобиль» нынешней молодой гопоты, и три сильно обглоданных костяка возле нее. Над лужами давно запекшейся и почерневшей крови — густое облако мух. Ну и запах соответствующий, не без этого. Когда «наша «броня» аккуратно спихивала перекрывший проезд к дверям автосалона «жигуль» в сторону, я разглядел на асфальте рядом с телами монтировку и две бейсбольные биты... А в заскорузлом от крови тряпье без особого труда угадываются спортивные костюмы. «Адидаас», блин, три полоски... Хотя, может и «Абибас», видно плохо. В любом случае, не ошибся — *gornikus vulgaris*, в смысле — гопники обыкновенные. М-да, блин, оптимисты ребята были... Насмотрелись кино, за что и поплатились. В жизни оно как-то не так легко, как в каком-нибудь очередном голливудском блокбастере. Влезли сдуру, а вылезти — не вышло. Так и остались на въезде, таким пугалом для других начинающих мародеров. Три обглоданных тела, да толпа зомби вокруг — лучший «тонкий намек» на то, «туда не хады, суда хады». А серьезные парни, вроде нас, тут, похоже, побывать не успели.

Потом была зачистка территории, ставшая за последние дни делом, если и не рутинным, то уж как минимум — привычным. Разве что автоматы не использовали, работали только пистолетами и выпыганенными у кладовщиков на Пожарской пистолет-пулеметами. У автоматной пули пробивная сила больше — машины погребим. Мертвяки здесь, к счастью, не шибко шустрые, кроме трех «канкретных пацанов», им тут больше ничего и не досталось. На такую-то толпу. Вон, сожрали начисто и очень быстро, те даже обратиться не успели.

Закончив с мертвяками, выставили периметр. Вот только ролями поменялись — ОМОН, снова взявшись за автоматы, сторожил окрестности, а слегка ошалевшие от выбора солдаты пошли выбирать себе «средства передвижения», которые вопреки ушедшей в народ цитате смотрелись очень даже роскошью.

— Хочешь добрый совет бесплатно, салага? — поинтересовался я у замершего в муках выбора Сани.

— От тебя — даже за деньги, — несмело улыбнулся тот.

— Тогда, забей на все эти «Рейнджи» и прочие «Дискавери», особенно на те, где воон такая, — показал пальцем, — нашлепочка «Спорт» имеется. Нет, не скажу, что плохие машины, они, пока новые и по московским-подмосковным дорогам — все хорошие. Но тебе, как я понял, куда-то «В деревню, в глушь, в Саратов»?

— Угадал, — уже смелее заулыбался сержант. — Действительно туда. Саратовская область, Пугачевский район...

— Понял, знаю ваши края. Тогда — тем более...

— Что, правда, знаешь? — перебил меня Сашка.

— Нет, просто соврать тебе захотелось, — фыркнул я. — Правда. Бывал я у вас, правда, не в Пугачеве, а в Балакове и в Духовницке. Ты совет слушать будешь, или о родных местах твоих побеседуем?

Тот, словно китайский болванчик, закивал, всем видом выражая полную готовность внимать.

— Короче, Саня, я б на твоём месте взял вон тот «Дефендер». Очень хорошая машина, изначально для английской армии разрабатывалась, да и у путешественников разных по всему миру уважением пользуется. Если уж она в Африке и Латинской Америке по тамошним пустыням да сельвам катается... Нет, понятно, что при большом желании и «Дефендер» можно в вашем Большом Иргизе утопить, было бы желание и отсутствие мозгов... Но в остальном...

— Понял, командир. Спасибо!

— Кушай на здоровье... Давай, занимай машину, пока еще какой-нибудь знаток среди корешей твоих не нашелся. А то придется тебе на спортивном «Рейндже» в тамбовских черноземах барахтаться.

Единственной проблемой оказалось практически полное отсутствие в автосалонах

топлива. Пара-тройка литров в баке демонстрационного образца, типа, «послушайте, как работает двигатель» — не в счет. Все-таки баки у «Роверов» впечатляющие, литров по семьдесят — семьдесят пять, в зависимости от модели. Понятное дело, что «под пробку» заправлять этот конвой мы не сможем, даже если насухо сольем все горючее из обоих бронетранспортеров. На наше счастье, буквально в паре-тройке сотен метров по шоссе в сторону Кольцевой есть автозаправка. Закрытая, правда, но, снявши голову — по волосам не плачут. Снова выставив большую часть «срочников» в оцепление, я отправил на АЗС наиболее разбирающихся в вопросе Солоху и Мельникова, усиленных пятью таманцами. Ехать им пришлось на ПАЗе — без «брони» нас тут, подозреваю, сомнут очень быстро, да и бочки с соляжкой в салоне автобуса везти удобнее, чем в тесном нутре «бардака». А главное — в автобус эти бочки затащить проще. Выезжать на шоссе севший за руль Угрюмцев не рискнул — туда еще доедут, а вот назад вернуться — точно не получится: поток машин из города настолько велик, что занял не только свои полосы, но и всю «встречку». Поехали по тротуарам, мимо рынка и торговых центров. За что и поплатились. Уж не знаю, что там приключилось, хмурый Угрюмцев, не без оснований считающий себя весьма хорошим водителем, мне так и не признался, но назад наш ПАЗ вернулся, дымя, словно паровоз и уже на стоянке перед автосалоном окончательно заглох. Хорошо хоть, что доехал, а то, вроде и не далеко тут, а все равно «броней» эти бочки возить — проще вручную катить.

На прощание, уже когда все выбранные машины были заправлены, а скудные пожитки таманцев и их спутниц — уложены в багажники, я собрал парней вокруг себя.

— Значит так, воины, теперь — пара добрых слов на дорожку. Первое — старайтесь до последней возможности держаться вместе, ну, по крайней мере, пока вам по пути. Сами понимать должны — один в поле не воин. Второе — по возможности избегайте городов и крупных трасс. Уж лучше второстепенными и проселками. Сами видели, сколько сейчас всякого дерьма всплыло. И вы для разных двуногих шакалов сейчас очень даже лакомая добыча. Стрелять вы худо-бедно умеете, но против организованной группы, да еще если рулить придется — не сдюжите. И — последнее. Не вздумайте сами бандитствовать. Знаю, у многих из вас сейчас в башке черти что: весь при автомате и патронах, да на крутой машине... Короче, я самый сильный, самый умный и самый красивый... Под это дело может захотеться странного. Сразу говорю — не советую. Найдутся люди и посильнее, и поумнее. Вон, «азеры» на Пожарской тоже, наверное, дофига о себе думали, а сейчас их кости кто-то уже глодает вовсю. Бесхозного добра вокруг — полно. И даже если взять его сложнее, чем у кого-то отнять — лучше поднапрячься. Потому что с бандитами теперь разговор очень короткий. Больше скажу, не дай бог встречу кого из вас по другую сторону от мушки — пристрелю как пса помойного, не взирая на былые заслуги. Все поняли?

Малость стушевавшиеся от моего злого голоса «срочники» согласно замотали головами.

— Ну, а раз поняли, так чего вы на меня еще смотрите?! Или мои парни вас тут до завтра охранять должны?!!

И только когда порскнувшие от меня в разные стороны, словно воробьи, пацаны захлопали дверями своих машин, я тихонько пробормотал себе под нос:

— Храни вас бог, гаврики.

А потом быстро добежал до зарывшегося в мотор автобуса Угрюмцева.

— Ну, что, Вить, пациент скорее жив, чем мертв, или наоборот?

— Нет, Борь, скорее — при смерти: похоже, помпа накрылась. Или «голова» у движка трещину дала. Антифриз назад в бачок идет, а не в радиатор. Кипит, зараза.

— Эх, Витя, как же это ты умудрился? Короче, раз уж так вышло, бросаем его к едрене маме. Думаю, другой автобус сейчас достать легче, чем этот починить. Главное — детвору нашу и бочки с солягой он сюда довез. Считаю — задачу выполнил. А у нас еще дел полно, да и «массовка» вокруг какая-то уж совсем многочисленная стала. Сваливать отсюда пора, — и тут же придавил пальцем тангенту рации. — Общий сбор! Все под броню, наверху никому не сидеть, из люков смотрят только старшие машин, фланговые наблюдатели — в

триплексы смотрят в оба. О любых происшествиях тут же сообщать мне. Все, выдвигаемся!

Интермедия третья. Евгения Воробьева

— Господи, Женька, ну какая же ты все-таки дура, а!

Молодая красивая девушка в отчаянии ткнулась лбом в серую пластиковую столешницу и заплакала. В толстую, обитую дорогой кожей дверь офиса снаружи продолжали ломиться ожившие мертвецы. Как же хорошо, что работает она в фирме, изготавливающей и устанавливающей металлические двери. Вот и решили хозяева, что будущим покупателям нужно сразу показывать товар лицом и вместо стандартной офисной двери установили это чудовище. Только благодаря которому она еще и жива. Вон, напротив, за обычной, пластиковой, да еще и со стеклом в половину размера, небольшая турфирма располагалась. Так их дверка даже пары ударов не пережила. Как недолго, но страшно кричали запершиеся там девчонки, Жене даже сейчас, трое суток спустя, вспоминать было страшно. А ведь она знала обеих, частенько вместе в перерыв в кафетерий на первом этаже перекусить бегали. А теперь они, окровавленные, с оскаленными зубами и безумными, стеклянными глазами, ломятся в ее дверь.

Мамочка моя, ну зачем ты вообще вышла на работу?! Ведь говорила ей пожилая и мудрая квартирная хозяйка тетя Люся, у которой Женька снимала комнату: «Сиди дома, дурочка, вон, что по телевизору говорят. Какие-то сумасшедшие на людей нападают. Не к добру это. Сиди дома, скажи — заболела. Весной люди часто простужаются». Но тон хозяина фирмы в мобильном был непреклонен: или выходи на подмену куда-то запропавшей и не отвечающей на вызовы сменщице, или ищи себе новую работу... Ага, легко сказать — ищи работу. А кому она тут нужна, простая девочка из «города невест» Иваново? Такое ощущение, что в столице на каждом углу ее, только-только получившую диплом по «дефицитной» специальности «Аудит и бухгалтерский учет», ждут с распростертыми объятьями. Нет, нужно было в свое время послушать маминого совета. Ведь та сразу говорила, что столько юристов и экономистов никому не нужно и работы ей не будет, а потому, не стоит ли подумать о чем-то более к жизни близком. Вон, на ткацкой фабрике всегда технологов не хватает. Но Женька тогда только возмущенно фыркнула в ответ и отправилась покорять Москву. И только там осознала, что мама, как всегда, оказалась права. Пока училась, всевозможные мелкие подработки, вообще не связанные с выбранной специальностью, воспринимала как неизбежное зло. Жить ведь тоже на что-то нужно. Но стоило закончить ВУЗ, как выяснилось, что бухгалтеров в Москве, на самом деле, куда больше, чем рабочих мест для них. Везде куда она не обращалась, куда приходила или звонила, первым делом интересовались трудовым стажем. А потом, либо унылым голосом тянули: «Мы принимаем на работу с минимальным опытом в пять лет», либо отделивались расплывчатым: «Если вы нам подойдете — мы с вами свяжемся». Но Женька уже достаточно долго жила в Москве, чтобы понять — это просто вежливая форма отказа. И только в одной конторе женщина-главбух с добрыми и усталыми глазами, полистав ее диплом и паспорт, честно сказала:

— Деточка, ты «черную» бухгалтерию вести умеешь? От налоговой доходы прятать? Нет? Тогда даже и не мечтай, никто тебя на работу не возьмет. Езжай домой, там, может, куда и устроишься.

Но возвращаться в Иваново Женьке не позволяли гордость и упрямство. Вот и устроилась в контору с гордым названием «Форт-Д» на «высокую» должность менеджера по продажам. По-русски говоря — продавцом-консультантом, разве что не за прилавком стоящим. Обязанности простые — общайся с клиентами, мило улыбайся, показывай буклет с фотографиями производимых «Фортом» дверей, рассказывай, какая из них что из себя представляет и сколько стоит. Язык у Женьки всегда был подвешенный, фигура стройная, личико симпатичное, а улыбка — искренняя. Словом, учитывая, что большая часть заказчиков была мужчинами — получалось неплохо. Деньги тоже платили нормальные, не

сказать, чтоб огромные, но на съём комнаты в Подольске, недалеко от железнодорожного вокзала и на житье-бытье хватало. А потом, в ее законный выходной — потерявшаяся где-то сменщица и злой, словно у цепной собаки, голос генерального в телефонной трубке. Ну, да, понятное дело, время уже к обеду, а в офисе нет никого. В общем, стоило только Женьке в тот момент хотя бы заикнуться о болезни... На завтра можно было бы смело ехать за расчетом. Хотя, теперь-то уже ясно, что уж лучше б она тогда уволилась. По крайней мере, не пришлось бы сейчас сидеть здесь, тоскливо глядя на почти пустую бутылку кулера, и слушать глухие удары в дверь, прекрасно осознавая, что толстая стальная махина и не такое выдержит, но вот воды осталось от силы пара литров, а последнее печенье она съела еще вчера вечером и больше ничего съедобного в офисе нет. И что никто ее спасать не примчится. Отец с мамой — в Иваново, милиция, если верить стремительно мелеющему ручейку информации в Интернете, либо съедена мертвецами, либо разбежалась, и даже парня у нее нет.

Еще на третьем курсе, прочитав в очередном глянце «бабьем советчике» большую статью на тему «Как ловчее отхватить себе принца на белой кобыле», Женька какое-то время пыталась найти себе в Москве хорошую партию. Уж больно статья выглядела убедительно: большая, изобилующая умными терминами вроде «правильно расставляйте приоритеты»... Правда уже очень скоро, благо, голова у нее на плечах имелась, Женька осознала простой факт: мальчики из богатых московских семей тоже отлично умеют «расставлять приоритеты» и жениться на провинциальных золушках не спешат. Такие, как Женька им просто не интересны. Вернее, не то, чтобы совсем не интересны, все-таки и с фигурой и с личиком у нее все было в полном порядке, но дальше короткой и необременительной интрижки и койки их интересы точно не распространяются. А такой вариант не устраивал уже саму Женю. Так что, в личной жизни у нее так толком ничего и не сложилось.

А тут еще злодейка-судьба вчера в очередной раз ткнула ее лицом в одну известную субстанцию. Когда вечером к стоявшей через улицу напротив девятиэтажке лихо подрулил здоровенный темно-зеленый военный грузовик, из кузова которого повыпрыгивали несколько вооруженных автоматами солдат в камуфляже и один, возрастом явно постарше, наверное, командир. Взяв с собой двоих, он забежал в подъезд, из которого сначала раздалось несколько выстрелов, а потом пятнистая троица так же быстро выскочила назад, только в руках солдат были какие-то большие тюки, а рядом с офицером бежала женщина с ребенком — явно жена. В этот самый момент Женьке вспомнился пытавшийся с ней познакомиться примерно год назад симпатичный старший лейтенант-десантник. Хороший был мальчик, высокий, крепкий, улыбчивый. Рассказывал, что служит в каком-то особом, разведывательном полку ВДВ в Подмоскowie, пытался взять телефон. Но Женя тогда думала, что умеет «расставлять приоритеты». Дура, господи, ну какая ж дура!!! Вот они, твои приоритеты, прямо за окном. Примчался, застрелил мертвецов и спас, словно принцессу из башни дракона. А что бы смогли на его месте все эти распальцованные мажорные московские мальчики, на купленных на папины деньги БМВ? Кажется, времена снова поменялись, и теперь термин «настоящий мужчина» опять, как и много столетий назад, относится не к толстенькому «папику» с тугим кошельком и массивными золотыми кольцами на коротких, толстых, будто сардельки, пальцах, а к крепкому и решительному брутальному мужику, способному без лишних затей взять, да и убить все, что угрожает ему и его семье. И ты, милая, свой шанс иметь такого рядом сама же и упустила... Вот и сиди теперь вся зареванная и растрепанная в этой каморке, которая очень скоро станет таким весьма просторным склепом.

Их небольшому бизнес-центру и всем, кто в нем работал, не повезло сразу: еще двадцатого числа, ближе к концу рабочего дня, прямо перед центральным входом, зомби, которых тогда еще считали просто агрессивными сумасшедшими, напал на какую-то женщину. Два пожилых охранника-вахтера, судя по их дотошности и манере держаться — явно бывшие военные, схватив свои, как оказалось чуть позже, совершенно бесполезные

резиновые дубинки и выскочили той на помощь. Результат — четыре голодных мертвеца прямо в холле перед лестницей и лифтом. А когда еще ничего толком не понявший народ попытался в шесть вечера уйти домой, мертвецов там стало намного больше. На улицу выскочить не смог никто: одни так и остались внизу, на залитой кровью мраморной плитке холла, другие, истекающие кровью и зажимающие руками страшные рваные раны, разбежались по своим кабинетам и конторам, где через какое-то время и «дозрели», а потом пошли охотиться на тех, кто подобно Женьке, еще был жив. Сначала она еще на что-то надеялась, пыталась дозвониться в милицию или ФСБ, но на «02» крутился бесконечный автоответчик «...ваш звонок очень важен для нас, пожалуйста, оставайтесь на линии...», а по «горячей линии» госбезопасности ответил какой-то явно смертельно уставший мужчина, который хоть и записал адрес, но честно предупредил, что свободных людей практически нет и ради нее одной спасательную команду точно не пошлют. Порекомендовал попробовать выбраться самостоятельно, пожелал удачи и положил трубку. Второй раз перезванивать она не стала. Какой смысл? И так понятно, что как всегда в подобных ситуациях, судьба простых людей никого не волнует. Вспомнились посмотренные еще в юности кадры из затопленного Нового Орлеана. А ведь тогда был всего один разрушенный стихией город и целая страна, заявлявшая, что она — самая сильная на всей планете. А сейчас, судя по роликам с «Ютьюба», досталось всем: и России, и Европе, и Азии, и обеим Америкам, и даже далекой и обычно никого не интересующей Австралии. Про Африку вообще никаких новостей не было. Видимо, там их уже и снимать некому.

Похоже, что к исходу четвертых суток своего заточения, Женька осталась последним живым человеком на всех пяти этажах бизнес-центра. Снаружи живые еще точно есть: по улице время от времени проносятся куда-то машины, откуда-то слышна стрельба. Но до сидящей в маленьком офисе на четвертом этаже за большим зеркальным окном девушки никому и дела нет. Четвертый — это очень плохо. Намного хуже, чем первый или второй: как ни старайся, даже в окно не выпрыгнуть. Вернее, прыгнуть-то можно, но кончится все, в лучшем случае, сломанной ногой и упырями, которые тут же сбегутся со всех сторон. Представив себе эту картину, Женька нервно передернула плечами. Ну, уж нет. Лучше тут с голоду умереть. Впрочем, это только пока так кажется. Вот когда голод на самом деле прижмет, наверняка захочется прямо в окошко вниз головой сигануть, лишь бы все закончилось побыстрее. От этих невеселых мыслей Женька снова разревелась.

С улицы вдруг послышалось рычание мощных двигателей. Оно нарастало и становилось все громче. Что бы это ни было, оно явно едет по их улице и вот-вот будет проезжать мимо. Была, не была! Второго такого шанса может и не быть. Теперь главное — привлечь внимание. Как? Решение нашлось само — Женька лихорадочно стала выдергивать из гнезд многочисленные провода системного блока своего компьютера и, схватив его подмышку, бросилась к окну. Поворот двух ручек и высокая фрамуга распахнута настежь. Да уж, свежим этот ветер не назвал бы самый заядлый оптимист — в комнате запахло гарью, дымом и еще чем-то непонятным, но мерзостным, словно из протухшего холодильника.

Женька не ошиблась, в сторону их здания со стороны Варшавского шоссе ехали две, одна четырех, а вторая аж восьмиколесная, явно военные и, скорее всего, бронированные, машины с заостренными носами и приплюснутыми башнями, из которых торчат стволы то ли маленьких пушек, то ли больших пулеметов. Странные такие, вроде и страшные, и в то же время красивые. На крокодилов чем-то похожи, или еще на каких-нибудь хищных ящеров. Из двух верхних люков шедшей первой восьмиколесной машины высовываются примерно по пояс фигуры в сине-серо-черном милицейском камуфляже и зеленых шлемах. Наверное, ОМОН, они такую форму носят. Ну, теперь главное, кинуть так, чтоб заметили, но при этом в них не попасть, а то обидятся еще. Размахнувшись посильнее, Женька метнула в окно «системник», который, словно комета с хвостом из проводов, мелькнул над улицей и грянулся на асфальт почти под колеса первому броневнику. Тот, клюнув носом, встал, словно вкопанный, так резко, что ехавший следом четырехколесный затормозить даже не попытался, а просто объехал его по встречной полосе и затормозил уже метрах в десяти

перед ним. Заметили! Женька, высунувшись в открытую фрамугу почти по пояс, начала отчаянно размахивать руками.

Один сине-пятнистый, тот, что выглядывал из переднего, расположенного перед башней, люка, что-то сказал в висящую у него на левом плече маленькую радиостанцию, а потом поднес к губам какую-то черную коробочку на витом шнуре, скорее всего — микрофон, потому что над улицей разнесся его усиленный динамиками голос.

— Сколько вас? Вы там в порядке?

В первый момент Женька даже испугалась, что если скажет, что она одна, то эти парни просто уедут, но решила, что врать им все-таки хуже.

— Я одна! С двадцатого числа тут! Есть нечего и вода почти кончилась! А выйти никак — в коридорах мертвецов полным-полно!!!

— А упырей в здании много?

Ответить снова испугавшаяся, что услышав ответ «пятнистые» махнут на нее рукой и поедут дальше по своим делам, Женька не успела — из дверей бизнес-центра и со стороны жилых многоэтажек на противоположной стороне улицы в сторону броневигов кинулись сразу несколько зомби. Добежать, правда, не успели — сидевшие внутри начали стрелять через маленькие, даже не замеченные ею сначала, круглые бойницы в бортах. Стреляли хорошо, метко.

— Так сколько? — снова поинтересовался «пятнистый» как только стрельба утихла.

— Много, — честно созналась Женька в ответ. — Все, кто работал, убежать, кажется, никто не успел. Все внутри остались.

— Хреново, — отозвался ее собеседник. — А хотя бы примерную схему этажей нам на бумажке какой-нибудь набросать и вниз скинуть сможешь?

— Я даже лучше смогу! — завопила обрадованная тем, что ее, похоже, не собираются тут бросать девушка. — У нас тут план эвакуации на стене висит, а планировка на всех этажах, кроме первого одинаковая!

— Толково! — успел похвалить ее, «пятнистый» прежде чем на улице снова вспыхнула пальба.

Зомби из дверей бизнес-центра повалили на улицу настоящим потоком, видно, со всех этажей на звуки стрельбы подтянулись. «Пятнистый» снова что-то скомандовал в рацию на плече, и на плоских крышах обоих броневигов распахнулись прямоугольные люки, из которых поднялись новые фигуры в камуфляже и, вскинув свои автоматы, присоединились к тем, кто уже стрелял сквозь отверстия в бортах. Грохотало внизу так, что Женька даже отошла от окна и зажала уши руками.

— Эй, краса неземная, ты где там? — снова донесся снизу голос, когда стрельба, наконец, утихла. — И где обещанная картинка?

— Сейчас! — выглянувшая во фрамугу девушка обнаружила, что на улице произошли кое-какие изменения.

Теперь оба бронированных «ящера» стояли перед самым входом в бизнес-центр, образуя этикие стены на колесах между ступеньками крыльца и улицей. Сразу четверо омоновцев, в их ведомственной принадлежности сомнений у Женьки больше не было — она разглядела крупные прямоугольные нашивки с надписью «ОМОН» на спинах, целились сквозь открытые двери в холл, еще, четверо — зорко оглядывали сквозь свои, наверное, оптические, она не очень хорошо разбиралась в подобных вещах, прицелы окрестности. Разговаривавший с ней «пятнистый» уже выбрался из люка и стоял, выпрямившись во весь свой немаленький рост, прямо на башне.

— Давай, кидай прямо сюда! Только осторожно, чтоб в сторону не улетела. И стекло, если есть, сразу вынь, только порезаться нам тут не хватало.

«Ой, ой, какие мы нежные!», — мысленно съехидничала девушка, но стекло из рамочки послушно вытащила и положила на стол.

— Держите!

«Пятнистый» поймал планирующую рамку с планом эвакуации на лету и, мельком

глянув на нее, крикнул:

— Теперь жди. У тебя номер офиса какой?

— Он без номера. У нас большая такая железная дверь, коричневой кожей обитая, и табличка серебристая «Форт-Д». Сразу увидите.

— Угу, — коротко кивнул тот и тут же потерял к Женьке всякий интерес, уткнувшись в схему.

Затем он о чем-то несколько минут переговаривался еще с пятью омовцами, собравшимися вокруг него в тесный кружок, а те, что их «совещание» охраняли, время от времени постреливали, сбивая на асфальт и грязный газон подбредаящих по улице мертвецов. В конце концов, он коротко кивнул и сказав: «Работаем», вскинул к плечу автомат и вошел в холл. Остальные пятеро двинулись за ним следом.

Еще минут пятнадцать вообще ничего не происходило, если не считать гулких выстрелов где-то в коридорах бизнес-центра и на улице. Потом уже явно на их этаже стрельба вспыхнула с новой силой. Стреляли много и часто, но недолго, а через несколько мгновений кто-то несколько раз грохнул снаружи по двери чем-то тяжелым и уже знакомый голос гаркнул:

— Открывайте, блин! Милиция!

Женька кинулась открывать замок, изо всех сил стараясь снова не разреветься. Не успела она даже толком разглядеть здорового омовца, стоявшего прямо за порогом, как на его плече зашипела радиостанция.

— Борян, собирайте задницы в горсть и рвите оттуда. С соседнего дома на вашу крышу мутант сиганул.

Лицо здоровяка страдальчески сморщилось. Он, обернувшись, вопросительно кивнул своим рассредоточившимся по коридору спутникам и, получив ответные кивки, снова повернулся к Женьке.

— Все, барышня, хватай мешки, вокзал отходит, — отрывисто бросил он, и довольно грубо взяв ее под локоть, поволок за собой по залитому кровью коридору.

Судя по встревоженным лицам своих спасителей, новость о каком-то загадочном мутанте явно означала что-то нехорошее и Женька изо всех сил старалась не задерживать этих точно не желавших надолго оставаться в бизнес-центре мужчин. Но, как известно, благими намерениями выстлана дорога отнюдь не в рай. На первых же ступеньках лестницы она неудачно запнулась и точно упала бы, если б не крепко держащий ее под локоть омовец. Вот только не сильно-то ей это помогло. От резкой боли в лодыжке Женька громко вскрикнула и присела.

— Ну, что такое? — раздраженно бросил «пятнистый».

— Нога, — Женькины глаза против воли наполнились слезами. — Больно.

— Твою-то мать! — с чувством выматерился омовец и начал осторожно ощупывать ее ногу. — Тут больно? А тут? А вот тут? Ясно. Вывих. Держись крепче и старайся не дергаться.

С этими словами он небрежно перекинул ее через плечо. «Словно мешок с картошкой», — мелькнуло в голове у Женьки: «Даже движение плечом было характерное, когда пристраивал поудобнее». И только потом до нее дошло, насколько, наверное, неприлично она сейчас выглядит в своей короткой зауженной юбке и попыталась ее одернуть, за что получила увесистый шлепок по попе.

— Не елозь, блин, — буркнул «пятнистый» и, услышав громкий звук бьющегося стекла этажом выше, снова смачно выругался и гаркнул. — Вниз, бегом!!!

Но убежать им не удалось. Едва они успели спуститься на пару пролетов, как разом загрохотали сразу несколько автоматов. Женьке, повисшей на плече «пятнистого» и боявшейся даже шевельнуться, чтобы ему не помешать, практически ничего не было видно, только скачущие по ступеням зеленые гильзы.

— Отходим, мля! Отходим!!! Сука, да что ж ты недохнешь то?!! — тащивший ее омовец рычал так, что, наверное, мог бы медведя в тайге запугать до икоты.

Но таинственный «мутант» явно не испугался, а попытался атаковать.

— Ааааа! Борян!!!

Внезапно Женьку будто вихрем смело на пол. Уже сжавшись в комочек в углу лестничного пролета, она поняла, что «пятнистый» просто сбросил ее с плеча и с места сиганул назад, прямо на спину какой-то непонятной, хищно-гибкой твари покрытой облезлыми клочьями рыжеватой шерсти, которая подмяла под себя одного из омовцев. Тварь была размером, наверное, с дога, а может и чуть крупнее, только более приземистая и мускулистая, скорее, на какого-нибудь хищника кошачьей породы похожая, на льва, или пантеру. Вот только гибкий, длинный и лысый, будто у крысы, хвост в образ совершенно не вписывался. Действительно — мутант, лучше и не скажешь. И сейчас эта пантеро-крыса, похоже, одновременно пыталась сделать сразу два дела: дотянуться, наконец, своими впечатляющего размера клыками до подмятого под себя омовца и стряхнуть со спины вцепившегося ей в загривок мертвой хваткой «пятнистого». Тот вообще сейчас был страшен и больше всего походил на Кинг-Конга из нового фильма Питера Джексона, рвущего пасть динозавру. Хотя, нет, не рвущего, и не пасть. Резкий рывок рук, отчетливый хруст костей. Мамочка родная, да ведь он этой твари голыми руками шею свернул!

— Ты как, Андрюха? — прохрипел «пятнистый» откатываясь в сторону.

— А как думаешь, Борян? — задыхаясь ответил тот, ползком выбираясь из-под тела твари. — Охренительно просто, млядь! Но, кажется цел. Только штаны стирать нужно.

— Ничего! — ненатурально хохотнул первый. — Штаны тебе жена отстирает. Главное — не укусили... Но, чтобы я еще раз до этих сволочей руками дотронулся!!!

Здоровяка ощутимо передернуло. Поправив на голове сбившийся набок шлем и поудобнее перехватив автомат он присел рядом с Женькой.

— Ну, ты как?

— Зачем было так грубо? — неожиданно для самой себя выпалила она. — Я ногу опять ушибла и колготки порвала!

«Господи, что ты несешь, овечка? Какие колготки? Он собой рисковал и тебе только что жизнь спас, и тому невысокому мужику — тоже», — мелькнуло в голове Женьки. Она уже поняла, что сморозила страшную глупость, что сказать нужно что-то совсем другое, что-то... Но было поздно. В глазах у «пятнистого» появилось нечто такое... Так на психически больных, наверное, смотрят. С жалостью и легкой брезгливостью.

— Колготки, говоришь? — протянул он, вставая с корточек. — Ну-ну... Тимур, помоги... барышне до «брони» доковылять, а то я сейчас, похоже, ничего тяжелее собственного... кхм... поднять не смогу.

И уже когда он, повернувшись к ней спиной, тяжело затопал вниз, до Женьки донеслось его бормотание:

— Мля, и почему некоторые дуры — такие бабы?

Снова выезжать на Варшавку мы не рискнули. «Броня», конечно, «бронею», но против потока даже на танке сейчас ехать рискованно. Уж лучше небольшими улочками выбираться.

И вот теперь, пока «восмидесятка» пробивает себе дорогу сквозь толпу мертвецов между вестибюлем метро «Пражская» и «Пражским пассажем», я подвожу, как любил выражаться мой бывший ротный «промежуточные итоги», от которых, если честно, хочется взвыть дурным голосом и залезть на ближайшую стену — настолько все погано. А вы говорите — мрачный, как туча...

В сухом остатке у нас пока следующее: два десятка вполне нормальных боевых единиц сами же на все четыре стороны отпустили, автобус угробили, автосалон разграбили, бензоколонку вскрыли... И помочь на обратном пути мы тоже никому не сможем, даже если очень захотим — автобус накрылся а в «броню» места уже нет, в самом лучшем случае одного-двоих разместим, и то едва ли не на колени сажать придется. «Восемьдесятка» — не «Икарус», про БРДМ я вообще молчу. А тут еще эта блондинистая дурища со своими колготками...

Хотя, если правде в глаза смотреть, на девушку я напраслину возвожу. Она, в общем-то, молодец. Трое суток в одиночестве среди толпы мертвецов просидеть — тут и у здорового мужика может «башню» от страха заклинить. А она и внимание привлечь догадалась, и с планом этажа толково придумала. Ногу, конечно, подвернула не вовремя, ну, так каблук — дело такое, на них спринты бегать мало кто умеет. Да и потом, когда мы на лестнице с этой твариной схватились, не паниковала, не визжала, не дергалась. Но тут уж не знаю, может старалась не мешать, а может — в ступор с испугу впала. Но и то, и другое, все равно лучше, чем если б она визг подняла и начала руками-ногами болтать и за меня цепляться. Опять же сбросил я ее, на самом деле, грубовато. Уж как получилось. Мутант, конечно, был — мама дорогая. Гибкий, сволочь, и подвижный как... Даже не знаю, с кем и сравнить. Когда оставшийся за старшего на прикрытии наших тылов Гумаров прокричал в рацию про перескочившего к нам на крышу мутанта, я, признаться, ожидал увидеть что-то вроде давешних «мини-халков» с Ленинского, ну, с поправкой на прыгучесть, может, не такого здоровенного, но уж точно антропоморфного. И, когда, с пятого этажа на нас набросилась эта... Это... Блин, честное слово, я даже... Растерялся? Да нет, скорее, чуть не обхезался. Уж больно страшно выглядела зверюга. После того, как все было кончено, я обратил внимание на впившийся в непомерно мускулистую шею ошейник. Дешевенький, брезентовый с металлической пряжкой, как на солдатском поясном ремешке. Такие обычно небогатые пенсионеры, а то и вовсе бомжи на своих кабыздохов одевают, чтоб коммунальщики вместе с бродячими не отловили. То есть, был это при жизни обычный дворовый бобик, ну, может, крупный, но один черт, «двортерьер». А они, как ни крути, по всем статьям далеко не стаффорды и не ротвейлеры. Зато эта тварюга, даже если не брать во внимание ее заразность, любого бойцового чемпиона на завтрак бы схарчила, да еще и добавки попросила бы. Одна пасть чего стоит — натуральный нильский аллигатор, а не собака. Все голова — одна большая челюсть, на мозг места вообще, считай, не осталось. С другой стороны, на кой ему мозги при таких-то зубищах? Кстати, форма у черепа тоже чудная стало — приплюснутая такая, обтекаемая. Судя по содранной шкуре, минимум три пули от кости в рикошет ушли. Нет, оно понятно, что старый добрый «пять-сорок пять» вообще к рикошетам склонен, но чтоб от черепной кости!.. В общем — здорова была, сволочь, невероятно! Вроде, в шесть стволов работали, а едва ли не три четверти пуль мимо ушли. Этот вурдалак по стенам скакал, как ниндзя из старых боевиков. Еще нас здорово подвело то, что мы уже привыкли по зомби одиночными работать. А эту погань нужно было очередями в ключья рвать. Вот только сначала никто не сообразил, а потом эта сволочь Солоху с ног сбила и под себя подмяла. Тут уже не то что очередями, но и одиночными стрелять поздно стало. Что меня толкнуло снова в рукопашную кидаться — ума не приложу. Наверное, с испугу и от растерянности сработал, чисто на автомате. Обхватил бошку этой твари руками, одной за нижнюю челюсть ухватил, молясь, чтоб кожаная перчатка не порвалась о клыки, второй — за складку шкуры за ухом. Рванул так, что аж в глазах потемнело. А как иначе? Даже у обычной псины шейные мышцы — дай боже, а тут так вообще натуральный собачий культурист, пусть и дохлый. Услышав хруст и почувствовав, как обмякла подо мной эта туша, сноровисто откатился в сторону. И уже вставая, почувствовал резкую боль в груди. Аккуратно просунул руку под бронежилет, ощупал грудину. Ай, мля! Больно, блин! Но, вроде, мышца нормальной формы, в комок, как при разрыве бывает, не собралась. Ну, хорошо! Значит, не порвал, а только потянул. Хотя — и это не шибко приятно. Вернемся на Калужскую, попрошу тамошних «пилюлкиных» диклофенака кольнуть и мазь какую-нибудь разогревающую выклянчу.

Решил проявить чуткость, подошел к спасенной барышне поинтересоваться ее самочувствием. И тут эта блонда выдала про свои колготки... Блин, под тот настрой так она меня взбесила в тот момент — словами не передать. Еле удержался, чтоб ее не послать куда-нибудь подальше. Но не послал, а только на пол плюнул, да велел Гумарову с ней дальше нянькаться. Хотя, сейчас думаю, что зря вспылел. Нельзя от нежной штатской барышни требовать того же, что и от бывалого бойца. Она адекватно на все происходящее реагировать

в таких условиях физически не способна. С другой стороны — пора бы господам штатским привыкать. Времена настали суровые: будешь, как и раньше хлебалом торговать и беспомощного идиота изображать — сожрут в самом прямом смысле слова. Но перед девчонкой, наверное, стоит извиниться...

— Алтай-11, как слышишь меня? — неожиданно захрипела рация голосом Гаркуши.

— Нормально слышу, тащ полковник, мы уже возвращаемся, минут через сорок на Калужской будем, а то и быстрее.

— Нечего вам там делать, Грошев... Нету больше эвакоцентра на Калужской... Только что на меня выходил твой «найденыйш» Перебийнос. Говорит, через забор со стороны французского посольства сиганули какие-то твари, сразу несколько, стая. Точное количество так и не выяснили, завалить успели четыре. Остальные по стенам заскочили в окна на втором и третьем этажах. А там в коридорах толпы беженцев... Та еще мясня была, Боря. Короче, живых осталось две-три сотни гражданских и полтора десятка из охраны, в основном — те парни из ГБР⁷², что ворота охраняли и на внешних постах стояли.

Три сотни? А было там утром, по моим прикидкам, не меньше четырех тысяч человек. Твою-то мать!

— А Филипочкин? А девчонки его?

— Все там остались, — после недолгого молчания ответил Гаркуша. — Выскочить не успел практически никто, а капитан твой, говорят, до последнего людей вытаскивал. Не повезло ему... Короче, в здании теперь такое творится, что просто так это бросить мы не имеем права. Решили, по вашему ивантеевскому опыту все к едрене матери сжечь... Да, и вот еще, продолжение спасательной операции в центре города признано нецелесообразным. Принято решение из Москвы уходить. На Маяковке останется опорный пункт, рулить на нем будут ваши и МЧС, но это все. Так что — возвращайтесь на базу в Посад, парни. Вас уже ваше командование жаждалось.

— А вы куда?

— Мы на территории Спецакадемии базируемся. Знаешь, где это?

— Примерно. Где-то недалеко от Кутузовского?

— Ну, почти. Ладно, будешь в тех краях — заезжай в гости. Все, Грошев, отбой. Удачи тебе и парням твоим. Будь жив!

— Спасибо, вам того же, — машинально отвечаю я.

Новости меня буквально раздавили и вмяли в грунт. Эвакоцентра больше нет, потешный усатый «колобок» Филипочкин и его «девичья команда» — погибли. Большая часть вытасканных нами вчера из общежития студентов — тоже... Что я там говорил? Мы начинаем «сливаться»? Да нет, господа хорошие, мы окончательно «слились»! Мы сдали ожившей мертвечине многомиллионный мегаполис и бежим, бросив на съедение всех, кто в нем до сих пор жив и ждет нашей помощи. Мы проиграли.

г. Москва, Садовое кольцо — Триумфальная площадь — Пожарская улица, 23 марта, пятница, день-вечер

Сколько я служу, столько и убеждаюсь в одной очень простой, но неоспоримой истине: у наводчика БТР есть все, а если он говорит, что чего-то нет, значит, ему просто жалко отдавать. Вот и сейчас, стоило мне поинтересоваться, имеется ли в нашем бронетранспортере хороший крепкий трос, наводчик Рома Ершов задумчиво сплюнул себе под ноги и поинтересовался:

— Зачем?

— Вот этих выродков вешать, — зло бросил я.

Окунев понимающе кивнул.

⁷² ГБР - группа быстрого реагирования.

— А пристрелить не проще? Трос новый почти, жалко.

— Пуля — это честная смерть для честного врага. А эти гниды подобного отношения не заслужили. Значит, будем вешать. Как раз вполне для предателей смерть подходящая.

— Угу, — снова сплюнул Рома, — понял. Сейчас найду.

С этими словами он нырнул через боковой десантный люк в нутро «восьмидесятки» и чем-то там загремел.

— Только нужно им будет кляпы забить потуже и руки за спиной связать. Мало ли... Если вдруг обратятся — так и будут висеть, дергаться, — донесся до меня его приглушенный и частично заглушенный лязганьем каких-то железок бубнеж. — А ну как сорвутся...

Мысль наводчика я уловил.

— Потом дострелим, чтоб уже ни для кого опасными не были. Но сдохнут они в петле.

Возможно, я переборщил. Возможно, стоило их просто к ближайшей подходящей стенке «прислонить». В конце концов, если б давешние, напавшие на нас вместе с бандой азербайджанцев, дезертировавшие милиционеры попались нам живыми, я вряд ли стал устраивать что-то похожее. Но тут была большая разница: «азеры» напали на нас, а не на неспособных защищаться гражданских. И произошло это задолго о того, как эвакуационный центр на Житной превратился в кубло ожившей мертвечины. Тогда у меня было куда больше сочувствия к ближним, даже если эти самые ближние хотели мне причинить вред, не совместимый с жизнью. Впрочем, наверное, стоит обо всем по порядку.

Когда этот пацан выскочил из арки старого, сталинской еще постройки, жилого дома на Садовом, по которому наша «броня» шла в сторону Триумфальной площади, и кинулся едва ли не нам под колеса, я его чуть не пристрелил от неожиданности, ей-богу. На излишне шустрых мертвецов я в последнее время наглядился, равно как и на то, на что они способны. А тут еще разодранная куртка, грязные джинсы и залитое темной, почти черной кровью лицо. Но, не успев даже вскинуть автомат, сообразил, что кровь до сих пор весьма обильно течет из раны, что для мертвецов как-то не свойственно. Да и руками он уж больно осмысленно машет. И только пару секунд спустя, сквозь рычание дизеля, расслышал, что он еще и кричать пытается, зовя на помощь. Выходит, правда, не очень: после удара прикладом по горлу не то, что кричать — хрипеть больно, но про приклад мы уже позже узнали. Пока я уяснил только, что он не один и его друзья очень нуждаются в нашей помощи. Парень пытается сказать что-то еще, но и его сипение мне почти не слышно, и времени на разговоры, судя по тому, как он выглядит, у нас просто нет. Несколько отрывистых команд в рацию, и бронетранспортеры, едва не чиркая бортами по стенам, втискиваются через слишком узкую для них арку во двор. А там... Художник Репин, «Приплыли», картина маслом...

Понять, что именно там происходит, несложно. Трое вооруженных огнестрельным оружием здоровых лбов на «четырнадцатой» с сильно помятыми и испачканными кровью мордой и капотом, похоже, только что вполне успешно «отжали» у кого-то старенький, но вполне бодро выглядящий «Шеви-Блейзер». И теперь, почти не обращая внимания на в кровь избитых хозяев перекидывают из «жигулей» в просторный багажник джипа свои пожитки. В Уголовном Кодексе это явление называется «разбой» — открытое хищение чужой собственности с применением насилия или угрозы его применения. Хотя, какие уж там угрозы. Судя по всему, выскочивший под колеса нашего бронетранспортера паренек — едва ли не наименее пострадавший. Остальные выглядят и чувствуют себя куда хуже. С чего я так решил? Ну, хотя бы с того, что он, несмотря на нехорошего вида рану, все же на своих двоих вполне шустро бежит, а не скрючившись на асфальте лежит и дышит через раз. Но это про мужскую половину потерпевшей компании. Девушек, довольно миловидных, как я успел разглядеть — почти не били. Но, судя по их виду и состоянию одежды — лучше бы избили. Так, теперь еще и статью «Изнасилование» плюсуем. Самое же мерзкое в этой ситуации, что на всех трех лбах — серая милицейская форма. И оружие в их руках — явно табельное, да и автомобиль, судя по раскраске и номерам частным быть не может.

— А ну, замерли! Стволы на землю, руки в гору!

Нет, прав был старина Аль Капоне: «Добрым словом и большим пистолетом...» А уж если вместо пистолета — глядящий собеседнику точно в лоб раструб четырнадцати с половиной миллиметрового КПВТ... Тут можно вообще о чем угодно договориться. Троице «серых братьев» спорить с крупнокалиберным аргументом явно не хочется, и они аккуратно складывают свои пистолеты и одну на троих «ксюху» под ноги.

— Ну, и какого рожна тут происходит?

Я, как уже и сказал, сам отлично понял, что тут творится, но догадался — это одно, а вот подтверждение от участников событий получить — совсем другое.

— Да нормально все, коллеги, расслабьтесь, — пытается «распедалить» ситуацию молодой наглomorдый старлей, судя по шеврону, из ППС.

— Пасть захлопни и не дергайся! Твои, сука, коллеги под Тамбовом в овраге кобылу доедают.

«Пепс» сразу сник и послушно замолчал. Ну, да, хоть и сволочь, но не дурак и прекрасно понимает, чем подобные «шалости» сейчас для него и подельников его закончиться могут. Ну, раз понял, так и стой, переваривай, шансы свои небогатые прикидывай.

— Они машину нашу отобрать хотели, — натужно сипит выскочивший на нас из арки парень.

— погоди, — обрываю я его. — Вальмонт! Санитарная сумка у тебя?

— Ага, — отзывается наш внештатный взводный санинструктор, высунувшийся из люка БРДМ.

— Давай сюда, тут сразу несколько кандидатов на первую помощь! А ты рассказывай, — киваю я охрипшему. И, тебя как звать, кстати?

Парень представляется Кириллом и, пока Евгений наскоро промывает ему перекисью водорода неглубокую, но сильно кровящую рану на голове, а потом перевязывает, начинает рассказывать. Монолог у него выходит несколько сумбурный, путанный. Он постоянно испуганно оглядывается в сторону перекрытой корпусом БРДМ арки, в которой уже вовсю захлопали вразнобой автоматы нашей тыловой заставы. Да и говорить ему явно больно. Как я понял, они — компания, три парня, три девушки. Вместе учились. Когда все закрутилось-завертелось — сидели на паре в своем институте. Мертвяк вломился прямо в аудиторию во время лекции. Представляю, что там после этого началось, но суть не в этом. Из института вырвались, в общежитие решили не возвращаться, а вместо этого — отсидеться на квартире единственного среди них москвича Сергея, парень, назвав имя, ткнул пальцем в одного из избитых, рядом с которым как раз сейчас сидит со своей сумкой Вальмонт. У него, оказывается, родители трудятся в какой-то иностранной фирме и сейчас где-то в Германии и квартира в его полном распоряжении. Кроме того, Сергей еще и триалит понемногу, и у него пусть и «лохматых» годов выпуска, но вполне рабочий внедорожник «Шевроле» имеется. Ага, тот самый, из-за которого, похоже, все и началось. До сегодняшнего дня сидели, подчищая большой холодильник и кладовку, и ждали помощи. Но, судя по Интернету, ситуация лучше не становилась, скорее — наоборот, а буквально час назад по телевизору сказали, что спасательная операция в центре Москвы прекращается в связи с недостатком сил. Мол, выбирайтесь сами, если сможете. И они решили выбираться.

— Двор вы зачистили? — поинтересовался я, кивнув на шесть грязно-окровавленных тел у одного из подъездов.

Кирилл кивает в ответ.

— Молодцы. Это чем же вы их?

Тот молча указывает в сторону «четырнадцатой», возле которой я вижу на асфальте крупный и явно тяжелый хозяйственный молоток на длинной черно-желтой обрешиненной ручке и... бейсбольную биту. Оба-на, похоже, не прав я был, когда так плохо про сей инструмент возле автосалона на Варшавке отзывался. Видно, в умелых руках и битой можно дел наворочать, если постараться.

— Ясно, а потом что было?

А потом, когда они уже загрузились в «Блейзер» во двор вползла сильно битая патрульная милицейская машина. Вползла, и заглохла. Ну, судя по тому, что я отсюда вижу, водитель зачем-то решил зомбей на таран брать. И очень быстро выяснил, что «жигуль» в данном вопросе — совсем не то же самое, что бронетранспортер. Может, патрубок какой порвал, а может и радиатор пробил, не знаю, да и не интересно оно мне. А Кирилл продолжает рассказывать. О том, как они сначала сильно обрадовались, и о том, как те, от кого ждали помощи, под стволами выкинули их из внедорожника, разоружили, избili... Про девушек он ничего не говорит, только беспомощно разводит руками, но тут и без слов все понятно. Ему почти в самом начале потасовки влупили прикладом «укорота» сначала в лоб, а потом по кадыку. И, после того, как он, заливаясь кровью и слезами, задыхаясь, рухнул на землю, уже не трогали. Видно, посчитали, что сам концы отдаст. Зачем на такого время и силы зря тратить? Действительно, там ведь и поинтереснее дела были... Ну, а Кирилл, когда понемногу пришел в себя, так и лежал, не подавая вида, что очухался, а услышав наши двигатели, решил, что терять уже один черт нечего и, пока на него не глядел никто, бросился через арку на Садовое, в надежде найти там помощь. И нашел там нас.

Нет, вот же ж суки, мля! Ведь и сам изначально отлично понимал, что такие ухари обязательно появятся, и Гаркуша мне про их выходки уже рассказывал, пусть и без подробностей, и даже три тела с милицейских бушлатах среди трупов в банде азербайджанцев я видел... Но, все равно, воспринимал это как-то отстраненно, без эмоций. А вот как эти рожи самодовольные, с которых, кстати, нагло-хамское выражение давно сползло, уступив место нешуточному испугу, увидел, так просто взбеленился. Вы ж, твари, Присягу давали! Вы ж законность защищать не щадя жизни обещали! Хотя, о чем я говорю? Какие там Присяга, долг, честь?.. У этих уродов моральных и понятий-то таких в головах не было никогда, одно бабло на уме. Многим раньше мозги на место вправить служба в армии, если в нормальное подразделение попал, помогала. Только, то раньше. А сейчас в армию ходить не модно, сейчас понятия простые: «Армия — это для лохов, нормальные пацаны — «косят». Вот и набрали в органы целую толпу «нормальных пацанов», у которых в головах только жажда власти и наживы. Из которых, случись чего, самые что ни на есть конченные твари и получают, потому как к тому, что они — власть, привыкли очень быстро, но вот то, что власть — это не только права, но еще и куча обязанностей — так и не поняли. Да и не собирались понимать, как мне кажется. Кроме своего «я» ничего ценить и уважать просто не умеют. Не обучены. Вот оно, это самое «чего» и случилось. И те, кто хоть что-то из себя представлял, или погибли уже, людей спасая и свой долг выполняя, или, как мы, до сих пор этим занимаются. А эти втихаря покуролесить решили, значит? Да не вопрос! Только за все отвечать нужно.

— Как они, Жень? — оборачиваюсь я к уже закончившему с потерпевшими Вальмонту.

— Жить будут. Пара трещин в ребрах, одно сотрясение, гематомы, ссадины. Ну, и у девчонок...

— Я понял. Значит сейчас вы все, — обвожу взглядом приходящих в себя «скубентов», — грузитесь в свой джип и едете за нами на Триумфальную. Там врачи МЧС, они вам точно помогут. Но это чуть позже, пока нужно еще с одним вопросом разобраться.

Кинув мрачный, не предвещающий ничего хорошего, взгляд на совсем притихших и даже как-то в росте и фигурах потерявших старлея и двух его подчиненных-подельничков в сержантских погонах, направляюсь к нашей «восьмидесятке» и легонько несколько раз бью прикладом по крышке бокового люка. Секунды через три ручка на крышке поворачивается и из-под брони выглядывает наводчик Ершов.

— Чего тебе?

— Рома, у тебя бухта веревки толстой и крепкой, или альпийского троса-статики есть?..

С бывшими коллегами тянуть не стали, наскоро связали на длинных кусках троса три скользящих петли, может, и не совсем правильных, ну так мы не палаческому ремеслу, а горно-высотной подготовке обучались. Этим и таких за глаза хватит. Перекинули концы через весьма удачно проходящую вдоль стены на уровне второго этажа толстую, лохматую

от бесчисленных слоев покрывающей ее отшелушивающейся краски, трубу. Эх, жаль табличку сделать не из чего! Ну, да ничего, мы и без таблички, народными методами. Когда ноги вздернутых перестали дергаться в конвульсиях, я подобрал с земли обломок красного кирпича и, брезгливо обойдя свежие лужи мочи на асфальте, крупными буквами вывел прямо на стене: «Грабители и насильники».

Отбросив кирпич в сторону я сплюнул и, краем глаза отметив, как Солоха подбирает с земли автомат и пистолеты, забрался на свое место на «броню» и взял в руки микрофон СГУ. Двор большой, да и машин вдоль тротуаров припарковано много, чем черт не шутит.

— Граждане, если в этом доме еще остались живые — сейчас ваш последний шанс на эвакуацию. Милиция, армия и МЧС уходят из Москвы. У вас есть ровно пятнадцать минут на сборы. Потом мы уедем, и выбираться вам придется уже самостоятельно. Если ваш подъезд блокирован изнутри зомби — кричите в окна, мы поможем разобраться. Время пошло!

Возвращаясь к «броню» я подобрал по пути молоток и биты, а сейчас дошел до «Блейзера» и протянул их рукоятками вперед в открытое боковое окно Кириллу.

— Принимайте свое добро назад, «лыцари». Только поосторожнее будьте, с таким оружием сейчас много не навоюешь — схарчат.

— А мы с ним много воевать и не собираемся, — отвечает мне уже более-менее пришедший в себя Сергей, сидящий за рулем. — С вами прокатимся, врачам покажемся и поедем себе огнестрельное добывать.

— Это где же?

Тон мой Сергею явно не понравился и он поспешно объяснил.

— Военные по телевизору объявили, что начинают раздавать оружие с мобилизационных складов. Не всем, понятное дело, только совершеннолетним и несудимым при наличии паспорта или военного билета. Сразу сказали, что выдавать будут разные раритеты вроде винтовок Мосина и карабинов Симонова, ну и разных ППШ и ППС военных лет. Ну, так на безрыбье и сам раком встанешь. Не в нашем положении привередничать.

Ага, вот и сбылось давешнее предсказание Гаркуши. Продавила-таки «группа компетентных лиц» свое решение по оружию. И слава богу! Плохо только, что долго чухались. Сколько народу можно было бы спасти, если бы арсеналы сразу вскрыли. Хотя... Да никто б сразу такое просто не разрешил. Как я понял, это распоряжение не с самых «верхов», о которых вот уже пару дней вообще ничего не слышно, пришло. Это подполковники-полковники, что сейчас реально всем командуют, между собой порешали и пришли к выводу, что нужно людям хоть какой-то шанс дать, да и себе заодно задачу облегчить немного. Ведь чем больше людей смогут самих себя и своих близких защитить, тем меньше на армейцев и остальных «силовиков» нагрузка. А народу, потенциально за себя постоять способного, у нас пока, слава богу, хватает. Это сейчас в армию идти молодняк боится, а вот среди мужиков, что меня постарше лет на пять и больше, не служили только такие, у кого совсем со здоровьем беда какая-нибудь была. Остальные честно два года Родине отдали. А значит, в большинстве своем, как минимум в курсе, с какой стороны из автомата пуля вылетает. Да плюс военные пенсионеры, вроде бати моего, не совсем уж древние ветераны-фронтовики, которых уже и не осталось почти, а те майоры-подполковники, которых в первые годы после развала Союза из армии «ушли». Да, они уже не мальчики, но и в старики этих пятидесяти пяти-шестидесятилетних мужиков записывать явно рановато. Да и просто в решительных и готовых за себя и близких своих постоять мужиках у нас недостатка никогда не было. Они еще себя покажут, если придется. Нет, оно понятно, что многие «срочку» тянули или очередные звезды на погоны зарабатывали в разных военно-строительных, железнодорожных и прочих вспомогательных войсках. Но ведь и разных десантников, морпехов, и прочих воинов «мотострелецких войск» среди них все равно больше. И если таким людям дать оружие, то никакого вреда окромя пользы от этого, не будет.

— Хорошо, если так. И где ж эта «материализация духов и раздача слонов»

происходит?

— По «ящику» сказали, на армейских опорных пунктах по Ярославскому, Ленинградскому, Минскому и Каширскому шоссе, почти сразу за МКАДом. Там у них что-то вроде блокпостов.

Вот оно даже как. И на нашей Ярославке тоже всем желающим карамульки раздают. Нужно будет на обратном пути заехать, глянуть. Необычное все-таки для нас явление. Вот отобрать — это завсегда пожалуйста, а чтоб раздавали, да еще и всем желающим... Нет, тут как в том анекдоте: «Плевать на крылья! Я должен это увидеть!».

Пока я со студентами болтал, из разных подъездов выбралось примерно три десятка человек. Еще восьмерых пришлось выводить нам. На первом этаже их подъезда уютно обосновалась парочка «деревянных». Для моих парней — минутное дело, но вот для безоружных штатских — почти непреодолимое препятствие. Хотя, тут все не только от наличия оружия зависит. Смогли ведь те же «скубенты» молотком и «палочкой для игры в американскую лапту» аж шестерых мертвецов во дворе упокоить? Понятное дело, что в тесном подъезде с мертвяками воевать сложнее, чем в просторном дворе, ну, так и двое — далеко не шестеро. Просто у кого-то в критической ситуации хватает смелости и решительности рискнуть, пусть даже поставив на кон собственную жизнь, а у кого-то — нет. И, если у первых почти всегда есть шанс, пусть и не стопроцентный, но есть, то вторые без помощи извне — обречены. М-да, такая вот грустная постапокалиптическая статистика...

Большая часть выбравшихся во двор граждан шустро начала рассаживаться по своим машинам. Правда, «безлошадных» тоже оказалось предостаточно и пришлось их «трамбовать» по машинам соседей. Как придется, по одному, по двое. Тут уже не до того, чтоб семьи вместе ехали — лишь бы места на всех хватило. Ничего, пусть и порознь, зато поедут. Ну, а то, что тесновато... Тут недалеко осталось, потерпят. Под «броню» я уже никого втиснуть не смогу, даже если это будет ребенок или какая-нибудь симпатичная барышня, навроде нашей спасенной офисной блондинки в рваных чулках. Не поместятся. Некуда. Что, все? Раз так, то поехали, а то позади нашего «бардака» скоро бруствер из трупов образуется, через который только два наших бронетранспортера, да задранный внедорожный «Шевроле» переберутся.

На Триумфальной, вышла небольшая заминка: маленький внутренний двор оказался недостаточно велик для той колонны автомашин, что мы привели. Опять же, в нем уже два наших омовских «Урала» стояло, «приблудный» бронетранспортер БТР-70, попавший сюда примерно так же, как наша оставшаяся «в наследство» от таманцев «восьмидесятка» да микроавтобус-«реанимобиль» МЧС. Да если приплюсовать ко всему этому две наши «коробочки»... Места оставалось только-только бочком мимо всего этого хозяйства протиснуться. Предложение оставить машины снаружи сначала едва не вызвало маленький бунт среди прибывших. Но тут в дело вступил Антон, который помимо внушительных габаритов обладал еще незаурядным обаянием и талантом дипломата. Всего за несколько минут он уладил едва не разгоревшийся конфликт и часть приехавших, получив на прощание предельно четкие инструкции куда нужно ехать, чтобы спокойно, насколько это вообще в нынешней ситуации возможно, выбраться за пределы Москвы, двинулась дальше. Как ни странно, но кроме спасенных нами студентов и всех «безлошадных», у которых просто не было иных вариантов, дожидаться плановой эвакуации решили и несколько человек, имевших свои машины. В принципе, можно и их понять: ехать за пределы Москвы им некуда и не к кому, рисковать своими жизнями, надеясь на «авось» — тоже не хочется. А тут — надежные стены и крыша над головой, кормежка, здоровенные мужики в камуфляже и с автоматами в качестве охраны... Опять же, Тисов их клятвенно заверил, что когда придет колонна, им расчистят дорогу к машинам, и эвакуироваться в лагерь беженцев они смогут на своих личных авто, но в составе охраняемого конвоя. А там, может, и найдут себе место в новом мире.

Проконтролировав размещение привезенных нами людей и сдав компанию «скубентов» с рук на руки врачам из МЧС, в дружный коллектив которых какими-то

неисповедимыми путями влились аж два врача столичной «неотложки» (и как выжить-то умудрились в безумии первых дней всего этого?), я пытаюсь выяснить, где тут, собственно, наши расквартировались. Медики, добрые души, указывают направление. Искренне их благодарю. Вроде и небольшой дом, а планировка сложная, тут с непривычки и заплутать не долго.

К моему нескончаемому удивлению, Тисов с остальными нашими архаровцами засел не в «Ростиксе», «Иль Патио» или суши-баре, а в расположенных на втором этаже над «Американским грилем» помещениях пресс-службы «Интерфакса». Странно, ей-богу, это ж прописная истина: первый вопрос, который задает приехавший на выезд боец ОМОН, еще даже до того, как выяснит, кого именно тут бить можно, а кого — не нужно: «Когда кормить будут?» А тут такое резкое и неожиданное выпадение из образа. Явно предвидя возможные хохмы по этому поводу, Антон сразу отшутился: мол, все вкусное они уже сожрали задолго до нашего приезда, так чего тогда там делать? В пресс-центре кресла намного мягче. Думаю, в другое время народ бы обязательно позубоскалил, но только не сегодня. После того, что произошло, ни у кого желания шутить не возникает. Причины нашего состояния Антон пока не знает и наши угрюмые лица ему явно не по душе.

— Так, парни, хорош брови хмурить. Айда, перекусим чего-нито! Как говорится, чем бог послал...

Ну, да, ну, да. «В тот день бог послал...» Короче, очень быстро выяснилось, что насчет «все сожрали» Тисов мало-мало преувеличил. Запасы в холодильниках фаст-фуда были еще весьма приличные. Все потому, что на гражданских их никто не тратил. Тут места было куда меньше, чем на Житной, и потому спасенные долго не задерживались — их сразу же после обязательного карантина вывозили в подмосковные лагеря беженцев. Соответственно, при такой текучке никто и заморачиваться не стал организацией горячего питания. Смысл? Пока на полевой кухне суп готов будет, те, кому его варили, уже где-то под Софрино или Наро-Фоминском окажутся. Куда проще привезти пару-тройку фур с армейскими «сухпайками». Да, далеко не ресторан «Славянская трапеза», но вполне съедобно и питательно. Многим штатским каша из того же ИРП-П⁷³ с непривычки даже нравится, особенно перловая. Просто, они ею в горах по шесть месяцев не давились изо дня в день. Да и паштет и орехово-шоколадная паста там тоже вполне ничего. Словом, проблему питания тут решили по методу «дешево и сердито» — враз лишившимся всего: дома, родных, привычного мира вокруг людям было почти все равно, что именно есть. А всевозможные фаст-фудные «разносолы» с наглыми физиономиями зажили в качестве «оперативного резерва Ставки», в смысле, для себя. Впрочем, ничего плохого в этом не вижу, при том количестве беженцев, что через Триумфалку прошло, холодильники «Ростикса» и «Американского гриля» опустели бы, наверное, максимум за двое суток, а то и раньше. А вот малочисленному гарнизону из бойцов ОМОН и сотрудников МЧС всей этой картошки-фри, кукурузы и прочих нагетсов и куриных крылышек не на одну неделю «автономки» хватит. Главное, чтоб электричество было.

Поздний обед, или ранний ужин, это с какой стороны посмотреть, нам накрыли в зале «Ростикса». Странно, блин! Я ведь тут бывал несколько раз. Сидел на этих самых красных дерматиновых диванчиках, угощал одну симпатичную девушку пивом и острой курицей, ел с другом вареную кукурузу и пил отдающую водопроводной водой «Кока-Колу». И выглядело тогда все вокруг совсем иначе. А сейчас вместо яркого солнечного света за огромными окнами — тусклый, помаргивающий свет запитанных на бензогенератор во внутреннем дворе лампочек. Да и вместо самих окон — толстые листы местами ржавого, с отстающей краской железа, не очень аккуратно сваренные между собой — сварной шов грубый, кое-где

⁷³ ИРП-П — индивидуальный рацион питания повседневный, одна из разновидностей армейского «сухого пайка».

даже окалину не отбили. Но главное даже не в этом уродстве, а в том, от чего оно нас отгородило. Как вспомню эти серо-зеленоватые, обвисшие мертвые лица, эти совершенно невозможные, наполненные злобной не-жизнью глаза... Бррр, никогда не считал себя сильно впечатлительным, но от таких воспоминаний кусок в горло не лезет.

Почти не чувствуя вкуса набиваю кишку, молча, кивком, благодарю двоих парней, хозяйничающих в здешнем «горячем цеху». Один из МЧС, а второй, судя по шеврону, из Московского ОМОНа, видать, дежурные по камбузу.

— Ну-ка, брат, — легонько толкает меня кулаком в плечо Антон, — пошли, пошепчемся. Вид у вас какой-то нехороший. Давай, выкладывай, что произошло.

Ну, я и выложил. И про Рыбалкина, и про мутантов, что пост Минюста на Ленинском перебили, и про ушедших таманцев, и про девчонку в ДАСе, и про бойню на Житной. А «на сладкое» — про повешенных по моему приказу «коллег» на Садовом.

— Зашибись! — задумчиво тянет Антон. — Нормально погулял, товарищ прапорщик. Сильно фигово?

— Да будто в бадью с жидким дерьмом с головой окунулся, — не стал корчить из себя непрошибаемого и невозмутимого героя я. — Больше всего хочется нажраться до пороссячьего визга, в слюни. Одно только и останавливало до сих пор, что дел полно было...

— Вот и хорошо, что полно, — серьезно смотрит мне в глаза Антоха. — В такой ситуации лучше всего самого себя загрузить по самые ноздри, чтоб на всякие мысли не по делу и прочие рефлексии ни единой секунды не оставалось. Только на перекусить и поспать немного. Уж поверь, по себе знаю.

Не доверять старому товарищу даже и в мыслях не было. Биография у него, пожалуй, еще кучерявее, чем у меня самого. Если говорит — значит знает о чем. Однако, давать добрые советы всегда легче, чем их реализовывать на практике. Легко сказать — займи себя. А чем?

Заглянувший в дверь паренек в милицейской форме с большой желтой буквой «К» на погонах и нашивками третьего курса на рукаве, призывно махнул рукой.

— Товарищ лейтенант, Посад на связь вышел, вас спрашивают.

Кивком отпустив посыльного, или кто он тут, Антон ободряюще пихнул меня кулаком в плечо и вышел. Я достал из кармана камуфляжа «Нокию». Ну, да, похоже, мобильной связи совсем амба приснилась: не только уровня приема на экранчике нет, но и привычного Мегафонового логотипа. Понятно: «Панночка помэрла». Блин, и как теперь без «мобил»? Вроде, и вошли они в нашу жизнь всего лет десять назад, а уже никто толком не помнит, как же мы без них обходились. Вот и сейчас: казалось бы, нужен тебе человек, достал «трубку» ткнул пару-тройку раз пальцем по кнопкам, и — вуаля, общайся на здоровье. А теперь только если по рации. Эх, как же быстро мы привыкаем к удобствам и с каким трудом потом от них отвыкаем!

— На ловца и зверь бежит, — Антон остановился на пороге и смотрит на меня. — Хотел работы — получи и распишись! Из Отряда просили оказать все возможное содействие в вывозе складов с Пожарской.

— Они умом там тронулись, что ли? На той Пожарской барахла — не один десяток полноразмерных фур под завязку набить можно!

— А барахло оттуда вывозить пока никто и не будет. Одежда, обувь, всякие носки-ремни-шапки пусть и дальше лежат. Понадобятся — прокатимся и возьмем, что нужно. Но вот людей оттуда пора забирать и вывозить к нам, слишком опасно там стало. Ну, и, понятное дело, оружие, боеприпасы, связь и все СИБ и САО⁷⁴ велено вытаскивать уже сейчас все, что есть, и распределять между подразделениями. А тех подразделений и

⁷⁴ СИБ и САО — средства индивидуальной безопасности и средства активной обороны: общее название спецсредств, стоящих на вооружении в МО и МВД.

осталось — мы, подольцы, да «Булат» с долгопой⁷⁵ на пару. Вот на всех и поделим. По братски, потому что поровну — слишком мало выйдет.

— Ясно, — понятно кивнул я. — В большой семье кто раньше встал, того и тапки...

— Угу, — поддакнул Тисов. — А еще, если я все правильно помню, там во дворе полно машин стоит, новых только с завода пригнали. Так вот, бери себе всех, кто рулить хоть немного умеет, и выводи оттуда все УАЗы и грузовики с кунгами, что сможешь.

А ведь и верно, только «Хантеров», в милицейском окрасе на площадке возле склада десятка полтора стояло. Были еще и «Форды» и «четырнадцатые»-«пятнадцатые» и прочие «Приоры», но те под наши реалии теперь не очень подходят, а вот УАЗы — вполне.

— По роже вижу, что ты все понял, — подводит итог Артем. — А раз понял — ноги в руки, и бегом, пока нас не обошел кто-нибудь!

Я и помчал бегом. Сначала отлавливать и сгонять в организованную стаю всех наших, у кого есть водительские удостоверения. Потом отбирал из них самых толковых и умелых, а то полно последнее время развелось «наездников», что только с автоматической коробкой передач дело имели, и при страшном слове «механика», словно тот слон из мультика, теряют волю. Затем выяснял, кто из нашего славного ведомства сейчас вообще в этом бедламе за организацию централизованных автомобильных перевозок отвечает. Это раньше все было просто — пишет командир Отряда заявку в АХО,⁷⁶ ее утверждают, и все в ажуре. А теперь? Приехать на склад и присесть на вершине собственноручно стащенной кучи барахла — дело не долгое. Вот только кто и на чем тебя и эту кучу потом с того склада вывозить будет? Вот и я не знаю... Вернее, не знал еще полчаса назад. Теперь уже в курсе: все выяснил, согласовал и наладил взаимодействие. Не так уж сложно оказалось. Все как обычно: у кого глотка крепче и морда нахальнее, тот и прав. Короче, имеем две восемнадцатиметровые «шаланды», да еще и УАЗы я думаю забить под завязку, и в «коробочки» утрамбовать, сколько влезет. Угу, налетай — подешевело!

Нет, Антоха прав! Когда ты, словно какой-то муравей, час за часом таскаешь в кузова подогнанных к самому парапету склада фур всевозможные ящики, коробки и тюки, времени на разные самокопания не остается совершенно. Хорошая, простая и честная физическая работа. «Бери больше — кидай дальше». Тот самый труд, который, по словам классиков, облагораживает. А заодно превращает обезьян в людей, а людей, впоследствии — в тягловых лошадей. Но, зато всю муть из головы словно ветром выдуло. Хотя, нет, скорее — потом вымыло.

Понятное дело, подмять под себя все у нас не получилось, да и не ставил я перед нами такой цели. Просто не уволокли бы мы такую кучу одни. За один только «узкий» момент переживал, но вопрос о повторном переделе семнадцати УАЗов, на которые мы, прибыв первыми, с наглыми физиями наложили лапу, ни «собры», ни долгопрудненцы с подольцами даже не поднимали. Мы ведь совсем уж наглеть не стали и, когда они подъехали, как раз были заняты тем, что все остальное: ящики с патронами, гранатами и гранатометными выстрелами, пистолеты, автоматы, сумки с бронежилетами и шлемами, коробки с радиостанциями по-честному растаскивали на четыре равные кучи. Словом, вышло вполне по совести и справедливости. Но сколько ж тут всякого добра! Никогда себя считать слабаком повода не имел, но тут — выдохся. А все из-за электричества, вернее — его отсутствия. Раньше-то все проще было: поставил все нужные тебе ящики на погрузчик-

⁷⁵ «Булат» — ОМСН ГУВД по Московской области. «Долгопа» — подмосковный ОМОН из города Долгопрудный в 2009 году был реформирован в Оперативный полк милиции по охране массовых мероприятий «Авангард», но на момент событий, описываемых в книге, существовал еще в старом виде. ОМСН «Булат» и долгопрудненский ОМОН расположены на одной базе.

⁷⁶ АХО — автохозяйство.

«рохлю»⁷⁷ и потащил к лифту, на нем спустился на первый этаж все на той же «рохле» по специальному трапику — прямо в кузов грузовика. А вот теперь так не выйдет — электричества нету и лифт не фурычит. Вот и приходится все по лестнице вручную вниз тащить. А потом, по второй лестнице, чтоб на той, по которой с вещами вниз идут, толчеи не создавать, снова вверх, за новой партией. Натуральная муравьиная тропа!

Под конец погрузки выдохлись настолько, что внезапно сиганувший через забор мутант мог нами закусить вообще не напрягаясь: лично у меня автомат поднять и в его сторону направить силенок еле хватило. А уж попал я в него или нет, даже врать не буду, не знаю. Но тут нас всех здорово выручила предусмотрительность мужиков из «Булата», которые хоть и умучились при погрузке больше всех, зато оставили в одном из «Тигров», на которых приехали, аж четырех часовых, да при крупнокалиберном «Корде». Эти не растерялись, все ж таки у каждого из них боевого опыта на десяток бойцов ОМОН разом хватит, да еще и останется. Оглушительно загрохотал «крупняк», длинным колеблющимся «лисыим хвостом» вспыхнула и заплясала дульная вспышка. Запрыгали по асфальту золотистые гильзы. В общем, мутант, очень сильно похожий на упокоенного нами на Ленинском проспекте «халка», всех пусть и напугал едва ли не до мокрых штанов, но реальных проблем создать не успел. В споре между горой ожившего мертвого мяса и пулями калибра двенадцать и семь десятых пули победили, как на соревнованиях по разным единоборствам говорят: «за явным преимуществом». Но зато всем сразу стало понятно, что эвакуировали мы склад вовремя. У здешней охраны ничего калибром крупнее девяти миллиметров не было. Равно как и опыта схваток с зомби. Не забредали они сюда пока. Поэтому, думаю, с мутантом они просто не справились бы. И нам от того, что «база снабжения» превратилась бы в рассадник живой мертвечины, никакого прибытка. Понятно, что зачистили бы в конце концов, но чего бы нам это стоило. Заставленные стеллажами складские закоулки, особенно если электричества не будет — это вам не подъезд жилого дома. Если дизель-генератор заглохнет — лампочки погаснут, окон нет, планировка — натуральный лабиринт. Весело было бы — словами не передать. И один бог знает, каких потерь нам бы стоило склад назад, под свою руку отбить. Лучше уж, как сейчас: самое необходимое забрали, а если что понадобится — позже вернемся. Пустой многоэтажный сарай сам по себе, как мне кажется, зомби не сильно интересен. Их живые люди привлекают, а не залежи милицейских бушлатов. А чтоб все-таки не забрели случайно, мы все двери и ворота закроем. Живому человеку навесной замок — не преграда, даже если ключа нет, а вот для мертвеца, будь он хоть трижды мутантом — вполне.

Фу, кажется, все. Теперь можно мозолистой лапой утереть с рожи трудовой пот, в очередной раз позавидовав Мише с его черной банданой, торопливо поручкаться на прощанье со знакомцами из Подольска и «Булата»... И валить отселяя к чертовой бабушке! Глядя на изодранную пулями гипертрофированную тушу посреди двора, желания задерживаться на складе дольше необходимого лично у меня вообще не возникает. И, похоже, не у меня одного. Набрали всякого-разного — пора и честь знать.

г. Москва, Садовое кольцо — Ярославское шоссе, 24 марта, суббота, ночь — утро

— Значит так, Антоха, докладую по порядку: все самое важное и самое ценное мы совместными усилиями со складов вывезли. Наша колонна под охраной «восьмидесятки» ушла в Пересвет. Всех складских, как и было велено, доставил сюда и даже уже разместил. Какие будут дальнейшие команды?

— Да, собственно никаких, Борь. Этот домик мы оставляем за собой, как опорный

⁷⁷ «Рохля» — ручная гидравлическая тележка, приводимая в действие мускульной силой грузчика. Называется так потому, что произведены эти тележки-погрузчики финской фирмой Rohla.

пункт и вообще, на всякий случай. Как говорится: «шоб було». Гарнизон — сводный, дежурить будем сменами по неделе, вахтовым методом. Отцы-командиры между собой уже все порешали, так что, я с большей частью своей группы тут остаюсь. А ты с утра забирай всех остальных, один «Урал», БРДМ ваш, да выдвигайся следом за колонной. В Посаде, как я понял, дела тоже фиговые, так что, без дела сидеть не будете. А пока — отбой. Отсыпайтесь, пока возможность есть.

Коротко кивнув, спускаюсь во внутренний двор и топаю прямо в «Ростикс». Не ошибся, именно там и сидят все мои архаровцы. Я ж говорил уже, среднестатистический боец ОМОН, как тот Вини-Пух, всегда не прочь немного подкрепиться. Как гласит древняя армейская мудрость: «Хороший солдат ест всегда, когда не спит». Собственно, этим моя «бригада-ух» сейчас и занимается. В смысле, хомячит так, что за ушами трещит. С удивлением замечаю там же компанию давешних «скубентов». Выглядят они несколько лучше, чем вчера, видимо, общение с медиками не прошло даром. Кроме медицинской помощи, гляжу, им еще и материальную оказали. В смысле — переодели. На девушках вчера вообще одни обрывки висели, которые на одежду даже с самой большой натяжкой никак не походили. Да и у парней и куртки, и свитера, и джинсы, было сильно кровью и грязью заляпаны и порваны местами. Сейчас на всех толком не обмывшийся еще армейский камуфляж. Судя по расцветке и пошиву — старый, образца начала девяностых «бутан». Со склада какого-нибудь, наверное. Чувствую, граждан, одетых в стиле «милитари» скоро сильно прибавится. Вытаскивали-то их по-разному: кого из дома, дав при этом время на сборы, а кого и с работы, как ту барышню в колготках... Вот куда она сейчас на своих каблуках и в обтягивающей короткой юбке? А ведь полно таких, вот и «распотрошили», видно, под их нужды какой-нибудь склад. Благо, у Родины в закромах много всего припасено. Мне вон, в свое время предлагали по знакомству недорого комплект настоящей красноармейской ПШ-42: штаны-галифе, гимнастерка с воротом-стойкой, да плюс сапоги хромовые. Мне оно вроде как не нужно было, да и денег в тот момент лишних как-то не водилось... В общем, не взял. Теперь, кстати, иногда жалею. Все-таки хочется иметь что-нибудь такое, необычное. Исключительно из тяги к прекрасному. И ведь если по армейским складам резерва порыскать, думаю, и формы времен Великой Отечественной, и застойных времен «повседневки» или «парадки», и афганской «эксперименталки»... да много чего на тех складах лежит, своего часа ждет. Кстати, к вопросу о барышне. Где она, интересно? Надо бы найти, да извиниться, что ли.

Но, как выяснилось, всех привезенных нами гражданских еще часа три назад увезли в лагерь беженцев в подмосковное Ашукино, поближе к базе Софринской бригады. Ну, значит, не судьба.

— Как самочувствие, «лыцари»? — присаживаюсь я рядом со студентами.

— Спасибо, лучше, — отвечает за всех Сергей, который в этой группе явно лидер.

Вчера, избитый и ободранный он выглядел совсем фигово, да и не присматривался я к нему, по совести сказать, других забот хватало. А вот сейчас пригляделся. Нормальный парнишка, крепкий, жилистый. Ну, да, триал — дело такое, там хлюпики не держатся, потому как засевшую в грязи машину, порой, не лебедками, а лопатами, срубленными деревцами и «пердячим паром» на сухую землю вытаскивать приходится. Отмытый и переодетый в чистое Кирилл тоже уже не производит того жалкого впечатления, что при первой встрече. Вполне спортивного сложения хлопчик, только роста не высокого и, на мой взгляд, патлат не в меру. В принципе, насколько я знаю, у теперешнего молодняка спорт не совсем в загоне. Это в армию они, все как один, не годны по причине общей утомленности организма, а вот на всякие паркуры и прочие фитнесы их вполне хватает. И откуда внезапно после выхода за дверь военкомата здоровье берется? Так что, на то, чтобы уgomонить полдюжины «манекенов» при помощи подручных средств, эти ребяташки оказались вполне способны. А вот потом спасовали. Нет, я не о том, что они с тем молотком и битой на пистолеты автомат не пошли, при таких шансах, пожалуй, и я дергаться не стал бы. Я о том, что так запросто дали себя измолотить. Мы в их годы все больше разными рукомашествами

и ногодрыжествами занимались, да в «железках» мышцу качали. Нам юшку пустить сложнее было. А у этих мордобой не в чести, и, несмотря на спортивные фигуры, в большинстве своем, на удар они жидковаты.

В любом случае, симпатичны мне эти ребята. Решительностью своей и готовностью рискнуть, если понадобится. Надо бы им как-то помочь. Но вот как? Было бы у них свое оружие, как у того же «внучка Ванечки» — дал бы патронов, не жалея. Но оружия у них нет, и своей властью я им его выдавать полномочий не имею. Кроме того, я краем глаза сам видел сурового вида генерал-майора в полевом камуфляже, который по «ящику» показывал особенности сборки-разборки карабина СКС и зачитывал с листочка адреса лагерей беженцев и опорных пунктов, на которых уже начали раздавать оружие. Так что, недолго им безоружными быть, доедут до ближайшего армейского «блока», по той же Тверской-Ямской, плавно переходящей в Ленинградское шоссе до Солнечногорска, там и вооружатся. А что им я могу предложить? О, идея!

— Кстати, господа рыцари, а чего у вас с доспехами так плохо?

Прежде чем ответить, парни с легкой завистью поглядели на закрывающие мои голени, плечи и предплечья пластиковые щитки, которые я до сих пор так и не удосужился снять.

— Хорошая штука, сразу видно, такую мертвецу сходу не прокусить. Да где ж нам такие достать? — с легкой завистью протянул Кирилл. — Если только у вас попробовать выклянчить. Все равно, ни купить, ни сменить нам их не на что...

— Ну, положим, именно эти, или другие такие же я вам отдать не смогу — казенная вещь. А вот помочь раздобыть что-нибудь похожее — запросто.

«Скубенты» явно заинтересовались.

— Ладно, не буду ваше терпение на прочность испытывать, скажу прямо. Тут совсем рядом, буквально двести метров по Садовому в сторону Самотечной здоровенны такой магазин есть, фирмы «Ямаха»...

— Это где пианино в витрине стоит? — Сергей явно понял, о чем я говорю.

— Угу, только не пианино, а рояль. Там вообще разных музыкальных инструментов полно. Но кроме «бабалаек» разных там еще и мотоциклами торгуют в соседнем помещении. А где мотоциклы, там всегда обязательно...

— Всякая защитная «сбруя», — заканчивает мою мысль Сергей.

Ну, да, он же джипер, а те с любителями квадроциклов и мотоциклов периодически на разных своих покатушечных сборищах пересекаются.

— Вообще-то, старших перебивать не вежливо, — наставительно поднимаю вверх указательный палец я, — но ты все правильно понял. Разные куртки-штаны с вшитыми щитками, панцири, наколенники-налокотники, шлемы опять же... Вот я и подумал: а не заглянуть ли нам туда на огонек и не разжиться ли чем-нибудь нужным?

— Мы только за, — пожимает плечами Сергей. — Только вам-то это зачем?

— А просто так, — улыбаюсь я в ответ. — Понравились вы мне, вот и решил вам помочь. Опять же, много ли вы возьмете? А остальное мы приберем. А то жизнь — она длинная, мало ли, вдруг пригодится. Ну, что, договорились?

— Договорились.

— Ладно, тогда встречаемся завтра в семь утра на этом же месте.

От студентов я пересел к своим, они как раз трапезничать заканчивали. Поговорил о своей идее с Андреем и Мельниковым. Те согласились, что ребятам помочь — дело хорошее, а самим при этом прибарахлиться — еще лучше. Всех дергать не будем, двумя «тройками» пойдем на «бардаке», да «скубенты» на своем внедорожнике. На Садовом мертвецов пока еще не слишком много, они уже достаточно поумнели, чтобы на проезжую часть широких улиц не вылезать. А вот узенькие переулки, наоборот, отлично блокировать научились. Если действовать быстро — вполне управимся.

Все, с насущным разобрался — пора и на боковую. Выискиваю свободное «койко-место» на длинных, вдоль всей стены, мягких «нарах» и аккуратно укладываю на него свой автомат. Мол, занято. Откуда нары и почему в кавычках? Ууу, это отдельная история. Кресла

в «Интерфаксе» хоть и мягкие, но не сильно подходящие для сна. Вот и занялся народ бытовым вандализмом. Разбираешь аккуратно кресло — получаются две вполне приличного размера «подушки», на которые, если их сдвинуть, вполне можно прилечь. Да, ноги остаются на полу. Ну, так там все-таки относительно чистое ковровое покрытие, а вовсе не голые цементные плиты. Вполне приличная лежка, бывало и куда хуже. Сначала такое койко-место себе один сделал, на него поглядев — второй... Так, в конце концов, и получились эти самые «нары», на глаз, штук на сорок посадочных мест, одно из которых я сейчас и занял.

Теперь пора гигиеной заняться. Висящее на стене от руки написанное объявление коротко и недвусмысленно: «Носки стираем, берцы оставляем за порогом». М-да, и с чего это я стиль изложения узнаю? У нас в жилом кубрике в Отряде почти такое же висит, только на принтере распечатанное. К чему такие строгости? Ну, как сказать... Если коротко и по-простому, то когда после насыщенного трудового дня сразу два десятка мужиков в замкнутом помещении стягивают берцы... Амбре в той комнате получается непередаваемый и сногсшибательный. С носками все просто — пошел, да постирал, если мыла нет, то просто в холодной проточной воде, на первый раз и ее хватит. А вот с обувью сложнее. Если ботинки вымыть, то не факт, что они высохнуть успеют к тому моменту, как снова понадобятся. Так что, пока до надежного места не добрался — боты лучше просто проветривать. И уж точно не стоит этого делать в том же помещении, в котором спишь. «Казарменного духа» большинство из нас еще во время службы в рядах непобедимой и легендарной нанюхалось. В общем, простирнул носочки в раковине рядом с туалетом, ноги помыл и пошлепал голыми пятками по ковровину в сторону «лежбища», дисциплинированно оставив свою обувь возле двери, где уже стоял десяток пар. Перевел мобилу в автономный режим, чтоб она, болезная, не сажала почем зря аккумулятор в бесплодных попытках поймать окончательно гавкнувшуюся сеть, завел будильник и, намотав на запястье и кулак правой руки автоматный ремень и обнявшись с «Тигрой», будто с девушкой, рухнул спать. Не буду утверждать наверняка, но мне кажется, что уснул я еще до того, как мое левое ухо коснулось мягкой, слегка вытертой спинами обивки.

Встать по тихому, но настойчивому треньканью будильника было сродни очередному подвигу Геракла. Нечасто со мной такое бывает, чтоб самого себе буквально пинком поднимать из постели приходится, но сегодня именно такой случай. Буквально на морально-волевых, не хотелось перед студентами себя балаболом выставить, доплелся до раковины. А там — сюрприз: вместо воды из крана только сипящий воздух. Вот и приплыли... Сначала свет, потом мобильная связь, теперь — водопровод с канализацией. Да, как ни крути, из Москвы пора уходить, любой мегаполис в таких условиях и без всяких зомби за пару недель загнется. Это вам не деревенька, где сам себе дров нарубил, печь в доме и баню протопил, керосину в «летучую мышь» залил, а вместо канализации — самодельный «скворечник» из не струганных досок над выгребной ямой. Надо, кстати, Антона в известность поставить, коль он тут за «коменданта снежной крепости», ему одной проблемой больше стало — теперь придется водой где-то запасаться. Лично мне сходу только пара вариантов в голову приходит: или какую-нибудь автоцистерну или пожарную машину под это дело приватизировать и придумывать, где ее заполнять, или на склады фирм, что двадцатилитровыми бутылками питьевой воды для офисных кулеров торгуют, рейды организовывать. А иначе — никак.

Пока я с «радостными» новостями ходил у Тисову — проснулась и моя команда. Взявший на себя роль мехвода «бардака» Угрюмцев, Буров, Солоха и Мельников — сами, Вальмонта и Гумарова поднимать пришлось. Ну, по поводу последнего я почему-то и не сомневался, сам он ни в жисть рано утром не встанет, а будить нашего татарина — та еще эпопея.

Когда мы спустились во внутренний двор и через служебный вход вошли в «Ростикс», Сергей и Кирилл были уже там. Вот третьего их товарища, такого же, как и Кирилл, излишне патлатого, да при этом еще и огненно-рыжего, Славу, кажется, пришлось еще пару минут подождать.

— Все? — уточнил на всякий случай я.

— Да, — подтвердил Сергей. — Мы девушек решили с собой не таскать, ни к чему оно. Помочь они нам все равно не смогут, так хоть мешать не будут. А «сбрую» мы им сами подберем.

Я только кивнул одобрительно и дал отмашку в сторону двери, мол, все на выход.

Сначала, при помощи стоящих в охране парней из второго взвода, отстреляли припершихся за ночь к арке въезда во внутренний двор «манекенов». Их и было-то не больше десятка. По виду судя — все, как их Кирилл метко окрестил, «веганы». В смысле — никого пока не евшие, и оттого до невозможности тупые. К тому же, ночью температура почти до нуля опускалась, так что со скоростью и поворотливостью у них тоже не ахти. Так что, за минуту совместными усилиями управились. Что интересно, даже на выстрелы и десяток окончательно упокоенных трупов зомби никак не отреагировали. Мелькнуло несколько фигур между домами на Третьей Тверской-Ямской, как мне показалось, пара измазанных бурой, запекшейся кровью рож из подворотни на Садовой-Триумфальной выглянула осторожно и все. Под выстрелы не вылезли. Умнеют, сволочи.

Усадив студентов в «Шевроле», мы забрались в БРДМ и тронулись. Ехать тут — всего ничего. И трехсот-то метров не будет, наверное. Пешком-то минут пять, если не спеша, прогулочным шагом, а уж на машине — и говорить не о чем. По дороге я все же успел прикинуть, как именно проникать в магазин. Пока что мой мародерский опыт ограничился подломом автосалона на Варшавском шоссе, но там основную работу за нас три безвременно почивших гопника сделали. Мы же просто в открытые (а, вернее, разбитые) ими двери вошли и взяли то, что нужно А тут...

А тут все оказалось не намного сложнее. Уж не знаю, что именно тут случилось несколько дней назад, но последствия выглядели так: здоровенный, будто сарай, джип «Линкольн-Эскалейд» по какой-то причине, уж не знаю по какой именно, слетел с проезжей части, протаранил и разметал в щепки стоящий на тротуаре фургончик «Русского Бистро» и, снеся несколько полосатых столбиков ограждения, уютно устроился прямо посреди витрины, зажатого между уже упомянутым «Миром музыки» и крутым мебельным салоном магазина «Мототехника». В который мы, собственно, и ехали.

Студентам я жестами дал понять, что им пока наружу лезть не стоит, магазин мы и без них почистим, вот тогда пусть и заходят, выбирают что приглянется. «Тройка» Мельникова осталась на «броне», а мы с «неразлучниками» полезли через выбитую витрину внутрь. В «Эскалейде» под надувшейся при ударе подушкой безопасности вдруг завозился незамеченный нами сразу покойник. Я лишь указал на него Гумарову, а тот вскинул свою «девятку», ствол которой украсился толстой слегка вытертой трубой ПБС. Глухо пумкнул ослабленный глушителем выстрел, лязгнул затвор, зазвенела по броне БРДМ зеленая гильза. Дергающий руками, пытающийся выкарабкаться из-под подушки безопасности мертвяк обмяк и затих. Нормально. Работаем дальше.

Интересное дело, раньше я в такие дорогие и пафосные торговые точки, как этот мотомагазин или автосалон на Варшавке даже не заходил. Не скажу точно, почему, тут сразу несколько причин сошлось: денег на то, чтобы купить что-то в таких местах у меня никогда не было, это раз. Во-вторых, не хотелось ощущать на себе презрительные взгляды продавцов, которые хотя сами тоже в собственном магазине ничего приобрести не могли, но зато на зашедших просто поглазеть граждан смотрели, будто на привокзальных бомжей, свысока и с презрением. Ну, и, в-третьих, не любитель я просто так по разным лабазам прогуливаться. Если что-то нужно — пришел, купил и ушел. Удовольствия от процесса под иноземным названием «шопинг» я испытывать не способен. Разве что в хороших магазинах армейского снаряжения и экипировки, вроде той же «Стратегии» или «Корпуса выживания» я могу зависнуть надолго, но это уже сродни экскурсии по музею. Не просто желание закупить всего, побольше и подешевле, а созерцание и получение эстетического удовольствия. Вот загнул, а? Зато сейчас, когда вокруг бог знает что творится, будто решил наверстать упущенное.

Магазин оказался очень даже симпатичный. И выбор хороший: кроссовые эндуро, солидные чопперы, даже на вид шустрые скутеры. Квадов разных тоже полно — от мелких пятидесятикубовок, детишкам по дачному поселку собак гонять, до здоровых, чуть не с трактор размером, «Бомбардье» и «Поларисы». И для внедорожных покатушек, и даже, если по смонтированным позади сиденья чехлам судить, для охоты. На ценники глянул — аж поплохело, мне мой верный сильно подержанный «Фокус» дешевле обошелся. Так он, по крайней мере, полноценная машина, пусть и не новая и утомленная русскими дорогами отечественным сервисом. Нет, хорошо, что я по подобным магазинам раньше не ходил — меньше расстраивался. Сейчас расстраиваться некогда — мы тут не на товары глазами а территорию зачищаем.

При «зачистке» никаких эксцессов не возникло. Вообще. Не оказалось в магазине ни одного зомби, не считая того, что в «Линкольне» придавленный подушкой безопасности загорал. Что ж, тем лучше для нас. «Глушак» у нас на шестерых всего один — на «девятке» Гумарова, так что при столкновении с мертвецами пришлось бы пошуметь. А на пальбу из окрестных дворов вполне могли забрести на огонек новые не совсем живые граждане... Пришлось бы и с ними воевать. Долго оно и хлопотно. Куда проще, как мы сейчас, без шума и пыли. Выглянул на улицу, Сергею в разбитую витрину рукой махнул, заходи мол, милости просим.

Пока Сергей, Кирилл и Слава придирчиво отбирали себе и своим подругам мотоциклетные куртки, штаны и шлемы, мы, особо не разглядывая, сметали все остальное в большие и прочные целлофановые пакеты с логотипом магазина, изрядный запас которых я обнаружил под кассовым прилавком. Закончив с полками и вешалками в торговом зале, заглянули в подсобку. Облом-с, много чего там было, но все больше из разряда запчастей. Из одежды и «доспехов» — только то, что в зале было. Ну, с паршивой овцы...

— Вы как, закончили? — негромко окликаю я Сергея.

Тот вместо ответа оживленно мотает вверх-вниз головой и демонстрирует мне сразу три шлема, подбородочные ремешки которых он зажал в кулаке. Хороший, кстати, выбор, я все опасался, как бы он этих понтовых «гермаков» не набрал. Тех, что наподобие шлемов пилотов «Формулы-1». Выглядят они, конечно, до умопомрачения круто, вот только слышимость в них никакая, и обзор ненамного не лучше. Обошлось, Сергей набрал шлемов, очень здорово похожих на наши «Джеты», разве что без защищающих шею сзади клеенчатых бармиц, да еще с другой формы креплениями забрала. Хороший выбор. Обзор не сужен, лицо закрыто, слышно в них тоже должно быть хорошо. Цветовая гамма, конечно... веселенькая, но тут уж не до жиру, что было, то и взяли.

— Все, помародерствовали и будет, — скомандовал я. — Пошли на выход. «Скубенты» первыми, потом мы.

Когда я, звеня мелким стеклянным крошечком, перебирался через выбитую витрину на улицу, в голову мне пришла забавная мысль: похоже, в новых реалиях слово «мародер» скоро потеряет свой отрицательный окрас и станет синонимом слова «добытчик».

На этот раз «Шевроле» на тротуаре оставлять не стали и он протиснулся в арку следом за «бардаком». Девушки уже ждали во внутреннем дворе, их наш связист оповестил. А его, соответственно, я, когда в БРДМ грузился. Распрощались тепло и как-то буднично, что ли, словно знакомые, расстающиеся на пару-тройку дней. Может и хорошо, как говорится: долгие проводы — лишние слезы. Тут же пожали друг другу руки, пожелали удачи и поехали каждый в свою сторону. Кто знает, может еще и встретимся, Земля — она круглая.

г. Пересвет, база Подмосковного ОМОН. 24 марта, суббота, день

— Ну, Боря, присядь и докладывай.

Вид у Бати усталый: под глазами тени, лицо осунулось. Сейчас особенно заметно, что этот могучий мужик уже далеко не молод. Да, грудная клетка по-прежнему больше на бочку похожа, да, шея бычья, да, в устрашающий кулак можно буханку хлеба упрятать и в

«Угадай, в которой?» поиграть. Но возраст уже давит на его мощные плечи. А тут еще все это. Раньше у него забот тоже хватало, но это были привычные, нормальные заботы. Внезапно же начавшийся конец света вполне может и куда более молодых из колеи выбить. Но полковник Львов держится. Ему нельзя сдаваться и показывать слабинку, у него почти три сотни вооруженных лбов в подчинении. М-да, что-то ситуация знакомая. Правда, у меня в Москве народу под командой куда меньше было. И думать мне только о выполнении поставленных задач нужно было. А у Бати еще и бытовых забот сейчас — выше крыши. Территория Отряда выглядит просто феерично: поверх бетонного забора, на месте висевшей там раньше одинокой, слегка поржавевшей спирали «егозы» — какое-то чудо инженерной мысли, натуральная паутина из колючей проволоки высотой чуть больше метра. На крышах — обложенные мешками с землей пулеметные гнезда. В них обычные ПК и «Печенеги», но это исключительно потому, что «крупняков» в Отряде нет, кроме тех КПВТ, что в бронетранспортерах. Ничего, зная нашего Батю, можно быть уверенным — скоро будут у нас и «Утесы» и «Корды». Может, и не сразу, но зато наверняка. На первый взгляд — в крепость база превращается. Но это только на первый. Если приглядеться, то теперь база Отряда — это этакая помесь гигантской коммунальной квартиры с военным лагерем. Помимо вооруженных бойцов ОМОН в камуфляже повсюду гражданские. В жилых кубриках, на заправленных синими армейскими одеялами койках — молодые женщины с детьми. На матах борцовского спортзала — женщины постарше и совсем пожилые мужчины. Мужики помоложе — просто в коридорах, на расстеленных спальных мешках, брошенных поверх туристических полипропиленовых ковриков. Сами омовцы — в тех же коридорах или кое-как превращенных в подобие спальных помещений кабинетах.

План «Крепость» выполнен, семьи бойцов и офицеров вывезены в максимально безопасное место, то есть, на базу Отряда. Кроме того, на футбольном поле стоят все шесть армейских палаток, в которых мы должны были в Чечне жить. И вокруг них — тоже люди. Как я уже у часового на воротах выяснил — это временка для штатских из тех, кого во время разных операций вытаскивают, что называется, «до кучи». Например, была команда взять под контроль насосную станцию, что весь Пересвет водой снабжает, а там — дежурная смена слесарей. И местных среди них — только трое. Остальные — кто из Посады, кто из деревень окрестных. Куда их девать? Домой своим ходом отправлять? Так сразу пристрелить куда гуманней выйдет. Да и кроме них в Пересвете довольно много приезжих оказалось, которым в самом городке и податься-то некуда — ни родни тут, ни знакомых. Вот и распределили их между Отрядом и батальоном Внутренних войск, что тут же, в Пересвете, квартирует. Относительно нашей базы они на противоположном краю города, но, учитывая размеры Пересвета... Минут за десять неспешным шагом. Чуть позже всех «приблудных» штатских думают в лагерь беженцев в Ашукино отправить, но пока ни транспорта, ни людей свободных для этого нет — других дел полно. Короче — весело тут. Ну, и мы, как всегда, вовремя. Аккурат с корабля на бал, да еще и с почти полусотней человек в разбитом автобусе в качестве «приятного бонуса».

Кратко и четко, стараясь «не растекаться мыслью по древу», начинаю доклад о проделанной работе. Львов слушает внимательно, иногда задает наводящие вопросы, уточняет. Такое ощущение, что ему интересно все, от тактики «зачистки» подъездов жилых многоэтажек, до особенностей размещения беженцев в не очень-то приспособленных под эти цели помещениях, от общего состояния дел в Москве, до настроения оставшегося на Триумфальной гарнизона и ходящих среди людей разговоров и сплетен. Много вопросов о расплодившихся в одночасье бандах задавал, на мой рассказ о расстреле и самодельной виселице только хмыкнул многозначительно. Долго расспрашивал о Гаркуше, мол, с ним он дело только по рации имел, хочет услышать мнение лично общавшегося с ним человека. Особый интерес проявил к мутантам. Я по его приказу вызвал Вальмонта, который их на свою новенькую навороченную «Моторолу» фотографировал. Подключили мобильный к компьютеру, перекинули фотографии на жесткий диск. Разглядывал их Батя долго, потом форменный допрос с пристрастием устроил: «А что? А как?» Словом, часа два я у него

провел, не меньше.

— Ладно, Грошев, спасибо за службу. Информации привез много — молодец, людей всех сберег — вдвойне молодец. Объяви своим парням — вас, как прибывших с передовой, до завтрашнего утра не трогаем и ни к чему не припрягаем. Отсыпайтесь, с родней общайтесь. А вот с утра — будьте готовы. Дел у нас теперь столько, что голова кругом идет. И все нужно успеть, потому что если не успеем — это нам может крепко икнуться уже в самое ближайшее время. Есть вопросы? Нет? Свободен.

Выйдя из командирского кабинета, тяну из чехла рацию, гарнитуру от которой я уже успел отсоединить, пока с Батей общался.

— Всем, кто работает с Алтай-11, до завтрашнего утра у вас «лишнее время», занимаетесь по личному плану. Как приняли?

Выслушиваю короткие скороговорки ответных докладов. Голоса у парней повеселевшие. Оно и понятно: посреди всего этого дурдома почти полноценный выходной с семьей — великое дело. Ладно, личный состав порадовал, пора и о себе подумать. Пойду в «дежурку», уточню, где моих разместили, вот только в кубарь по дороге загляну, ветоши на чистку оружия из тумбочки прихватить нужно.

Нормально так: во взводном кубрике сейчас натуральные ясли. Писк, визг, бегающие под ногами дети и разбросанные по полу игрушки. На экране старенького «комбайна» телевизор-DVD «Тошиба», бог уже знает когда вскладчину всем взводом купленного и, минимум, четыре командировки на Кавказ пережившего — мультики. Детвора носится, словно реактивные. Пока до собственной тумбочки добрался — чуть не уронили и не растоптали, блин. Цветы жизни, е-мое! В моей собственной тумбочке, как выяснилось, я уже и не хозяин: полки заставлены какими-то пузырьками, баночками и флакончиками, судя по картинкам — детское питание, какие-то сухие молочные смеси, витамины, вроде бы, и всяко-разные шампуни и прочие присыпки. Мое же добро в большом целлофановом пакете молодая и отчаянно краснеющая барышня извлекла из-под кровати и. М-да... Ну, с другой стороны, и на том спасибо. Могла ведь и просто выкинуть, за ненадобностью. Сдержано благодарю, забираю пакет и аккуратно, не наступить бы на кого из мельтешащих под ногами карапузов, двигаю в Дежурную часть. Нет, а собственно, с какого мне вообще перед ней в благодарностях-то рассыпаться? И с койки без моего ведома выгнали, и из тумбочки выселили... Хорошо хоть шкафчик до сих пор мой, но, как мне кажется, это исключительно потому, что он заперт, а ключ только у меня. Иначе уже и там сейчас не мой «тревожный рюкзак»⁷⁸, «Джета» и прочая амуниция лежали бы, а какие-нибудь памперсы штабелями в невероятных количествах.

За бронированным стеклом «аквариума» сидит, похоже, бессменный Дядя Саня. Глаза у майора красные, припухшие с недосыпу, лицо осунувшееся, бледное.

— Слушай, ты что, решил вообще больше спать никогда не ложиться? — ехидно интересуюсь я вместо приветствия, едва войдя внутрь.

— Угу, — невозмутимо кивает он, — Вокруг последнее время столько всякого интересного происходит — прямо обидно пропускать. Вот и сижу тут, как гвоздями приколотенный.

— А если серьезно?

— А если серьезно, то народу нет. Задач полно, людей не хватает. Всех «под ружье» поставили, включая «дежурку» и старшин. Тут только я да Стас, помощник мой, остались, вот и сидим посменно. Пока один вахту несет, второй отсыпается.

Вот оно даже как. Если даже ветеранов из «дежурки» и тыловики выгребли подчистую, то, видно, тут на самом деле все непросто. И выделенный нам командиром выходной — на самом деле просто царский подарок.

⁷⁸ «Тревожный рюкзак» — то же самое, что и «тревожный чемодан»: сумка или ранец, в которых у бойца собран минимальный комплект необходимых вещей и предметов, с которыми он в любой момент готов убыть в служебную командировку или на войну.

— Я чего спросить-то хотел, Дядь Сань — моих где разместили?
— Твоих? — майор на мгновение задумался. — Сестру и мужа ее — в нижнем спортзале. А родители твои не приехали.

— Как не приехали? — сердце словно ледяные тиски сжали.

— Спокойно, без паники! — дежурный, похоже, по моей враз побледневшей физиономии понял, что не слишком удачно свою мысль сформулировал. — С ними все в порядке, но они решили в Осинниках остаться. Отец тебе записку передал, но у нас тут и без того бардак, так что ее Антонине твоей отдали, у нее и спросишь.

Ой, я болван! Мы ведь, когда с Ярославки свернули и в сторону Пересвета по Горьковке пошли как раз мимо Осинников проезжали. Знал бы заранее — заехал и забрал. Но я-то думал, что они уже в Отряде... Лопухнулся!

— Фу, блин, Дядь Сань, ты уж будь в выражениях поосторожнее, а то у меня...

— Ага, инфаркт микарда — вот такой рубец! — хохотнул майор.

— Ну, примерно. Слушай, а ситуация у нас тут какая, если вкратце? У нас сегодня, вроде как, отсыпной, но лучше в курсе быть, на всякий пожарный...

— Ситуация... — задумчиво чешет седую щетину на подбородке дежурный. — Это, смотря где. Тут, в Пересвете — относительно неплохо. Мы ведь, за неимением лучшего, «красный конверт» на случай ядерной войны вскрыли⁷⁹. Контакт с нашим батальоном «вованов» и городской администрацией, теми, кто мозги сохранил и не сбежал никуда, наладили сразу. Как в плане и написано, взяли под совместную охрану основные объекты жизнеобеспечения: насосную, электроподстанции, продовольственные базы, магазины. Краснозаводский полк, ну, там, на самом деле народу теперь даже на полноценный батальон нету, после того, как бойчишки по домам рванули, сидит теперь на охране патронного завода и ГАЭС⁸⁰. Там же, на станции, считай, все четыре смены «шляпников» из ВГО⁸¹. И все с семьями. Сели крепко, так что, если с линиями электропередач и подстанциями ничего не случится, то с электричеством проблем у нас быть не должно. Для ГАЭС, как тамошние инженеры говорят, все оставшиеся потребители — это даже не нагрузка, а так, разминка. Пересвет, вроде, худо-бедно контролируем. Мертвяки были, но командир круглосуточное патрулирование улиц и дворов сразу по нескольким маршрутам организовал, да и «вэвэры» тоже не сплеховали. Были, конечно, потери и среди «мирняка», и в батальоне несколько человек не убереглись. Но в целом город мы удерживаем и, думаю, дальше удерживать будем. В Краснозаводске — похуже, там толкового патрулирования наладить не смогли. Объекты у них под охраной крупные, а народу немного. Совсем, конечно, штатских на съедение не бросили, но ситуация все равно тяжелая.

— А Посад?

— А ты сам что, не видел?

— Так мы не через город ехали, а по Ярославскому шоссе, мимо Торбеева озера.

— Понятно... Вот в Посаде дело плохо. Во-первых, там народу под сто десять тысяч только официального населения, без всех гастарбайтеров и прочих «гостей с юга», и площадь куда больше. Первые день-два УВД еще как-то ситуацию контролировало, а потом, когда стало понятно, что все в тартарары катится, народ разбегаться начал. Моргушин сдуру

⁷⁹ «Красный конверт» — в каждом подразделении МВД, МО или МЧС России в специальном опечатанном сейфе хранится особый конверт с набором типовых план-приказов, в соответствии с которыми данное подразделение должно действовать, в случае каких-либо чрезвычайных ситуаций: стихийного бедствия, техногенной катастрофы и даже войны (в том числе и ядерной). К сожалению, массовое нашествие зомби подобными приказами не предусмотрено, вот и пришлось использовать наиболее подходящий из имеющихся.

⁸⁰ ГАЭС — Загорская гидроаккумулирующая электростанция.

⁸¹ «Шляпники» — точное происхождение данного термина мне неизвестно, но «шляпниками» по какой-то причине называют сотрудников ФСО России из подразделений охраны важных государственных объектов.

попытался было гайки закрутить, чуть ли не до суда военного трибунала... Но, ты сам знаешь, какие там у личного состава к начальнику Управления «теплые» чувства были. Короче, дело темное и обстоятельств из непричастных никто не знает, но — грохнули его. Чуть ли не в собственном кабинете застрелили. Ну, а как начальника не стало, так все у них там окончательно медным тазом и накрылось. Как тот Папандопала говаривал: «Хлопцы начали разбегаться кто куда, в разные стороны». Когда этот разброд там пошел, так мы в Посад больше и не совались — и так на сам Пересвет и все взятые под охрану «точки» народу едва-едва хватило.

— Но там же люди...

— А здесь нет? — огрызнулся Дядя Саня. — Тут все как на войне, Боря: или спасаем хоть кого-то, но гарантированно, или начинаем в рыцарей без страха и упрека играть и, в результате, и сами ложимся, и всех уже спасенных людей губим. Потому что Отрядом в три сотни человек город в сто с лишком тысяч населения не удержать по определению. Пополам порвемся, пупки надорвем и костями ляжем — а толку не будет.

Эмоции эмоциями, а тут с ним не поспоришь. Сергиев Посад — райцентр крупный, на то, чтоб его надежно перекрыть не наш Отряд, а полноценная пехотная дивизия нужна. Причем, полного штата, а не те огрызки, что после массового дезертирства остаются. Вот только нет в округе ни одной дивизии. Бригада — есть, та самая, Софринская. Но бригада — это не двенадцать тысяч, а всего три с половиной. Из которых, я уверен, не меньше трех четвертей личного состава «на лыжи встала». Все ж бегут, а эти чем хуже? Такие же... А у тех солдат и офицеров, что остались, сейчас других забот полон рот. Тот же самый лагерь беженцев, что на их территории организовали. И даже если будет бригада какой-нибудь город зачищать, то это, скорее будет Пушкино, которое к Ашукино куда ближе, чем Сергиев Посад. Получается, никому Посад в такой ситуации не нужен оказался. И не только он. В таком же положении сейчас не один десяток городов в Московской области, я уж обо всей России и не говорю. Деревням и поселкам попроще, особенно тем, что на отшибе, а вот крупные населенные пункты — это большое количество жителей. А где много людей — там много зомби. Шансы есть только у тех городов, где военные базируются. Реутов с ОДОНом и «Витязем» в «одном флаконе». Долгопрудный, в котором кроме ОМОНа и СОБРа еще и несколько ракетных и еще каких-то полков стоит. Наро-Фоминск тот же, вот уж кому повезло — разом и «тамань», и «кантемировка». А вот насчет того же Подольска — очень сильно сомневаюсь. Отряд ОМОН там нашему ничем не уступает, ни подготовкой, ни количеством, но сам город по размерам раз, наверное, в пятнадцать больше, он же, не то, что Пересвета, Посада чуть ли не в два раза крупнее. И стоит, считай, сразу за МКАДом. Подозреваю, что не сдюжат парни.

— Ладно, Дядь Сань, пойду я, пожалуй, своих искать. Давай, держись тут. Прорвемся!

— А куда мы, на фиг денемся? — с грустной улыбкой отмахивается он. — У нас приказа другого не было!

Как дежурный и сказал, сестру я нашел в нижнем спортзале. У нас в Отряде их два — верхний, тот, что на третьем этаже — борцовский и, одновременно, «тренажерка». В нижнем мы в волейбол или мини-футбол зимой рубимся. Сейчас просторный зал с зеленым акриловым покрытием на полу, застелен армейскими плащ-палатками и матрасами, которых у наших старшин на складе за многие годы кавказских командировок богато накопилось. Да, по идее их уже давно списали и должны были утилизировать. Но какой же кладовщик будет материальные ценности разбазаривать? Вот и хранятся на складе целые кипы всякого барахла, от старых матрасов, спальных мешков и заношенного до неприличия камуфляжа до печек-булерьянов и разномастной мебели. Мало ли что? Прижмет жизнь — а у нас запасец имеется. Вот, она и прижала. А старшины наши, хоть и дразнил их народ «хомяками» и подкалывал по всякому, оказались готовы.

Мелкая, похоже, увидала меня едва я порог переступил. Я еще и оглядеться толком не успел, а она уже на шее повисла.

— Грошев, зараза! Живой!!! Как же я рада тебя видеть!!!

— Взаимно, Тось, взаимно. А Роман-то твой где?

— Ромка на тренировке. Тут ваши для всех, у кого оружие на руках есть, вроде курсов устроили. Мол, раз ствол имеешь — умеешь пользоваться. Причем так, чтоб мы не боялись тебя за спину поставить. И уже второй день дрессируют их на вашем стрельбище. Правда — без стрельбы. Говорят, патронов мало и вообще, нечего лишнее внимание шумом привлекать. Но гоняют серьезно, Ромка вчера еле до матраса доплелся.

Даже так? Роман — парень крепкий и в правильном подразделении в армии служил, его укатать — очень сильно постараться нужно. Конечно, Мелкая и присвистнуть могла, для красного словца, как говорят: «Немного не приврешь — хорошую историю испортишь», но, однозначно, кто-то всерьез за дело взялся. Надо будет сходить, поглядеть, что там и как.

— Как вообще добрались?

— Ой, Борька, лучше не спрашивай. Жуть какая-то. Помнишь, как мы с тобой все хихикали, когда всякие «Ночи живых мертвецов» глядели. Мол, вот идиоты, это ж надо такое вытворять? А пока до Пересвета доехали, такого нагляделась! Куда там этому Ромеро с его фантазиями! У нас же, кроме тех, что во дворе шатались, один мертвец, действительно, в подъезде отирался. Ромка в него, считай, в упор пальнул... Это все как по стене размазало. Меня как замутило... Как в машине очутилась — даже не помню толком. Да и потом, по дороге... Везде разгром, по улицам упыри эти ковыляют. Шестнадцатиэтажный дом, как свечка полыхает, а тушить некому. И из окон на верхних этажах люди выпрыгивают. Страшно...

Да уж, кто бы спорил.

— Держись, Мелкая. Теперь ты в безопасности. У нас здесь, сама знаешь, народ такой — любого упыря на запчасти разбарахлят, тот и мявкнуть не успеет. Да, слушай, а чего старый-то с мамой не поехали? Мне дежурный сказал, что записку отцову тебе отдал?

— Угу, — кивнула Тоня и начала сосредоточенно рыться по карманам. — Вот, на, читай.

Я развернул сложенный пополам тетрадный лист в клеточку, исписанный мелким уборым отцовским почерком:

«Здорова, сын! Спасибо, что предупредил. Я сразу всех наших мужиков на уши поставил. Сходу в оживших мертвецов, конечно, почти никто не поверил, но, решили, что раз уж ОМОН в Москве с кем-то в полный рост воюет — значит и нам тут ушами хлопать не стоит. Повскрывали сейфы, подоставали у кого чего есть. Я чуть не полдня сидел, всю «латунь» к «Сайге» из старых запасов картечью и пулями переснарядил — решил, что лишним не будет. Обзвонились все, что-то вроде схемы оповещения разработали, так, на всякий случай. Даже договорились, что если понадобится, дежурства и патрулирование поселка организуем силами нашей честной компании...»

Это да, компания у них там, в Осинниках, выдающаяся: большая — человек десять-двенадцать, и дружная. Не поверите — банная. Уже лет, не соврать, пятнадцать, если не двадцать, примерно в одном и том же составе каждое воскресенье в бане собираются. Часов с трех дня и до самого закрытия сидят, парятся, пиво или чай травяной пьют, за жизнь разговоры разговаривают, анекдоты травят. Меня в свое время, можно сказать, из этой бани в армию провожали и в ней же назад встречали. Да и после каждой командировки на Кавказ заезжаю отметить — традиция. А так я там давненько не появлялся, как отец говорит, мне там уже и прогулы ставить перестали. Но приветы через него вся тамошняя «старая гвардия», передает постоянно. Такой вот небольшой «клуб по интересам». И интересы эти не только в сравнении дубовых веников с березовыми, и темного пива со светлым заключаются. По крайней мере, насколько я знаю, какие-никакие «гладкие» охотничьи ружьишки есть у всех, а кое у кого, как и у отца моего, и нарезные карабины имеются. Но тут не столько «клуб», сколько Земляничное свою роль сыграло. Земляничное — это деревенька неподалеку от наших Осинников. Деревенька — так себе, маленькая. Известна только тем, что неподалеку есть источник, якобы самим Сергием Радонежским найденный, да охотхозяйством, в котором в свое время сам «дорогой Леонид Ильич» кабанов постреливал.

В девяностые там дела шли так себе, но совсем в трубу не вылетели, а последнее время так и вовсе ситуация на поправку шла. И большая часть тамошних сторожей, егерей и прочего персонала — наши, из Осинников. Да и просто охотников в поселке всегда хватало. Кроме того, отец там далеко не единственный отставник: кроме него есть еще как минимум два тезки, которых между своими так и зовут: Володя-майор и Володя-подполковник. Да и «срочную» по молодости служили все, старой закваски люди, не нынешняя «поросль», только и умеющая, что от военкоматов бегать, да за родительские деньги «белые билеты» покупать.

«... А уж когда по телевизору начали передавать сначала про режим ЧП, а потом и про мертвецов... Короче, сын, это ты последние пятнадцать лет в поселке несколько раз в году наездами бываешь, да и служба у тебя. А мы с матерью здесь полжизни прожили, я тут всех знаю, меня все знают. Не могу я отсюда так просто убежать, да и не хочу. Так что — остаемся мы.

В Осинниках пока тихо, ни одного мертвеца не видели. До Посада-то далеко, не добредут. Мать тебе привет передает. И, если будет возможность и время — заезжай. Поговорить нужно: ты ж у нас фронтовичок, советы твои нам совсем не мешают, а то, что я, что Володьки оба-два, хоть и офицеры, но малость по другим ВУСам. Ладно, бывай. Ждем в гости. Отец»

М-да... А, собственно, чего ты вообще ожидал, Борис Михалыч? Можно подумать, ты своего отца не знаешь? Вот заехать к ним нужно будет обязательно. Мало ли, может, и правда смогу подсказать что-нибудь дельное. Больше того, надо им еще и про раздачу оружия рассказать. Хотя, телевизор они смотрят, наверняка уже сами в курсе. Так что, думаю, уже съездили или в самое ближайшее время поедут.

— Ну, что, прочитал? — вопрос сестры выводит меня из задумчивости.

— Прочитал... Кто бы, блин, сомневался... Всю жизнь он у нас такой...

— Он один, что ли? — ехидно фыркает Тонька. — На себя в зеркало погляди! Копия. Перед вами обоими хоть флаг неси — рыцари без страха и мозгов.

— А это разве плохо?

— Сейчас — наоборот, — лицо Антонины посерьезнело, да и шутливые интонации из голоса пропали. — Когда вокруг — полный мрак, людям всегда нужен кто-то, за кем можно пойти. Нет, даже не так, нужны те, кто возьмут на себя ответственность, возглавят и поведут. А то и силой потащат, если понадобится. А такие как вы всегда сами будто напрашиваетесь, сами вперед лезете.

— Так ведь должен же хоть кто-то...

— Вот-вот, а почему «кто-то» — это обязательно должен быть ты? Почему у остальных — семьи-дети, а вы вечно за всех оптом переживаете?!

Ответить мне нечего, вроде, и правда в ее словах есть, но как-то не по душе мне такая правда.

— Не дуйся, Грошев, — грустно улыбается сестра и легонько тычет меня пальцем в переносицу. — Я ж тебя уже тридцать лет знаю. Вы иначе просто не умеете. Об одном прошу — про себя совсем не забывай. У тебя есть мы, мы тебя любим и за тебя переживаем. Ты нам нужен, причем, не в виде героического портрета в траурной рамочке и ордена на бархатной подушке, а живой и здоровый. Сказку про Данко помнишь? Вести людей к свету — это очень правильно и благородно, но иногда для этого приходится вырвать из груди свое сердце. А человек без сердца даже в сказках долго не живет.

— Ууу, Мелкая, что-то тебя совсем на черную меланхолию потянуло. А ну, улыбнись и не кисни!

Сестра послушно улыбается. Улыбка у нее красивая, будто у какой-нибудь кинозвезды голливудской. Вот только глаза все равно остались грустными, а они, как правильно кто-то умный подметил — зеркало души. Они не врут.

Потом мы еще примерно час болтали о всякой чепухе, что называется, обо всем и ни о чем. Потом в зал ввалилось около полутора десятков разномастно одетых и кто чем

вооруженных парней и мужиков, потных, красных и сырых просто навывлет. Крепко пахнувший свежим потом Ромка, на ходу стягивая через голову пропотевший камуфлированный китель, видно, еще армейских времен «дембелька», сначала протянул мне для пожатия руку, а потом буркнув: «Под охрану, боевой, заряженный», вручил мне свою «Сайгу» с примкнутым магазином.

— Пойду в душевую очередь занимать, — отдуваясь фыркнул он. — А то у вас тут только четыре кабинки, можно долго проторчать.

Да уж, что есть, то есть, не предусмотрена наша казарма для проживания такого количества народа. Она и для полного одномоментного сбора всего Отряда не сильно подходит, если честно. Вот дежурному взводу тут вполне комфортно, а если больше — уже начинаются напряги. Сейчас же в Отряде просто натуральный «час-пик»: дикая скученность, везде очереди — в туалет, в душ, в столовую. Нужно в самое ближайшее время что-то решать, иначе до добра это все не доведет. Где подобные стесненные условия — там обязательно возникает психологическая напряженность, а вслед за ней — конфликты. А «разборки» с участием вооруженных гражданских могут весьма плачевно закончиться. Не сразу, нет, но бесконечно такие «нарывы» назревать не могут — обязательно прорвет рано или поздно. Я с подобным не один раз на Кавказе сталкивался. Когда сто восемьдесят суток сотня, а то и полторы здоровых молодых мужиков сидят практически безвылазно на «точке» в горах. И ни одного нового лица, ни одной свежей новости. К концу командировки уже глядеть было тошно на эти давно опостылевшие рожи. Люди начинали собачиться из-за любой чепухи. И это крепкие и подготовленные бойцы ОМОН, чего уж про штатских говорить...

Так, хорошо, родственников проведаль, теперь пора и самому где-нибудь на ночлег устраиваться. До ночи, конечно, еще далеко, но лучше о спальном месте побеспокоиться заранее, да и планы кое-какие имеются.

С размещением все решилось просто. У нас все-таки военизированное подразделение, и подобные вопросы принято решать централизованно. То есть, распределить относительно пригодные под проживание помещения в казарме между подразделениями волевым решением командира. В смысле, сел Батя, мощный свой загривок почесал и устроил «материализацию духов и раздачу слонов». Типа, первый взвод первой роты — кабинет психологической разгрузки, второй взвод первой роты — бухгалтерия... Ну, и так далее. Короче — всем сестрам по серьгам и пусть никто не уйдет обиженным. Места в тех кабинетах, понятное дело, только спальники поверх «пенки» бросить. Одежда — в тюк свернуть, и под голову, личные вещи — в сумки и аккуратной кучей сложить у входной двери. Условия самые спартанские. Но народ у нас не привередливый, видали условия куда хуже. Стены есть? А крыша? Окна целы и? И даже электричество имеется? Так чем ты не доволен, хороняка? Это тебе не брезентовый навес из плащ-палатки и едва тлеющий, немилосердно дымящий на сырых дровах костерок посреди раскисшего от нескончаемого мелкого снега с дождем леса в чеченских предгорьях. Вот уж где был натуральный отель «Редисон-Славянская». Какие там «пять звезд»? Не меньше десятка! И ничего, пережили, даже серьезно никто не простудился... Так что, тут у нас условия вполне вменяемые.

Прежде чем размещаться, мне еще кое-что сделать нужно. Спустившись со второго этажа на первый, снова захожу в наш взводный кубрик и, открыв свой шкафчик, достал из него сумку с ноутбуком. «Бук» у меня заслуженный — две чеченские командировки прошел. Незаменимая штука: и кино посмотреть, и книжку почитать, и, если прием устойчивый, что даже в Чечне изредка случается, используя мобильный телефон как модем, в интернет вылезти, родне письмо на электронную почту черкануть. Пусть и недешевое удовольствие, но, всяко надежнее и быстрее, чем обычные письма по почте отсылать. Условия эксплуатации, правда, от тепличных далеки. Мой ASUS чего только на Кавказе не пережил. И блок питания у него от перепадов напряжения горел, когда у нас дизель-генератор чудил. И с самых разных высот он падал, и однажды во время тревоги его кто-то не только с тумбочки стряхнул, но еще и ногой наступил. Не сильно, иначе раздавил бы к чертовой

бабушке, но грязный след берца на крышке остался отчетливый. Но даже после всего этого он продолжает работать. Да, малость подустарел и новые игры на нем уже не пойдут. Так я в игры и не играю почти, а тетрис на любой «пишущей машинке с экраном» запускается, так что мне оно не критично. Для всего остального возможностей пока вполне хватает.

Так, похоже, долго я собирался. Как обычно, все самые удобные места уже заняты. Кинуть спальник теперь можно либо у входной двери, либо возле большого, громко булькающего компрессором аквариума, в котором лениво шевелят плавниками, кажущиеся вечно удивленными из-за приоткрытого рта, золотые рыбки. С другой стороны, сон у меня крепкий и компрессор его вряд ли потревожит, а вот розетка там имеется, что для меня куда важнее. Правда, все гнезда заняты, но это не проблема, я в этом вопросе воробей стреляный и «пилот»-«пятерка» у меня всегда в сумке. Увидев внезапно появившиеся четыре свободных розетки народ вокруг резко оживился. Ага, кто бы сомневался: на халяву и хлорка — творог, а аккумуляторы к станциям всем заряжать нужно... Короче, теперь золотые рыбки удивленно взирают из-за стекла не только на экран моего ноута, но и на четыре помаргивающих красными светодиодами зарядных «стакана», выстроившихся рядом на полу рядом со мной.

В комнате довольно тепло, поэтому стянув с себя и китель, и тонкий свитер, остаюсь в брюках и футболке, а все остальное заворачиваю в куртку и убираю под спальник в изголовье. Вполне нормальная подушка вышла. Сам вытягиваюсь поверх спального мешка, а ноутбук ставлю себе на пузо. Ну, пожалуй, приступим. Так, а вот как бы мне свой «опус» обозвать? Блин, с названием — проблема. А, плевать, пусть будет просто «Документ Microsoft Word.doc». Что называется, простенько и со вкусом.

г. Пересвет, база Подмосковного ОМОН. 25 марта, воскресенье, утро

— Угу, значит: «Провести среди совершеннолетних граждан перепись на предмет выявления среди них специалистов в областях деятельности, необходимых для жизнеобеспечения анклава»... От ты ж загнул... А слог-то какой. Тебе, Грошев, не в ОМОНе служить, а романы писать! Фантастические, блин.

Молчу, Батя мужик такой, подкололот любит, но к дельным предложениям относится серьезно.

— Ты под словом «необходимые», вообще, что конкретно подразумеваешь?

Блин, мой прокол, ведь хотел расписать подробнее, да решил, что незачем очевидные понятия разжевывать.

— Прежде всего, это люди, по работе имевшие отношение к жизнеобеспечению в самом прямом смысле: электрики, сантехники, водопроводчики. Потом — автомеханики, слесаря всевозможные. Строители любые: плотники, каменщики, кровельщики. Водители и операторы строительной техники. Водители грузовиков и автобусов... Пекарня у нас в городе есть? А многие в ней поймут что-то? Это на семью пирожков почти любая женщина сама напечь сможет, а нам, тащ полковник, сейчас о пропитании на целый город, пусть и небольшой, думать нужно. Врачи, опять же, всех направлений. Учителя.... Да много кто. Тут отдельно нужно сидеть, думать, список специальностей составлять...

— Тоже верно, — кивнул Батя и опять уткнулся в монитор компьютера. — Так, что там дальше? Ага: «Из числа наиболее подготовленных мужчин, прошедших срочную воинскую службу в подразделениях ВДВ, МП, спецназа ВВ МВД, войсковой разведки, других спецподразделений и офицеров (в том числе и в отставке), тех же родов войск и подразделений, и при этом не обладающих специальностями в областях, необходимых для жизнедеятельности анклава, сформировать вооруженную дружину, на которую возложить патрулирование и охрану внутри защищенного периметра, а также привлекать в качестве вспомогательных сил к выездным операциям с низким уровнем угрозы...» Низкий уровень, это ты как понимаешь?

— Это, товарищ полковник, например склады какие-нибудь вывозить. Одних их на охрану погрузки или колонны в движении отправлять пока рановато, а вот на взвод наших два взвода «иррегуляров» придать — уже вполне нормально получится. Ну, понятное дело, сначала подрессировать придется, но, учитывая, кого набирать будем — вряд ли много возни и трудностей в подготовке нарисуеться. Людей нужно брать только самых подготовленных. Зато реальные бойцы для выполнения реальных задач сразу высвободятся.

— Понял, ладно, едем дальше: «Привлечь весь персонал СМУ НИИХимМаш и мужчин, имеющих строительные специальности, к оборудованию защитного периметра по границам города...» А не круто, весь город огораживать? Потянем?

— Придется, тащ полковник. В стенах Отряда нам уже тесно. Вот-вот из-за бытовых трудностей кусалово между людьми начаться может. А тут все и так на нервах и при оружии многие. Причем, вооруженных скоро еще больше станет. Проще если не весь Пересвет, то хотя бы его центральную часть в крепость превратить. Да и не вижу в задаче ничего невыполнимого: дома у нас стоят компактно, так что нужно будет окна с внешней стороны этажа до четвертого закрыть, а выше оставить только как амбразуры и прочие огневые точки. А стену ставить между домами. Трудно будет, согласен, но вполне возможно. Да и люди, думаю, постараются. Не для галочки ведь строить будут, не на чужого дядю вкалывать, а свою собственную жо... кхм... жизнь защищать.

— Согласен, но между домами — тоже немаленькой длины забор получается, Грошев. Из чего мы его городить будем, тоже подумал?

— Так точно, подумал. Можно начать демонтаж защитных экранов, что по МКАДу стоят и на Ярославке в районе Мытищ и развязки в Королеве. Пока на них кто другой умный и сообразительный не нашелся. Они ведь смонтированы просто — на болты и гайки, в бетонные блоки основания вмурованные. Этакий детский конструктор, только размерами намного больше. Панелевозы в СМУ есть, вы это и сами знаете — соседи как-никак. Сформировать бригады грузчиков, пару кранов, грузовиков побольше. На охрану не покуситься. И пойдет дело. Этих экранов ведь вдоль трассы — километры и километры. Сделаны из гладких бетонных плит или какого-то прозрачного, но толстого ударопрочного пластика, высота — примерно десять метров, а то и выше. Не то, что обычного зомби, думаю, и мутанта удержат. Особенно те, которые из пластика, они ведь сверху еще и внутрь загнуты. Установить их кривизной наружу — и все, никто не перелезет.

— А пулю или даже выстрел гранатометный твой забор удержит? Сам же говорил, бандитов расплодилось...

— Товарищ полковник, нормальный обстрел даже танки не выдерживают. И что, теперь вообще никак не отгораживаться?

— Хм, — Львов чешет в затылке. — Ладно, допустим, убедил. А вот это как: «Из числа лиц, не имеющих необходимых в данных условиях специальностей, сформировать бригады разнорабочих...» Ну, да, с этим тоже все ясно, кому сейчас нужны агенты по продаже недвижимости и прочие неизвестно чем занимающиеся менеджеры. Только как ты, Боря, собираешься всю эту шатию-братию работать заставить?

М-да, это вопрос, конечно «узкий». Пока я собираюсь с мыслями, командир продолжает:

— Так что, предложишь передовой опыт предков вспомнить? Продовольственные карточки, трудодни? Ты учти, так и до рабских ошейников довспоминаться недолго...

— Никак нет, тащ полковник, никаких ошейников! А что касается передового опыта — запросто. Только не предков, а той же Африки. Уж где-где, а там лагерей беженцев полно. Как там организовано? Охраняемый периметр, палаточный городок, раздача какого-то минимального продовольственного набора ежедневно, медицинское обслуживание при необходимости и поддержание внутреннего порядка. Этот минимум мы спасенным обеспечить обязаны. Его и обеспечим. А вот если кто-то хочет не перловый суп с килькой в томате кушать, а ту же колбасу с сыром — милости просим в рабочую бригаду.

— Ничего себе, Грошем, ты гуманист...

— А что делать? Не мы такие... Как еще сейчас можно заставить молодых лбов, не желающих работать? Нет, я молчу про пенсионеров или, допустим, женщин с маленькими детьми. Даже в блокадном Ленинграде была категория «иждивенцы» и им еду «за так» выделяли. Не много, но так много и не могли. У нас все не так ужасно, продуктов найдем и прокормим. Но именно таких. А вот совершеннолетних граждан, которые всю сознательную жизнь мобильными телефонами торговали или, в перерывах между «Пауком» и «Одноклассниками», никому не нужные бумажки с одного угла стола на другой перекладывали... Вы что, правда верите, что подобные кадры пойдут работать? Нет, кто-то, возможно, пойдет. Но большинство будет сидеть на заднице, и орать про свои порушенные злобными ментами права. Это у них сейчас модно. «Я свои права знаю!» А то, что права гражданина — это всего лишь «приятный маленький бонус» к его же обязанностям — давно забыли, если вообще когда об этом слышали.

Ага, кажется, в точку попал. Батя нахмурил брови, задумался. А я продолжаю:

— Вот и выйдет, что одни будут, собой рискуя, крупы и тушенку со складов вывозить, и на стенах с автоматами стоять, а другие, пользуясь тем, что ни черта не умеют и уметь не хотят, будут, вопя про свои права, за их спинами сидеть, и кашу, из той крупы сваренную, жрать? А не облезут? И даже не в этом главный вопрос. Главный — как скоро такая ситуация надоест тем, кто вывозит и стоит?

— Нет, Грошев, тебе точно в писатели идти нужно было, — хмыкает командир. — Ну, а если все равно не захотят, мол, сами с усами?

— Да ради бога! Человек работать должен осознанно и добровольно. Не хочешь — минимальный необходимый для жизни паек и защиту обеспечим, а остальное — сам, ежели уж склонность к самостоятельности вдруг проснулась. Оружие, вон, любой психически здоровый и несудимый за несколько минут получить может. А дальше — все сам. Вот только за попытки взлома магазинов в городской черте и воровство наказывать максимально жестко. Про грабежи, разбой и прочие «тяжкие против жизни, здоровья и собственности» я вообще молчу.

— И как наказывать будем? Расстреливать или вешать?

Нет, я так и знал, что икнутся мне еще мои московские «приключения».

— За убийства или изнасилования — однозначно. В остальных случаях — хватит и просто изгнания. Как говорится: «Вон — бог, в вон — порог». Не хочешь жить по-человечески с людьми — живи с упырями. Сколько сможешь, столько и живи.

— Злобен ты, прапорщик, — задумчиво качает головой командир.

— Времена такие, товарищ полковник. Мне тут вчера наш Дядя Саня правильную вещь сказал: нет у нас сейчас возможности политесы разводить и в демократию играть. Или хоть кого-то спасаем, или все дружно медным тазом накрываемся. Лично мне вообще не хочется вонючим куском мяса по улицам шаркать и тухлую мертвечину жрать.

— Не поспоришь... Ладно, Боря, основную мысль твоей... ну, пусть будет — докладной записки, я понял. Остальное позже посмотрю, уж не обижайся, — Батя выразительно смотрит на часы у себя на запястье. — Дела не ждут. Скажу одно: такие вот мысли не тебе одному в голову приходят. Я со многими сейчас связь держу, в других местах похожие идеи тоже уже появляются.

И почему я совсем не удивлен? Похоже, прошло время политиков, с их бесконечной демагогией о свободе-равенстве-братстве и прочих демократических ценностях. Времена настали суровые и к «рулю» встали военные. Которые не умеют много и красиво говорить, зато привыкли четко действовать.

— Одно мне скажи, Борис, как ты вообще до мыслей таких дошел? — пристально смотрит мне в глаза Львов и аккуратно стучит пальцем по монитору моего ноутбука. — Я ведь понимаю, что это все — не экспромт, вчера на коленке сляпанный. Нет, что-то, конечно, именно сейчас выдуманно, но вот основные-то идеи...

— Тащ полковник, если расскажу — все рано не поверите, — пытаюсь отшутиться я.

— А ты попробуй.

— Ну, в общем, есть, вернее, теперь, наверное, уже было в интернете одно веселое местечко... Форум один. Это такое место...

— Грошев, ту командира совсем за дурака не держи, — ухмыляется Львов. — Я, конечно, малость постарше вас, хакеров доморощенных, буду, но не совсем уж темный и дремучий.

— Виноват! — изображаю попытку подскочить по стойке смирно я и продолжаю. — В общем, тамошние постоянные обитатели сами себя звали «Палатой параноиков». Ни больше, ни меньше. И занимались они странным — обсуждали все возможные варианты гипотетических концов света. Любых, от ядерной войны до вторжения инопланетян, от очередной революции до падения метеорита. Забавное такое местечко...

— А по-моему — сборище идиотов, — хмыкает полковник.

— Ну, не без этого. И дураков, и тех, кто дураков изображал, просто так, от нечего делать, там тоже хватало. Но и вполне разумные мысли и идеи частенько проскакивали. Я там частым гостем был. Сидел, читал, прикидывал...

Ловлю на себе подозрительный взгляд Львова и улыбаюсь.

— Нет, товарищ полковник, вы не подумайте... Тут, скорее, зарядка для мозгов была. Есть некая вводная: случилось вот этакое, вот случилось, и все... И что ты, исходя из того, что прямо сейчас знаешь, умеешь и имеешь при себе, сможешь сделать, чтобы выжить?

— Хм, ну, может, ты и прав. Хотя, вторжение инопланетян, это, конечно немного чересчур...

— А вот это, — я выразительно смотрю в сторону выводящего на улицу окна, как бы намекая на все происходящее сейчас снаружи, — как вам, не чересчур?

Командир аж поперхнулся и побагровел от неожиданности. Уел я его.

— Ладно, Грошев. Еще раз спасибо за работу. Задумку твою я еще раз перечту внимательно, с другими людьми ею поделюсь. Ситуация у нас сейчас, на самом деле слишком уж не стандартная, ни одним Уставом или наставлением не предусмотренная. Сейчас каждая дельная мысль — на вес золота, каждое лыко — в строку. А пока, дуй-ка в «дежурку». Там через, — полковник снова смотрит на свои часы и возвращает мне назад мою флешку, — три минуты совещание командиров подразделений. Начштаба будет задачи на день раздавать. Не опоздай.

— Есть, тащ полковник!

В «дежурку», так в «дежурку». Интересно, что день грядущий на готовит?

Интермедия четвертая. Евгения Воробьева

Лагерь беженцев... Странное словосочетание, чуждое какое-то, инородное, совсем не подходящее для России. С ним все время ассоциируется Африка: какие-то смутные детские воспоминания — репортажи в программе «Время» про очередную гражданскую войну в какой-нибудь Либерии, Буркина-Фасо или Конго, да совсем свежий фильм «Кровавый алмаз» с возмужавшим, но по-прежнему симпатичным ДиКаприо, на который она примерно месяц назад ходила в кинотеатр. Беспросветная нищета, из какого-то мусора кое-как слепленные шалаши и маленькие хижины, редкие нитки ржавой колючей проволоки на покосившихся столбах, грязь и мусор. И даже на вид — ощущение полнейшей безнадёги. Не так давно, в середине девяностых, в новостях очень много говорили о лагерях беженцев в России, но это было далеко, где-то на Кавказе, за многие сотни километров и от бурлящей Москвы, и от сонного Иванова. А то, что далеко, чего не видишь своими собственными глазами, того как бы и нет. Теперь же оно есть. Как там у Маяковского? «Войдет упруго, грубо, зримо...»? Точно сказано, пусть и совсем по другому поводу.

Конечно, выглядит все и не так ужасно, как в тех старых репортажах. Старые, выцветшие, до небольших дыр пропревшие и немного истрепавшиеся у земли армейские брезентовые палатки, тесно прижатые друг к другу, расставленные аккуратными рядами на футбольном поле посреди воинской части. С двух сторон этот небольшой стадион окружен

зданиями: штабным корпусом, спортзалом и офицерской столовой с одной, и медсанчастью с другой. С третьей — какое-то нагромождение труб, лесенок и турников — спортгородок. С четвертой — неглубокий овраг, отделяющий футбольное поле и примыкающий к нему спортгородок с разными турниками и полосой препятствий от большого полигона, который солдаты из охраны называют тактическим полем.⁸² На этом самом поле сейчас — тоже палатки. Много, ряды и ряды. Вокруг — построенный явно на скорую руку, но вполне добротный двойной забор из сетки-рабицы на немного ржавых, но толстых металлических трубах. Высокий — метра три с половиной, сверху еще и оплетенный странного вида, завитой в спираль колючей проволокой. На всех крышах — часовые с автоматами и даже пулеметами. И вдоль забора снаружи время от времени проходит патруль из трех вооруженных солдат. Кроме того, по обе стороны от штабного корпуса торчали из-под земли диковинными грибами темно-зеленые металлические колпаки, очень похожие на башни тех бронированных машин, на которых ездили по Москве спасшие ее омовцы. Разве что выглядывавшие из амбразур стволы тут были по размеру намного меньше. Время от времени то тут, то там на периметре охранения бахали одиночные выстрелы, а порой и сразу несколько стволов начинали молотить грохочущей скороговоркой. Это посты охранения отстреливали лезущих к забору мертвецов. Удивительно, но на выстрелы большинство людей вокруг перестали не то, что дергаться, а вообще на них реагировать. Стрельба стала привычным, обыденным звуком. Этаким неизбежным «звуковым сопровождением» вроде гудков клаксонов и хлопков автомобильных глушителей в городах. Точно так же не вызывали уже никаких эмоций ходящие вокруг вооруженные люди. Но тут все было вообще просто: чего их бояться, если они тебя и твою семью защищают? В общем, на Женькин непрофессиональный взгляд, охранялось тут все серьезно и на совесть.

Внутри палаток обстановка предельно спартанская — простенькие, похожие на небольшие металлические ящики с дверцей, печки с трубами, выведенными на улицу через отверстие в крыше, по две штуки на палатку. В центре, между двумя высокими опорными столбами — явно кое-как, наспех сбитые из плохо оструганного горбыля стол, и две длинные скамьи, накрытые обычным, сложенным вдвое, толстым полиэтиленом и синяя пластиковая бочка с водой. Ее и умываться в умывальники набирают, и пьют. Вдоль стен рядом стоят облезлые и сильно ржавые двухъярусные кровати с провисшими панцирными сетками. По шесть с каждой стороны. Итого — двадцать четыре человека в палатке. И это им еще повезло, кроватей на все палатки не хватило, и в некоторых сколотили длинные, во всю стену двухэтажные нары. Все «удобства» снаружи: на двух столбах и приколоченной к ним широкой доске висят три деревянных умывальника, а чуть поодаль от палаток, у самого забора, рядом с клубом — большущий, наверное, штук на тридцать «посадочных мест» туалет. На койках нет не то что постельного белья, но даже матрасов. Скрипучие ржавые сетки накрыты солдатскими плащ-палатками. Тоже старыми, блеклыми, неоднократно заштопанными. Как отец в таких случаях шутил: «В ней трое померли, двух похоронили». Очень на то похоже. Стоит все прямо на земле, никакого настила нет и в помине, разве что песком, перемешанным с мелким гравием, какая-то добрая душа все засыпала. А иначе — была бы в палатке непролазная грязь — как-никак март на дворе. Дрова к печке сырые, горят — так себе, зато сильно дымят. Солдатики — добрые души, поделились своим богатым жизненным опытом и куда меньшими материальными благами: принесли полведра солярки и отмытую консервную банку из-под сайры, посоветовав время от времени подплескивать понемногу на расколотые поленья в печи. Дрова стали гореть лучше, но дымить — еще больше, да и запах у горящей солярки не самый приятный. Вдобавок, жестяные колена, из которых печные трубы собраны — старые, ржавые и мятые, оказались очень плохо подогнанными. Часть дыма выходит через трубу не на улицу, а прямо в палатку. Из-за этого

⁸² Тактическое поле (тактический городок) — армейский тренировочный полигон, имитирующий различные типы местности, на которых может вестись бой (городская и сельская застройка, укрепленные позиции и тд.).

под потолком постоянно клубится сизое марево. Все девчонки, а их палатка чисто женская, сильно кашляют. Но зато внутри тепло. А вот вчера ночью они все уснули и не уследили за печками. Те погасли, и к утру все население их палатки дружно подпрыгивало, приседало и похлопывало себя озябшими руками по бокам на небольшом пяточке перед входным тамбуром. Даже на улице оказалось теплее, чем внутри. Женька даже представить себе не хотела, что могло бы быть, останься она до сих пор в своей офисной «униформе»: обтягивающей юбочке, блузке и коротенькой демисезонной курточке. Если и не окочурилась бы, то уж как минимум пневмонию заработала. Но ей повезло: в эвакуационном центре на Триумфальной площади, куда ее привезли омовцы, кроме них были еще и врачи из МЧС. И увидев, в каком виде эвакуируется Женька, две находившихся среди них женщины просто в ужас пришли. Поохали сочувствующе, пообещали помочь. И помогли. Буквально через час какой-то полный дядька с ухоженной испанской бородкой, одетый в аляповатую темно-синюю форму МЧС принес ей, и каким-то ребятам, нарвавшимся на грабителей и серьезно пострадавшим, несколько комплектов армейского камуфляжа. И летнего, и зимнего и даже белье нательное, которое он обозвал «белугой», не забыл. Смешное такое, из толстой и мягкой на ощупь белой фланели. Просторная рубашка с длинным рукавом и треугольным воротом и обтягивающие штаны с ширинкой на пуговицах. Как ни странно, все оказалось по размеру и впору. Когда она сказала об этом, бородатый аж надулся от гордости и, легонько ткнул себя кулаком в грудь и заявил, что у него — глаз-алмаз, и он уже столько призывников за свою жизнь одел, что ему достаточно один раз на человека поглядеть, чтоб его размер одежды выяснить. А вот с обувью вышла проблема — не было на здешнем складе таких маленьких сапог. Толстяк, с виноватым лицом, лишь руками развел, мол, не предусмотрена армейским снабжением такая нога. Детский размер. Так и пришлось бы Женьке и дальше дефилировать на шпильках, но ей снова повезло — поделилась своими кроссовками одна из эвакуированных омовцами из дома на Садовом кольце девушка. Но, даже несмотря на теплую «белугу» и два слоя камуфляжа, замерзла Женька, буквально как собака. Весна в этом году, конечно, аномально теплая, но это днем, а вот ночью температура до нуля падала.

И снова пришли на выручку стриженные наголо, камуфлированные «ангелы-хранители» — солдаты из охраны периметра. Они снова развели огонь в печках и посоветовали поделить ночь на дежурства между всеми живущими. В итоге получилось, что каждой придется пободрствовать буквально по пятнадцать минут за ночь, зато печки гарантированно не погаснут. Самое обидное — ведь ничего сложного нет ни в идее, ни в ее исполнении. И почему же сами не догадались? Вот тебе и «тупые вояки»... Угу, они — тупые, а без их подсказки двадцать четыре «умниці» чуть себе зад... все что можно не отморозили.

С улицы донеслось звонкое бреньканье. Это возле столовой на невысоком столбе висит на ржавой толстой проволоке кусок рельса. Три раза в день кто-то из солдат от всей души колотит по нему молотком, собирая обитателей палаточного городка на завтрак, обед и ужин. Женька не спеша встала с кровати и, сняв с прикрученного к кровати дужке крючка из тонкой алюминиевой проволоки старенький, облезлый армейский котелок, внутри которого погромыхивают кружка и ложка, вместе с прочими обитательницами палатки пошла к столовой.

С организацией и тут все было в полном порядке. Базы «тупых военных» вообще, судя по Женькиным наблюдениям, оказались едва ли не единственными островками относительного порядка в воцарившемся вокруг безумии. Да, в спокойные времена над их «так точно, никак нет» и привычкой всюду ходить строем, можно было смеяться сколько душе угодно. Зато сейчас именно благодаря этой самой привычке, они, если судить со стороны, совершенно не напрягаясь, организовали получение пищи добрым десятком тысяч человек за раз. Без воплей, толкотни и прочего бардака. И ведь ничего сверхъестественного им для этого делать не пришлось. Просто разбили людей на группы по принципу одна палатка — одна группа. Выстроили эти группы в очередь и пропускают в столовую партиями. Столовая тут большая, человек по четыреста разом рассадить можно. Рядом с

очередью неспешно прогуливаются туда-сюда несколько вооруженных автоматами офицеров. С одной стороны — для охраны, с другой — так и для поддержания порядка. Женька уже очень давно не была наивной, а глупой — так и вообще никогда. Она прекрасно представляла себе, в какую безобразную свалку могла бы превратиться эта, сейчас вполне чинная и благопристойная неспешная очередь, не будь тут этих усталых, но решительных мужиков в камуфляже. Было бы именно то, что показывали по телевизору про лагеря беженцев в Африке: толпы орущих голодных людей перед грузовиками, которые чуть ли не на лету хватают и прямо в воздухе рвут выбрасываемые из кузовов мешки с «гуманитаркой». Тот, кто посильнее, понаглее и побойчее — урвет, кто послабее — вынужден будет ползать в грязи, подбирая то, что выпало из рук более удачливых, а то и вовсе останется голодным. В общем, было бы весело. И свои шансы в подобном «веселье» Женька вполне здраво оценивала как нулевые и искренне радовалась тому, что военные их не бросили.

На завтрак снова была каша. Но, судя по висящему на стене столовой рядом с внушительным списком всего, что было положено кушать солдату Российской армии меню, тут и раньше никого особенным разнообразием не баловали: на завтрак каша, на обед — суп и каша, на ужин — пюре или макароны. Как они тут на таком «разнообразии» в мирное время не озверели — просто уму непостижимо. Видимо, сильно не правы были те, кто армию считал сборищем уродов и отморожков. Тут, похоже, не только очень крепкие и выносливые, но при этом на редкость адекватные люди служили. Одно дело — сейчас, когда выбор простой: или лопай, что дают, или голодным ходи. А вот можно удержаться и не взбунтоваться на таких харчах в мирное время...

За такими вот размышлениями и прошло незаметно время ожидания. Пожилая полная женщина в окошке раздачи щедро бухнула в Женькин котелок большим алюминиевым черпаком, а потом плеснула сверху из второго, размерами куда скромнее, подливки.

— Что хоть за каша? — поинтересовалась Женька.

Повариха назвала незнакомую крупу сечкой.⁸³ Женька порылась в памяти, но так и не смогла вспомнить, что это вообще такое. Вспомнила, правда, какую-то «ячку», но и ту идентифицировать тоже не смогла. Повариха тем временем положила сверху на котелок два толстых пшеничных сухаря. Ну, да, откуда бы тут свежему хлебу взяться? Этот вопрос она еще на первом приеме пищи выяснила: своей пекарни в части не было, хлеб ежедневно привозили с хлебозавода в Пушкино. А кто там сейчас выпечкой хлеба заниматься будет? Вот и потчуют теперь всех сухарями из запасов. И им, гражданским, еще повезло — пшеничные сухари вполне съедобны: просто толстые засушенные ломти нарезного батона. А вот сами военные, судя по признанию одного из их «ангелов-хранителей» получали сухари ржаные. Когда Женька, явно не понявшая, в чем вообще проблема, только пожалала в ответ на это признание плечами, солдат хмыкнул, и достал из кармана кусок этого самого сухаря и предложил попробовать. Это было что-то! Во-первых, она об него чуть зуб не сломала, настолько сухарь оказался твердым, во-вторых, когда ей удалось-таки откусить небольшой кусочек и она, поняв, что жевать это просто не сможет, попыталась его рассосать... Фу, какая же оказалась пакость! Сухарь под воздействием слюны превратился в какой-то непонятный комок, больше похожий на глину или пластилин с омерзительным кислым привкусом, да еще и табаком отдававшим почему-то. Ужас! Она даже проглотить эту гадость себя заставить не смогла. Аккуратно выплюнула раскисшую во рту массу на ладошку и выбросила. Солдат, глядя на нее, только понимающе хихикнул.

В кружку ей тоже плеснули чего-то горячего, темно-коричневого, исходящего паром. Чай? Нет, судя по всплывшей сморщенной дольке яблока — компот из сухофруктов. Тоже неплохо. Присев на край широкой светло-серой лавки за ближайшим свободным столом, девушка принялась за еду. Как ни странно, но сечка с подливкой, в которой даже ощущалось

⁸³ Сечка — крупа из дробленого пшеничного зерна. В сельском хозяйстве она называется «дробленкой» и ею кормят крупный рогатый скот и свиней. Вот такое у нас отношение к защитникам Родины. Хотя, не буду врать, при должном умении и желании даже сечку можно приготовить весьма вкусно.

присутствие какого-то мяса, оказалась вполне даже ничего. Не просто съедобная, а, можно сказать, вкусная. Горячая, разваристая, как любил говорить отец — нажористая. Хм, может, не так уж плохо тут, в армии, солдатам было? Ну, если про ржаные сухари не вспоминать. Хотя, это, наверное, смотря где. Вон, если Эйзенштейну верить, на броненосце «Потемкин» все с червивого мяса в щах началось. Но тут, на этой базе, по такому поводу восстания в ближайшее время явно не предвидится. Быстренько прикончив кашу и запив ее не очень сладким компотом, она подхватила котелок с кружкой и направилась к мойке. Да, это вам не ресторан и даже не столовая, где грязную посуду можно просто оставить на столе. Придет официантка, заберет и унесет мыть. Тут — все сами. Ополоснув кружку и ложку, Женька, следуя совету все тех же солдат, тщательно отмыла котелок. Он старый, мятый, да еще и алюминиевый, не отмоешь сразу до блеска — закиснет в нем все, что не отмыла, мгновенно. И после следующего приема пищи гарантирован, как минимум, понос, а то и дизентерия. Вот чего-чего, а заполучить этот мерзкий и позорный недуг, о котором она только в книжках про Гражданскую войну читала, совершенно не хотелось. Так что: «Чистота — залог здоровья, порядок — прежде всего».

Занеся котелок назад в палатку и, аккуратно подвесив его к дужке кровати, Женька пошла в стоящий буквально в десяти-пятнадцати метрах от забора, ограждающего их палаточный городок, штабной корпус.

— С какого сегодня начали? — спросила она у сидящего в комнате за толстым стеклом пожилого седоусого офицера со значком «Дежурный по части» на груди.

— С семь тысяч четырехсотого, вроде, — буркнул тот в ответ и зевнул, деликатно прикрыв рот ладонью.

Женька вытянула из кармана выданную ей сразу по приезду бумажку, на которой гелевой ручкой от руки были выведены крупные цифры «7964» и стояла размашистая подпись. Похоже, сегодня она наконец-то доберется до кабинета регистрации и, если повезет, перестанет быть иждивенкой.

Регистрация. Еще одно совершенно новое явление. Всех беженцев переписывают и регистрируют, выясняя при этом, чем он занимался в той, прошлой, нормальной жизни и чем может быть полезен теперь. Те, кто не прошли регистрацию, или не имели нужных специальностей, считались иждивенцами. Балластом, обузой. Никто им в открытую этого не говорил, но отношение чувствовалось во всем. В том, как кормили, где селили. Нет, грех жаловаться, голодом не морили и крышу над головой предоставили. Но, как ни крути — старенькая брезентовая палатка — совсем не кирпичная казарма, а сечка и перловый суп — далеко не борщ с мясом и не картошка с котлетой. Оставаться надолго в палатке с дымящей печкой Женьке совершенно не хотелось, но и шансы свои она оценивала вполне здраво. Чем она могла похвастать? Дипломом бухгалтера и опытом продажи стальных дверей? Есть подозрение, что ни то, ни другое сейчас бешеным спросом не пользуется. Но терять надежду было нельзя. Распустить нюни и опустить руки — просто. Борьаться и пытаться найти выход из ситуации — куда сложнее, но зато и намного полезнее.

Очередь, занявшая весь коридор третьего этажа, длинный и широкий, да еще и змеиным хвостом спускавшаяся на второй, продвигалась медленно. Как-то совсем незаметно Женька разговорилась с немолодым, но подтянутым и крепким мужчиной, в черной форме с множеством карманов, в какой сейчас ходят почти все частные охранники, высоких шнурованных армейских ботинках и с каким-то сильно похожим на автомат, но, все равно, немного другим ружьем на плече, что стоял прямо перед ней. Начали, как обычно в таких разговорах с незнакомцами бывает, с какой-то чепухи. Он поинтересовался, где и в каком звании служит столь очаровательная девушка. Она, смутившись, объяснила, что к армии вообще никакого отношения не имеет, а форма ей досталась совершенно случайно, с оказией подвернулась. Мужчина недоуменно хмыкнул, а потом пояснил причину своего удивления.

— Знаете, девушка, я довольно много лет прослужил, на пенсию подполковником вышел...

— ...И не раз видел, как люди носят форму, — продолжил мужчина. — Уж поверьте

моему опыту: абсолютно одинаковый камуфляж совершенно по-разному сидит на новичках и на тех, кто успел проносить его хотя бы полгода-год. Вот я на вас поглядел и решил, что вы из служивых, уж больно толково все подогнано, да и размер подобран — будто на вас шили.

Еще сильнее смутившаяся Женька рассказала про «глаз-алмаз» из МЧС на Триумфальной.

— А что сидит так — это я просто на солдат и офицеров из охраны глядела, как они носят, ну, и подумала, что так, наверное, удобнее и правильнее, вот и постаралась со своей сделать что-то похожее.

— Очень хорошо получилось, — похвалил ее подполковник и вдруг легонько хлопнул себя по лбу. — Что-то я со всем этим бедламом о правилах хорошего тона совсем забыл! Подполковник Тарасюк, Вячеслав Васильевич. Можно просто Вячеслав.

— Евгения Воробьева, — представилась она в ответ. — Можно просто Женька.

— Женька? — удивленно приподнял правую бровь Тарасюк. — Не Евгения?

— Нет, — улыбнулась девушка в ответ. — Меня, сколько себя помню, все Женькой зовут. Евгения — как-то непривычно, слишком официально. Как будто сейчас ругать за что-то начнут.

— Ну, что ж, — хмыкнул Вячеслав, — тогда уж предлагаю сразу и на «ты» перейти. Потому как обращение на «вы» в комплекте с именем Женька будет звучать на редкость глупо.

— Согласна.

Следующие пару часов, пока очередь неспешно смещалась в сторону кабинетов, в которых проводили регистрацию, они рассказывали друг другу о себе. Она — про жизнь в Иваново, про учебу в Москве и работу в «Форте». Про то, как ее, уже начавшую прощаться с жизнью, вытащили случайно проезжавшие мимо омововцы и про свои опасения, что со своими «дефицитными» навыками она крепко рискует надолго застрять в палаточном городке. Тарасюк — про свою службу в вертолетном полку в подмосковном Малино, об ушедшей в конце девяносто восьмого, когда после дефолта казалось, что армии настал окончательный и бесповоротный каюк, жене. О том, как вышел на пенсию и устроился через бывших сослуживцев в один из расплодившихся тогда, как поганки после дождя, московских ЧОПов.

— Только поэтому, наверное, и жив остался, — развел руками он. — У меня график — двое через четверо. Когда все началось, я как раз только заступил. Причем, на свое счастье — в головном офисе нашего ЧОПа дежурил. Сначала просто телевизор смотрел и дурел от происходящего, а когда про введение Чрезвычайного положения вечером объявили — вскрыл самовольно оружейный шкаф и гладкоствольной «Сайгой» вооружился. Думал, уж лучше пусть, когда все наладится, меня за самоуправство и нарушение техники безопасности уволят, чем сейчас схарчат. А уже к следующему утру понял, что никто меня увольнять не будет — некому. Почти как и ты, двое суток взаперти просидел... А куда мне было? Машины своей нет, да и водить я не умею. Вот и сидел — ждал у моря погоды. Потом мимо кантемировцы на «бронне» проезжали, выживших собирали. Ну, я к ним и выскочил. Страху натерпелся — не передать. Там и бежать-то было — только от подъезда через дворик, метров, от силы, пятнадцать — три тополя на Плющихе, блин, проскочить да еще тротуар, а по дороге раз пять чуть не слопали. Трех мертвецов сам пристрелил, двоих — кантемировцы подсобили.

Тарасюк нежно погладил по черному пластиковому прикладу свое ружье.

— Так что, Женя, если б не «Саёжка» — не факт, что я сейчас с тобой разговаривал бы. Хорошее ружьишко!

Женька вдруг поймала себя на мысли, что остро завидует сейчас этому человеку. Его спокойной, явно не показной уверенности. Сильный, явно много умеющий мужчина, да еще и способный за себя постоять. Такой как он, точно, в палаточном городке не засидится.

— Следующий... — недовольным голосом буркнул себе под нос вышедший из кабинета полный дядечка в сильно порванном и очень грязном, но явно некогда дорогом

костюме. Да и по лицу тоже многое сказать можно. Женька на разных за время работы в «Форте» нагляделась. В том числе и на вот таких: самодовольные, лощеные, с барственными интонациями и презрительным взглядом. Хозяева жизни. А тат эта самая жизнь взяла, да и взбрыкнула, образно говоря, приложив физиономией о стол. Этот, например, явно уже сообразил, что в судьбе у него наступили внезапные и серьезные перемены, а вот лицо под новые обстоятельства «переделать» — еще нет. В общем, живая иллюстрация присловья «Из грязи — в князи», только строго наоборот. И в грязь — в самом что ни на есть прямом смысле. Костюм его теперь разве что на половую тряпку сгодится, и то, после тщательной стирки. Да, такому, похоже, действительно радоваться нечего.

Следующим был Тарасюк. Он привычным, естественным движением поправил на плече «Сайгу», стряхнул с ворота формы какую-то ему одному видимую пылинку и, расправив плечи и распахнув дверь, замер на пороге.

— Разрешите? Подполковник в отставке Тарасюк...

Закрывшаяся за ним массивная, обитая темно-бордовым дерматином металлическая дверь словно отрезала конец фразы.

— Удачи вам, Вячеслав Васильевич, — беззвучно, одними губами шепнула ему в след Женька, и тут же подумала, что удача больше понадобится ей самой. Тарасюку, чтоб у него все сложилось хорошо, за глаза хватит его собственных знаний и умений.

Пробыл подполковник в кабинете куда меньше, чем большинство тех, кто входил до него. Сначала по коридору бегом промчался красный и сильно вспотевший от натуги полный офицер с одной крупной звездочкой на камуфлированном погоне. Кажется, майор, по крайней мере еще одного офицера с точно такой же звездочкой солдаты из охраны называли именно майором. Буквально через минуту утирающий пот рукавом офицер вывалился из кабинета назад, возбужденно вопя при этом в большую, с торчащей в сторону антенной, трубку спутникового телефона.

— Алексеич? Пляши, твою душу! С тебя ящик коньяку, причем как минимум — «Хеннеси»! А? Что значит, с какого перепугу? Я тебе техника к твоим «стрекозам» нашел. А? В смысле «по чём именно техника»? Да по всём, твою душу! Я тебе не летёху сопливого, вчера из училища, а цельного подполковника нарыл. Еще при Союзе служить начинавшего. Инженера! Командира технической эскадрильи, твою душу! — толстяк развернул и мельком глянул в лист анкеты, который он, свернув в трубочку, нес в руке. — Основная специальность — СД,⁸⁴ но в случае необходимости, говорит, может и за специалиста по авиационному оборудованию, и за спеца по радиоэлектронке, и даже за оружейника выступить. Правда, говорит, по смежным больше диагностика, с ремонтом чуть хуже... А?Чего? В каком учился?

Толстяк, утирая обильный пот, снова уткнулся в лист анкеты.

— В Харьковском Краснознаменном высшем военном авиационном инженерном училище, Алексеич, а потом в Москве факультет подготовки руководящего инженерно-технического состава закончил. Говорит тебе это о чем-нибудь? Ааа! Проняло наконец?! От я и говорю «Хеннеси», и не меньше ящика, твою душу!

Орал майор так радостно, вдохновенно и возбужденно, словно он, и в самом деле, Тарасюка в каком-нибудь карьере или в шахте собственными руками откопал, причем, откапывал несколько дней, не меньше. Шагавший за быстро семенящим по коридору толстяком Вячеслав Васильевич только и успел, что на ходу ей улыбнуться и задорно подмигнуть. Не куксись, мол, прорвемся! Женька улыбнулась ему в ответ и махнула ладошкой, а потом неуверенно потянула тяжелую дверь на себя.

Сидевшая за одним из столов женщина в камуфляже подняла на Женьку красные от недосыпа, усталые глаза.

⁸⁴ СД — «самолет и двигатель», борттехники, одна из специальностей инженеров-техников, обслуживающих самолеты и вертолеты армейской авиации.

— Садитесь, — кивнула она на стоявший перед столом стул. — Какие-нибудь документы с собой есть?

Женька торопливо вытащила из внутреннего кармана бушлата паспорт и протянула женщине. Та, раскрыв его на первом развороте и, почти не глядя на монитор, быстро заколотила по клавиатуре, внося Женькины данные в какую-то анкету.

— Образование?

— Высшее, бухгалтер-аудитор...

В глазах женщины мелькнуло что-то среднее между раздражением и сочувствием.

— По какой специальности работали?

— Менеджер по продажам...

По выражению лица собеседницы Женька ясно видела, что ее «рейтинг» только что рухнул настолько низко, что... Словом, ниже уже практически некуда.

— Я еще готовлю неплохо и... — жалобно залепетала она.

— Золотко, — женщина подняла на нее усталый взгляд. — Ты в столовой нашей была?

И, получив короткий кивок в ответ, продолжила.

— Так вот там у нас аж шесть шеф-поваров из не самых плохих московских ресторанов за должность посудомойки между собой бьются.

— И что же мне теперь делать?

— Так, — голос женщины внезапно посуровел. — Ты, надеюсь, тут рыдать и истерики устраивать не собираешься? А то надоели мне уже эти гламурные московские истерики... Хотя, ты же из Иваново, да и по виду, вроде, не хлипкая... В общем, Евгения, не буду тебе врать и дежурных фраз вроде: «Возвращайтесь в палаточный лагерь, если ваша вакансия окажется востребованной, мы вас вызовем» — говорить тоже не буду. Потому что сильно сомневаюсь, что в ближайшие десять-пятнадцать лет кому-то понадобятся менеджеры по продажам с дипломом бухгалтера. Времена не те...

Больше всего Женьке сейчас хотелось заплакать, но она, крепко, до побелевших костяшек, сжала кулаки и крепилась из последних сил.

— Посоветовать я тебе могу немного, — женщина задумчиво постучала по столешнице тонкими пальцами с аккуратно остриженными ногтями. — Попробуй найти людей, к которым можно присоединиться. Тут сейчас что-то вроде небольших семейных коммун формироваться начинают. Собираются получить оружие и по дальним, сейчас почти заброшенным деревням, что от городов подальше, сельское хозяйство налаживать. Может и возьмут. Хотя — уж больно маленькая ты... Парня себе среди солдат или молодых офицеров найди, ты молодая, на лицо интересная. Хотя, выбор у них сейчас богатый... Как бы не избаловались. В самом крайнем случае — продолжай в палаточном городке сидеть, мы вас не бросим. Какая-никакая крыша над головой, питание горячее, раз в неделю баню вам наладим. Не бог весть что, но все лучше, чем там...

Где именно «там» — и без пояснений понятно. Ну, если с этой точки зрения на ситуацию смотреть, то конечно. Жизнь она все же лучше смерти. Но только уж больно варианты вырисовываются... Неприглядные. Или в этакий мини-колхоз, грядки полоть с утра и до темноты, или к какому-нибудь мужику в содержанки, или дальше в дырявой палатке с дымящей печкой сидеть. Сказочный выбор!

— Пойдите! — кольнуло вдруг внезапно Женьку произнесенное женщиной слово. — Вот вы сказали, что эти ваши... ну, колхозники... Получат оружие. А его что, всем желающим выдают?

— Да, — подтвердила та, явно не удивившись такому, еще пару недель совершенно невозможному, дико звучащему вопросу, — практически. Там главных условий всего три: отсутствие судимостей или болезней «по дурке», возраст не меньше восемнадцати и наличие хоть какого-то документа, удостоверяющего личность.

— А где можно получить? — пережившая ужас трехсуточного заточения в офисе, когда шансов нет не то, что выбраться, но и гарантированно с собой покончить, чтоб дальше не мучиться, Женька к возможности получить в руки оружие отнеслась предельно серьезно.

Да и Тарасик, нежно поглаживающий приклад своей «Саёжки» перед глазами до сих пор стоял. Глядя на него, Женька ясно осознала — в новом этом новом мире, страшном и жестоком, только вооруженный человек сможет считать себя человеком в полном смысле этого слова. Почти как у каких-нибудь древних славян, кельтов или еще каких-нибудь викингов. Вооружен — человек, нет — холоп, смерд, скотинка серая, бесправная и бессловесная, живущая исключительно милостью тех, у кого оружие есть.

— Да у нас на складе РАВ,⁸⁵ — равнодушно пожала плечами женщина. — Прямо позади столовой, вправо от МСЧ⁸⁶ — дорога. По ней иди мимо склада ГСМ⁸⁷ и автопарка, немного не доходя до КПП, справа от дороги здоровенный такой ангар будет за забором, на калитке — табличка. Мимо не пройдешь.

— Спасибо.

Женька половину сокращений в речи своей собеседницы не поняла, но направление движения все-таки уяснила. Это главное. А дальше, как папа шутил: «Язык доведет не только до Киева, но, иногда, и до Магадана».

К ее бесконечному удивлению, никакой очереди, по которой она, собственно, и надеялась легко найти склад, перед ним не оказалось. Снаружи ангар оставил странное впечатление — на небольших треугольных фанерных табличках, белых с широкой красной каймой, что торчали на колышках посреди примерно двухметровой, разровненной граблями, песчаной «дорожки» между двумя рядами забора из колючей проволоки — суровые надписи трафаретом: «Стой! Запретная зона!», «Стой, стреляют!», «Осторожно — мины!»... А сваренная из железного уголка калитка в этом самом заборе — гостеприимно распахнута. И Женька, не обращая внимания на угрожающие предупреждения, отважно прошагала к ангару. Ворота в него тоже оказались не заперты и одна большая створка — приоткрыта. Не широко, но ей протиснуться хватило. Внутри она почти сразу уткнулась в решетку из толстых железных прутьев, за которыми виднелись длинные, уходящие во мрак ангара, ряды очень высоких стеллажей, на полках которых громоздились сотни разного размера деревянных ящиков.

— И кто это ко мне пожаловал? — слева от Женьки внезапно зажглась тусклая лампочка, и она увидела за прутьями решетки небольшую комнатку. Почти обычную такую каморку, только стены не сплошные, а решетка. И убранство для таких вот каморок вполне стандартное: деревянный, некогда лакированный и сильно поцарапанный письменный стол, на котором лежат кипой какие-то бумаги, и стоят рядышком старенькая настольная лампа и почти новый ноутбук «Тошиба», низкий, накрытый синим армейским шерстяным одеялом топчан в углу. В решетке перед столом, чуть выше уровня столешницы проделано окошко с широким, тоже металлическим, из гладкого полированного стального листа, подоконником, невысокое, но длинное. А на топчане сидит, щурясь и моргая на свет, пожилой мужчина, одетый в уже ставший ей привычным за последние дни камуфляж.

— Прости старика, красавица, что-то разморило меня после обеда, вот и прикемарил, пока нет никого, — обезоруживающе улыбнулся он и развел руками, как бы извиняясь.

А приятный дяденька. И улыбка хорошая, добрая, и глаза такие... располагающие. Вот только уродливый большой шрам на правой щеке немного впечатление смазывает. Но не портит, даже несмотря на шрам он похож на такого доброго дядюшку.

— Здравсте, — немного невпопад брякнула Женька.

— И тебе не хворать, дочка. Меня, кстати, Николай Николаич зовут, дядя Коля. С чем

⁸⁵ Склад РАВ — склад ракетно-артиллерийского вооружения. Обычное стрелковое оружие и боеприпасы к нему также хранятся на этих армейских складах.

⁸⁶ МСЧ — медико-санитарная часть.

⁸⁷ Склад ГСМ — склад горюче-смазочных материалов.

пожаловала?

— Очень приятно, Женя, — вежливо кивнула она. — Я к вам за оружием пришла. Мне в штабе сказали, что его тут выдают.

— Вот ведь времена настали, — как бы самому себе протянул кладовщик дядя Коля, — раньше красивым девушкам цветы нужны были и подарки всякие. А теперь — вот эти железки... Ой, плохи дела... Что ж тебе выдать-то, красивая? «Трехлинейка» тебе великовата будет, ты сама чуть выше ее ростом, да и СКС великоват будет. ППШ — уж больно тяжелый, неудобный...

Пока, бормоча что-то себе под нос и поскребывая подбородок мозолистыми пальцами, кладовщик размышлял, чем бы ему все же вооружить Женьку, она подошла ближе и стала разглядывать развешенные на стене позади топчана, единственной нормальной стене этой маленькой кондейки, плакаты и фотографии. Плакаты, впрочем, ей интересными не показались — обычные рекламные постеры с полуголыми длинноногими красотками в разнообразном камуфляже и с оружием. На каждом — логотип фирмы «Носорог», выпускающей, как Женька поняла, все эти самые шлемы, щиты и разную форму. А вот фотографии оказались куда интереснее, пусть и были маленькими, да и освещение хорошим назвать было трудно. Но на зрение она никогда не жаловалась и потому без особого труда их разглядела. Надо же, чем-то даже похоже на плакаты. Правда, на ярких глянцевых плакатах — почти раздетые девицы с большим, едва прикрытыми новенькими, яркой расцветки камуфлированными куртками и майками, бюстами, замершие в неестественных, явно постановочных позах с автоматами, которые, похоже, и держать-то толком не умеют. А на фото, блеклых и выцветших — совсем даже наоборот, молодые, крепкие, коротко стриженные или выбритые наголо парни, в потрепанном, выгоревшем камуфляже, увешанные с ног до головы оружием. Причем оружие это, по всему видно, им так же привычно, как собственная рука и нога, оно от них просто неотделимо. По одной фотографии, на которой группа таких вот ребят позирует на фоне избитой пулями до состояния решета придорожной стелы с большими, тоже сильно пострадавшими буквами, складывающимися в слово «Грозный», она определила-таки место, где все снималось — Чечня. А еще на одной, уже совсем другого качества, словно ее хороший фотограф для какого-нибудь журнала снимал, она увидела среди парней в темно-красных беретах, хозяина кондейки. Правда, на фото он лет, наверное, на двадцать пять-тридцать моложе, лицо суровое, с упрямой складкой на переносице, ухоженные, почти гусарские усы. Одет в новехонькую камуфлированную форму, чем-то отдаленно похожую на камуфляж спасших ее омовцев, только более темных тонов и с пятнами, больше похожими на кляксы.⁸⁸ На голове — такой же как и у остальных берет, который, она вспомнила, называется краповым и который носят только самые крутые парни из спецназа Внутренних войск, на груди два светло-серых креста на темно-бордовой колодке⁸⁹ и хорошо знакомая ей по открыткам ко Дню Победы и фильмам про Великую Отечественную медаль — «За отвагу». Молодой дядя Коля опершись подбородком на кулак, смотрит на играющего на гитаре и что-то поющего парня. И глаза у него очень грустные. Надо же, это получается, что забавный кладовщик в прошлом — настоящий герой, спецназовец. А ведь по виду и не скажешь.

— Это ведь вы? — зачем-то спросила она, указав на фото.

— Где? — отвлекся от своих размышлений кладовщик и поднял взгляд на фотографию, на которую указывала Женька. — Ну, да, я. Был когда-то. Давным-давно, так давно, что это уже почти неправда.

— Давно, — согласно кивнула Женька. — Вы там молодой совсем и эти мальчики

⁸⁸ «Амеба» — первая форма, которую в конце восьмидесятых — начале девяностых носили бойцы и офицеры УРСН (учебных рот специального назначения) ВВ МВД России.

⁸⁹ Орден Мужества.

вокруг вас...

— Они многие навсегда такими молодыми и остались...

Глаза у него буквально на мгновение вдруг стали точно такие же, как на фотографии. Видимо, та песня, что пел спецназовец-гитарист с фотографии, тоже была очень грустной. А потом Николай Николаевич тряхнул головой, словно отгоняя излишне навязчивые воспоминания, и снова улыбнулся улыбкой доброго дядюшки.

— Знаю, что тебе дам, красавица. Хотя и не положено, вроде, да кому теперь до этого какое дело, в конце концов! Тут я хозяин. И никто мне указывать будет. Подожди немножко.

И с этими словами дядя Коля буквально растворился в полумраке между стеллажами. Через некоторое время там дважды с небольшим интервалом что-то громко грохнуло, словно сначала сдернули с полки тяжелый ящик, а потом закинули его назад. А еще через минуту из темноты нарисовался довольный донельзя кладовщик, несущий в руках небольшую светло-зеленую брезентовую сумку необычной формы. Достав из кармана большую связку ключей, он клацнул массивным замком и, приоткрыв дверь в решетке, приглашающее мотнул головой. Заходи, мол. Закрыв за вошедшей Женькой дверь, он направился назад в свою каморку. Небрежно положив на стол сумку (ого, а бумкнуло солидно, тяжелая, видать), он плюхнулся на старенький табурет, деревянный, покрашенный точно такой же бледно-серой краской, что и стоящие у них в палатке кровати и, молча указав ей на второй такой же, стоящий возле топчана, расстегнул простенькую, словно на браслете старых наручных часов, застежку. Лежало в сумке что-то странное, похожее на очень большой, почти квадратный пистолет с несуразно маленькой для таких размеров рукояткой. Из двух наружных кармашком он достал два разной длины, один почти в два раза короче другого, тонких металлических... Палочки? Столбика? Магазины! Вот, вспомнила она правильное слово, это такие же магазины, как у автоматов омововцев и солдат охраны, как у «Сайги» Тарасюка, только тоньше. Наверное, патроны размерами меньше. А дядя Коля тем временем надавил куда-то пальцем и откинул с верхней части оружия назад тонкую, вертикально загнутую вверх на конце планку. Ага, вот что эта штука ей напоминала! На немецкий автомат «шмайссер» из фильмов про Великую Отечественную она очень похожа. Там, кажется, такие же тонкие приклады были и магазин — один в один, особенно тот, который длинный.

— Ну, как? — подмигнул он ей.

— На «шмайссер» похоже...

— Положим, не на «шмайссер», а на МП-38 или МП-40, да и не так уж похоже, — хмыкнул кладовщик. — Но направление мыслей верное. Это пистолет-пулемет «Кедр» под отечественный пистолетный патрон калибра девять миллиметров. Как автомат, честно говоря, почти ни о чем оружие. Но вот если одиночными, да на пистолетной дистанции — страшная штука. Я из него в круг размером с чайное блюдце весь магазин на тридцать патронов уложить могу. В комплекте два магазина, на двадцать и на тридцать патронов, ремень, всякое-разное для чистки-смазки и подсумок для переноски. Времена нынче, конечно, не те, чтобы оружие по сумкам прятать, но и она сгодится — запасной магазин и патроны будет в чем носить, на пояс повесишь. Тут, видишь, как раз и тренчики имеются. Вот только ремешок у тебя того... Аховый.

— Какой дали, — вздохнула она.

— Ладно, с этой бедой поможем, есть у меня тут нормальный солдатский ремешок. Старого образца, кожаный, не то что эти новые... Шкура трехгодовалого дерматина, блин, — хихикнул Грушин и выдвинул из-под своего топчана выцветший деревянный ящик, на котором белой краской по трафарету было выведено «Матбаза». Из ящика он вытянул широкий ремень из коричневой кожи с потускневшей латунной пряжкой, на которой была выдавлена пятиконечная звезда с серпом и молотом. Похоже, на самом деле, старый.

— Сейчас мы его по твоему размеру подгоним, — пробормотал он, затягивая ремень ей по талии и застегивая пряжку. — А сам «Кедр» — вот так...

Закончив с ремнем поясным, кладовщик ловкими движениями укоротил ремень пистолет-пулемета и пристегнул карабины на обоих его концах к одному большому черному

кольцу возле рукояти. Получилась, скорее, петля. И эту петлю он небрежным движением накинул ей на шею. «Кедр», будто диковинный большой кулон, повис у Женьки на груди. Хотя, какое там — на груди, кончик ствола чуть ниже пряжки тонкого брезентового поясного ремня болтается. Так что, скорее, на животе.

— Таким макаром его и носи, — удовлетворенно кивнул кладовщик. — Вот так вбок немного сдвинь. Отлично! Видишь, и висит — не мешается, и выхватить — дело пары секунд. Только под бушлат спрячь от лишних глаз. Все-таки не положено вам такие выдавать. Но, если увидит кто — скажи, старший прапорщик Грушин выдал. Отстанут сразу — гарантирую. Да, кстати, а ты вообще с оружием как — в ладах?

Женька только смущенно улыбнулась и развела руками.

— Нормально, — хмыкнул старший прапорщик. — «Машина купишь, права купишь, вадить — не купишь». Нет, красавица, так дело не пойдет. Учиться будем. Значит, начнем с азов. Смотри, слушай и запоминай: это — ствольная коробка с прицельным приспособлением и пистолетной рукоятью, это — приклад, это — ствол. Вот это — магазины...

Часа, примерно, через два, Женька уже не только смогла бойко оттараторить названия всех частей и механизмов «Кедра», но и сама снарядила оба магазина толстыми зелеными, с ярко-золотистыми головками пуль, «бочонками» патронов. И даже вполне сносно произвела неполную разборку (сама) и сборку (исключительно с помощью дяди Коли, сама бы не справилась точно: правильно говорят: ломать — не строить).

— Ох, мать моя женщина! — хлопнул себя по лбу ладонью Грушин. — Ты ж с этими железяками обед пропустила!

— Да и ладно, — отмахнулась было Женька, — подумаешь. Я есть не сильно хочу, до ужина протяну.

— Что значит «ладно»? — не согласился Николай Николаевич. — Так дело не пойдет! Война — войной, а обед — по распорядку.

Выдав эту древнюю, как сама армия, мудрость, кладовщик с заговорщицким видом выудил из нижнего ящика стола упаковку галет, банку тушенки и какой-то странный, большой и плоский, полностью металлический консервный нож защитно-зеленого цвета. Следом на свет божий явились вилка, упаковка из четырех необычно больших таблеток и какая-то странная жестяная пластина, чем-то похожая на бумажные снежинки, которые Женька, еще будучи ребенком, вырезала под Новый год из бумаги и клеила на окна. А дальше пошло форменное шаманство: Грушин ловкими движениями согнул лепестки жестяной «снежинки» и та превратилась в небольшую подставочку. Затем он достал из упаковки белую таблетку. Женька заметила, что один ее край был изумрудно-зеленого цвета, словно кто-то ее самым кончиком в зеленку макнул. Этим самым краешком дядя Коля чиркнул по лежащему на столе спичечному коробку, и таблетка вспыхнула и загорелась ровным, чуть коптящим пламенем.

— Сухой спирт, — ответил на невысказанный Женькин вопрос Грушин. — Хорошая штука. Почти ничего не весит, горит жарко. Консервы погреть или чаю вскипятить «в поле» — самое оно.

По каморке поплыл слабый, не то чтобы неприятный, но какой-то непривычный запах. Горящую таблетку кладовщик положил на подставочку, а сверху водрузил махом вскрытую консервную банку. Спустя пару минут в ней зашкворчал жир, и аромат нагретого мяса начисто перебил слабый химический запах горячей таблетки. И пахло так вкусно, что Женька, только что на полном серьезе утверждавшая, что совсем не голодна, непроизвольно сглотнула набежавшую слюну. Старый и бывалый старший прапорщик, увидев это, лишь по доброму усмехнулся и, придвинув к Женьке вилку и открытую пачку галет, ухватил плюющуюся жиром банку за край отогнутой в сторону крышки и поставил перед ней. Женька никогда раньше не ела горячую тушенку прямо из банки, вприкуску с пресными, хрустящими армейскими галетами, и даже не представляла себе, что это может быть настолько вкусно. Или это она просто проголодалась? Или и то, и другое вместе? В общем,

целую банку тушенки она слопала влет, даже и не заметила, как вилка уже по дну зашкрябала. А ведь банка вовсе не была маленькой — граммов на триста пятьдесят не меньше, да плюс галеты. Нет, понятно, что какому-нибудь бугаю, вроде несшего ее на себя «камуфлированного» такая трапеза — так, слегка червячка заморить. Но так из того лба можно двух Женек вылепить, да еще и останется.

— Дядь Коля, а как так получается, что вокруг такое творится, а я к тебе за оружием одна пришла? И ведь больше никто не идет, хотя я тут у вас столько времени сижу.

— Сложный ты вопрос задаешь, Женя, — задумчиво почесал переносицу Грушин. — Тут вчера и позавчера народу было — не протолкнуться, до самой поздней ночи стволы выдавал, чуть не надорвался ящики волокать. Видно, все, кто захотел, уже получили. А остальные пока не сообразили, что теперь каждый, прежде всего сам за себя отвечает. Что если ты себя защищать не хочешь, то и другому кому — на фиг не сдался. Слишком многие привыкли, что они всегда за чьей-то спиной, на чьем-то горбу в рай едут, вот и сейчас решили, что все снова прокатит.

— Так ведь уже прокатывает, — неуверенно тянет Женька. — Вон сколько народу в палаточном городке сидит...

— Не, Жень, ты теплое с мягким не путай, — несогласно мотнул головой прапорщик. — То, что сейчас в лагере — это другое. Жизнь у сотен тысяч людей в один день сломалась. Все планы, все мечты, все надежды — псу под хвост, уж извини за грубость. Большинство пока в шоке. Они хоть головой и поняли, что случилось, но вот сердцем это пока не приняли. Вот и сидят, ждут, вдруг все — раз, и станет, как раньше. Очень скоро поймут, что не станет. Самые толковые и крепкие уже поняли, остальные — вот-вот допетрят и тоже начнут мозговую мышцу качать на тему, кем быть и что делать. И, поверь мне, старому дядьке, большинство вполне устроятся. По-разному, не все хорошо, но устроятся. А вот кое-кто так и останется в лагере сидеть, потому что делать ничего не умеет и не хочет, потому что привык быть вечным нахлебником на чьей-то шее. И вот тогда, боюсь, ждет этих граждан неприятный сюрприз...

Грушин вдруг резко замолчал и как-то виновато поглядел на Женьку.

— Что-то не в ту сторону меня занесло, извини, Подкрепились? Тогда, давай продолжим. С одной стороны, даже хорошо, что у тебя опыта обращения с оружием нет, переучивать не придется. Вот смотри, эта загогулина справа на ствольной коробке — предохранитель. Самое нижнее положение — безопасно, стрелять не будет. На один щелчок вверх — одиночные выстрелы, после каждого снова придется на спуск жать. Самое верхнее — автоматический огонь, но, поверь на слово старому человеку — оно тебе не нужно. Так что, забудь про него прямо сейчас и даже не вспоминай. На вот, попробуй сама пощелкать.

Женька попробовала. Предохранитель, несмотря на маленький размер, оказался штукой норовистой. Сначала она оцарапала об эту проклятую железку указательный палец, а потом умудрилась как-то зацепиться за нее ногтем большого. Больно-то как, мамочки! Чуть не сорвала.

Грушинов сочувственно вздохнул и вытащил из кармана камуфляжа стальные щипчики-ногтегрызы.

— Держи, Эухения. И запомни — маникюр и оружие — понятия плохо совместимые.

Тут-то Женька и вспомнила аккуратно подстриженные ногти у той женщины в штабе, которая ее регистрировала. М-да, похоже, в армии все не просто так. Любому явлению в результате, найдется вполне толковое объяснение, даже если изначально оно выглядит странным и даже глупым.

Пока она орудовала щипчиками, дядя Коля объяснял ей несложную, на первый взгляд, науку прицеливания.

— Так, ну-ка, поведай мне, Эухения, — похоже, ее имя перевернутое «на испанский» манер, ему самому сильно понравилось, — как называется это колечко и вот этот шпенечек?

— Целик и мушка, — без запинки отрапортовала Женька, благо, на отсутствие мозгов и памяти она никогда не жаловалась.

— Правильно. А вместе они — прицельное приспособление. Пользоваться им совсем не сложно. Гляди: вжимаешь приклад в плечо и смотришь на мушку сквозь отверстие в целике, причем так, чтоб вот эти два закрывающих слева и справа мушку «рога» как бы сливались с ободком целика. А верхний срез мушки в этот момент, должен быть точно посреди круглого отверстия в целике.

На слух звучало это все натуральной абракадаброй, но стоило Женьке, расправившейся, наконец, с остатками маникюра, вжать узкий приклад «Кедра» в плечо — сразу стало гораздо понятнее. Особенно когда дядя Коля повторил все с самого начала, да еще и пальцем показал, что и как. Вот только этот гадский предохранитель... Увидев, как Женька второй раз стесала о непослушную железяку кожу на пальце, Грушин тяжело вздохнул и буркнув: «Варварство, конечно, но фигли делать...», все тем же консервным ножом поддел предохранитель снизу и несколько раз его немного приподнял, как бы отгибая. А потом снова протянул пистолет-пулемет Женьке.

— Держи, Эухения. Теперь как?

Предохранитель стал ходить гораздо легче, о чем она и сообщила дяде Коле.

— И то хлеб. Ладно, давай теперь вот что...

— Николаич, ты тут? — раздался от ворот ангара мощный бас.

Обладатель голоса тоже впечатлял: высокий, наверное, со спасшего ее омовца, не ниже, широкоплечий, явно очень сильный, но уже такой, пузцом зарастать начавший мужичара. Да еще и физиономия простецкая: круглая, с румянцем во всю щеку и курносый носом. Таким нужно богатырей в детских сказках играть — здоровенный, могучий, горластый, но, по всему видно, добрый, как теленок.

— А где ж мне быть, Алексей? Тут я...

— Оба, а это что за чудное виденье? — уставился вошедший на Женьку. — Красавица, ты чьих будешь? И кто это тебе на режимном объекте находится разрешил?

— Не твоего ума дело, — опередил кладовщик растерявшуюся и не знающую что ответить Женьку. — Раз сидит — значит, право такое имеет. Тебе-то какая печаль?

— Дык, это, дядь Коля, я ж тут вроде как первый заместитель комбрига. Да, и еще полковник... Ну, типа, начальство, и все такое. Даже для тебя...

— Для меня? — ехидно протянул Грушин. — Шшанок ты куцехвостый, а не начальство. Я ж тебя, стручка зеленого, горохового, еще «салабоном» помню. «Тащ прапорщик, отпустите до «чепка»,⁹⁰ сигарет купить срочно нужно, а то «дембеля» прибьют», — явно спародировал он кого-то. Румянощекий полковник зарделся еще сильнее и стал похож лицом на свеклу.

— Так это когда было... — протянул он.

— Да когда б не было, а было! — отрезал кладовщик. — Так что, неча тут! Девушка у меня в гостях и нечего к ней цепляться.

Женька с интересом наблюдала за этой шутливой перебранкой, которая явно доставляла немалое удовольствие обеим сторонам. Какие ж все-таки мужики иногда дети! Как начнут друг перед другом хвосты пушить... Павлины...

— Эй, Николаич, ты чего это, жениться собрался на старости лет? — хохотнул румяный полковник. — Не поздновато? Девушка, он старый, больной и храпит по ночам. Не поддавайтесь!

— Ой, чувствую, сейчас я по старой памяти как поставлю кой-кого в киб-даци,⁹¹ — хмыкнул дядя Коля. — Да как начну на чьих-то длинных, очень на макивару⁹² похожих,

⁹⁰ «Чепок» — солдатская чайная совмещенная с магазином на территории воинской части.

⁹¹ Киб-даци — стойка в каратэ.

⁹² Макивара — тренажер для отработки ударов ногами в восточных единоборствах.

ногах лоу-кики⁹³ отрабатывать...

— Дядь Коль, все понял и осознал! Виноват, дурак, исправлюсь! — в притворном ужасе взмолился здоровяк, а потом посерьезнел лицом. — Николай Николаич, ты уж прости, но я к тебе по делу. И, при всем уважении к девушке, разговор на двоих.

Женька, поняв, что ее очень вежливо и по-доброму, но выпроваживают, подскочила с табурета.

— Ой, правда, Николай Николаич, засиделась я у вас...

— Ну, раз такое дело, — кладовщик тоже встал и пошел открывать дверь, — то беги. Но завтра снова забредай, коль интерес к продолжению есть. Если время будет, может, и еще чего нужного и интересного покажу.

В палатке Женьку встретили дружным гвалтом. Если отбросит все охи-ахи и прочие причитания, то соседки, похоже, уже вычеркнули ее из списка живых. Оказывается, пока она гостила на складе РАВ, в палаточном городке на тактическом поле приключилось ЧП. То ли приبلудного зомби часовые проворонили, то ли в самом лагере кто-то умер внезапно — подробных обстоятельств пока никто не знал, но кончилось все большой паникой, стрельбой и почти тремя десятками трупов.

— Ой, девочки, а вдруг к нам такая тварь забредет, — испугано хлопала глазами крупная шатенка, которая обитала на койке прямо напротив Женькиной. — Что же нам тогда делать?

Мысль эта явно очень тревожила и остальных обитательниц палатки и шум поднялся такой — куда там потревоженному посреди ночи курятнику. Да, похоже, прав был дядя Коля: одни еще не сообразили, что защищать себя пора учиться самому, а другие и не собирались этого понимать, надеясь спрятаться за кого-нибудь, кто будет решать за них все проблемы. И отличить первых от вторых пока практически невозможно.

— Что делать, что делать, — нарочито презрительно фыркнула Женька и неторопливо, демонстративно вытянула из-под бушлата «Кедр». Негромко щелкнул предохранитель, сочно лязгнул затвор, загоняя в ствол патрон. — Сухари сушить!

Тишина в палатке наступила такая, что когда Женька, снова поставив пистолет-пулемет на предохранитель, прямо в кроссовках и бушлате улеглась на койку, скрип сетки показался ей просто оглушительным.

г. Сергиев Посад, Привокзальная площадь, торговый центр «Воздвиженский», 28 марта, среда, утро

Нет, ну до чего ж все-таки хорошо придурковатым героям голливудских «ужастиков» про зомби, а! Вот какой фильм не припомни, что бы там у них не творилось, супермаркет — просто островок спокойствия и безопасности. Тихо, светло и спокойно. Не смотря на то, что снаружи вокруг — полный разгром и хаос, внутри — тишь и божья благодать: горят себе лампы дневного света под потолком, аккуратно стоят товары на полках, а в лифтах даже музыка играет. Лепота! Откуда электричество и почему зомби в магазины не лезут, хотя по всяким прочим строениям шастают свободно — загадка. Видать, те, кто для подобных фильмов сценарии писал, настолько от реальной жизни оторваны, что для них электрическое освещение, горячая вода из крана и заставленные едой полки супермаркетов — явление незыблемое. Как дети, ей-богу!

К чему это я вообще? Да как сказать... Был у меня один знакомый, который на подобный вопрос всегда с задумчивым видом отвечал: «К чему, к чему? К дождю!». И от него тут же отставали, видать, напуганные многозначительным выражением его физиономии. Я так не умею, поэтому, похоже, придется объяснять подробно.

⁹³ Лоу-кик — один из наиболее эффективных ударов в боевых искусствах. Наносится голенью по середине бедра соперника, как по внешней, так и по внутренней стороне.

Собственно, все дело в том, что мы как раз вломились в супермаркет. Если в Посаде бывали — наверняка его знаете. Стоит себе буквально в полусотне метров от перрона железнодорожного вокзала довольно крупный торговый центр в модном нынче архитектурном стиле «без окон, без дверей»... Ну, может и не совсем такой ужасный, но и на украшение города эта бетонная коробка точно не тянет. И окон на фасаде, реально, маловато. Причем, большая часть из имеющихся — бутафория. В смысле, красивое, тонированное с голубоватым отливом стекло есть, а вот проема в стене за ним — нету. В связи с этим внутри здания темно, как у негра... в одном соответствующем месте. Потому как электричества в этом районе города нет числа, наверное, с двадцать первого, ну, может, с двадцать второго. Вдобавок, в качестве «маленьких приятных бонусов» к крошечной тьме идут конкретный разгром в помещении, живописно подсвечиваемый яркими, но узконаправленными лучами наших подствольных фонарей, и дикая вонища. Нет, я вовсе не мальчик-неженка из какой-нибудь элитной спецшколы с углубленным изучением античной философии и французского языка, и в жизни своей повидал (и понюхал) много всякого. Но аналога этому густому «амбре» подобрать по памяти, ей-богу, затрудняюсь. Тут смешалось все: и тошнотворный запах протухшего мяса из открытых холодильных шкафов и витрин, и сладковатая вонь уже начавших гнить раздавленных фруктов, рассыпавшихся с перевернутых стеллажей, и омерзительный, липкий, отдающий привкусом медяшки на языке запах обильно разлитой по шлифованным плиткам пола крови. И мертвецами тоже перло неслабо, и простыми, тихо себе лежащими и разлагающимися, и ожившими, уж этот-то ацетоновый дух ни с чем не перепутаешь. Каков «коктейль» представляете? И ведь это всего лишь чуть больше недели прошло, как все началось и, от силы, седьмой день, как тут электричество вырубилось. Что же будет месяца через два-три, когда наступит летняя жара, расплодятся уже и без того вылезшие откуда-то, несмотря на то, что на дворе только март, мухи, и «дойдут» несколько более «долгоиграющие» в плане гниения овощи? Это ж форменная амба будет, к бабке не ходить! И как тут, скажите на милость, не позавидовать героям каких-нибудь «Двадцати восьми дней спустя», у которых через месяц после наступления конца света в магазинах все еще горит свет, а на полках лежат румяные яблочки? И влезшие внутрь на мародерку граждане не судорожно рожи тряпками укутывают, чтоб хоть как-то от вони защититься и себе под ноги не блевануть, а диалоги о достоинствах коллекционных сортов виски ведут.

В общем, киношные красоты в очередной раз со звоном разбились о грубые реалии жестокого мира, блин. А мы стоим на пороге продовольственного супермаркета, что разместился на первом этаже торгового центра, судорожно сглатывая и заматывая лица шарфами, серыми форменными милицейскими кашне или привезенными из кавказских командировок шемахами, подсвечиваем разнесенный в хлам торговый зал фонарями и пытаемся сообразить, с чего начать. Причем, начинать нужно побыстрее, пока из окрестных домов на гул моторов наших грузовиков не начали подбредать мертвецы. Вокзал в Посаде, на наше счастье, стоит немного на отшибе от жилых кварталов, но и не совсем на пустыре. Так что, скоро притопают, тут и гадать не приходится. А мы пока не то, что продукты выносить не начали, но и даже зачистку объекта не произвели. Значит, нам стоит поторапливаться.

— Внимание всем, — тихо забубнил голосом Тисова наушник моей рации. — Работаем чрезвычайно осторожно. По одному никому не разбредаться, минимальная группа — «тройка». Внимательно смотрите по сторонам и под ноги. В этой помойке не то, что мертвец, слон средних размеров спрятаться сможет при желании. Огонь вести только одиночными, и только если уверены, что перед вами зомби. Работать лучше пистолетами и ПП, автомат — только в самом крайнем случае. А то продуктов не столько вынесем, сколько попортим...

Это да, тут Антоха прав. Автомат — уж больно суровая штука, его пуля здешние перегородки и стеллажи навывлет шить будет, а это не есть хорошо, потому что по ту сторону не просматриваемого препятствия вполне кто-то свой оказаться может. Кому такое счастье нужно? А пистолетная пуля и летит не так далеко, и пробивное действие у нее куда меньше, и к рикошетам она не так склонна. Эх, если б этот супермаркет только нашими силами

зачищали — было бы куда проще! Но такой расклад по нынешним временам — по части научной фантастики. Нет возможности у Бати отрядить на зачистку магазина полсотни бойцов, у него столько свободных, нигде не задействованных, просто нету. Вот и пришлось «срочников» из батальона Внутренних войск привлекать. Хотя, если смотреть правде в глаза, то это наши два отделения к их роте прикомандировали, а не наоборот. И руководит всем официально их ротный, целый капитан, и грузовики под продукты тоже их. Правда, командует зачисткой все равно наш Антон, как более в этом вопросе опытный и компетентный. Не стал капитан бычить и количеством звездочек на погонах меряться — уже хорошо. Не дурак мужик, уже ему плюс Но вот чего от него и его подчиненных, случись что серьезное, ожидать можно — этого, как мне кажется, они и сами не знают. Нет ничего опаснее и непредсказуемее, чем попавший под огонь новобранец. Чего отчебучит — одному богу ведомо. Эх, дорого б я дал за возможность вернуть нашу «тамань»! Но, «тамань» по домам умотала, так что, придется работать с теми, кто есть. Потому что продовольствие нужно до зарезу.

По последним данным ударными темпами проводимой в последние дни переписи, на попечении нашего Отряда и батальона ВВ оказалось почти одиннадцать тысяч человек. Не скажу, что все — бесполезный балласт, скорее — наоборот, Пересвет городок маленький и большая часть его населения всегда занималась делом, а не воздухом торговали или бумажки из одного ящика письменного стола в другой перекладывали. Правда, трудились, в основном, в космической отрасли, но инженер — это все же не офис-менеджер. Приусадебные участки и огороды, кстати, у многих имеются. Да вот беда — не сильно подходящий для подсобного хозяйства месяц на дворе, больше того, время, как на зло, то самое, когда прошлогодние запасы как раз к концу подходят. В общем, как ни крути, а обеспечивать продуктами всех этих людей пока что нам. И, соответственно, добывать эти самые продукты — тоже. Не те сейчас времена, чтоб доцентов и докторов наук на рытье картошки гнать в добровольно-принудительном порядке, сожрут их там в два счета. Да и не сезон...

— Куда, мать вашу за ногу?! — Антонов рык в наушнике выдергивает меня из задумчивости.

Ой, ты ж твою душу!!! Ну, куда они поперли! Кретины! Там же, прямо за этими стеллажами — мясной отдел!

— За мной бегом! — даю я отмашку своим и бегу вперед сам. — Прикройте этих дебилов, пока не поздно!

Поздно... Стеллаж, полки которого заставлены пластиковыми бутылками с разными «Спрайтами» и «Мириндами», рушится навстречу четверым радостно рванувших к этому химическому пойлу «вэвэров»-«срочников». Даже вонища вокруг дурачков не остановила. Ну, да, как же, халява плиз, налетай — подешевело! Что ж за инфантильный молодняк нынче пошел: больше одной мысли в башке за раз не уместается? Увидали лимонад, сразу про осторожность забыли. Хотя, что странного? Это мы сначала в Ивантеевке, а потом в Москве нагляделись всякого, а эти из Пересвета не выбирались ни разу. А в нем и так особо много мертвецов не было, да еще и основную работу по зачистке Отряд выполнил. Вэвэшники только на подхвате работали. Так что, многие и «манекена» еще ни разу своими глазами не видели, что уж там про «отожранцев» говорить... А именно «отожранцы» на них сейчас и кинулись, снеся стоящий между ними и солдатами шкаф с лимонадом, словно легкую полотняную ширму. С десятков, наверное, не меньше. Быстрые, сволочи, очень быстрые. Ну, да, сколько там мяса в тех витринах лежало? Видно, на нем и отъелись.

— Огонь!!! — упав на колено, в быстром темпе колочу одиночными из добытого на складах и честно «прихватизированного» под личные нужды «Бизона», прекрасно понимая, что мы все равно не успеваем.

Выломившаяся из мясного стая, другого названия просто не подберешь, не оставила мальчишкам ни единого шанса. Быстрые, резкие, перепачканные черной, запекшейся кровью... Они разметали солдат, словно кегли в боулинге. Мальчишки, похоже, умерли

быстрее, чем успели хоть что-то понять и схватиться за оружие. Но вот дальше у мертвяков не выдалось, хотя они очень старались — в дело вступили мы. Сосредоточенный огонь, и я, кажется, об этом уже упоминал — штука страшная в своей убийственной эффективности. Тела рванувших на нас, будто спринтеры на стометровке, мертвецов буквально рвало в ключья шквалом свинца. Их обвисшие, покрытые коркой запекшейся крови морды в ярком свете тактических фонарей... Бррр! Мягко говоря, не самое приятное в моей жизни зрелище, способное даже самого уравновешенного человека из колеи выбить. Так что, даже врать не буду, когда последний из них, не добежав до нашей, ошестинившейся стволами цепочки метров пять, шмякнулся на загаженный пол, меня ощутимо передернуло. Есть все-таки в этих тварях что-то этакое, потустороннее, что не дает к их виду привыкнуть, воспринимать их спокойно. Стоит только взгляд бросить на их корявые, страшные, но при этом нелепые фигуры, ощутить на себе их совершенно нечеловеческий, наполненный дикой злобой и лютым голодом взгляд... Блин, поджилки трястись помимо воли начинают, как у сопливого деревенского детсадовца в «Комнате страха» заезжего луна-парка. Главное — не потерять голову, не поддаться своему страху, и тогда шанс у тебя есть. Как сказал кто-то из умных людей прошлого, чуть ли не Уинстон Черчилль: «Герой не намного храбрее труса, но он храбрее на пять минут дольше». Ну, может, и не совсем так, но как-то очень близко по смыслу. И очень правильно сказал, между прочим. Не верьте сказкам о бесстрашных суперменах. Вообще ничего не бояться только клинические идиоты. И слово «идиот» в данном случае не попытка оскорбления, а медицинский диагноз.

Порадоваться тому, что смогли отбиться, мы не успели — зомби, словно проснувшись, полезли на нас со всех сторон, из всех темных закоулков торгового зала. А уж закоулков таких в этом лишенном окон помещении, оказалось, пожалуй, даже слишком много. Растерянных и подавленных гибелью товарищей взвзшиков пришлось отогнать к самым входным дверям, чтоб под ногами не мешались, а самим — стоять между ними и оголодавшей живой мертвечиной нерушимой стеной. Что-то последнее время частенько нам подобная задача достается, как-то оно уже слегка поднадоело. Беда в том, что кроме нас с подобным тут справляться пока просто некому. В Москве были волкодавы Гаркуши и, пусть и в «темпе вальса», но на совесть натасканным нами таманцы. А в Пересвете и Посаде все опять с нуля начинать придется.

Одно хорошо: мертвецов в супермаркете оказалось не так уж много — еще десятка три. И всем оставшимся по скорости и ловкости до первых десяти было очень и очень далеко. Не совсем «манекены», конечно, но... В общем — справились.

Когда все было кончено, и последний зомби кучей воняющего разложением и ацетоном тухлого мяса рухнул на пол, я вернулся к мясному отделу. Захотел еще раз не тех излишне шустрых «отожранцев» глянуть. Что-то мне в них изначально очень сильно не понравилось. Слишком уж быстрые даже для хорошо тренированного человека, почти такие же быстрые, как похожий одновременно на собаку и крысу, мутант, которому я свернул шею в Москве. Но эти — определенно были раньше людьми, так же, как и алкаш на Ленинском проспекте. Только тот был все же чуть медленнее, зато скал как кузнечик и клыки имел едва ли не как у ротвейлера. У этих же, насколько мне видно, зубы обычные, человеческие. Чего не скажешь о скорости передвижения, да и прыгали они, тоже, вполне прилично. До Бубки, может, и не дотягивали, но и уровень среднестатистического, последний раз прыжками занимавшегося еще на школьных уроках физкультуры, гражданина, перекрывали многократно. Твою дивизию! Это как же это они так умудряются в разные стороны развиваться, а? Сначала бывший доходной пьянчуга с «улыбкой» бойцового пса, почти без усилий сваливший на землю и чуть не загрызший меня, превосходящего его и по габаритам, и по весу раза в два, потом парочка «халков» на минюстовском «блоке», потом крысо-пес в офисном центре... А теперь еще и эти... Ох, чувствую, на этом сюрпризы не закончатся. Еще хлебнем мы с этими тварями горя.

Особенно обидно было то, что потеряв четырех человек и изведя уйму патронов, мы выгребли с полок супермаркета только кучу банок всякой консервированной чепухи, вроде

зеленого горошка, фасоли, кукурузы и прочих маслин-оливок. Ладно, приуменьшил слегка, взяли еще разных маринованных огурцов, помидор и черемши в стеклянных банках и рыбных консервов немного, но там совсем чуть-чуть оставалось, шпроты в основном. Ни сайры, ни сардинелы, ни лосося, ни даже кильки в томате. Эти полки, равно как и те, на которых тушенка и консервированные каши стояли, кто-то задолго до нас основательно «подмел». Все содержимое мясного отдела, все эти копченые колбасы, сосиски в вакуумной упаковке и прочее, после устроенной там десятком «отожранцев» недельной «милой пирушки» были в таком виде и состоянии, что сам я это есть не согласился бы и после самой серьезной стерилизации, причем, даже под дулом пулемета. Я себе не враг. Стеллажи с крупами и макаронами, видимо, еще в самом начале, когда зомби гоняли по магазину пока еще живых продавцов и покупателей, кто-то умудрился опрокинуть. И по рассыпавшимся с полок пакетам, коробкам и упаковкам потом, судя по всему, долго бегали, а позже, когда бегать стало уже некому, шаркали ногами. Брать что-то из молочного отдела мы тоже не рискнули. Не зря среди пищевых отравлений «тройка лидеров» по опасности для жизни — это грибы, рыба и молочные продукты. В кондитерском еще нагребли разных сушек, печенья и пряников, шоколадной пасты и конфет... Но это разве еда? В общем — полный провал операции.

— Слушай, кэп, — поймал я за рукав командовавшего вэвэшниками капитана, — а чья это вообще была «гениальная» мысль, в супермаркет за продуктами лезть?

— Так, это...

Ему явно хочется прыгнуть с неприятной темы, по выражению лица вижу, но я такой возможности давать не собираюсь и пристально смотрю в его глаза, всем видом давая понять, что ответ мне нужен прямо сейчас.

— Ну, мы подумали...

— Понятно, вы подумали, что раз супермаркет, то значит и вся жратва там... Угу... А про то, что у этого супермаркета даже подсобки нет, вы подумали? О том, что это ни разу не «Мега» и не «Икс-Эль» какой-нибудь, что возле Кольцевой стоят? О том, какого рожна к нему каждое утро перед открытием такая вереница грузовиков подкатывает? Не отвечай, я и так вижу и о чем, и чем вы думали. Стратеги, вашу мать! Ну, и скажи мне, ради чего мы четырех пацанов тут угробили? За маслины и кукурузу? За пряники? Нет, ребята, я так воевать и сам не буду, и вам не дам! Только людей без толку положим!

Отмахнувшись от пытающегося что-то возразить капитана, резко разворачиваюсь и иду к выходу, возле которого уже держат периметр, прикрывая погрузку добытых продуктов прямо с высокого крыльца в грузовики, наши.

— Ты чего там на него нагавкал? — притормаживает меня Антон.

— Да ничего, — пытаюсь унять вспыхнувшее раздражение я. — Поинтересовался, кто вообще этот цирк на паровой тяге затеял. И «тонко намекнул», что если они за каждые десять ящиков маринованной черемши собираются по четыре бойца в «двухсотые» переводить, то я в таком участвовать и сам не собираюсь, и другим не позволю!

— Ну, с тем, что тут у нас все через пятую точку прошло — согласен, — хмуро хмыкает Тисов. — Но делать-то что? Один черт продукты нужны. И один черт нам их где-нито доставать придется.

— Вот и нужно доставать там, где эти продукты есть! — прорывает меня. — На оптовых базах, на крупных железнодорожных станциях, на армейских складах, на базах Росрезерва, на таможенных терминалах, на рынках, в конце концов! Но никак не по магазинам шариться! У нас, блин, больше десяти тысяч народа скоро с голоду пухнуть начнут, если мы лоханемся, а мы тут чуть ли не сельпо подламываем! На кой?! Нам что, людей не жалко? Я уж про время, патроны и горючее помалкиваю скромно.

— Ну, так чтоб по закромам Родины толково шарить, нужно для начала выяснить, где эти самые закрома...

— А я о чем, Антон? Ты же военный человек! Вот и ответь мне, что можно сказать о командире, который без разведки и нормального обеспечения, наобум своих людей в бой

гонит? А?

Антон озадаченно кряхтит и выразительно разводит руками, мол, а то ты сам не знаешь, что про такого долбака сказать можно и нужно.

— Вот-вот, — киваю я. — А теперь расскажи, чем мы здесь сейчас занимаемся, если не лезем непонятно куда без предварительной разведки и подготовки?

Ответить Тисову явно нечего. Он снова разводит руками, на этот раз как-то беспомощно.

— Словом, товарищ лейтенант, думаю, нужно грузить то, что тут добыли и валить отсюда к едрене маме, не выйдет из этой затеи ничего хорошего. И жратвы особо не добудем, и людей, не дай боже, еще потеряем.

г. Пересвет, база Подмосковного ОМОН — окрестности г. Пересвет, войсковая часть 68010 — г. Пересвет, войсковая часть 3422, 28 марта, среда, день

Как ни странно, по башке от Бати за свои инициативы в «Воздвиженском» я так и не огреб, хотя готовился к этому всю обратную дорогу. Встретил он нас, конечно, неласково, видно капитан-взвэшник по дороге своим по рации наябедничал, а уж те Львову передали, но сначала все же выслушал. И, к моему и Антонову удивлению, с выводами моими согласился.

— Все верно, не стоят эти несчастные огурцы таких жертв, — согласно мотнул он головой. — И по поводу складов и прочих рынков — тоже согласен. Кстати, вот ты, Грошев, проверкой всякого такого и займешься. Слыхал добрую армейскую поговорку, про инициативу, которая сношает инициатора? Вот, считай, сам и напросился.

— Есть, тащ полковник! — привстаю со стула я. — С чего начинать? Какие-то задачи будут, или я в свободном поиске?

— Думаю, и до свободного поиска дело дойдет со временем, но сначала есть несколько мест, которые нужно прямо сейчас проверить и на которые небольшие наколки уже имеются. Выделим тебе машину... УАЗа, думаю, под твои нужды вполне хватит.

— Лучше бы «Тигр»...

Ну, да, меня этому еще в далекой юности в армии научили — всегда проси непомерно много, тогда, глядишь, если повезет, то выделят именно столько, сколько на самом деле нужно.

— А БТР не дать? — могучий Батин загрибок аж побагровел от возмущения. — Не наглей, Грошев!

— Тащ полковник, да куда я по нынешним временам на УАЗе? — заканючил я. — Если только движущуюся мишень для всех желающих пострелять по ментам бандитов изображать.

Львов ненадолго задумался.

— Ладно, бронированный УАЗ получишь, из тех, что вы с Пожарской пригнали. Они, как раз, без опознавательных знаков и надписей, обычные, если не приглядываться, светло-серые «козлы». Таких вокруг полно. И трех бойцов выделим, двух стрелков и водителя...

— Тащ полковник, а разрешите, вместо водителя — третьего стрелка? За руль я и сам сяду.

— Ну, или так, — согласился командир. — Кого возьмешь?

— Бурова, Солоху и, — я чешу в затылке, — Гумарова, пожалуй.

— Погоди, так Гумаров же пулеметчик?

— Так и я о том же. Если совсем припрет — может очень со своим «Печенегом» пригодиться. А в остальное время — или с «Кедром» повоюет, или с «девяткой». Она, кстати, тоже совсем не лишней может оказаться.

— Хм, — Батя снова погрузился в размышления. — Ладно, не лишено смысла. Значит, полчаса тебе на все про все и выдвигайся. Первой точкой для досмотра тебе будет

«Таблетка».

— «Таблетка»? — от удивления я снова брякнулся на стул. — А чего нам там делать то?

Вот бывают же в жизни чудеса, а! Сколько лет мимо ворот этой самой «Таблетки» на службу катался, а теперь выясняется, что ни черта толком про нее и не знал. Нет, еще бог знает когда мне «по большому секрету» рассказали, что когда-то тут, в густой лесопосадке за бетонным забором в километре от окраин Пересвета, базировались ракетные установки С-25 «Беркут», второе кольцо ПВО вокруг Москвы. Да только их, то ли за ненадобностью, из-за того, что устарели, то ли по какому-то договору с заокеанскими «заклятыми друзьями», еще в начале девяностых на иголки попилили. Причем, если мне память не изменяет, лет все же немало прошло, я тогда еще в школе учился, с серьезной помпой и шумихой вокруг этого события. А теперь оказывается, что помимо этих самых «Беркутов» тут еще и центральная база ракетного вооружения и боеприпасов ВВС располагается. Которую, в отличие от ракет, никто не трогал и даже не собирался. Мало того, кроме оружия и боеприпасов тут еще и часть запасов Росрезерва хранится. И знали об этом только те, кому по службе и форме допуска подобную информацию знать положено. А для остальных, как и для меня, например, «Таблетка» все эти годы была просто какой-то непонятной маленькой армейской «точкой», непонятно к каким войскам приписанной и непонятно чем занимающейся. А тут вот оно что! То-то я понять не мог никак, почему эта малюсенькая вз-чэ⁹⁴ так стойко все тяготы и невзгоды последних лет перенесла! С такой-то «начинкой» — странно, если бы оно было иначе.

— Стой, стрелять буду!

Смысл фразы, конечно, суровый, но вот голос, которым она была выкрикнута, эти истерично-жалобные интонации... В общем, что-то я сильно сомневаюсь, что кричащий рискнет не то что на спусковой крючок нажать, а хотя бы прицелиться в нашу сторону. Хотя...

— Я вот сейчас на эту вышку залезу, да как одному «стрельцу неприкаянному» дам по шее, чтоб дурных мыслей в пустой голове поубавилось! Ты, воин, совсем с ума спрыгнул, в живых людей автоматом тыкать собрался?! Да еще и в старших по званию! Охренела твоя голова?! На «губу» сильно захотелось? Так я устрою! Деньков этак на десять!

Судя по тому, что я разглядел, нервишки у сидящего на караульной вышке пацана сейчас вообще ни к черту. Как там у классика: «Я человек, измученный «Нарзаном»»? Вот и этот такой же, только с минералкой тут напряжно. В общем, нужно его из этого истерического состояния в реальность возвращать, пока он дел не натворил. А что может лучше «салаге» мозги вправить, чем грозный начальственный окрик и обещание всех возможных кар небесных, в виде нескольких суток гауптвахты?

— Не имеете права, — донеслось с вышки, — на десять суток по Уставу только командир части может. А вы — вообще не из наших.

Ну, слава богу, похоже, оклемался наш часовой. Мозги в конструктивном направлении заработали.

— Ага, — согласился я, — точно, не могу. Это ты верно сообразил. Так мы подъедем?

— Осторожнее только, эти три — они не последние. Остальные убрили куда-то, но могут вернуться.

Спасибо за подсказку, а то мы сами не знаем. Хотя, странно это. Обычно зомби от вероятной трапезы уходят, только если опасность чувят, да и то не всякие. «Манекены» так и будут на месте топтаться, пока им «маслина» в их гнилую голову не прилетит. А тут, выходит, ушли. Правда — не все. Четверых мы уgomонили, едва за ворота части въехали, еще двое тут, под вышкой караулили.

— Кстати, воин, а чего ты их сам не пострелял, дистанция-то — никакая?

⁹⁴ Вз-че (в/ч) — войсковая часть.

— Так патронов нет, — глухо буркает он. — Нам их на пост и не выдавали никогда.

М-да, блин, узнаю родную российскую армию. Автомат и подсумок с магазинами вручили, на пост поставили, а вот патронов, чтоб от коварного империалистического хищника этот самый пост защитить — не выдали. На всякий случай. А то ведь, если у солдата патроны будут, так он и пальнуть в кого-нибудь может, ну, чисто гипотетически. А нет у него патронов — так и волноваться не о чем.

— Кстати, много их, остальных-то, боец?

— А фиг его знает, — рапортует в ответ солдат с вышки, — я не меньше десятка видел, но это тех, что возле меня крутились, а что в штабе и в караулке — не знаю.

Вообще-то «Таблетка» — часть на самом деле маленькая, думаю, не больше полусотни человек всего, и офицеров, и «срочников». Очень надеюсь, что не все они сейчас голодной нежизнью бродят по округе. Все-таки полсотни зомби на нас четверых (солдатика на вышке я даже в расчет брать не буду, он и тех мертвецов, что прямо возле его поста отирались, уделать не смог) — это слегка перебор. Но, делать нечего, поставленную задачу нужно выполнять, а задача у нас предельно простая: добраться до места, оценить обстановку, найти здешнего старшего и наладить с ним предварительное взаимодействие. О вопросах «вельтполитик» уже позже на уровне Бати договариваться будут, а нам пока — так, вежливо поздороваться и демонстрировать открытость и доброжелательность. Как Машков в роли Кирюхи Мазура в фильме «Охота на пиранью» сказал: «Тут главное — личное обаяние, а у меня этого добра знаешь сколько!» Вот так и мы. Только, прежде чем какому-нибудь здешнему подполковнику улыбаться в тридцать два зуба, нужно для начала, санацию территории произвести. Чем мы и занялись.

Сначала я просто подогнал УАЗ вплотную к вышке, с которой мы, наконец, сняли здорово отощавшего воина в звании младшего сержанта, который, оказывается, почти трое суток там просидел, не слезая, и долго давил на клаксон. На его завывания минут за десять подбредли еще пяток мертвецов. Все в камуфляже с офицерскими погонами, и все с почти одинаковыми пулевыми ранениями в груди. Вот это уже интересно! Я, конечно, не ахти какой судмедэксперт, но кое-что в этом вопросе понимаю. По крайней мере на то, чтобы понять, что стреляли в этих зомби еще когда они были живы, и именно от этих ран они и умерли, даже моих скромных познаний в вопросе хватило. Как догадался? Ну, начать хотя бы с того, что у мертвецов кровь не циркулирует и из раны вытекает ее совсем немного, да и то, если покойник свежий. А если кровь уже успела свернуться, то вообще не течет. А у этих бушлаты кровью пропитались вполне основательно. Это кто же, интересно, и с какого перепугу тут по живым людям палил?

При осмотре штабного корпуса мы получили ответы сразу на два вопроса. Выяснили, куда же именно утопали от вышки остальные мертвецы и кто именно стрелял по военным. Похоже, последние зомби на территории «Таблетки», а было их еще полтора десятка, сгрудились возле распахнутого настежь окна в «дежурку». Они, думаю, и внутрь бы влезли с радостью, да только стальная решетка, закрывающая окно снаружи, им этого сделать не дала. Так и стояли они перед окном тесной кучей, пытаясь дотянуться до чего-то внутри просунутыми сквозь покрашенные белой краской прутья решетки руками. Ни одного «отожранца», одни «деревянные». Они даже на звук подъехавшего автомобиля не отреагировали и в нашу сторону удосужились повернуться только когда мы в четыре ствола их отстреливать начали. Перед тем как войти в здание штаба, я заглянул в окно, интересно же, чего там такого было, что половина зомби с территории тут собрались и даже на сидящую на вышке потенциальную еду внимания не обращали. Ох, елки-палки, а тут, похоже, весело было: стены комнаты были исписаны и изрисованы черным маркером. Тут тебе и кресты, и обрывки молитв и какие-то проклятия, словом, полный комплект. А на полу, в окружении нескольких пустых водочных бутылок и примерно двух десятков пластиковых колодок для пистолетных патронов лежит труп мужика с майорскими погонами на камуфляжной куртке и эмалевым значком «Дежурный по части» на груди. Затылка у покойного нет, вместо него — омерзительное на вид месиво из костей, запекшейся крови и

колтуна волос. В руке трупа намертво зажат пистолет Макарова. И стреляные гильзы, много гильз. Миленко так, ничего не скажешь. Сложно сказать, что именно тут произошло, но предположить можно: когда все началось, у здешнего дежурного капитально «потекла крыша», он заперся в «дежурке» и вскрыл оружейную комнату. А потом жрал прямо из горла водку (и откуда у них ее столько в дежурной части было, залет ведь страшнейший, если найдет кто), рисовал и писал всякую хрень на стенах и отстреливал сослуживцев, пытавшихся мимо него проскочить на улицу. Возможно, кто-то даже пытался выпрыгнуть в окна, другими причинами объяснить такое количество открытых фрамуг сложно, но позиция у майора была отличная. А когда кончилась водка, а застреленные коллеги восстали и встали перед окном, пытаясь добраться до своего убийцы, он вставил ствол пистолета себе в рот и еще раз нажал на спуск. Офигеть можно!

Штаб мы, разумеется, на всякий случай проверим, но есть у меня подозрение, что самый старший по званию военнослужащий «Таблетки» — это тот самый младший сержант, что сидит сейчас на заднем сидении нашего УАЗа и жадно рвет зубами ни в чем не повинные бутерброды колбасой, что настругала в дорогу Солохе заботливая супруга, запивая их сладким крепким чаем из моего термоса. Оголодал мальчишка, да и замерз, наверняка, как пес, тут ведь низина, сыро, и по ночам даже летом не очень-то жарко. Короче, есть у меня подозрение, что контакт с местными уже налажен и этот самый «местный» уже заранее согласен практически на все, что угодно, лишь бы его отсюда забрали.

Так я и доложил Львову по рации, спросив попутно, что же мне делать с найденным.

— Так, Грошев, хорош уже всех в Отряд тащить, — забубнил наушник голосом Бати. — Мы еще от автобуса твоего не оправились. Нет у нас больше мест. Так что, вези к «вэвэрам». Он — парень военный, к казарме привычный, так что там точно как дома будет.

Ладно, к «вэвэрам», так к «вэвэрам». Мне-то, собственно, не все равно? Тут недалеко, так что, прокачусь, только вот штабной корпус проверим. Не люблю я у себя за спиной возможные сюрпризы оставлять. Караулку и казарму «срочников» пускай уж следующая группа, что вывоз боеприпасов, оружия и продуктов обеспечивать придет, проверяет. Ну, а штаб, вроде как мы чистить начали. Нужно до конца дело довести, а уж потом ехать со спокойной совестью.

Штаб, как я и предполагал с самого начала, оказался пуст. Судя по всему, кому-то все же удалось убежать: окна нескольких кабинетов на втором этаже выводили на противоположную от «дежурки» сторону, а на блеклой, прошлогодней траве и слегка подсохшей уже грязи были отчетливо видны цепочки уходящих в сторону лесополосы следов. Ну, хоть этим повезло. На выходе — еще одно испытание: глядящий жалобными собачьими глазами Солоха. По роже вижу, этому страсть как охота в оружейную комнату здешней «дежурки» заглянуть.

— И как, Андрюха? Или у тебя в «мародерке» кроме «лючника» еще и «Ключ»⁹⁵ завалился?

Андрей сокрушенно мотает головой, а потом выступает с рационализаторским предложением.

— Борь, а может, какой-нибудь трос найдем, за бампер зацепим, решетку на окне обмотаем и выдерем?

— Некогда нам тросы искать, да и некуда барахло будет складывать, итак с перегрузом пойдем. Или ты предлагаешь пацана этого тут бросить?

Солоха отрицательно мотает головой, но лицо у него при этом — «Враги сожгли родную хату...». Все-таки удушаемый «жабой» хохол это зрелище — никакого цирка не нужно. В одном я могу быть уверен на все сто процентов, в самое ближайшее время Андрюха раздобудет несколько комплектов «Ключа». Купит, выменяет, украдет, но

⁹⁵ Изделие «Ключ» — спецсредство, состоящее на вооружении МВД. Небольшой накладной заряд пластита, предназначенный для разрушения дверных замков и иных запирающих устройств путем направленного взрыва.

достанет!

У взвэшников на базе какая-то непонятная, но очень нехорошо выглядящая со стороны буча. На плацу перед казармой, сразу за КПП — толпа солдат, сотни полторы, наверное. Как я понимаю, весь личный состав, что не дезертировал. На невысоком крылечке, словно на трибуне — несколько офицеров. Откровенной агрессии пока не видно, так что на бунт на каком-нибудь «Очакове» или «Потемкине» явно не тянет. Но физиономии у всех мрачные и решительные. Солдатики что-то выкрикивают, офицеры пытаются отвечать, но ни тех, ни других в общем гвалте почти не слышно. В смысле, голоса-то слышны, а вот что именно говорят — не разобрать. Выбравшись из УАЗа несколько минут просто стою молча и слушаю, пытаюсь понять, что же тут все-таки происходит. Ну, в принципе, вполне ожидаемая после всего случившегося утром ситуация. Если верить историкам, то февральская революция в семнадцатом с такой же ерунды началась: солдаты запасных полков очень на фронт, под пули, не хотели, вот и начали орать на улицах про «штык в землю» и «айда по домам». Тут, почти то же самое. Сегодняшние потери здорово взбудоражили солдат. Кто-то из них, видать, услышал мою гневную тираду в «Воздвиженском», что-то добавили от себя... В общем, сейчас тут что-то вроде бунта, только без пальбы. Общий настрой: «Все нафиг, мы на эти блудняки не подписывались, кому нужно, тот пускай сам себе жратву ищет, а нам и так нормально». И самое обидное, что во всем происходящем и моя вина имеется: меньше нужно было у них на виду в супермаркете языком лязгать. Так, нужно попробовать исправить ситуацию, пока не поздно. Сам заварил — самому и расхлебывать. Эх, была, не была!

Протолкавшись к крыльцу, на котором молча стоят офицеры части, поднимаюсь и разворачиваюсь лицом к солдатам. Вывозившие сегодня утром продукты с Привокзальной площади в Посаде меня явно узнали.

— Вот он... Это он... — просквозил шепоток по толпе.

Я обвел взглядом слегка притихшую камуфлированную толпу.

— Все правильно, пацаны! На кой ляд вам это вообще случилось? Каждый сам за себя! Закон джунглей, ёпта! Спасать кого-то, кормить, защищать... Да на кой пень оно вам нужно? И плевать, что там, — я махнул рукой куда-то в сторону Посады и Москвы, — беззащитные и безоружные штатские дохнут. Главное — что у нас тут тепло, хорошо и спокойно, да!

Бойчишки смотрят на меня с явным недоумением. Вот чего-чего, а подобных заходов они точно не ожидали.

— Все верно! Плевать на всех, главное — самим выжить. Какая, к черту, Присяга, какой к бениной маме долг перед Родиной? Вы ж, мля, молодые и свободные йаркие личности, никому ничего не должны, да?! Один вопрос: а дальше что? Вот прямо сейчас — выжили. А дальше? Через год, через два? Что, сидеть в промерзших бетонных коробках с заплесневевшими стенами и протекающей крышей, топиться «буржуйками», лопать печеную картоху и просроченные консервы а по ночам «гондурасить» по темным углам или друг дружку в задницы огуливать?! Чего притихли, не прав я что ли?! Кто тут из вас строитель? Электрик кто? Сантехник? Водопроводчик? Кто вам, мудакам, порвавшуюся одежду заштопает или что-то приличное пожрать сготовит? Кто машины, на которых вы сейчас катаетесь, починит? Кто, в конце концов, вам, дурням, через год-другой детей рожать будет, а?! Они все, электрики, сантехники, автомеханики, девчонки молодые, симпатичные, учителя, что ваших детей читать-писать когда-нибудь научат и в дикарей превратятся им не дадут — там!!! Они прямо сейчас, пока вы тут в революционных матросов играете и самих себя жалеете, умирают. Убивают их там и жрут!!! Тех самых девчонок, что вам могли бы женами стать — жрут!!! Каждую минуту их все меньше, а упырей, все больше! С каждой минутой все меньше шансов их найти и спасти! А вы тут скулите про то, как от вас много требуют! Да на хрен вы никому не сдались, такие красивые!!! Никому от вас ничего не нужно!!! Живите, как хотите, мля! Только сами для себя решите сначала, кто вы вообще по этой жизни, армия или банда?! Потому что если вы банда — то мне и говорить с вами больше не о чем, за меня вам все мой автомат скажет, если хоть что-то отмочить

попытайтесь. А не хотите рано или поздно с моим «калашом» пообщаться — скатертью по жопе, катитесь на все четыре стороны, никто вас не держит! А вот если все таки армия, то подотрите сопли, отыщите свои яйца, коль мужиками родились, и вспомните, какая у армии основная задача! Для особо одаренных напомним: долг и главная задача каждого солдата — защищать свою страну и свой народ! А вы, сука, на этот самый народ, похоже, положили с пробормом, защитнички, вашу мать! Стыдно мне на вас смотреть, мужики, стыдно!

Неужели получилось? Вот блин, с таманцами не вышло, а тут — получилось! Или я с «таманью» просто недостаточно постарался? В любом случае, этих я, похоже, если и не убедил до конца, то, как минимум, заставил крепко задуматься. Обведя еще раз замерших в гробовом молчании солдат, я махнул рукой, и начал было спускаться с крыльца вниз, собираясь вернуться к машине, но меня аккуратно придержал за плечо стоявший рядом молодой майор.

— Скажи, прапорщик, а ты сам-то веришь во все то, что только что сказал? Какая страна, о чем ты? Оглянись вокруг! От правительства со второго дня всего этого ни слуху, ни духу. Бросили нас...

Я останавливаюсь и, пристально глядя ему в глаза, отвечаю:

— Верю. Какая страна? Наша, мать твою! И причем тут правительство? Государство и Родина — это не всегда одно и то же. Кто тебя бросил? Президент? Министр внутренних дел? А что они для тебя сделать сейчас смогут такого, что ты сам для себя и без их помощи не сделаешь? Просто ты, товарищ майор, повторюсь, уж определись для самого себя, кто ты. И если решишь, что ты все еще майор, часть армии, то уясни, что для тех гражданских, которых ты сейчас защищаешь, ты — и есть государство. Не Президент, неизвестно где потерявшийся, и не куча депутатов-дармоедов, а ты майор!

И уже направляясь между расступающимися передо мной солдатами к УАЗу, я слышу за спиной его тихий и растерянный голос.

— Майор, майор... Да кому сейчас эти звезды и просветы вообще интересны? Все мы сейчас рядовые... Рядовые Апокалипсиса, блин...